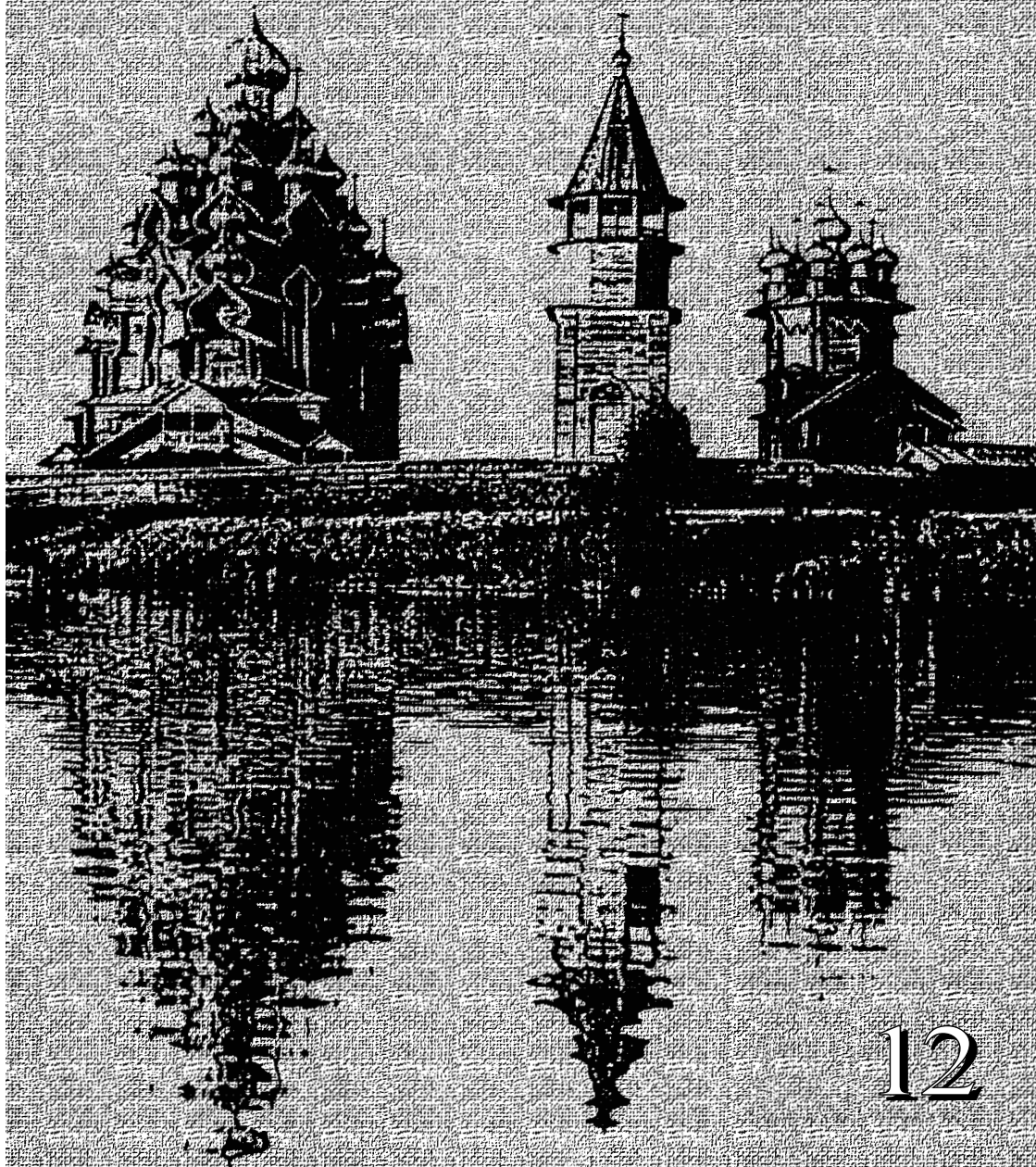

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК. Выпуск 12

12

Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижский“»

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

В ы п у с к 1 2

Петрозаводск
2009

УДК 502.8(470.22)
ББК 63.5(2)
К38

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижии»*

Научные редакторы:

кандидат исторических наук **И. В. Мельников**,
кандидат филологических наук **В. П. Кузнецова**

Рецензенты:

кандидаты исторических наук **К. К. Логинов**, **А. М. Жульников**

В очередном выпуске сборника «Кижский вестник» публикуются материалы и исследования, посвященные изучению традиционной культуры населения Карелии. Среди авторов – сотрудники музея-заповедника «Кижии», Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Карельского государственного педагогического университета, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Музея изобразительных искусств Республики Карелия, Калужского областного художественного музея. Представленные статьи относятся к разным областям научного знания: истории, этнографии, фольклористике, архитектуре, искусствоведению, археологии и антропологии. В разделе «Фольклористика» публикуются материалы научно-практического семинара «Методика полевых работ и архивное хранение фольклорно-этнографических материалов», который проводился совместно Институтом ЯЛИ КарНЦ РАН и музеем-заповедником «Кижии» в марте 2008 г.

ISBN 978-5-9274-0367-7

© Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижии», 2009

Б. А. Гущин

**ИЗ ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ ИНТЕРЬЕРА
КРЕСТЬЯНСКИХ ЖИЛИЩ В МУЗЕЕ «КИЖИ».
ИНТЕРЬЕР ДОМА БУТИНА ИЗ ДЕРЕВНИ ПЯЛОЗЕРО
ПУДОЖСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ¹**

*Посвящается светлой памяти
Алексея Тихоновича Беляева,
с которым мы начали эту работу,
и которого нам так не хватает
в музее «Кижии»*

В отечественной музейной практике музей «Кижии» является одним из пионеров создания интерьеров крестьянских жилищ. Первые интерьеры домов заонежских крестьян Ошевнева и Елизарова были созданы в конце 1950 – начале 1960-х гг. Затем были оформлены интерьеры домов карельского крестьянина Яковлева, крестьянина-ремесленника Щепина и интерьер избы периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в доме Сергина. Тематико-экспозиционные планы большинства экспозиций хранятся в научном архиве музея «Кижии».

По сравнению с обстановкой крестьянских домов в известных советских музеях под открытым небом («Малые Корелы», «Витославицы», музеи Прибалтики и Украины) в музее «Кижии» с момента его создания интерьеры оборудовались с включением максимально возможного количества предметов. Основной недостаток использования мелких этнографических предметов – невозможность применения достаточно эффективных мер по охране экспонатов. К тому же крепление мелких экспонатов

¹ Фотографии интерьеров дома Бутина неоднократно публиковались в изданиях музея-заповедника «Кижии». См., например: Кижии: времена года. Альбом. Петрозаводск, 2004; Кижии. Путеводитель по музею-заповеднику. Петрозаводск, 2007; Кижии. Альбом-путеводитель по музею-заповеднику. Петрозаводск, 2008 и др.

чаще всего выглядело малоэстетично и не исключало возможности их хищения. В связи с этим в течение последующих лет большинство мелких предметов было изъято из экспозиции.

При создании первых интерьеров, имея в фондах музея недостаточное количество экспонатов, четко привязанных к конкретным этническим зонам (включая и Заонежье), в интерьеры помещали отдельные предметы из других регионов, поэтому интерьер крестьянского жилища в музее «Кижы» в 1960–1970-х гг. представлял собой собирательный образ характерного крестьянского жилища с некоторой долей этнографической условности.

При создании интерьера дома Бутина в 1988 г. было решено сделать эту условность минимальной. Автором тематико-экспозиционного плана стал старший научный сотрудник музея-заповедника «Кижы» Б. А. Гушин.

Обзор источников

К началу 1990-х гг. в музее «Кижы» сложилась основа Пудожского архитектурно-этнографического сектора, в который вошли следующие объекты, положившие начало комплектованию крестьянских усадеб.

1. Усадьба крестьянина Бутина, состоявшая из дома Бутина из д. Пялозеро, амбара Белошеева из д. Пялозеро, макета бани из д. Бутылгино Плесецкого района Архангельской области.

2. Усадьба крестьянина-середняка Поташева, включавшая дом Поташева из д. Пяльма и амбар Пахомовой из д. Остров-Заречье.

3. Усадьба крестьянина-середняка Беляева, куда входили дом Беляева из д. Кубовская и амбар Гришиной из д. Кубово.

С 1977 г. сотрудниками музея «Кижы» и Карельской специализированной научной реставрационно-производственной мастерской была начата работа над созданием тематико-экспозиционного плана (ТЭПа) сектора.

Научными сотрудниками музея «Кижы» были написаны следующие разделы пояснительной записки (научной справки) к ТЭПу Пудожского сектора²:

1. Краткий историко-экономический очерк Пудожского края с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции (Б. А. Гушин).

2. Особенности планировки пудожских деревень (С. В. Воробьева).

3. Хозяйство и быт пудожских крестьян (А. Т. Беляев).

4. Декоративные особенности крестьянских домов Пудожского района (О. А. Набокова).

5. Обзор пудожской коллекции народного традиционного искусства конца XIX – начала XX в. (Л. В. Трифонова).

² Данная справка сохранилась частично в научном архиве музея-заповедника «Кижы» (далее – НА МЗК). См. № 1015, 1028, 1315, 1317.

6. Обряды и верования Пудожского края (Г. Ю. Бурканов).

7. Духовная культура Пудожского края. История церкви и иконописания (М. А. Витухновская).

Данные разделы носили в основном реферативный характер.

Сотрудниками Карельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (далее – КСНРПМ) Т. И. Вахрамеевой и Г. А. Кутьковой в 1977 г. была выполнена пояснительная записка к Пудожскому сектору, где дана подробная характеристика объектов и обоснование их привязки в секторе³.

Тематико-экспозиционный план сектора составлен в 1982 г. заведующим научно-экспозиционным отделом музея «Кижи» Б. А. Гуциным⁴.

В 1982 г. архитектором КСНРПМ Т. И. Вахрамеевой был представлен отчет о реставрации дома Бутина⁵. Ею же в 1985 г. было сделано детализованное «Историко-архитектурное обоснование экспозиции Пудожского сектора» с обширной библиографией, необходимыми графическими и картографическими материалами⁶.

Все перечисленные материалы содержат достаточно полные библиографические списки, поэтому при работе над тематико-экспозиционным планом интерьера дома Бутина автор счел возможным привлечь в качестве источников почти исключительно рукописные материалы сотрудников музея «Кижи» и КСНРПМ.

Из всех работ сотрудников музея по данной теме наибольшую ценность представляют работы старшего научного сотрудника А. Т. Беляева, во многом основанные на полевом материале экспедиций музея «Кижи», руководителем которых он был неоднократно (раздел научной справки «Хозяйство и быт пудожских крестьян конца XIX – начала XX в.», отчеты об экспедициях 1971, 1972, 1976 гг.⁷). В отчетах А. Т. Беляева содержатся конкретные предложения по созданию интерьера дома Беляева из д. Кубовская с полным набором планируемой экспонатуры (в частности, эскизный план интерьеров дома, вошедший в главу «Хозяйство и быт пудожских крестьян»).

Из печатных источников при работе над интерьером в основном использована статья М. А. Ильина «Крестьянская изба Кенозерья»⁸. Данная статья представляет особый интерес, так как в ней рассматривается

³ НА МЗК. № 525 (Вахрамеева Т. И. Пудожский сектор. Пояснительная записка. 1977).

⁴ ТЭП не сохранился.

⁵ НА МЗК. № 390.

⁶ Там же. № 2215 (Вахрамеева Т. И. Историко-архитектурное обоснование экспозиции Пудожского сектора. Петрозаводск, 1985. Рукопись).

⁷ Там же. № 1304, 2218, 2219.

⁸ Ильин М. А. Крестьянская изба Кенозерья // Сборник РАНИОН. Тр. секции археологии. М., 1929. Т. 4.

архитектура (включая интерьер) почти аналогичного крестьянского дома сопредельного восточной части Пудожского района Кенозерья (в настоящее время – Майлахтинский сельсовет Плесецкого района Архангельской области). Работа М. А. Ильина, если не единственная из опубликованных, то наиболее полная, включающая в себя сведения об интерьере крестьянской избы с прилубом (см. ниже), что характерно и для дома Бутина, тяготеющего по своей архитектуре к избам Кенозерья. Общая характеристика подобных домов с интерьерами содержится в работах П. Пятунина и Р. М. Габе⁹. Детали обстановки интерьера уточнены в беседах с жителями с. Колодозеро в апреле – июне 1988 г.

Общая характеристика дома

Со слов Д. И. Бутина, дом был построен в д. Пялозеро в 1839 г. Сам Дмитрий Иванович Бутин (1880–1970) был хозяином дома в 1920–1960-х гг. До 1920-х гг. сведения о владельцах дома отсутствуют.

В 1920-е гг. семья Д. И. Бутина состояла из восьми человек: сам Д. И. Бутин с супругой, двое его сыновей с невестками, имеющих по одному ребенку. Подобные большие патриархальные семьи, характерные для пудожской деревни начала XIX в., начали распадаться уже во второй половине XIX в. «Еще недавно преобладающим типом семьи была так называемая большая семья – теперь большие семьи даже в более глубоких уголках уезда встречаются лишь редкими оазисами среди распадающихся все больше и больше семей»¹⁰. Семья считалась бедняцкой. В хозяйстве были корова и лошадь. Имели дровни и вторые сани. Семья занималась лесным промыслом¹¹.

Дом Бутина относится к «двойным» (так называемым двухконечным) домам с расположенными параллельно трехчастной жилой частью (изба – сени – изба) и двухэтажным хозяйственным двором.

«В Пудожском районе подобные дома обладали довольно определенной локализацией. Аналогичные дома встречались на юго-западе района (Каршевский сельсовет) и на востоке (Колодозерский сельсовет). Кроме того, „двойные дома“ имели место на северо-западе Каргопольского района, на территории, входившей прежде в Пудожский уезд Олонецкой губернии и прилегающей к современному Колодозерскому сельсовету Пудожского района.

⁹ Пятунин П. Каргопольщина в прошлом и настоящем. Каргополь, 1924; Габе Р. М. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. М., 1955. № 5.

¹⁰ Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 2.

¹¹ Запись беседы с И. К. Богдановой (см. приложение).

Подобные типы усадеб отмечаются также у средних вепсов на востоке Ленинградской области и у финнов, проживающих на западе Ленинградской области.

В таких усадьбах с параллельной связью срубы жилья и двора соединены через тамбур и перекрываются самостоятельными двускатными крышами с параллельными шеломами и обычно одним общим желобом-водосточником. Эти усадьбы формировались на основе трехчастного жилья, при этом жилье и двор могли развиваться длительное время самостоятельно, не будучи объединены в единую систему. Присущая этому типу домов конструктивная усложненность, ведущая к ускоренному загниванию элементов крыши и части стен, а также сравнительно большая материалоемкость и, следовательно, дороговизна привели к постепенному уменьшению числа таких усадеб или же к их перестройке с упрощением форм»¹².

К моменту перевозки дома в музей в 1978 г. он сохранился в составе избы (1839 г.) на высоком подклете, с высоким одномаршевым крыльцом.

По состоянию дома реставраторы определили следующие этапы строительства.

Первоначально, примерно в 1840 г., была срублена изба-четырёх-стенка, представлявшая собой единую клеть с русской печью, топившейся по-черному. Печь располагалась почти посредине стены, без примыкания к углу, устьем на лицевую сторону. Простой перегородкой отделялось узкое пространство прилуба с одним волоковым(?) окном между боковой стеной и печью. Волоковые окна были на фасадах. В избе были лавки и воронцы. Изба имела значительную высоту (в связи с топкой печи по-черному) и потолок, набранный из плах. В конце XIX в. в восточной части Пудожского района большинство изб были курными. «Из нескольких десятков деревень, может быть, только в некоторых найдется по одной горенке с русской печью; печников для кладки русской печи жители должны приглашать с Кенозера»¹³.

Усадьба в тот период включала в себя несколько хозяйственных построек. Вероятно, что одной из них была «заднюха», небольшая зимняя изба, где летом обычно готовили пойло для скота, а в зимний период жили старики, члены семьи.

Второй строительный период датируется 1912 г. В это время и был создан дом-комплекс в рамках традиционной двухрядной связи, но с небольшими отступлениями, обусловленными рядом причин. Дом

¹² НА МЗК. № 2215. Л. 11–12 (Вахрамеева Т. И. Историко-архитектурное обоснование экспозиции Пудожского сектора).

¹³ Поляков И. С. Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губернии. СПб., 1873. С. 484.

перестроил по заказу хозяина мастер Данила Ошев из кенозерской деревни Ожегово (ныне входит в Архангельскую область)¹⁴.

Дом был приведен к типу домов-комплексов с двухрядной открытой связью – «двойной дом», когда срубы жилья и двора-сарая ставятся параллельно под самостоятельными двускатными крышами. Тогда же к избе по традиционной схеме была приставлена перевезенная из соседней деревни горница, сруб которой сложен из более мелких бревен, уже и ниже сруба основной избы. Это повлекло за собой необходимость нарастить сруб по высоте и расширить ее фронтоны, чтобы подвести оба помещения под одну равноскатную крышу. Тогда же, в 1912 г., были выполнены резные детали дома. По предположению А. Т. Беляева, резное убранство дома Бутина выполнено мастером Александром Герасимовичем Щербаковым. Предположение основано на аналогичном убранстве дома Олюшкина из соседней деревни Пелусозеро и надписи на подшивке балкона этого дома: «1912. Сей дом Ивана Сидоровича Олюшкина. Мастер Александр Герасимович Щербаков»¹⁵. В перестройке дома в 1912 г., по словам местных жителей, принимал участие мастер Чухонкин (имя и отчество неизвестны) из с. Колодозеро. Им же был сделан расписной шкаф-перегородка, который не сохранился¹⁶.

В данном случае формирование дома-комплекса проходило на основании уже существующей избы.

Тогда же старая изба была частично перебрана, стены изнутри очищены от копоти, понижен потолок, выполнен второй подвесной потолок из досок «в закрой», вырублены по двум стенам все шесть окон, черная печь была заменена белой.

Перегородка была передвинута на середину избы, причем так, что печь с устьем оказалась полностью в прилуже, т. е. во второй половине избы. Перегородка, очевидно, была выполнена в это время шкафная, односторонняя. Вероятно, тогда же были сняты воронцы¹⁷. Таким образом, на примере дома Бутина прослеживается эволюция крестьянской избы от курной с волоковыми окнами к избе с русской печью и косячатыми окнами.

¹⁴ НА МЗК. № 1304. С. 3 (*Беляев А. Т.* Пудожская деревня в экспозиции музея «Кижь». Рукопись. Петрозаводск, 1976).

¹⁵ Научная библиотека музея-заповедника «Кижь». НРФ-116. Л. 11–12 (*Беляев А. Т.* Мы едем в Пудож. Сообщение о второй и третьей экспедиции в Пудожский район. Рукопись. Петрозаводск, 1972).

¹⁶ НА МЗК. № 1051. С. 4 (*Беляев А. Т.* Хозяйство и быт пудожских крестьян. Рукопись. Петрозаводск, 1980).

¹⁷ Строительные периоды подробно описаны Т. И. Вахрамеевой в отчете о реставрации дома Бутина (НА МЗК. № 390), а также в статье: *Вахрамеева Т. И.* Опыт создания Пудожского сектора (Восточное Обонежье) в музее-заповеднике «Кижь» // Архитектурное наследство и реставрация. М., 1986.

Осуществленный проект реставрации дома компромиссен, так как к подлинной сохранившейся части памятника (изба на подклете) была добавлена вторая изба (горница) и двор-сарай, полностью реконструированные. Изба восстановлена на второй строительный период (1912 г.), хотя в ней присутствуют отдельные элементы и первого строительного периода.

В настоящее время после реставрации дом Бутина представляет собой дом-комплекс с открытой двухрядной связью.

Жилая часть дома состоит из двух изб, разделенных сенями. Стены рублены «в обло» с двойной припазовкой в углах («вразнопаз»), в результате чего идет чередование круглого бревна и бревна с верхним и нижним пазами.

Подклет избы разделен рубленой стеной, без выводов торцов наружу, на две части. Одна часть подклета, большая по размерам, играла роль кладовой-амбара, там же была вырыта картофельная яма. Вход в амбар с улицы осуществлялся через трехкосящатую дверь на боковом фасаде. Вторая часть подклета имеет небольшое слуховое окно. Попасть туда можно только через люк в полу избы.

Окна – по четыре на главном и заднем фасадах и по два на одном из боковых. Ставни ложные филенчатые. Наличники ордерной композиции с высоким архитравом и горизонтальным навершием (тип, характерный для построек Восточного Обонежья)¹⁸, резные с ампириными мотивами: верх (аппликация) – двойные овалы, вписанные в круг; низ – профилированная с двумя полукругами доска с «капельками» по бокам.

Ажурная облицовка балкона состоит из двух рядов лирообразных элементов. Причелины украшены многоступенчатой нарезкой. Основной мотив орнамента – полотенца и концов причелин – косой крест.

Крыша выполнена по курицам и потокам.

Сбоку к избе и горнице параллельно им поставлен двухэтажный хоздвор, перекрытый отдельной крышей. Примыкающая к срубам жилья стена отсутствует. Ее несущие функции выполняют: в углах – перерубы-коротыши, а по всей длине – опорные столбы. Сруб сарая (второго этажа) над хлевами не является продолжением сруба последних, а, как и в других домах Пудожья и Заонежья, опирается на толстые массивные столбы. Хлева не связаны с основным срубом хозяйственной части. Они разделены на три автономных стойла.

На основании статистических данных, полученных Т. И. Вахрамеевой в результате обработки материалов комплексной экспедиции 1979–

¹⁸ Вахрамеева Т. И. Опыт создания Пудожского сектора (Восточное Обонежье) в музее-заповеднике «Кижы». С. 177.

1980 гг., можно утверждать, что четырехстенка с прирубом (правда, когда печь полностью находится в избе, а не в прирубке) довольно часто встречается в деревнях Колодозерского сельсовета. Было зафиксировано 22 дома, что составляет 25,9% от общего количества домов традиционной постройки¹⁹. Но полной аналогии расположению шкафа-перегородки, отделяющего печь с устьем в прирубке, экспедицией в Колодозерском сельсовете не обнаружено²⁰.

Аналогичное дому Бутина расположение печи и шкафа-перегородки зафиксировано экспедицией ПетрГУ в Архангельской области в 1981 г. (руководитель – профессор В. П. Орфинский, зафиксировано Т. И. Вахрамеевой): дом С. С. Филиппова, начало XX в., в д. Тырышкино и один из домов в д. Семеново (в Семеново над шкафом имелся резной гребень). Обе деревни входили в Майлахтинский сельсовет Плесецкого района Архангельской области, расположены на западном берегу озера Кенозеро²¹.

В отчетах старшего научного сотрудника музея «Кижь» А. Т. Беляева об экспедиции в Пудожский район дома с подобным расположением печи и шкафа-перегородки относятся к типичным для Пудожского района²².

По словам информанта И. К. Богдановой, уроженки с. Колодозеро (1911 г. р.), избы, перегороденные шкафом-перегородкой на две части, так что печь с устьем полностью оказывалась в прирубке («перерубе»), встречались в Колодозерском сельсовете в прошлом довольно часто. Информант подчеркивала связь крестьянских домов Колодозерского сельсовета со строительной культурой Кенозерья. Еще в 1920-е гг. в д. Щаниково каргопольские плотники срубили дом с «гандареей» весь в деревянных кружевах. Она же высказала предположение, что и дом Бутина, возможно, рубили каргополы: «У нас таких мастеров не было».

На основании вышеизложенного можно утверждать, что дом Бутина из д. Пялозеро является одной из традиционных, достаточно широко бы-

¹⁹ НА МЗК. № 2215. Табл. 2 (Вахрамеева Т. И. Историко-архитектурное обоснование экспозиции Пудожского сектора).

²⁰ В материалах комплексной экспедиции 1979–1980 гг. при фиксации домов с прирубом методом кодирования точное расположение прируба в большинстве случаев не учитывалось. Автором во время командировки в Колодозеро с 10 по 14 июня 1988 г. удалось обнаружить только один дом с аналогичной планировкой – дом М. Е. Шпагина, построенный в 1920-е гг. в с. Колодозеро (Заозерье). Аналогичные дома с подобной планировкой вспоминали информанты И. К. Богданова, М. Е. Шпагин, А. А. Тряпицына, М. А. Мартынова, причем большинство из них уроженцы Кенозерья. См.: Научная библиотека музея-заповедника «Кижь». НРФ-1123 (Отчет о командировке в Колодозерский с/с Б. А. Гущина с 10 по 14 июня 1988 г.).

²¹ Материалы хранятся на кафедре архитектуры ПетрГУ. Полевая тетрадь Т. И. Вахрамеевой.

²² Научная библиотека музея-заповедника «Кижь». НРФ-116. Рис. 2 (Беляев А. Т. Мы едем в Пудож...).

товавших в восточной части Пудожского района и сопредельного Кенозера крестьянских жилых построек (в настоящее время сохранившихся в ограниченном количестве).

Все это позволило избрать дом для создания экспозиционного интерьера, типичного, в достаточной степени обобщенного, во многом условного, отражающего хозяйство и быт пудожских крестьян начала XX в., исходя из имеющихся в фондах музея экспонатов.

Ввиду того что в архитектуре дома сохранены следы всех реконструктивных периодов и дом восстановлен на период 1920–1930-х гг. (с известной долей условности), а также из-за полного отсутствия письменных источников, детально отражающих интерьер подобной избы XIX – начала XX в., интерьер избы был восстановлен на 1920-е – начало 1930-х гг. на основании рассказов информантов, включенных в экспедиционные отчеты А. Т. Беляева, а также сведений, полученных Б. А. Гуциным в апреле – июне 1988 г. Вряд ли это является нарушением исторической правды, так как после Великой Октябрьской социалистической революции в период до коллективизации интерьер традиционного крестьянского жилища почти не изменился.

Особенности планировочной структуры и интерьера пудожского крестьянского жилища²³

Основные отличия крестьянской избы восточной части Пудожского района начала XX в. от крестьянских изб остальной части Карелии следующие:

1. В плане изба представляет собой поперечно вытянутый прямоугольник, что обусловило наличие четырех окон по главному фасаду.

2. Изба разделена русской печью и шкафом-перегородкой на две самостоятельные части, что объясняет наличие двух красных углов, а также отсутствие полиц-надлавошниц и воронцов.

3. Русская печь поставлена так, что между ней и стеной «печного угла» имеется пространство (прилуб), используемое для хозяйственных нужд.

4. Отсутствие рундука у русской печи с выходом в подклет, так как вход в него – с улицы или через лок в запечке.

5. Постановка обеденного стола в красном углу избы.

6. Наличие полиц, на которые ставится парадная обувь, в прилубе.

7. Специфические ритуальные и бытовые предметы, особенно характерные для Пудожского района (треугольные киоты для икон, черная керамика, долбленные скобкари, широколопастные прялки, ступы для стирки белья и др.).

²³ Особенности пудожского интерьера даются главным образом на основании работы: Беляев А. Т. Хозяйство и быт пудожских крестьян.

8. Элементы прикладного искусства, отличного от других районов Карелии²⁴:

а) вышивка, наиболее типичными чертами которой являются такая техника, как шов «набором», часто встречающаяся полихромность, особая плотность множества композиций;

б) ткачество, тесно связанное с вологодским и каргопольским: многохромность и полихромность расцветки, фризový характер и особая плотность композиции;

в) «золотное шитье», тесно связанное с традициями художественной культуры Каргополя;

г) резьба и роспись по дереву. Расписные шкафы-перегородки, двери с растительным и зооморфным орнаментом, расписной «гребень» над шкафом-перегородкой;

д) копыльные прялки с широкой лопастью, причем часто встречающиеся прялки с «теремками» и сережками, напоминающие вологодские и каргопольские.

Архитектурно-планировочная характеристика избы

Изба в плане представляет собой вытянутый прямоугольник 6,3×8 м общей площадью 50 кв. м.

Потолок настил на балке (матице). Снизу обшит досками «в закрой».

Пол двойной – черной и чистой. Первый выполнен из плах, второй – из широких толстых досок.

Оконные рамы двойные – летние и зимние, шестистекольные.

Примерно посредине избы у задней стены стоит печь без рундука, что типично для пудожских домов, так как вход в подклет – чаще всего снаружи или, как в данном доме, – из «прилуба» через квадратный люк.

Избу на две части делит расписной шкаф-перегородка – это характерная особенность для изб Колодозерского с/с Пудожского района и сопредельного Кенозерья (Плесецкого района Архангельской области). К сожалению, подлинный шкаф-перегородка был утрачен. При восстановлении интерьера он воссоздан вновь, с повторением характера первоначального – с филёнчатыми расписными створками лишь на одной стороне, обращенной на юг. Вторая стенка, как и у старого шкафа-перегородки, – сплошная из гладкостроганных досок. Филёнки с росписью «букетами» найдены в соседней с Пялозером деревне Салозеро. Над шкафом-перегородкой резной расписной «гребень» из пересекающихся раскрашенных плоских полуокружностей, выполнен-

²⁴ Особенности народного искусства Пудожья даются по работе Л. В. Трифионовой «Обзор пудожской коллекции народного традиционного искусства конец XIX – начало XX в. из фондов музея „Киж“». Рукопись. 1980 (НА МЗК. № 1028).

ных в технике сквозной резьбы, что также характерно для изб данного региона.

Между шкафом-перегородкой и печью имеется расписная дверь, ведущая во вторую половину избы – «прилуб», где полностью находится русская печь с устьем, обращенным к главному фасаду.

Понятие «прилуб», по определению М. А. Ильина, включает в себя следующее: «Направо от фасада печи расположена дверь в так называемый „прилуб“, который отделен от избы стенкой из четырех бревен, вделанных в стены избы под потолком (в избе дома Бутина такая стенка отсутствует. – Б. Г.). Под ней, между печью и фасадной стеной избы, устроены „заборженные шкафы“, состоящие из пяти отделений. Эта стенка – „заборка“ с ее шкафами – завершает внутреннее пространство самой избы. „Прилуб“ не имеет на фасаде окна, получая его лишь в боковой стене (в избе дома Бутина два окна на фасаде, а не на боковой стене. – Б. Г.). В нем производится вся домашняя работа женщин, замешивание теста, просеивание муки, ее помол, устроен ручной жернов на полке «жерновице» – ввиду отсутствия мельниц в данном районе, а также находятся все хозяйственные домашние предметы, располагаясь на „прилубных“ лавках и шкафчиках.

Из „прилуба“ в подполье идет люк – „подпольница“, где хранится картофель.

„Прилуб“, по всей вероятности, видоизмененное слово „прируб“ (?), причем это помещение получило название совершенно незаслуженно, так как по существу оно никаким прирубом... не является. Можно предполагать, что это название появилось в связи с позднейшей строительной техникой»²⁵.

По мнению Р. М. Габе, «деление избы на комнаты и кухню высокими, доходящими до потолка перегородками появилось как подражание городу и как следствие потребности отвести для каждой стороны домашней жизни не только угол, но и отдельное помещение. На первых порах это осуществлялось путем разделения перегородками сложившегося целостного интерьера избы, что привело к тесноте отдельных комнат, случайно, не увязанному с объемом печи разделению помещения на части. Потребность в создании отдельных помещений или более изолированных частей общей площади удовлетворялась в крестьянской жилой архитектуре или путем устройства отдельных комнат (горница, сени) или путем изменения положения печи в избе...

Все же приходится отметить, что заимствованное из города деление избы на комнаты не нашло применения в широком масштабе (всероссийском. – Б. Г.), являясь на первых порах лишь искажением

²⁵ Ильин М. А. Крестьянская изба Кенозерья. С. 247.

первоначального плана. Но если мы всмотримся в планы старых изб Севера, «где в общей клети выделена просторная изба, маленьких размеров горница и „шомнуша“ (пространство между печью и боковой стеной. – *Б. Г.*) за печью, то мы обнаружим глубокую продуманность планировки и архитектурную увязку всего интерьера»²⁶.

Обстановка избы²⁷

В печатных источниках описание обстановки избы с прилубом встречается только в работе П. Пятунина. Описание дается в общих чертах и настолько кратко, что его практическое применение при воссоздании интерьера сомнительно. Тем не менее приводим его целиком:

«Внутренняя обстановка избы у всех одинакова. В курной избе посредине стоит печь, дым из печи идет прямо в избу, а потом в трубу, которая начинается отверстием в стене. Стены и потолок всегда черны от сажи. Прямо против дверей находится „большой угол“, где висит несколько закоптелых икон...

Тут же в большом углу находится главный стол, где пьют чай.

Направо от большого угла есть перегородка, соединяющая печку с противоположной стеной (очевидно, имеется в виду дощатая перегородка. – *Б. Г.*). У перегородки тоже есть стол, где семья обедает. Над этим столом находится „заблюдник“, целая система полочек, где помещаются чашки, блюда, ложки и другие столовые принадлежности. За перегородкой же помещается „прилуб“ или „прируб“: там „молельня“ старших членов семьи и там же хранится зимой молоко и другие хозяйственные припасы.

При самом входе в избу, вверху немного выше печки, находятся полати, где спят дети и задыхаются утром от нахлынувшего дыма. В левом углу от дверей „на примостках“ свалены в кучу постели, которые к ночи расстилаются на полу и примостках»²⁸.

Особенности данной избы в том, что она перегорожена шкафом-перегородкой на две части, причем печь с устьем оказывалась полностью в прилубе («прируб»).

²⁶ *Габе Р. М.* Интерьер крестьянского жилища. С. 95.

²⁷ Из-за отсутствия письменных источников обстановка избы дается главным образом на основании записи бесед с жительницей с. Колодозеро Пудожского района И. К. Богдановой (1911 г. р.) (см. приложение) и бесед с информантами из с. Колодозеро: А. А. Тряпицкой (1913 г. р.), А. Н. Герасимовым (1913 г. р.), М. А. Мартыновой (1911 г. р.), Н. А. Талановой (1909 г. р.), М. С. Бутиной (1929 г. р.), Е. И. Калининой (1913 г. р.), М. Е. Шпагиным (1910 г. р.), Н. А. Шпагиной (1922 г. р.). В описании интерьера использованы также материалы А. Т. Беляева «Хозяйство и быт пудожских крестьян», где дается более общая характеристика интерьера, чем в показаниях информантов. Данные источники почти не содержат противоречий и взаимно дополняют друг друга.

²⁸ *Пятунин П.* Каргопольщина в прошлом и настоящем. С. 32.

В этом случае изба делилась шкафом-перегородкой на «чистую избу» и прилуб.

При подобной планировке «чистая изба» была почти пустая, а все предметы, связанные с домашним хозяйством, сосредоточивались в прилубе.

В «чистой избе» производились следующие домашние работы: ткачество, прядение, кройка и шитье, вязание сетей, плетение лаптей и корзин, сапожные работы.

Когда отмечались праздники (в Пялозере храмовым праздником было Вознесение, 40-й день после Пасхи), в «чистой избе» собирались гости. Иногда праздники отмечали по 2–3 суток. Укладывались спать на пол на сенных матрасах и на лавки.

Печь повернута устьем в сторону главного фасада. В 1920–1930-е гг. сбоку от печи у входа был вмазан котел с отдельной топкой в виде плиты, где запаривали пойло скоту (мякина от ржи и овса). Котел был под крышкой. Рукомойник в то время находился над котлом и на крышке был медный таз вместо лохани.

Так как плита с котлом не восстановлена, то слева от входа (при входе из сеней) ставится рукомойник на деревянном стержне, вбитом в стену, с лоханью под ним.

Вдоль стены – широкие лавки, над ними в простенках – вешалки-гвоздильни («стопки»), на которых обычно висели балахоны и кафтаны.

Полицы в «чистой избе» делали не всегда. Если они были, то на них клали шапки и рукавицы. Очень редко у кого на полицах стояла посуда.

На лавках во время работы могли стоять прялки и сетевязные прялки.

Обеденный стол – в красном углу. Это особенность Пудожского района, в отличие от остальных районов Карелии, где стол ставили напротив среднего окна. Около стола – одна приставная скамейка.

В доме Бутина были полаты, крепившиеся на полатном воронце, отходившем от печного столба.

Печной столб в избе не восстановлен, поэтому полаты не реконструированы.

Направо от входа стояла кровать. На кровати – лоскутное одеяло из трех трест. Наволочки из покупного ситца.

В красном углу – киот-божница. Особенность пудожских киотов: ящик треугольной формы для удобства закрепления его в углу, с лицевой стороны – рама, разделенная планками на четыре ячейки – одна большая сверху и три по вертикали снизу. На иконе могло висеть праздничное полотенце, но не у всех хозяев.

Полотенца-утиральники висели на вешалке-гвоздильне ближе к столу. На стол во время обеда настилали скатерть.

В избе находился переносной светец, который обычно делался на корыте с ножками и переносился на удобное место во время работы. На полу в 1930-е гг. расстилали домотканые дорожки. В более ранний период на пол бросали старые лоскутные одеяла или половики из мешковины.

В прилубе, как правило, обычно велись хозяйственные работы, связанные с приготовлением пищи. Здесь находились предметы, связанные с хранением продуктов, топкой печи и т. д.

В красном углу прилуба под иконой стоял хозяйственный стол, на котором хозяйка разделявала тесто.

Над окнами по всей длине стен были полки, на которых находились нарядная начищенная обувь и кожаные рукавицы.

Ближе к кровати висела люлька на очепе. По стенам – вешалки-гвоздильни с одеждой.

Ушат с чистой водой стоял у боковой стены. Летом чаще всего он находился в сенях.

Вдоль задней стены в запечке был неширокий стол – «жерновица» для каменных жерновов.

Слева от него шла доска («койник»), где лежали щипцы для камней, молотки, клещи и небольшое количество других инструментов, часто употребляемых в хозяйстве.

Около печи – ухваты, сковородники, кочерга и т. д. По стенам в запечке были полки, где стояли берестяные корзиночки («бураки») для хранения зерна, муки, крупы.

На стене мог висеть хозяйственный шкафчик. Сбоку на нем висел безмен. Наверху могли быть кофемолка и берестяные корзиночки. На стене висело несколько решёт и сит.

Около шкафчика стояла большая ступа с пестом, так как овес на толкно толкли в ступе дома.

И хотя маленькие ручные жернова – крупорущку – хранили в сенях, мололи на нем «в кухне», прямо сидя на полу на половичке, зажав жернов между колен. Муку собирали в низкие корзины.

Исходя из сведений информантов можно сделать вывод о том, что обстановка в избе пудожского крестьянина в конце XIX – начале XX в. была минимальной, так как большинство бытовых предметов хранилось в избе не на виду или вне избы. Поэтому при экспонировании бытовых предметов в интерьере допущена некоторая доля условности.

Следует учесть и многочисленную вариативность интерьеров в зависимости от их планировки, локальных особенностей, личных вкусов хозяев. По словам информанта М. Е. Шпагина (1910 г. р.), «где какая деревня, там такая порядня (порядок)».

Хозяйственная часть. Сарай²⁹

Во всех домах-комплексах Русского Севера хозяйственная часть двухэтажная: внизу двор, над ним сарай, где хранили сено, которое укладывали у задней стены над хлевами, почти до самой крыши. Причем укладывали сено на специальный настил над потолком хлевов. (Местное название настила – «пятра».)

В связи с этим между потолком над хлевом (сланью) и «пятрами» создавалось постоянное продуваемое свежим ветром воздушное пространство, что предохраняло его от гниения в результате испарений, исходящих снизу от скота.

Сарай использовался как место для хранения орудий крестьянского труда:

а) сельскохозяйственное производство: орудия обработки почвы и уборки урожая (сохи, косули, бороны, мотыги, кокицы, севалки, косы-горбуши, серпы, грабли, вилы);

б) орудия обработки льна и конопли (броснухи, мялки и т. д.);

в) орудия промыслов и ремесел, охоты и рыболовства.

На сарае хранились транспортные средства, сбруя и упряжь. Тут же выполнялись многие работы, связанные с хозяйством.

Особенности цветовой характеристики интерьера

Во время реставрации были заменены отдельные бревна сруба, выполнен новый потолок, заменены некоторые плахи пола, сложена новая печь (копия старой). От подлинного одностороннего шкафа-перегородки осталось несколько филенок, а расписная дверь прилуба взята из другого уже заброшенного дома. В результате этого цветовая характеристика интерьера утратила свою естественную гармонию. Новые цветовые пятна и явные заплатки мешали восприятию традиционной обстановки избы. Из подлинной обстановки сохранились только две широкие лавки вдоль стен. Односторонний шкаф-перегородка и «гребень» над ним реконструированы. Реконструкция росписи филенок шкафа-перегородки, раскраска «гребня», реставрация росписи двери выполнены Ю. Б. Гущиной. Тонировка стен, пола, отдельных деталей интерьера сделана Б. А. Гуциным и рабочим С. М. Цыпляевым. Полностью новый потолок было решено не тонировать.

В 1989 г. интерьер дома Бутина был открыт для посещения.

²⁹ Данные по обстановке сарая в основном взяты из работы: *Беляев А. Т.* Хозяйство и быт пудожских крестьян.

*Приложение***ИЗ ЗАПИСЕЙ БЕСЕД**

зав. научно-экспозиционным отделом музея «Кижи» Б. А. Гущина с жительницей Пудожского района Ириной Константиновной Богдановой³⁰ о типичном интерьере крестьянского жилища восточной части Пудожского района³¹.

(Запись сделана в Петрозаводске 30 марта – 1 апреля 1988 г.)

И. К. Богданова в 17 лет вышла замуж в д. Салмозеро в 30 км от Колодозера, откуда она была родом. В Салмозеро тогда входило шесть деревень (Минина-Константиновская, Усть-Река, Погост, Домашка, Салма, Рубцово). В семью мужа И. К. Богданова пришла шестой по счету. В семье были свекор, свекровь, деверь, золовка, муж. Все жили в одном доме. Хозяйство было середняцким, держали две дойных коровы, две нетели, по две матки свиной, до сорока овец, две лошади. В доме имелись тарантас, сбруя праздничная выездная, легкие выездные сани, дровни для вывозки толстых дров из лесу, «кресла» – грузовые сани для вывозки муки, зерна, крупы. В 1920–1930-е гг. из Салмозера ездили в Подпорожье по очереди, чтобы привезти в магазин муку, крупу, сахар, соль.

Распределение обязанностей в семье

Глава семьи Яков Фирсович Богданов вел трудовой распорядок в доме и распределял все работы по дому. Он был рыбак, охотник, плотник, столяр, сапожник, к тому же катал валенки. Свекровь «хлопотала у печки». Зимой пряла, ткала холсты. Ухаживала за скотом, доила коров. Все, что связано с лошадьми и транспортными средствами, делали муж и деверь. Пошив одежды для семьи был полностью на Ирине Константиновне. Кроме того, что семья крестьянствовала, в 1920–1930-е гг. с конца сентября до начала мая мужчины отправлялись на лесозаготовки, а летом – на сплав.

³⁰ Ирина Константиновна Богданова (Панина) (1911 г. р.) уроженка с. Колодозеро, крестьянка по происхождению (родители – потомственные крестьяне, уроженцы Колодозера). До выхода на пенсию была служащей сельсовета в д. Колодозеро, Салмозеро. Образование начальное. Знает множество пудожских песен, плакальщица-импровизатор. Обладает очень хорошей памятью. Героиня книги А. В. Масс «На Колодозере» (М., 1980). Неоднократно записывалась фольклористами, выступала на Карельском телевидении, а также в Петрозаводском филиале Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

³¹ Полный текст беседы не сохранился. В данной статье использована более поздняя конспективная копия записи, хранящаяся у автора.

Земледелие

В хозяйстве Богдановых были две сохи и два плуга. Пахали на лошади. За плугом ходили как мужчины, так и женщины. Выращивали рожь, овес, ячмень, горох. В 1930-е гг. начали сеять и пшеницу. Из технических культур возделывали лен и коноплю. Для своего хозяйства льна сеяли довольно-таки много. На огородах выращивали немного картошки и лук. Перед войной стали сеять капусту, морковь, а также сахарную свеклу, которую мелко рубили, запаривали в чугунах и ели. «Репу пахали» в лесу на подсеке. Убирали репу поздней осенью после зерновых, складывали в кучи и опускали в выкопанные ямы, накрывали и оставляли на месте. Потом репу вывозили понемногу. Особенно часто брали репу в Великий пост.

Подсеки еще в 1920-е гг. занимали «кто сколько облюбует». После пахать было очень трудно: «соха шла через пень-колоду». На подсеке пахали несколько лет подряд, а потом оставляли землю на год под пар («паренину»). Подсеки выбирали на пригорках – «березовые гривы». Там особенно хорошо рос хлеб. На подсеке работали всей семьей, даже маленькие девочки работали косарями. Начинали обработку в конце июня – начале июля. И. К. Богданова вспоминает, что «лицо опухало до крови от оводов и слепней».

Сено косили всей семьей. В Салмозере сенокос был близко – урочище Губаниха. Рожь и овес жали в сентябре серпами. После жатвы зябь пахали и боронили (пахали по два раза). После этого сеяли озимую рожь. Урожайи ржи в среднем были «сам – 8». На подсеке урожайи были гораздо больше. Лен, коноплю, овес, горох сеяли рано, как только снег сойдет.

О достаточной типичности интерьера дома Бутина для деревень Колодозерского сельсовета³²

Избы, подобные избе дома Бутина, встречались в Колодозерском сельсовете довольно часто. Особенность избы в том, что она перегорожена шкафом-перегородкой на две части, причем печь с устьем оказывалась полностью в прилубе («прирубке»). В данном случае изба делилась шкафом-перегородкой на «чистую избу» и прилуб.

В настоящее время, по словам И. К. Богдановой, два дома с подобной планировкой сохранились в Заозерье (владельцы – В. Ф. Устёнов и Н. А. Таланова), а также в д. Дубово (заброшенный дом В. И. Филатова, хозяйка – Е. В. Арепинина).

³² Вопросы по интерьеру жилища задавались в большинстве своем относительно дома Бутина, но расположение отдельных предметов отмечалось и по воспоминаниям о домах с подобной планировкой в Колодозере и Салмозере.

Места хранения в доме отдельных бытовых предметов

1. Чехол для бруска хранился в шкафу.
2. Прялки находились в чулане. Пряли в избе (чистой).
3. Скально (скало) хранили в чулане.
4. Инструмент плотницкий и столярный в избе не хранили. Их держали в чулане.
5. Пороховище и охотничий припас хранили в шкафу-перегородке. Запирали от детей на ключ.
6. Жаровня для плавки свинца и шаблон для отливки пуль – находились в шкафчике в прирубке. Их запирали на ключ. Пули отливали прямо в избе.
7. Сети в избе не держали и не сушили. Плели в избе зимой.
8. Клубки бересты хранили внизу в шкафу-перегородке.
9. Большие берестяные бутылки и бураки держали в амбаре, где хранили сушеную рыбу и мясо.
10. Берестяные кошельки хранились в чулане («в клети»).
11. Медные тазы – там же.
12. Ступки чугунные или медные хранились на шкафу на «кухне».
13. Полоскательницы – в шкафу-перегородке внизу. Иногда – в прирубке на полу, ставились на бок, прислоняя к столу в запечке.
14. Ухваты, кочерги, лопаты хлебопечные, сковородник – на печи.
15. Сковороды – в отверстиях под устьем печи.
16. Щипцы для углей висели на балке («на голдобине») на гвозде в прирубке.
17. Помело – в сенях.
18. Ковши – скобкари – в чулане («в клети»).
19. Глиняные горшки – в нижних шкафчиках в перегородке. Хранились и в запечке под столом.
20. Мутовки висели в запечке на веревочке.
21. Ложки, вилки, скалки для сочней – в прирубке в столе.
22. Сундуки, «коренники», «коробушки» – под кроватями.
23. Лапти – в сенях связками на стенах.
24. Ступы для стирки белья дома не держали; только на берегу, где стирали.
25. Капканы – «в клети» (в чулане). Ручной жернов – в сенях; большой каменный – на столе в подклете.

Л. В. Трифонова

ТРАДИЦИОННЫЙ ИНТЕРЬЕР ИЗБЫ ПРЯЖИНСКОГО КАРЕЛА-ЛИВВИКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ВЕДЛОЗЕРА НАЧАЛА XX ВЕКА

Появление данной статьи связано с одним из направлений исследовательской деятельности музея по изучению и уточнению отдельных деталей интерьеров крестьянских домов, включенных в экспозицию музея-заповедника «Кижы».

В 1991 г. состоялась экспедиция в район Ведлозера Пряжинского района КАССР, целью которой было изучение особенностей интерьера карельских крестьянских домов начала XX в. в деревнях бывшего Савиновского сельсовета, откуда в 1966 г. был перевезен в Кижы дом Яковлева¹.

Дом Яковлева был построен артелью местных плотников в 80–90-х гг. XIX в. в карельской деревне Клещейла нынешнего Пряжинского района Республики Карелия. По типу постройки это дом «брус» с однорядной связью, при которой изба, сени и хозяйственная часть расположены по одной оси и образуют вытянутый прямоугольник. Такой тип дома в конце XIX – начале XX в. был широко распространен на территории южной Карелии – в современных Олонецком и Пряжинском районах. Свидетельство об этом мы находим в экспедиционных отчетах карельского этнографа Р. Ф. Тароевой², В. П. Орфинского³, дореволюционного краеведа

¹ *Трифонова Л. В.* Экспедиционный дневник поездки в Пряжинский район в июле 1991 года (далее – ЭД 1991). Дневник находится в архиве автора. Информанты: М. К. Артемьева (1904 г. р.), д. Юргилица; А. В. Васильева (1917 г. р.), д. Ведлозеро; И. В. Давыдов (1905 г. р.), д. Кинерма; М. А. Егорова (1919 г. р.), д. Куккозеро; П. М. Еремеева (1910 г. р.), д. Юргилица; М. М. Корнилова (1922 г. р.), д. Сыссойла; Д. В. Котчиева (1906 г. р.), д. Акимово; Е. В. Стафеева (1916 г. р.), д. Кинерма; А. А. Михайлова (1927 г. р.), д. Куккозеро; Т. И. Насонова (1910 г. р.), д. Ведлозеро; И. С. Тимофеев (1913 г. р.), д. Акимово; М. А. Федулова (1910 г. р.), д. Ведлозеро.

² *Тароева Р. Ф.* Отчет о работе этнографической экспедиции в Олонецкий, Пряжинский и Ругозерский районы КАССР в 1957 году // Архив Карельского научного центра РАН (далее – Архив КарНЦ). Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 85. С. 25.

³ *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество карельского народа. Дис. ... канд. архитектуры. Петрозаводск, 1971. С. 47–48.

М. Д. Георгиевского⁴. Сведения, полученные сотрудниками музея во время опроса информантов, во многом совпадают с описанием интерьера в этнографической литературе. В статье автор предпринимает попытку воссоздать типичный интерьер пряжинского карела-ливвика из окрестностей Ведлозера на период начала XX столетия.

Изба пряжинского крестьянина из окрестностей Ведлозера в начале XX в. была обставлена традиционно. Слева или справа от входа располагалась большая русская печь, устье которой было обращено ко входной двери⁵. Угол по диагонали от печи носил название *suuričuppu* – большой угол; ближний к двери назывался дверным – *uiksičuppu*; третий угол именовался задним – *peräčuppu*⁶. Сбоку у печи располагался вход в подполье – каржина⁷ в виде деревянного ящика с люком.⁸ Над ним на двух опорах – узкая доска для залезания на печку – *pačaslaudu*⁹. На печи сушили лучину¹⁰, валенки, сапоги¹¹. Спали на домотканом половике, которым была застлана поверхность печи. Тут же лежали подушки и домотканое одеяло¹². Полатей не было. За печкой в углублении сбоку хранили сковородник и рубель со скалкой. Под печью – щипцы для камней. В углу у печи стояли ухваты, иногда – сковородник¹³. По свидетельству М. А. Егоровой (1919 г. р.), на печи во избежание ржавления держали чугунную ступку, в которой в пост толкли коноплю для масла или цикорий¹⁴. На верхней части печи (*kolpak*) могли находиться маленькие сковородки, хлебопечная лопата, большая солонка с солью для повседневного расхода¹⁵. На грядке у печи висела скатерть, которую настилали

⁴ Георгиевский М. Д. Карелы // Вестник Олонецкого губернского земства. 1903. № 6. С. 21.

⁵ ЭД 1991. Л. 13, 15, 29, 31, 32, 33, 36 (подтверждено практически всеми информантами).

⁶ Там же. Л. 15 (М. М. Корнилова).

⁷ Там же. Л. 14, 17, 21 (М. М. Корнилова, Д. В. Котчиева, М. К. Артемьева).

⁸ В деревнях Олонецкого района в окрестностях Видлицы ящик у печи назывался *golbešči* (*Трифонов Л. В.* Экспедиционный дневник поездки в Видлицу. 1990 г. Архив автора. Л. 12, 15). По свидетельству Р. Ф. Тароевой, *golbešči* назывался ящик у печи в Олонце и Коткозере. См.: *Тароева Р. Ф.* Отчет о работе этнографической экспедиции в Олонецкий, Пряжинский и Ругозерский р-ны КАССР. 1957. Архив КарНЦ. Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 85–86. Л. 32.

⁹ ЭД 1991. Л. 17, 21 (М. К. Артемьева, Д. В. Котчиева).

¹⁰ Там же. Л. 13, 17 (И. Л. Тимофеев, Д. В. Котчиева).

¹¹ Там же. Л. 21 (М. К. Артемьева).

¹² Там же. Л. 31 (Е. В. Стафеева).

¹³ Там же. Л. 26 (М. А. Егорова).

¹⁴ Там же. Л. 27 (М. А. Егорова).

¹⁵ Там же. Л. 22 (М. К. Артемьева).

на стол во время обеда. Рядом с печью на вешалке в холодное дождливое время года сушили рабочую одежду¹⁶.

По другую (противоположную печи) сторону от входной двери на деревянном гвозде подвешивался рукомойник (*käsiasti*), под ним стояла деревянная лохань (*lohkaine*), куда сливали воду после мытья рук. Эта же лохань служила емкостью для запаривания поила скоту¹⁷. Рядом с рукомойником на стене подвешивалась полка-посудник (*rundugu*), предназначенная для хранения глиняных горшков, в которых ставили скисать молоко¹⁸. Иногда для этих целей местные хозяйки использовали коробочки, сшитые из цельных кусков бересты. В рундугу могла стоять солонка, сбоку к одной из поперечных перекладин обычно привешивалась мутовка для замешивания жидкого овсяного теста (*harkin*)¹⁹. Она имела несколько рожков и изготавливалась из верхушки елового дерева. Под рундугу стоял хозяйственный стол или стол-курытник. На столе могли находиться чистые чугуны²⁰, щепная корзина с чайными чашками, хлеб, накрытый сложенной в несколько раз скатертью²¹. У стола – деревянная лохань для мытья посуды и бочка для воды (*putc*), рассчитанная на три-четыре ушата воды²². На стене рядом с рундугу висела щепная корзина для ложек²³.

От припечной доски расходились полки (*orret*), каждая из которых имела свое специальное назначение. На полке, идущей параллельно боковой стене, стояли: чистая квашня для теста (*taigin*), кужонки (*komsat*) – маленькие берестяные корзины без ручек – с толокном, ячневой крупой и мукой, низкие щепные и лубяные корзины для пирогов и калиток, кадучечки и горшки с молоком²⁴. На полку, идущую параллельно стене со входной дверью, входившие в избу мужчины клали шапки, рукавицы²⁵, здесь же стояла опрокинутая вверх дном чистая посуда²⁶.

Вдоль боковой и фасадных стен были установлены лавки (*laugat*), над ними под потолком – полки (*palčat*). Полки и лавки сходились в большом

¹⁶ ЭД 1991. Л. 28 (М. А. Егорова).

¹⁷ Там же. Л. 15, 22 (Д. В. Котчиева, М. К. Артемьева).

¹⁸ Там же. Л. 26, 30–32, 35 (П. М. Еремеева, М. А. Егорова, А. В. Васильева, Е. В. Стафеева, И. В. Давыдов, А. А. Михайлова).

¹⁹ Там же. Л. 23, 45 (М. К. Артемьева).

²⁰ Там же. Л. 16, 31 (Д. В. Котчиева).

²¹ Там же. Л. 18, 22, 27, 34 (М. А. Федулова, Д. В. Котчиева, М. К. Артемьева, М. А. Егорова).

²² Там же. Л. 16, 22, 29 (Д. В. Котчиева, А. В. Васильева, Е. В. Стафеева).

²³ Там же. Л. 22 (М. К. Артемьева).

²⁴ Там же. Л. 14, 16, 22, 35 (М. М. Корнилова, Д. В. Котчиева, А. А. Михайлова, М. К. Артемьева).

²⁵ Там же. Л. 22 (М. К. Артемьева).

²⁶ Там же. Л. 15, 22 (Д. В. Котчиева, М. К. Артемьева).

углу, где на полках хранился охотничий припас и приспособления для вязания сетей²⁷. Под лавкой в большом углу держали ящик с сапожным инструментом²⁸. По свидетельству одной из информантов, «в большом углу мужик заведовал, весь угол мужика был»²⁹.

«Большой угол» – главный угол в избе, где помещались «образа»-иконы. В полевых записях студентки Л. Н. Титовой в 1957 г. в д. Варлов Лес Пряжинского района был зафиксирован обычай после отжина помещать за икону в *suuričuppi* несколько колосков ржи, которые, по свидетельству информанта, сначала носили на кладбище на могилу родителей, заручаясь их покровительством, а затем убирали за «образа». «Покойник как бы живет в доме, приходит, ест»³⁰.

Перед иконой в большом углу подвешивалась лампадка. Образ обрамлялся занавесками, которые задергивались в случае необходимости. Несколько информантов сообщили о том, что полотенце навешивалось на икону только в праздничные дни³¹.

Задний угол (*peräčuppi*) был женским. Здесь в деревянном бочонке или в кужонке лежали нитки и клубки шерсти, в щепной корзине – карды и непряденая шерсть³². Одна из информантов упомянула *palmikko* – косу, заплетенную из льняных ниток домашнего прядения, подвешенную в простенке между окнами ближе к *peräčuppi*³³.

У среднего окна стоял стол с двумя скамейками по бокам. По свидетельству Р. Ф. Тароевой, «такое расположение стола, в противоположность русским Севера, которые ставят (его. – Л. Т.) в большой угол, является довольно устойчивым и, по всей вероятности, древним обычаем карел»³⁴. У стола в одном простенке между окнами была прибита вешалка (*vuorna*), куда вешали 2–3 полотенца для всей семьи³⁵, в другом часто висело зеркало³⁶. Вешалка для верхней одежды (шуб, кафтанов) находилась на той стене, где располагалась дверь в горницу, рядом с печью³⁷.

В задний угол напротив боковой стенки печи ставилась кровать. Она застилалась традиционным для южной Карелии полосатым шерстяным

²⁷ ЭД 1991. Л. 26, 31 (М. А. Егорова, Е. В. Стафеева).

²⁸ Там же. Л. 15, 16 (М. М. Корнилова, Д. В. Котчиева).

²⁹ Там же. Л. 34 (Т. И. Насонова).

³⁰ Архив КарНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 48. Л. 63.

³¹ ЭД 1991. Л. 19, 32 (И. В. Давыдов, Д. В. Котчиева).

³² Там же. Л. 16 (Д. В. Котчиева).

³³ Там же.

³⁴ Тароева Р. Ф. Отчет о работе в Олонецком и Пряжинском районах. 1957. Архив КарНЦ. Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 83. Л. 33.

³⁵ ЭД 1991. Л. 17 (Д. В. Котчиева).

³⁶ Там же. Л. 32 (И. В. Давыдов).

³⁷ Там же.

одеялом, из-под которого был виден край вышитого, тканого или кружевного подзора³⁸. Подушки у карел в отличие от русских имели продолговатую форму³⁹. Длина подушки соответствовала ширине кровати. Традиционно на них надевались наволочки из пестради в красную или голубую мелкую клетку⁴⁰. Рядом с кроватью вешалась люлька (*kätkiit*), в которой лежал набитый соломой постельник и маленькая перовая подушка в ситцевой или холщевой наволочке. Вместо одеяла использовалась старая юбка, вместо полога-огибки – выношенный сарафан, распоротый по одному из боковых швов⁴¹. Карельские люльки чаще всего выполнялись из луба и имели овальную форму. Прямоугольной формы дощатые люльки встречались у карел довольно редко.

На период Великого поста до Пасхи в заднем углу устанавливали ткацкий станок (*kangas*)⁴². Кровать на это время из избы выносили, а люльку перемещали ближе к столу через грядку⁴³.

Местоположение переносного светца не было постоянным, его ставили туда, где был необходим источник света. Светец помещался в щепную корзину с низкими бортами, на дно которой падали угольки⁴⁴.

Обстановка горницы в карельском крестьянском доме начала XX в. несла на себе отпечаток городской культуры. Справа от дверей находилась лежанка или русская печь, напротив лежанки – кровать. В торце кровати помещался буфет или платяной шкаф, выполнявшие роль перегородки. Часто кровать отделялась от остальной части горницы ситцевой занавеской⁴⁵. Занавеска надевалась на палку, а концы палки фиксировались в скобах, вбитых в потолок. В простенке у окна стоял стол, покрытый белой домотканой скатертью с вязаной прошвой⁴⁶. У стола – табуретки, скамейки или стулья, хотя стулья были не таким уж частым явлением в карельской деревне начала XX в.⁴⁷ Освещалась горница керосиновой лампой⁴⁸. Слева от дверей находился сундук, над ним – посудник для праздничных тарелок⁴⁹. Карельские горничные посудники имеют форму отличную от заонежских: они значительно больше по

³⁸ ЭД 1991. Л. 36 (А. А. Михайлова).

³⁹ Там же. Л. 23, 28 (М. А. Егорова, М. К. Артемьева).

⁴⁰ Там же. Л. 18, 23 (Д. В. Котчиева, М. К. Артемьева).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 16 (Д. В. Котчиева).

⁴³ Там же. Л. 32 (И. В. Давыдов).

⁴⁴ Там же. Л. 23 (М. К. Артемьева).

⁴⁵ Там же. Л. 19 (Д. В. Котчиева).

⁴⁶ Там же. Л. 27 (М. А. Егорова).

⁴⁷ Там же. Л. 24 (М. К. Артемьева).

⁴⁸ Там же. Л. 30 (А. В. Васильева).

⁴⁹ Там же. Л. 32 (Е. И. Стафеева).

размеру и вытянуты не по вертикали, а по горизонтали. Напротив дверей, ведущих в горницу, висело зеркало. Под зеркалом стоял резной диван, который летом иногда переставлялся вдоль окон перед столом. Элементом декоративного убранства горницы служили полотенца, которые навешивались на икону и зеркало, и домотканые дорожки, настлаившиеся на пол.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что обстановка южнокарельской избы конца XIX – начала XX в. имеет очень много общего с избой севернорусской, но продолжает сохранять в своем убранстве черты, характерные для прибалтийско-финских народов. Главное отличие – ориентация устья печи ко входной двери. Ряд дополнительных различий: отсутствие прилавка – спального места у печи и замена его узкой припечной доской, постановка стола в центре избы, разница в форме и конструкции заонежского и южнокарельского посудников, предпочтение лубяных люлек дощатым, наличие подушек прямоугольной формы длиной в ширину кровати, традиционное расположение рукомойника не у припечного столба, а по другую (противоположную печи) сторону от входной двери, размещение праздничных самоваров в большом углу, наличие в интерьере предметов, не встречающихся в быту русских Заонежья и Пудожья (например, корзины для сушки ложек). В интерьере карельской избы бросается в глаза преобладание архаичных технических приемов декорации тканей и деревянных предметов: резьба предпочитается росписи, ткачество – вышивке, в расцветке одежды и повседневных тканей преимущественно клетка и полоска (пестрядь). Специфической особенностью материальной культуры южной Карелии является изготовление шерстяных полосатых одеял и полосатых рабочих юбок с косыми оборками.

Таким образом, сохраняя национальные прибалтийско-финские черты, интерьер избы пряжинского карела конца XIX – начала XX столетия имеет общую основу с обстановкой и убранством севернорусской избы, что объясняется тесными историко-культурными контактами двух народов и географической близостью южной Карелии и Заонежья.

А. М. Пигонин

ВОСПОМИНАНИЯ ЗАОНЕЖАНИНА (Публикация подготовлена С. В. и Е. А. Воробьевыми)

Воспоминания Александра Михайловича Пигонина в музей «Кижь» принес его сын – Сергей Александрович Пигонин весной 2007 г. С его слов отец писал этот своеобразный «дневник», будучи уже зрелым человеком, видимо, в 60-х гг. XX в. Небольшая, в клеенчатом переплете тетрадка явилась настоящим открытием самобытного народного писателя. Цепкая память, сохранившая тончайшие переживания и впечатления деревенского мальчика, удивительно образный, красивый язык поражают читателя с первых слов. Значение этой рукописи не ограничивается только исторической ценностью как источника, описывающего быт, уклад жизни заонежской деревни. Это настоящее литературное произведение, захватывающее проявлением трогательной любви к заонежской земле, к ее людям, необычайно поэтичным слогом, особенно при описании природы.

Автор ведет повествование от третьего лица – мальчика Саши, родившегося и прожившего первые 12 лет в д. Лонгасы, что расположена недалеко от Сенной Губы. Сейчас именно к ее пристани причаливают рейсовые кометы. Это одно из самых старых поселений округа, известное с 1563 г. по первой из сохранившихся писцовых книг Кижского погоста. В то время название деревни было «Сергеевская», а нынешнее, скорее всего, произошло от прозвища одного из ее жителей. В документе 1599 г.¹ упоминается Ка(?)рпушка Яковлев Лонгачев, старожилец.

В конце XIX в. в деревне было 14 дворов и 118 жителей², а в 1933 г. только 80 жителей³. В Лонгасах жил знаменитый заонежский

¹ Грамота с прочетом царя Бориса Федоровича новгородскому воеводе князю Данилу Андреевичу Ногтеву по делу крестьян Кижского погоста о владении землями деревень Роксы и Осиповщины, переданных Клименецкому монастырю // Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 368.

² Список населенных мест Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. С. 428.

³ Список населенных мест Карело-Финской АССР. Петрозаводск, 1933. С. 71.

сказитель Козьма Иванович Романов. В этой деревне родился В. Д. Лысанов, который в конце XIX в. был в Петрозаводске городским головой, а среди фольклористов и этнографов известен книгой «Досюльная свадьба»⁴. Многие жители деревни были крупными рыбаками-промысловиками.

Воспоминания А. М. Пигонина охватывают десятилетний отрезок времени – с конца 20-х до 1939 г. и делятся самим автором на две части – «Детство» и «Юность». Первая связана с деревенским детством, а вторая – с учебой в ФЗУ и работой на Онежском тракторном заводе. Это не последовательное повествование, а всплывающие в памяти уже взрослого человека наиболее яркие эпизоды детства и юности.

Не только композиционно, но во многом и стилистически дневник делится на эти две части – первая наполнена тонким, поэтическим, почти щемящим чувством любви к той ушедшей, но такой родной и близкой деревенской жизни. Богатый эпитетами и сравнениями стиль этой части сохраняется еще и в самом начале главы «Юность», при описании первого появления мальчика в городе. Все дальнейшее повествование практически лишено той теплоты человеческих переживаний, соединенности с природой, которое характерно для неспешного начала воспоминаний. Стиль становится почти плакатным, яркая образность языка сменяется простым изложением фактов – первые четыре года пребывания в городе уместились в нескольких абзацах. Рассказ о жизни мальчика на новом месте резко ускоряет темп, словно автора оглушила суeta города, где одно событие сменяется другим с необыкновенной скоростью и не место мелочам, раздумчивости сельской жизни. Тем не менее в этой части чувствуется особая наполненность бытия юного героя, его жажда постижения нового, гордость за сопричастность к свершениям молодой страны.

Последние строки рукописи поражают каким-то щемящим чувством обрыва нити жизни: «...Военных кишмя кишела в Соломенном и около него. Жили в квартирах, в палатках, в клубе и т. д. Началась Финская кампания. Советские войска перешли границу Финляндии. Всем стало ясно! Война!».

Судьба мальчика Саши – Александра Михайловича Пигонина – сложилась так, как у большинства людей его поколения. Служба в армии, война. После пяти лет военных флотских будней он вернулся в Петрозаводск, где все последующие годы отдал работе в МВД. А. М. Пигонин умер в 1973 г.

⁴ Лысанов В. Д. Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье, Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1916.

Для того чтобы передать особенности стиля и слога автора, в публикации в отдельных случаях сохранена орфография подлинника.

Детство

В одном из живописных берегов Онежского озера на возвышенности Клименецкого острова со склоном к озеру раскинулась русская деревня Лонгасы. Ни начала её существования, ни чести её названия, никому об этом не ведомо.

Только смотришь на её живой мир и любишься. На её точно расположенные – в два ряда – богатырские, ладно рубленные деревянные дома и многочисленные другие в жизни нужные для крестьянина постройки, окруженные любовно разделанными и огороженными огородами. Сказочно-естественная и искусственная переплетенная красота и чистота, вознагражденная богатой душистой зеленью, манит и пленит человеческий взор и обхватывает в свои могучие объятия, точно улыбается умывшаяся на заре девушка, русская красавица деревня. ЛОНГАСЫ! Она достойно и с величием разместила в себе: центр Советской власти окружных деревень, почту, библиотеку, больницу, маслозавод, «Кар-рыбу», три магазина, столовую.

Всегда готова принять людей и по суше, и по морю.

Для этого к ей тянется широкая почтовая дорога и вьются множество других тропок и дорожек. А на берегу ждут причалы: бесчисленные маленькие и две большие пристани. Все эти любимые пристанища скопляли народ, которого тут каждые сутки и круглый год – кишмя кишит, и нельзя сказать, что все они собираются сюда по великим надобностям. Одни – да, другие просто погулять, побалагурить, на людей посмотреть, да себя показать. Ну, а уж где молодежь, там и песни, и пляски. Много! И звонкие песни заонежские. А как легки здесь девки и парни на ногу, об этом и говорить не приходится. Нередко, вспоминая свою молодую удаль, средних лет люди, а за ними и старики лихо откальвают ухабистые номера, сливаясь с общим потоком цветущей молодежи.

Такие гулянья часто можно видеть в лонгаской деревни, у креста, который выстроен для того,

*Чтобы батюшка весной
кропил Святой водой
Деревенский скот худой.
А теперь играет парень на гармонии своей.
Он кропит окрестность вальсом,
а то полькой веселит.*

*Ловко парень в переборе на дустеп⁵ перевалил.
 «Подыспань⁶!» – кричат ребята –
 «Не задерживай – давай!»
 А то зорька всходит ярко –
 На работу успевай.
 Рвет парница на гармони,
 И басы вздыхают в такт.
 Во субботу, день прекрасный,
 Пойду в поле работать.
 А кадрили шестифигурный
 в третий раз гремит подряд.
 Этот танец очень модный,
 все старухи говорят.
 Даже озеро притихло,
 жадно слушает игру
 и в воде своей хрустальной
 отражает красоту.
 Уж ты, зорька, дорогая,
 подожди! Не разгорай.
 Пусть повзгудывают парни
 и девочки поблажат!*

В этой сказочной деревни, тянувшейся с севера на юг, во втором ряду от берега, вторым домом с северного края, обращенным к западу, на озеро, стоял дом Лариных⁷. Он был двухэтажный и выходил на улицу десятью окнами. Что-то добродушное, честное и стройное казалось в нем.

Под этой дощатой, наполовину ещё новой крышей, за этими стройными стенами с обшитыми углами и чердаком досками, окрашенными в светло-коричневый цвет, совершалось мирное работающее течение человеческого существования. Небольшие светлые окна, с заставленными цветами и с завешенными белыми как снег наутюженными ширмами, смотрели на улицу с самой добродушной улыбкой, как умеют смотреть люди, счастливые своей судьбой.

При входе в дом человека воодушевляет чистота и по-хозяйски, со вкусом расставлено все, предназначенное для жильцов. На первом этаже две комнаты. Одна из них, большая, служит кухней-столовой, в которой

⁵ Дустеп – «тустеп», парный городской танец 30-х гг. XX в.; в деревне исполнялся под гармонь. (Здесь и далее комментарии авторов публикации.)

⁶ «Падеспань» – городской танец 20–30-х гг. XX в., в деревне исполнялся под гармонь.

⁷ В официальные документы XIX–XX вв. семья записана под фамилией «Пигонины», в данном случае приводится ее деревенское прозвище, происходящее от имени одного из предков автора дневника.

искусно хозяйничала сама хозяйка Евдокия Ильинична. Женщина средних лет – такого же роста, стройного, крепкого телосложения, с черными, слегка волнистыми волосами, зачесанными назад, где они собраны в пучок. Её белое доброе лицо всегда приветливо улыбалось, при этом обнажая два ряда белых зубов, с маленькой щербинкой справа в верхнем ряду. Она умна, ласковая, рассудительная, с людьми вежлива, по деревни культурная. Вела свою работу по дому, а также и в крестьянстве по женской части безукоризненно.

На втором этаже в доме Лариных такое же расположение, как и на первом, только здесь обе комнаты предназначены для отдыха. Своей чистотой, светлостью и многочисленными запахами цветов располагали человека к хорошему настроению. Всю опрятность дома создавали все, но основную чистоту и культуру наводили две дочери Евдокии Ильиничной Ганя и Аня. Ганя – старшая, невысокого роста, с бесшумной подкрадывающейся походкой, с открытым лицом, с серыми испытывающими глазами. Её темные волосы гладко собраны в косу, лишь две пряди у того и другого уха опущены были вниз и напоминают бакенбарды. Вся внешность Гани говорит о её подтянутости, аккуратности и модности сегодняшнего дня. Она, как говорят в народе, мастерица на все руки: хорошо шила, вышивала, вязала, пряла, ткала и т. д. В обществе общительна, весела, любит щегольнуть своей ловкостью и умением, и, надо сказать, у ей ловко все получалось. Сестра Ганина Аня, эта девица не дурна собой, высокая, плечистая, крепкая, мускулиста, не боится никакой крестьянской работы. Всегда и везде бьёт с плеча, делом и словом. Никогда не жалуется на усталость; если посмотреть со стороны, то кажется, что от работы не устаёт, а все больше разгорается и старается как можно больше сделать сегодня, не оставляя на завтра, как будто завтрашнего дня и существовать не будет.

Сёстры между собой жили дружно, безоговорочно и ревниво выполняли порученную им работу. Так уж они воспитаны с малолетства. Примером для их и всей семьи был глава семейства Игнатий Захарович, дедушка сестер (отец их отца). Игнатий Захарович – высокий, крепкий в кости, ещё не старый человек. Намозоленные жилистые длинные руки говорили о его нелегкой жизни. С 16 лет на его плечи злая доля навалила нечеловеческую ношу и считала, что с этой семьёй все кончено. Да и в самом деле, в то время, когда крестьянская семья, обедневшая и обездоленная, жила в бани, топившейся по-черному, задыхаясь от бедности и дыма, добавилось еще горе. Умер отец Игнатия, оставив больную жену – мать Игнашину с пятью малолетними детьми, старшему 16 лет, младшему – 7 дней от роду. Казалось, чего тут жизненного ждать? И не поверить насмеявшейся злой судьбе было бы неестественным. Однако это было бы

преждевременным и несправедливым ранее вынесенным приговором. Игнаша выстоял, выдержал и опроверг все предположения. Он своей собранностью не по годам, силой и смекалкой смертельную судьбу заставил отступить от себя и своих сестёр. Выстроил двухэтажный дом, амбар, баню, ветряную мельницу⁸. Женился, заимел сына, выдал замуж сестёр, женил брата, жизнь заулыбалась труженику. Столь каторжным трудом всё построенное Игнатием Захаровичем дало ему знать на общее состояние здоровья. Ему бы пора и отдохнуть. Да не тут-то было. Казалось, судьба ждала этого момента и решила ещё поиздеваться над этим человеком. В мельнице убило единственного сына Игнатия Захаровича – Михаила Игнатьевича, а с германского фронта на 5 лет позже получил он похоронку о брате.

И опять у его горя невпроворот, и, кроме того, полна изба ребят – оставшихся от брата двое и от сына четверо. И все дети мал-мала меньше. После такого удара все члены семьи стали скучные, мало разговорными, казались старше своих лет. Смертельную рану – гибель сына – получила мать – Мария Романьевна, жена Игнатия Захаровича. Она после этого не могла оправиться и умерла с горечью на устах.

Тяжело переносила утерю мужа Евдокия Ильинична⁹: у ей появились головные боли, белое чистое лицо пожелтело и покрылось морщинками, черные волосы проборонила седина.

Сам Игнатий Захарович понимал и сознавал, что на его все смотрят, от его теперь опять все зависит, поэтому он на глазах семьи старался казаться таким же спокойным, ласковым, внимательным, а подчас пытался даже шутить. Но внешность подводила его – он сгорбился, осунулся, как-то быстро постарел. И это при всем своем старании Игнатий Захарович от пристальных глаз детей скрыть не мог. И опять, как и прежде, со своей холстовой рабочей одежды не вылезал, за исключением престольных праздников. Он, как солдат, готов к труду в любой час и не пропускал зря этого часа. Всячески старался, чтобы улучшить своё хозяйство и обеспечить свою большую семью всем необходимым.

Для остальных членов семьи сочеталась работа с отдыхом. Выработывался семейный план и режим, смотря на период времени года. Всё было поставлено без суеты и поспешности – разумно и вовремя. Что давало неопределимый вклад в жизнь семьи Лариных. Правильное руководство хозяй-

⁸ В НА РК хранится описание этой мельницы: «Владелец: Пигонин Игнатий Захарович, количество крыльев: 8, козловая; основание: ряжевая клетка, забугованная камнем; когда построена: в 1912 году», далее описание прерывается, поскольку на момент составления документа «хозяина дома не было». НА РК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 60/535, 1916. Сведения о водяных и ветряных мельницах в Петрозаводском уезде. Л. 103.

⁹ Жена Михаила Игнатьевича, мать автора воспоминаний.

ством и пламенная забота Игнатъ Захаровича о семье с каждым днем затягивала нанесенные временем раны. И особенно все свои свободные минуты Игнатий Захарович отдавал детям – он с ними огорчался и радовался. И, пожалуй, чаще всего ему делал смех и горе – это имеющийся мужчина в семье, внук Сашка, который пихался и мешал работать деду, а оставленный дедом без присмотра инструмент по своей несообразительности Сашка портил или прятал для себя на черный день. А чуть стоило деду помыться, сесть отдохнуть или покушать, как Сашка забирался к нему на колени и гладил дедов носик, который уж больно ему нравился. Дед много прощал Сашке, так как он был младше других ребят и к тому же единственный мальчик, который напоминал ему своего любимого трагически погибшего сына. Игнатий Захарович достойно заменил Саши отца и сердечной любовью насытил его крепкой, здоровой моральной силой, закаленным здоровьем, тем самым подготовил его для дальнейшей суровой и трудной жизни.

Теперь уже мальчику шла 9-я весна его жизни¹⁰ – когда распускались деревья, дом Лариных, как обычно, окружался различной зеленью. В такое время Саша любил сидеть у открытого окна и следить, как засыпает улица. В избе находят сумерки, мама ходит, гремя ведрами, а на улице вечерняя тишина. Герань, на вид с шершавыми листьями, стоит на окне и ласкает, как может, Сашу своими ветками, и занавеска ластится на его плечо, а напротив, в палисаднике, черёмуха, береза, кустарники малины перепутались со смородиной.

И вот именно в это время рядом с ним в кустах защёлкал соловей. Сперва он запел нерешительно и робко, словно раздумывал, оставаться ему здесь или нет. Потом разошёлся, защёлкал звонко, сильно. Соловьиные песни Саша слышал второй раз в своей маленькой жизни, здесь соловьи редкие гости, просто случайные. Но этот соловей был свой, он поселился здесь, возле дома, под окошками. Всю ночь до рассвета пел соловей, то замолкал, то снова заливался на разные лады. И Саша всю ночь просидел у полуоткрытого окна, испытывая ни с чем не сравнимое волнение. Сидя у окна, мальчик задумался, поглядывая на черневшую у изгороди черёмуху, на шелестевшую листву, часто разросшуюся у окна.

Тихо, спокойно было в заснувшей деревни, только далеко из-за поля долетали звуки балалайки и запоздалые песни девочек. Густая роса дымчатой сеткой ложилась на кусты и траву. В воздухе мелькали летучие жуки и слышалось стрекотание каких-то насекомых, невидимо со всех сторон текли запахи. Больше всего напоминало о своём присутствии озеро своими отличающимися запахами водорослей и прохладой. Белые ночи

¹⁰ События дневника начинаются в 1928 г.

входили в силу, но пасмурная погода темнила их. Саша не знал, откуда и когда очутился рядом с ним его закадышный и неразлучный друг Вася, который шипел на ухо Саши: «Давай найдём гнездо соловья». Саша от неожиданности вздрогнул и грозно зашептал: «И не думай! Голову оторву». Но от такого соблазна не утерпел, и через маленькое раздумье два друга тихо спустились с окна в росистые кусты.

«Смотри не спугни!» – предупреждали они друг друга, осторожно обшаривали кусты; искать пришлось долго. Наконец в глухой тёмной чаще кустарника зоркий глаз Саши заметил черневшее гнездышко. Со стороны, не доходя сильно близко, ребята разглядели свою находку. Гнездышко висело низко над землёй, в углублении между молодых ветвей. На вид оно было глубокое, свитое из сухой прошлогодней травы. На самом дне гнездышка лежало четыре крохотных матовых яичка. Друзья давно собирали коллекцию птичьих яиц, которые лежали у обоих дома с большим почётом. У Васи в корзины, сделанной из лучины. У Саши – в деревянном ящике, разгороженном клетками, для каждого яйца – клетка. Огромный ящик почти весь был заполнен различными яичками – от самого маленького, крохотного – пёночки до крупного – кряквы. На каждой стенке клетки, где лежало яйцо, значилась надпись: «Название птицы и дата найденного яйца».

Хотя в коллекции не было названия соловья, но всё равно друзья не только не взяли, но и не дотронулись, и поклялись друг другу, что и никому не скажут о нем. А соловей через некоторый перерыв снова награждал ребят прекрасной звонкой песней соловьиною.

Саша не только любил слушать птичьи песни, он получал большое удовольствие от пения людей, и особенно, когда поет в полном сборе семья Лариных. Нередко случалось, что и его слушали, когда он пел и играл сначала на 10-копеечной гармонии, купленной ему дедом, затем на балалайки, привезённой сестрой Аней. Саша быстро научился и на гитаре, и потом на мандолине. Но видно было, что все эти инструменты ему давались близко и сравнительно легко, а его сердце не занимали, и что-то оно искало другое.

Он увлечённо лазил по лесам, борам, болотам, пополняя свою коллекцию яйцами, прислушивался к пению птиц, к жизни лесной природы и её живому миру. Нередко он случайно находил калеченых птиц, которых брал и лечил. Так он вылечил двух воронят, которые так привыкли к нему, что уже больше до конца своей трагической гибели не покидали Сашу. Были у него на излечении голуби лесные, галки, синицы, сороки и другие, а случайно даже нашел ягненка и выкормил его до большой красавицы овцы, которая буквально преследовала его, даже чувствовала его запах и отлично знала его голос.

Саша много своего свободного времени отдавал морским делам. Он, как и помнит себя, делал из бревен плот к каждой летней навигации. Оснащал его рулевым управлением, парусом и веслами, красный флаг и фуражка-бескозырка. Был такой случай, когда лёд унесло в аккурат накануне запоздалой Пасхи, а плот ещё не был готов к плаванию. На помощь Саши пришел его друг Вася, но и от их дело плохо продвигалось, тогда включился в это «нужное дело» и сам Игнатий Захарович. Только благодаря его плот в пасхальную субботу почти был готов, но не хватало петли к рулю. Но уж чего-чего, а петли у такого запасливого старика всегда найдутся. Вот он-то и адресовал Сашу за петлёй, которая лежала на висячей полке в кладовой. Мальчик опрометью бросился за петлей. Но до полки, где лежала петля, у его не хватало руки. Тогда он отошел, с разбега подпрыгнул, схватил петлю; от этого толчка полка качнулась, т. к. она повешена на веревке, и содержимое на ней все упало враз, и, самое главное, упала корзина, накладка доверху яиц, приготовленных варить на Пасху. На такой стук, гром и трескотню вбежала мать Сашина Евдокия Ильична. Увидав, что корзина кверху дном лежит на полу и из-под ей текёт яичная жидкость, она схватила первый попавшийся таз и вместе с Сашей, молча, начала собирать остатки, которые могли ещё спасти. Как только самоотверженная работа подошла к концу, Евдокия Ильична мгновенно рванула с гвоздя новые, намазанные дегтем гужи, приготовленные дедом для хомута. Но Сашка давно следил за её движениями и поэтому не был захвачен врасплох, он уже был на улице, тогда она, окончательно рассердившаяся разбитыми яйцами к такому празднику, да к тому же схватившая только что вымазанные дегтем гужи, – и виновник ушел не наказанный. Она бросилась за им. Но Саша тем временем, видя за собой опасное преследование, добежал до берега. А к тому времени, на его счастье, плот уже колыхался на воде, и дед с Васей любовались на его и не заметили, как Саша, не помня себя, бросился по колена в ледяную воду, толкнул плот, животом упал на его, задрав при этом высоко кверху ноги и раскинув руки, как будто обнимал самое дорогое для его на свете. А плот со своим хозяином, колыхаясь на воде, все дальше уходил от берега. Евдокия Ильична, видя свою беспомощность, кричала вслед удалявшемуся сыну: «Сашка, свинья, вернись! Смотри, потонешь, так домой лучше не приходи!» А дед ничего не знал и не подозревал о случившемся дома. Смеется: «Да, уж если потонет, то домой не придет. Но, а только тонуть ему нет надобности, плот у его хороший, да и он моряк „старый“». Тут только Евдокия Ильична заметила деда и подскочила к нему с криком: «Как отличный, как „старый“, а яйца?» А дед продолжал смеяться и думал, что его внук оскоромился и съел раньше времени пасхальное яичко. Говорит: «Подумаешь, если и съел парень одно – так э, какая беда!» Мать ещё больше налетела на деда: «Какое одно, он все съел».

Не на шутку от рассердившейся матери Сашу спасли плот, дед и сестра Ганя. Действительно, у Саши плот был отличный, он на нем ездил, как правский моряк, ловил рыбу немудреными ловушками. Ездил по островам, собирал птичьей яйца, пополняя свою коллекцию. Кроме перечисленных занятий, Саша играл в футбол, правда, мяч у их был немного необычный, скатан из коровьей шерсти вместо кожи. Но для таких заядлых футболистов, как Вася, Саша и других их друзей, на ход дела это не влияло. У их и бутсы были без шипов и шнурков, но зато легкие, всегда с собой и готовые в любую минуту к игре. А под конец футбольного сезона они и действительно черные, как настоящие бутсы, а у кого где не числится черной грязи, так от холода красные, точно-точно гусиные лапы, а не ноги, носившие своего владельца. Так они играли вплоть до замерзших ламб и забережьев, после чего переключались на коньки, которые у большинства тоже имели свои отличия. Выстроганная деревяга, опиленная по размеру ноги, просверлено два отверстия впереди и сзади для веревок, которыми привязывались к ноге, а с обратной стороны ко льду забивались в деревягу косники (ломаные косы). Вот и коньки, служившие беговыми, фигурными и для всех остальных физкультурных состязаний. В этих местах большинство населения ходит отлично на лыжах. Но настоящие фабричные лыжи имели единицы. У большинства были свои самодельные. Вот и Саша сначала катался на досках от бочки, воображая лыжи, а затем на сделанных дедом с полозьев дровен. А уж позднее, по просьбе матери, дядя, который работал в городе на лыжной фабрике, прислал лыжи одна длинней и шире другой, к тому же разной окраски. Но эти дефекты огорчить Сашу, конечно, не могли, у мальчика от счастья не было границ радости. Он с лыж не сходил, они даже снились ему, свои сказочные, присланные дядей лыжи. Без утайки ребята в школе завидовали ему, что он имеет такие «добротные» лыжи, на которых Саша выступал на школьных соревнованиях, ходил на охоту. Несмотря на то что не было ружья, но он был заядлый охотник, ставил на звериный след петли, на птички – силки. Правда, за всю свою многолетнюю охоту добыл только одного зайца, но не это было главное. Он любил лесной простор и весь лесной сказочный и таинственный мир. Много Саша знал о лесе из своих походов, но еще больше из рассказов деда. Не зря же они ездили в лес за дровами и за сеном, которое находилось за 8 км от их деревни, а другое и того дальше.

Особенно запомнилось Саше то раннее утро, когда легкий морозец потрескивал по улице, а дорога, бежавшая впереди, блестела с золотистым оттенком на белом снежном покрове, а иней с голубизной пушисто украшал деревья. Шурка*, легко бежавшая, пощёлкивая подковами,

* Кличка лошади.

тащила за собой дровни, на которых, как и обычно, лежали два ямщика – мал и стар. Чем дальше въезжали в лес, тем больше охватывала тишина и красота природы наших ямщиков. Дед неторопливо пояснял Саше неясные ему вопросы. Мальчик, с широко раскрытыми глазами, покрытыми ресницами инеем, влюбленно интересовался всем. Вот хохлатые синички обсыпали иней, ловко обыскивали ветки деревьев, застучал где-то совсем близко дятел. Но вот с тревогой и криком помчались сойки. Шурка подняла высоко голову, как будто сойки разбудили её, да так зафыркала, долго и продолжительно, что по лесу побежало грозное эхо, которого, как будто и сама она напугалась. И настороженно смотрит в одну и ту же сторону, откуда летели сойки, и как будто туда же улетело громкое Шуркино эхо. Но оказалось, тревога была не напрасной. Слева от нас раздался сильный шорох, а с потревоженных деревьев посыпался иней и падал снег.

Из чащобы вынырнул лось. Заметив подводу, лесной великан резко повернул в сторону ехавших и примерно в тридцати, а может быть, и меньше шагах остановился у ивовых кустов. Дрожа мощным телом, с наклоненной головой, умоляюще смотрел на людей, как бы прося защиты. Вслед за лосем на краю оврага появился волк, потом второй. Тут остальное все произошло непредвиденно и очень быстро.

Шурка, схлопнув уши, до треска оскалив зубы, вздыбила, рванула от зверей в противоположную сторону, опрокинув дровни, из которых вылетели с разинутыми ртами ямщики, и была такова. Лишь вихрь снега клубился вслед за ней по дороге. И так Сашка с дедом оказались в снегу, лежа с глазу на глаз с лесными зверями. А те занимали прежнюю позицию, из которых один просил защиты, а другие с ехидством и затаенной злобой наблюдали за происходившим.

Тем временем дед тихонько встал – за ним встал и Саша, который, лежа в снегу, сожалючи наблюдал за удалявшейся предательским побегом своей любимицей Шуркой, но?..

Люди тоже теперь оказались беззащитными. Они постояли немного и, оглядываясь назад на волков, друг за другом настороженно пошли в сторону дома. Не сделали они и два десятка шагов, как и лось трусливо пошел за ими по дороге, но волки только встали и продолжали наблюдения. Люди пошли быстрыми шагами, а лось продолжал трусливо и, оглядываясь во все стороны, идти за ними. Наконец лось уже осмелел к людям, трусцой побежал почти по пятам старика. И волки тронулись за ухודившей трапезой. Тогда дед скомандовал Саши, и одновременно с им они свернули с дороги в сторону к занесенной снегом изгороди, быстро вытащили из ей по колу и стали в ряд, готовые к обороне. Лось же по-прежнему продолжал свой путь по дороге, не свертывая за людьми, только,

проходя мимо их совсем на близком расстоянии, смотрел на спасителей робко, а люди стояли, как будто принимали звериный парад. Волки посмотрели, прошли еще по дороге ближе к «принимавшим парад», потом раздумали и медленно потянулись в лес. Отойдя метров 200, легли. А люди с кольями тихо пошли за лосем, как бы охраняя его. Когда Саша и дед вышли из-за поворота, лося нигде не было видно, и сзади волков не наблюдалось. Они быстрыми шагами с кольями на плечах зашагали домой. А чтобы дорога не так была длинной и отвлечь испуг от только что произошедшего, дед попросил Сашу рассказать подробнее, где и как он сжег месяца два тому назад грудь и живот себе?

И Саша поведал ему, как лучшему «другу», все без утайки... Дядя Володя Романов, который приехал к своему брату к дяди Вани, соседу Лариных, убивал барана. Ну, вот, значит, попросил нас поймать барана и заташить на сарай, что мы и сделали, а он нас наградил – по конфеты каждому дал.

Взял барана, поставил себе между ног и зажал голову его коленями, перекрестил и говорит: «Прощайся барашек с белым светом», – а сам со всего размаху обухом топора мяч по лбу, а баран голову свернул, ну вот. А дядя Володя промазал и ударил место лба бараньего себя в колено. Баран с бляем побежал на улицу, а дядя без сознания упал на солому, приготовленную для обделки туши бараньей.

Вот мы и побежали сообщить ихним. Мы с Васей вбежали в пекарню, а дяди Ванина жена Мария Ивановна с пеклом у печи возится. Вася и крикнул о случившемся на сарае, а у ей пекло в руках, на пекли противень с румяными кренделями. Она, раскрасневшаяся, как закричит на нас: «Расстегайте пуговки у рубах! Мы как по команде выполнили. Ну, она нам поровну шуронула этих румяньких кренделей и сама тягу – в общем, нашла выход, куда деть крендели. Ну, а мы с Васей сначала на месте запрыгали, потом с воем на улицу, не оставляя же крендели в пекарне. Выскочили на улицу. Вытащили рубашки из штанов, и крендели высыпались. На грудях у нас и на животах остались волдыри. Ну вот, собрали в шапки крендели и со слезами пошли по домам.

После рассказанного дед молчал, только нахмурился и губами зачмокал. А Саша в это время звонко закричал: «Шурка!». И действительно, Евдокия Ильична ехала за «пропавшими» ямщиками. По дороге матери, а по прибытию домой Саша рассказывал и пересказывал о случившемся случае в лесу друзьям, сестрам, знакомым уже сотый раз. Да при этом так разгорался, да так расхрабрился, что взял балалайку и с сестрами пошел на «беседу». Здесь уже много было взрослых, конечно, деревенских девчат, и все они с рукодельем, кто вяжет, а кто прядет и потихоньку поют. Саша знал все эти песни и стал подыгрывать. Но вот явля-

ются парни в шубах, валенках, с козьими ножками в зубах. С шумом, с гомоном рассаживаются по кругу по избе, кто на лавку, а кто на пол. Некоторые на прилавок, а другие прямо на печь забралась. Не прошло и полчасика как они ввалились, а уже дыму в комнате хоть топор вешай, шуму, хихота от нанюхавшего табака, на печи вслух, сначала поодиночке, друг перед другом, а потом с дуплетом, с оглушительным треском – портят воздух.

А тут чей-то огромный подшитый валенок летит с печи и прямо по лампе – на миг стал темный мрак – только огни самокруток бегают из стороны в сторону, тут пошла чистая суматоха – кудели то там, то сям вспыхивают факелами – вязальные нитки путались в ногах, девки визжат, парни гогочут, кругом возня. Саша бросился к выходу, но кто-то поддал ему валенком под зад, и он очутился в свалке, организованной прямо на полу у дверей. Но, к счастью, чья-то сильная рука схватила его за шиворот и выкинула со своей балалайкой прямо в коридор. Выбежав на улицу, раздетый и с голой головой, не обращая на это внимание, общупал балалайку, та, к великому его удивлению, оказалась цела. Он вприпрыжку бросился домой и больше на такие беседы не ходил.

Время на месте не стоит, вот уже минули особенно длинные и темные вечера и ночи, подходят заговенья, Масленая. Эх! И хорошее это время, особенно для молодежи. Чего только тут не творят: гадают, колдуют, ходят ряжеными, подслушивают, катаются на санках, на дровнях, на прялках с горки. На раскормленных лошадях развезжают по волости. Особенно Саша любил последнее. Запрягает ему дед лошадь, и дуй куда хочешь. Это ли не удовольствие? А лошадь деда всегда сытая, чистая и молодая. Задерет свою маленькую головку и, не чуя ног своих тонких под собой, летит с ветром вдруг. Вот это просто сказка. Но впервые в этом году дед отказал Саши в этом сказочном удовольствии, т. к. сестра Сашина Ганя выходила замуж, и лошадь тоже была занята свадебными делами.

Итак, в спокойную трудовую семью ворвался вихрь свадьбы. Он закружил всех в семьи и близких, дальних родственников, даже хороших знакомых и соседей по деревни. Наконец, пришел тот день, а в нем и час самого пиршества. Невестины гости все в сборе, ждут жениха со своими гостями. Хотя и жениховы гости все давно готовы, но... вершники дважды побывали у невесты, дважды им выносили на подносе вино с закуской. Они с аппетитом угощались и удалялись, у их служба идет. А когда к жениху возвращались, докладывали, что у невесты еще к приему его не все готово. В третий раз вершники застучали в дверь в дом невесты с приказкой:

*Здравствуйте девицы!
Пирожны мастерицы!
Хлебны полубницы!
Мы, вершники, пришли и
Свою свадьбу привели!
Просим разрешенья войти
И молодого князя ввести!
Им дверь открывают и с хлебом с солью не встречают.
Тут жениха с невестой сводят, на иконы Бога молят.
И садятся за столы.
И пили и ели как могли.
А потом и песни пели, и досыта поплясали.
Наконец-таки устали –
Вершников искать не стали.
Расходились, кто как мог,
А кто не мог – так тут и лег.*

На следующий день по плану свадьбы – катания на лошадях с заездом в гости к Ковалевым и Абрядиным¹¹. Это всего на двухкилометровом расстоянии. Первым, как по обычаю, лихо помчался верхом на лошади вершник. За ним жених – в маленьких санках, в которые был впряжен вороной.

Саши показался жених бледноват, но такой же красивый, шустрый и сильный, как и раньше. Он был всегда веселый и жизнерадостный, со справедливым, прямым, немного круговатым характером. А теперь Миша сидел в санях и любовался на своего маленького воронка, которого впервые доверил управлять в другие руки. Не успел Саша по-настоящему все рассмотреть, вспомнить и размыслить, как из-за угла дома вылетела Шурка с раздувающимися ноздрями, с развивающейся гривой на две стороны. Сама чистая, гладкая, с расстилающимся волнистым хвостом, с большим колоколом и разноцветными бантами под высокой дугой – стремительно и во всей красе промелькнула мимо Саши. Как будто боится, что жених уедет, и из-за её невеста останется старой девою. Эх, как бы Саша хотел быть там и управлять горячей и умной красавицей Шуркой и слушать песни свадебные девчат. Но это уже невозможно, т. к. после Шурки уже пятая подвода по счету несется перед им. Так мальчик сидел на очередной свадебной лошади и ждал своей очереди. А разъяренные быстрые лошади своей бешеной скачкой несли эту веселую подхмелевшую публику со снежным вихрем вдруг. И, казалось, нет такой силы, чтобы остановить, догнать свадьбу. Сашин черед тем временем давно

¹¹ В документах XIX–XX вв. фамилия пишется «Обрядины».

прошел, и он выбивался из сил, чтобы встать хоть капельку в строй свадьбы, бил кнутом непослушную зарокистую лошадь, которая в ответ только мотала головой и юлила хвостом, лениво переставляла свои мохнатые ноги. Саша тогда изловчился и изо всех сил ударил кнутом под живот негодяю, но тот еще ловчей сыграл задними ногами, от которых отлетел крепкий ком снега, ударил мальчика в нос и губу так, что одновременно струей хлынула горячая молодая кровь. Этим окончательно был сражен ямщик и, обливаясь своей кровью, лег в сани и поплыл вслед умчавшейся разгоряченной свадьбы.

Время идет, как вода течет, вот ручьи-та и оповестили об окончательном приходе весны. Весенние гулянки по деревне начинаются с качелей святой недели с обхватом всего населения и тянутся вплоть до Петрова дня. Все гуляли нарядные, развеселые, пели песни заветные и залихватские. По чистому всполью, по зеленым троицким рощам, по берегам квета¹² воды озера, Иванов-дня, Корбова дня, Макарья, всю весну и лето молодежь празднует весенне-летнему богу. Сердечных утех и любовной сладости, то веселье, забавы, шутки, утех, милованья. Затем и конца им нет. До солнечного восхода раздаются звонкие песни, топот удалых плясок, забыв усталость дневной работы, не помышляя о завтрашнем труде. Только дым коромыслом валит из-под каблуков, искры сыплются, а от испаренных голов пар столбом валит. И так шло и повторялось вплоть до весны 1930 года.

С наступлением весны [19]30 года во многом жизнь здесь изменилась. Это была серьезная весна колхозная. Она всем принесла перемену – кому радость, кому слезы, а некоторым к выбору две дороги – старую и новую. Здесь не обошлось без суеты, склок, дележки и разных слухов. Но с каждым днем заметно было, что новое формируется на прочный фундамент, а старое оттесняется. Окончательно провозгласилась победа нового – это 1-го мая. Когда впервые 1-го мая 1931 года здешний деревенский весь народ, от мала до велика вышел рано утром на улицу и собрался у сельсовета, здание которого было ярко украшено кумачами – портретами и лозунгами. Посреди улицы было перевернуто два огромных ящика – это была трибуна, с которой без шапки выступал председатель с/совета.

А потом построились в колонну и пошли с пением революционных песен в Сенную губу навстречу школьникам. Повстречавшись, колонны слились в одну единую и двинулись на могилы жертв революции. Здесь выступали многие. Но выступление участкового уполномоченного милиции Алупова П. Е. задело за живое. Наклонив и обнажив головы, дети и женщины навзрыд плакали, а мужчины хлюпали носами. Вот это да!

¹² Квет – цвет, цветок.

Саша еще никогда не видел такой картины и не слышал таких простых и в то же время особых слов, сказанных об истории в борьбе за Советскую власть в нашей стране, и в частности у нас в Заонежье. Это было засеяно сильное семя в детские сердца Павлом Ефимовичем Алуповым. Они не выходили с головы у ребят, да и взрослые обсуждали «кучками» слова Алупова. А когда после демонстрации в школе проходил общий обед школьников, тут директору школы О. И. Шороевой пришлось согласиться с общим мнением учеников пригласить П. Е. Алупова в школу на торжественный вечер, на котором чтобы он рассказал всем ребятам об установлении Советской власти в Заонежье.

Недолго пришлось упрасивать Алупова, он сразу согласился, а вот на подготовку такого торжества ушло больше времени. Наконец, день настал, в школе торжественно убран и украшен зал, который переполнен детьми и их родителями. Саша и не заметил, как его дедушка появился в зале и уселся рядом с фельдшером. Саша его приглашал, дед ничего не ответил определенного, но, видя, что внук уж очень щепетильно готовится к этому вечеру, и решил уважить его. Придя в школу, Игнатий Захарович почти никем не замечен, зашел в зал и сел на свободное место, которых уже почти не было. Впереди на сцены стояли два стола, накрытые красной скатертью, и на середине стола литровая бутылка с водой. Не успел дед все рассмотреть по-настоящему, как услышал знакомый Васин Р. голос: «Идут!» Это условный сигнал подавал Вася для Саши.

Тут только увидел дед Игнатий своего внука, который стоял у красного стола, повернувшись лицом к публике. Да такой красный, что не отличишь лицо от галстука. Весь пылал огнем.

У входа в зал в дверях появился всегда улыбающийся, добрый, прямой, подтянут и начищен Павел Ефимович, за ним шли директор школы и... и... никогда Саша не думал – дядя Митя Ковалев (брат Сашиной матери). Но тут что-то с Сашей произошло, он и сам после ничего не мог объяснить. Выпрямился – крикнул громко на весь зал: «Встать!» И сам четкими шагами, правда, еще не чисто военными, но вроде этого, подошел к участковому, сделал салют пионерский и чуть не на крик отрапортовал: «Товарищ участковый уполномоченный Советской милиции! Ученики Сенногубской неполной средней школы совместно с родителями в сборе по случаю торжественного вечера, посвященного воспоминаниям о восстановлении Советской власти в Заонежье! Ученик 3-го класса Саша Пигонин». Больше ничего он не сказал и ничего сам себя не помнит от таких волнений и радости. А дальше шло своим чередом – Алупов поздоровался со всеми собравшимися и начал. Сашу подхватил, посадил в президиум с собой. Вечер открыла Ольга Ивановна, директор школы,

в своем кратком выступлении сказала, что на сегодняшнем вечере выступит Павел Ефимович о завоевании Советской власти в Заонежье, а товарищ Ковалев Д. И. – это один из активных участников в завоевании и установлении Советской власти в Заонежье.

Саша поймал дядину руку под столом и крепко пожал, а сам большими открытыми глазами смотрел дяди в глаза, который, как и всегда, со спокойной и ласковой улыбкой смотрел на мальчика и свободной рукой погладил Сашу по спине. А в это время Алупов своим красноречием призывал ВСЕХ быть достойными Строителями Социализма, Пламенными Патриотами своей Родины.

Это было вечером неповторимым – ни на каких уроках в школе не найдешь ничего подобного. Это был вечер открытия глаз, зажжения правильного огня в Сердцах на благо дальнейшего нашего Будущего, на славу и процветания нашей Родины.

При наступлении первого дня колхозного лета ребята после окончания школы работали в колхозе, пасли лошадей, боронили, пололи, поливали огород, занимавший здесь впервые такой большой массив. Работа шла по расписанию, не нарушая его ни единого пункта.

После раннего утреннего подъема и завтрака ребята гурьбой спешили на работу, посреди дня собирались на пароходной пристани, купались, обедали и возвращались на свои закрепленные работы. Вот также 30 июня закаляли свои загорелые тела в воде Онежского озера, с пристани прямо ныряли в воду, а кто и прямо солдатиком скрывался в блестящей на солнце воде – подымались, отфыркивались и снова повторяли свои номера.

Но тут кто-то до боли пронзительно прокричал: «Пожар». Все сразу стихло, только кряхтение изредка издавалось при натягивании нехитрой одежды на мокрое тело. Мигом, как будто ветром сдуло всех ребят. Они все, как по солдатской тревоги, суетились возле огромного разбушевавшегося огня, который с ревом, шумом и трескотней пожирал 2-этажный Северьков¹³ дом. С такой стихийной громадиной боролась только старенькая старушка, бабка Лиза. Ребята сразу же кинулись к ей на подмогу. Но силы были далеко не равны. Огонь быстро перемещался с дому на дом. Саша и сам не заметил, как оказался отрезан и прижат огнем к воде, в которой стоял махонький теленочек и жалобно смотрел на Сашу. Мальчик быстро схватил теленочка за ухо, и побежали к плавающим сходням. Запрыгнули на их и поплыли по берегу в поле. Телок, пока чувствовал себя в опасности, был таким, как говорится в русской пословицы,

¹³ Дом Севериковых был одним из самых больших в деревне. В пожаре 1931 г. выгорела половина деревни Лонгасы.

«мокрым теленком». Но почуял спасение и близость берега – не совсем, оказывается, он был «мокрым». Задрал хвост, как махнул на берег и был таков, а Саша от внезапного неожиданного телячьего толчка не устоял на ногах и бултыхнулся в воду. Но тут же, оправившись, такими же быстрыми прыжками, как и телок, скрылся во ржи.

Столбом черного стоящего дыма и колокольным звоном собранный народ самоотверженно и храбро боролся с озверелым огнем. Наконец огонь, скрещенный множеством струй воды, начал медленно слабеть, а затем и затухать, хотя поминутно огрызался новыми вспышками. Но вода и труд людей взяли верх, незванный обжора стих, только все его следы покрылись паром, смрадом, стоном и плачем. Полдеревни не стало. Бедные люди остались без крова, одежды и пищи. Но с уцелевших домов соседи сразу разобрали погорельцев. В дом Пигониных пришла семья Романовых, т. е. Ганя вернулась в родительский дом с мужем, дочкой и свекровью. Саша скрытно был рад приходу Романовых, а особенно любил Ганину дочь Валю, белокурую, смазливую, ласковую говорунью.

С этого времени Саша, Валя и Вася стали все неразлучны. Это трио можно было видеть везде в деревни и за ее пределами с раннего и до позднего времени. Они все делили пополам – радости, горести, сладости и даже хранили от других свои тайны. Веселились радости одного, выручали с беды и горя другого. И так маленькая Сашина жизнь была насыщена до краев разными событиями деятельности своей деревни.

Далеко еще не забыты ужасы, порожденные пожаром, сегодня вновь гремит тревожный колокольный звон, оповещающая людей о случившейся «беде», которая не спеша летела по чистому летнему голубому небу с юга на север. Старики и старухи, падая на колени, со слезами на глазах, усердно молились Богу – и сердитыми взглядами на других требовали последовать их примеру, т. к., по их мнению, это оказия привезла Господа Бога на землю, и вот скоро он будет спускаться. Но тут мужской голос заголосил, не помня себя: «Это же не оказия с Богом, это же лятит Кибра!» «Какая там Кибра?» – громовым голосом перебил Егор Федудин. «Что вы, ослепли? Это же чистый Пупырь лятит!» Не успел кончить Егор, как женский звонкий голос произнес: «Пупырь не Пупырь, да и не Кибра, а чистый Фуфырь чешет!» И он действительно «чесал», а народ всей гурьбой за им бежал с одного конца деревни в другой с криком, гомоном, с мольбой, смехом и все ждали какого-то чуда с пролетавшего голубого великана с золотистой надписью «Граф Цеппелин», которого так хорошо разглядывало в подзорную трубу наше трио, и слушали правильные слова М. И. Романова, Валиного отца. Не прошло с того памятного дня недели, как газета оповестила, что

пролетал делижабль «Граф Цеппелин»¹⁴ и разбился в горах на севере около гор. Мурманска.

Так, день за днем, год за годом, и подошел 1934 год, год коренного перелома в Сашиной жизни. Закончив Сенногубскую семилетку, его готовили учиться в город Петрозаводск. Да, это он понимал и сам себя убеждал в этой необходимости и всячески внушал мысль о скором отъезде. Но где-то в глубине души звучал настойчивый внутренний голос: «Ты здешний, деревенский, и неужели тебе не жаль бросить все и уехать отсюда навсегда?»

Как обычно, в конце августа в зелени берез появились желтые косы – первый признак уходящего лета. И до этого наблюдательный мальчик чуял всем своим сердцем близкий отъезд, ходил как во мраке ночи. Прощался со своими родными, ему только известными дорогами местами, приютившими и приласкавшими его с младенческих лет. И не только грустил один Саша, но грустили и его близкие друзья и товарищи, а особенно «трио».

А раз, по несговариванию, собрались они трое в восточном поле у вересовых кустов и молча плакали, и Шурка, чуя своей лошадиной болью разлуку, наклонив голову, стояла над ними с опущенной до Сашиного плеча головой и изредка полизывала мальчишечье плечо и ухо своим мягким, от травы позеленевшим языком. Так их и застал Игнатий Захарович, долго не показываясь и наблюдая за неповторимой явью, которая сдавила до боли его стариковское сердце. Наконец, переборов себя, он решил взять и всех четверых увезти домой.

Дома, когда еще тлела малиновая заря, во время ужина мать погладила Сашу по голове своей мягкой рукой и сказала: «Значит, сынок, завтра уезжаешь в город». Что-то дрогнуло в груди Саши при этих словах, и он посмотрел на дедушку, сидящего рядом с им. Дедушка показался ему похудевшим и еще более постаревшим. Дед отвел глаза от Сашиного вопросительного и тревожного взгляда. Молча поужинав, разошлись по своим местам. Саша чувствовал, что ему тяжело, но не легче и деду с матерью. В эту ночь, когда Саша лег спать, дед вошел тихо в комнату, подошел к Сашиной кровати, опустился на колени у его изголовья и припал к подушки. Саша не спал, высвободив из-под одеяла руку, погладил старика по голове, бороде и крепко стал целовать в его мокрое от слез лицо. Жалко было покинуть его, расстаться с матерью и родными, друзьями и с детства милыми местами.

¹⁴ Граф Фердинанд фон Цеппелин (08.07.1838 – 08.03. 1917) – немецкий конструктор дирижаблей жесткой системы, которые в дальнейшем часто называли «цеппелинами». В июле 1931 г. состоялась международная воздушная экспедиция в Арктику на дирижабле «Граф Цеппелин», научным руководителем которой был Рудольф Самойлович. 26 июля 1931 г. дирижабль «Граф Цеппелин» пролетал над Петрозаводском.

Утром перед отъездом позавтракали, посидели с минуту молча и пошли на пристань, к которой, уже разрезая своим мощным носом воду, шлепая быстро-быстро колесами и своим громким гудком оповещающая окрестность о своем прибытии, шел белый-белый пароход «Анохин». На пристани еще раз поцеловались с сестрами, с белобрысыми Валею и Васей, попрощался за руку с друзьями, с дедушкой обнялся. Крепко, трижды дед поцеловал Сашу и спокойно сказал: «Прощай, дорогой внучек!» И все. Выпавшая крупная, скупая слеза не дала старику больше ничего сказать. Саша не вытирал перепутанных своих и дедовых слез, дрожащим голосом, глядя деду прямо в глаза, сказал: «Я тебя и Маму никогда и нигде не забуду!» И тихо, покорно, как-то неуклюже пошел на пароход. Когда пароход отошел от пристани, на ней стояли рядом все такие милые, родные и близкие и махали ему кто чем. Саша раза два или три в ответ махнул кепкой и так голою головой и остался стоять, рассматривая родных и родную сторону, как будто в общем сборе или на нарисованной картины. И вдруг почувствовал, что вот именно сейчас, а не раньше, что-то оборвалось в его 14-летней жизни и безвозвратно, и непоправимо. Только так весенняя льдина отрывается от родного берега и навсегда уносится в неизвестную туманную, бурную даль.

Юность

Большой трехэтажный пароход «Анохин», оттолкнувшись своей полукруглой кормой от заонежского берега, окидывая себя густым дымом и паром, различным лязганьем и шумом, часто шлепая своими лопастями красных колес о воду, после 4-часового хода приближался к противоположному берегу, на котором, окруженный мощным лесом с наклоном к берегу, грустный и задумчивый, не обращая никакого внимания на приближение парохода, лежал г. Петрозаводск. И тут разгневанный «Анохин» дал свой громовой голос, который слышался по всей округи, а эхо его улетело. И тем дальше оно вторило и держалось долго-долго и как будто не хотело умолкать. Старалось залить весь мир и превратить все в живое.

Правда, после сигнала на самом пароходе все ожило: замычали коровы, заблеяли овцы, закудахтали куры, зашевелились люди, стало как в деревне. И интересно то, что Заонежье одно, а разговор разный, на каждой пристани свой. Вот уже не надо и спрашивать – это вот кузарандское: старушка кричит парнишке: «Мишкя!» – мальчик отвечает: «А?». Бабка: «Кукушки на! Люди – ту гатовы, а ты шлепашь куды-ту, чё не глядишь на дела-ту? Веть парохот-ту оттрубил, выходит нап». А тут женщина, стараясь перекричать всех, неизвестно к кому обращалась: «Куды улифкала Арапка-то?». Другой голос ей ответил: «У ей пятун с полице куды-

то делся». Женщина: «Вот раззява-то!». Это шунская*. И такая шумная густая толпа, обвешенная мешками, кошалами, ящиками, различными корзинами, вываливалась на прижатую пароходом деревянную, полную, заполненную горожанами, пристань.

Приехавших деревенских гостей встречали, обнимали, целовали и не замечали, как этой доброй тропезией создавали еще большие трудности выйти приехавшим на пристань. А тут еще вдруг раздался пронзительный, отчаянный женский крик, который заставил всех притихнуть, остановиться и обратить внимание. Саша ничего не видел, только слышал, как матросы выполнили команду «с мостика бегом», а некоторые даже с баграми в руках направлялись в сторону трапа. Мальчишка, <...>¹⁵ зажатый со всех сторон вещами и народом. Да еще своя большая, тяжеленная корзина не давала ему никакой возможности не только пошевелиться, но и повернуть в сторону голову, а так бы это было необходимо, т. к. впереди стоящая старуха с мешком на плечах то и дело терла его лицо своим мешком или задевала фуражку, которая закрыла мальчику глаза. А тут еще Саша почувствовал, что теряет палубу из-под ног: «Понесли!». Он вцепился обеими руками за свою корзину и, повинувшись людскому потоку, который тащил его неведомо ему куда <...>. Напрягая последние силы удержать корзину, вдруг он коснулся одним носком пола, а потом и другим, поправил фуражку и увидел, что он среди трапа и стоит к пристани спиной. Как все получилось, Саша и сам не знал. Только увидел, что матросы налаживают порядок, и посреди их стоял мокрый бородатый дед, на руках которого был завернутый в одеяльце ребенок, и с их обоих текла ручьями вода.

Оказывается, женщина не могла удержать ребенка, и он плюхнулся в воду между пароходом и пристанью, дед полубопытствовал, заглянул, как и куда упал ребенок, и сам угадал вслед в холодную воду. Дед понял, что в такой воде находиться долго нельзя, он и захватил ребенка, а матросы подняли их обоих. Многие думали, что дед патриот, сам прыгнул спасать ребенка, и говорили: «Вот герой!». А дед, дрожа от холода и страха, отвечал: «Герой-то герой, а вот кто толкнул меня старого в воду, тот грех на душу взял». Один молодой матросик хихикнул и плутовато повел глазами. «Это его, наверно, работа», – думал Саша, тихонько волоча корзину, шел по пристани на выход.

Наконец, после больших неудач и стараний вышел Саша на берег, а тут в массе народа гуськом выстроены, как напоказ, лоснящиеся разношерстные лошади, впряженные в легкие рессорные кабарлетки¹⁶.

* Из с. Шуньга.

¹⁵ В тексте пропуск.

¹⁶ Кабриолеты.

На передке у каждой сидел ямщик и весело выкрикивали на разные голоса, приглашая пассажиров садиться в их мягкую, покрытую красивым ковром кабарлетку, чтобы со свистом и резвым лошадиным топотом доставить седока до нужного ему адресу.

В этом людском многоголосом гомоне Саша сзади услышал пронзительный свист и выкрик: «Посторонись, посторонись!». А когда оглянулся, то рыжая лошадиная морда чуть не сбила его с ног. Ямщик одернул лошадь и почти объехал растерявшегося парня, только крикнул ему: «Розыня!», – а сам продолжал выкрикивать давно известную мелодию и маневренно руководил лошадью.

Саша больше ничего не слышал, он даже как бы застыл на месте. Кабарлетка, откинувшая его в сторону, увозила его нафуфыренного дядю с тетей, а в середине их сидела незнакомая старушка, что-то рассказывала им и махала руками. До предела уставший и расстроенный, он дотащил свою «стопудовую» ношу до угла кинотеатра «Красной звездочки», что стоял первым зданием от пристани, сел на дощатую панель, снял фуражку и горько задумался.

Про себя Саша ругал себя, почему не пошел с ребятами сразу в общежитие ФЗУ? На черта этим расфуфыренным посылка от матери и тетки Акулины, которая занимает больше половины в корзины. Оставить вот тут на тротуаре и все. А самому догонять ребят. Но внутренний голос опрокинул эти мысли: «Будешь мучиться, носить, искать, все сделаешь, как сказала мать».

Раздумье прервалось внезапно, кто-то сзади захватил Саши глаза. Вот это да! Вот это хорошо! Значит, кто-то знакомый. И не успел обдумать, как его обнимал Миша Федоров, односельчанин. Вот уже год, как живет в городе.

Оба были рады встречи. Взяли корзину, которая показалась Саши сразу легче и быстро пошли по наказанному с дому адресу. Обливаясь потом, ребята вошли в небольшой одноэтажный дом № 3 по ул. Полевой, откуда слышалась граммофонная музыка и песни подпевавших разгулявших людей. Саша поздоровался, достал посылку, вручил дяди и, больше ничего не говоря, выбежал из этого дома и пошел вольный, легкий, навстречу незнакомой предстоящей своей Судьбе.

После некоторых трудностей, неурядиц и хлопот Саше удалось поступить учиться в ФЗУ «Онег-завода» на специальность электросварщика. Жить его определили в общежитие, которое располагалось в двухэтажном доме, рядом с белокаменной школой, что стояла у Абрамовского моста¹⁷.

¹⁷ Мост через реку Лососинку от площади Кирова до ул. «Правды». Первоначально назывался «Трофимовский», а затем был переименован по имени купца П. В. Абрамова, дом которого стоял недалеко. В советское время получил название «Советский».

Электросварщики в самой школе учились теории, а саму практику проходили в «Онег-заводе» в новосборочном цехе у мастера Петра Ивановича Ременникова. Ременников был еще молодой, справедливый, дисциплинированный человек. Очень заботился о своих учениках. Всегда их встречал в проходной завода и там же с ними прощался.

После первых взглядов ребятам завод показался великим, бурливым, шумным, всемогущим предприятием – другим городом. Этот другой заводской город захватил и поглотил своих будущих рабочих полностью. Своей повседневной жизнью, учебой, новинками, ловкими умельцами, замысловатыми делами, волшебничеством, дисциплиной, воскресными выездами, культпоходами и другими повседневно рождающимися открытиями, связанными с отличными человеческими всезнающими людьми. Как и все ребята-ученики, Саша бегал, думал, старался ничего не пропустить, не забыть, как можно лучше сделать порученное ему дело. От всего этого бурного и здорового мира кружилась голова. Вот это жизнь! Жизнь такая, что нет покоя ни ночью, ни днем. Она влекла, захватывала, а некоторое растворялось, а тут новое поднималось и подхватывало, и несло с еще более сильной красотой и быстротой.

В каждое рабочее утро ребята поднимались в 7 часов, быстро заправляли койки, умывались, проглатывали свой нехитрый завтрак в ФЗУ-шской столовой и бежали на завод. Здесь в проходной предъявляли пропуск, опускали свой рабочий номер в ящик и шли к своему рабочему месту. Им с самого начала была отведена каждому кабина. А в 8 часов уже от каждого подымался дымок электросварки – сначала с перерывами и маленькой струйкой. С каждым днем перерывы сокращались, струйки увеличивались, и ребята привыкали и взрослели.

Бывало и так, что администрация цеха обращалась к ребятам за помощью заготовить электроды для цеха или навести порядок в инструментальной и т. д. Ребята всегда были готовы, т. к. за это они понимали, что много поблажек имеют. Походы в кино – бесплатные, выезд за город, в обеденный перерыв дают булочку и пол-литра молока. А ведь все это стоит денег.

Заметно и незаметно подошел канун нового года, 31 декабря 1935 года. В общезнании – чистота, ребята готовились встретить свой первый новый год независимо от родителей.

Саша уже давно имеет приглашение на встречу нового года от друга Миши, который жил в частном доме Сарафановых, и теперь там собираются совместно с хозяевами и жильцами встретить новый год! Саши это было лестно, но в то же время страшно. Это же впервые. Здесь же будут девочки. Как вести себя? Он же ничего подобного не имел. Но все же Саша готовил себя тщательно. Все начищено и наглажено. А когда стал

надеваться, все ребята комнаты бегали вокруг его, старались, чтобы он выглядел хорошо. Наконец, Саша приготовлен был, «как под венец», так говорили его друзья, у которых все было готово к новогоднему столу, и они желали отправить Сашу, а потом сесть за свой общежит-стол. Конечно, если бы кто из ребят сказал Саши вот сейчас: «Оставайся с нами», – он бы моментально этот вызов принял. Но, к сожалению, все были на стороне, чтобы Саша шел. Перед отходом, по старому обычаю, все сели, и молча каждый думал про себя, а глаза всех смотрели на Сашу. Вдохновляли его. А Саша, как будто впервые, видит их всех – 23-х вместе и такими чистенькими и нарядными. Какие они все хорошенькие, добрые и даже красивые.

Не успел он выразить это вслух, как вбежал Митька Аверин, а за им комендант общежития Петр Ваганов и дежурный по заводу. Оглянувшись, увидели праздничный стол, праздничных хозяев, сидевших так мирно, недвижимо и торжественно. Митька хотел выпалить сразу, но дежурный, пожилой мужчина, остановил его. Снял шапку, стоя и торжественно-ровным голосом поздравил ребят с наступающим новым годом. Пожелал здоровья и всех благ в учебе! Не успели ребята поблагодарить, как дежурный поднял руку, давая знать, что он не закончил.

«Дорогие ребята, я вижу, вы приготовились к торжеству и к тому же неплохо! Но я прошу вас о другом. Завод замело снегом, железная дорога внутри завода уже не работает, тягловая вот-вот остановится. А это значит, остановкой грозит всему заводу. Я и дирекция завода просят вас выйти на расчистку завода. Не дать остановки заводу».

Ребята такого оборота не предполагали и не двигались даже. Но не прошло и двух минут, как уже все вскочили, сразу закричали: «Все пойдем! Не дадим остановиться заводу!». Уже и про стол забыли, полетели белые рубашки, ботинки, надевали валенки, маласконы¹⁸, рукавицы домовязаны. Но Иван Романов сразу к дежурному и коменданту, тут же сразу Федя Астратов и другие. Мы все готовы, только Сашу отпустите, он приглашен, мы за его сделаем. К ним подбежал Саша, красный, как кумач: «Простите, ребята, меня за то, что я собрался бросить вас и уйти куда-то встречать Новый год! А ведь я ваш, и живу, и буду жить с вами, а теперь я от вас ни на шаг». Некоторые бросились уговаривать Сашу, что он должен идти, другие кричали: «Правильно!». Старшие молчали, только улыбались происходившему. Вскоре всей дружной семьей бросились наперекор стихии. Благодаря упорному труду не одних ребят, а и рабочих, завод продолжал работать. К утру снежная пурга остановилась. Завод был очищен от снега.

¹⁸ Слово в тексте неразборчиво.

Утром пришла очередная смена, рабочие шли группами и в одиночку – спешили на свои места, поздравляя с Новым годом своих соседей и друзей по станку и рабочему месту.

Во дворе завода увидели, как снежные комья, ребят. Улыбались им, поздравляли с Новым годом! Другие махали руками. А старый рабочий, коммунист из модельного цеха Федор Павлович Фомин, снял шапку и низко поклонился ребятам за сделанную за ночь большую работу – он-то полностью оценил их работу, т. к. сам с мальчиков на этом заводе.

Ребята робко смотрели и не знали, что сказать и что делать, тогда он сам подошел с ласковой отцовской улыбкой и каждого потрепал по шапки, и сказал: «Молодцы! Вот это смена растет!».

Всем как-то стало весело, и ребята замахали руками, закричали, смеясь и смущаясь, мол, ничего мы большого не сделали, а столько получили похвал.

Дежурный завода всем сменникам пожал руки, поблагодарил и отпустил до следующего дня домой. Выскочив из проходной, с шумом и гоном, не чуя усталости, как-то по-детски, всей гурьбой помчались в общежитие.

Залетев в комнату, сразу остановились и замолчали, не понимая, что тут происходит. А тут вот что. Официантка из заводской столовой, подскочила к ребятам, разодетая и раскрасневшаяся, поздравила с Новым годом и пригласила за праздничный стол, который вдвойне был украшен, кто-то из ребят крикнул: «Стол первого класса!», – хотя в I классе никто из их и не бывал. Стол действительно был на славу. Оказывается, ребят ночью должны были накормить, но ввиду нужной работы решили все перенести на утро. И вот пришел комсорг завода Малышев, парторг Чугунов П. Ф. Все, торжественны и нарядны, подняли стаканы за здоровье, за отличное окончание учебы, за завод, за комсомол, за Партию, за Родину! Выпив красного вина по рюмке, представители ушли, а у ребят до позднего вечера не было умолку.

Хотя и была такая интересная занятость у Саши, но он временами очень сильно скучал по своему Заонежью, по деревни и дому. Другой раз до того довоспоминает о своих милых и близких сердцу местах, перелесках, о лодке, рыбалке, тропочках, где часто любил бродить, что плакал. Не говоря уже о общежицкой подушки – сколько она приняла слез?.. А плакал прямо на практической учебе, сидел, держал электродержатель, прикрывшись щитком, и слезы заливали стекло и скатывались вниз. Ему казалось, что он больше никогда не увидит мать, деда, друга Ваську. Хотя теоретически он знал, что через полгода отпуск, и он поедет домой. Но все равно ему казалось, что этого не будет никогда.

Так или иначе, но дней, захватывающих Сашу, было у его больше. Вечерами по воскресеньям ФЗУ-шники раздетые бегали в театр

Русской драмы, который стоял на пл. Кирова. Ребята подгадывали в первый перерыв явиться сюда, чтобы пройти без билетов в зал вместе с публикой, которая была на перерыве в ФЭ¹⁹. Проскочившие в зал, быстро рассасывались по свободным местам и вскоре забывали, что они безбилетные. Потому что такие постановки, как «Большой день», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», не выдавшие до этого ничего подобного, и играли такие мастера театра, как Петр Чаплыгин, Соломин, заставляли наших безбилетников забыть и быть свидетелями происходившего как-то не на сцене, а наяву, на самом деле. И за время хода постановки они так вольются с ходом событий, что конец постановки сразу не может их вернуть в себя – они долго сидят, не двигаясь, не обращая никакого внимания на окружающих и почти не дышат, как каменные.

Но зато после рассказам у их нет конца. Вот и сегодня в зале ФЗУ на предпраздничном собрании Саша рассказывал Ивану Романову о постановке «Любовь Яровая».

Но зачитанный приказ директора ФЗУ Костина заставил Сашу замолчать и даже встать. Он за отличную учебу переводится на повышенную стипендию с 65 руб. на 105. Эта радость охватила его, и он, не помня себя, хлопает в ладоши, и все в зале стучат в ладоши ему и всем другим, зачитанным в приказе.

1-го мая Саша шел в колонне «Онег-завода» в форме футболиста «Рот Фронта». А 15 июня 1936 года ученики электророевого ФЗУ «Онег-завода» были отпушены на двухмесячный отпуск.

Саша, не теряя ни минуты, под сопровождением друзей, сел на тот же самый пароход, который привез его в город, «Анохин» и поехал домой, в свое родное Заонежье.

Как только стал въезжать в Заонежскую губу, стоя на носу парохода, с обнаженной головой, он низко, по пояс, поклонился со словами: «Здравствуй, мое милое Заонежье! Я не знаю, кто тебя любит еще так, как я». А Заонежье, как бы в ответ, Сашу встречало ярким солнечным днем, пышной свежей зеленью, хрустальной водой. У Саши не было грани радости этой замечательной картины. Он быстро по трапу выскочил на пристань и попал в объятия матери, которая сжала его и целовала в губы, лицо, в глаза; сзади дед целовал Сашу в голову...

Он поставил корзину нареди комнаты, вручил всем по подарку, а матери ситцу на платьях и, кроме того, 100 рублей денег и несколько пачек индийского чая. Деду – сатиновую рубаху, 20 рублей денег, Васьки трусики и майку. И опять Сашу целовали, обнимали, обливали радостными

¹⁹ Видимо, имеется в виду фойе театра.

слезами. А пока шла эта церемония, в комнате были уже и соседи, и близкие. Все сели за стол пить индийский чай...

Взрослые еще долго пили индийский чай, пока с большого самовара тек кипяток, а мальчики прокатились на парусном плоту, осмотрели лодку, которая была безупречно подготовлена к летней навигации. И при возвращении домой встретили Шашину коровушку Матрешку, высокую, белоголовую, холмогорской породы. Всегда она была сначала зазнайкой, а потом ласковой и немного озорной. Матрешка долго лизала своим шаршавым щикотным языком Шашины руки, и так они в обнимку и лизаньем пришли домой.

Через неделю после Шашиного приезда в отпуск он с дедом косил уже сено для коровы в Кумуж губы, за 8 км от деревни, путь туда только по воде.

Домой ездить в каждый вечер не целесообразно, поэтому они жили там, на пожне, в стану, который стоял на самом берегу, целую неделю, только в субботу к бани приезжали домой и в понедельник рано утром снова уезжали на покос.

Вечерами после работы дед готовился к следующему дню и варил ужин. Саша рыбачил, а когда они вместе, дед рассказывал внуку множество историй, которых он знал неисчерпаемое количество. Дед хорошо помнил жизнь людей, природу, поэтому он предсказывал, какая будет зима, весна, лето, осень, какой день будет завтра. И говорил почти безошибочно, пожалуй, меньше ошибался, чем синоптики.

Быстро прошли два месяца, Саша и оглянуться не успел, как вот уже сдает экзамены в школе ФЗУ. Многие позавидовали ему – он сдал все на 5 и получил 4-й рабочий разряд. Этого разряда Саша и сам не предполагал. Но чтобы полностью оправдать, парень старался работать, даже не считался с личным временем, и приходилось мастеру цеха выгонять его с завода, т. к. рабочие часы его работы давно прошли, а он все еще работал. В другой раз даже не решался мастер прервать его работу. Подойдет, а парень с таким азартом работает, просто самому завидно становится, полюбуется, постучит в стенку кабины, мол, кончай, сам улыбнется и уйдет. Такая Шашина привязанность и трудолюбие к работе в первый же месяц оправдались: он получил 420 рублей.

Это же невиданные деньги! Разве можно описать радость мальчика. Он был от восторга на 9-м небе! Через 6 месяцев работы Саша поступил на усовершенствованные курсы электросварщиков при заводе. И продолжал работать, не разгибаясь. К своему семнадцатилетию он ходил уже в хорошем темно-синем суконном костюме, в красных ботинках и суконном демисезонном пальто. Это ли не успех! А в цехе его фамилия красовалась на красной доске.

В политических вопросах Саша не сильно разбирался, правда, из передач радио, театра, кинотеатра, лекций, бесед, митингов на заводе знал, что:

Японцев – наши дальневосточники дважды в 36 и 37 годах у Хасана учили, чтобы впредь границу самураи не п²⁰...

Турки – давно когти точут и на нас бросится хотят.

Немцы – зубы вставляют и военный фашизм с Гитлером на²¹...

Испанцы – пока головами шатали, у их в правительстве фаши²²...

Финны – лыжи мажут и руками на Восток кажут.

Англичане – змеем шарют и на Восток всех соблазняют.

Американцы – в это время скользки были, чтобы после почерпнуть прибыль и затопить её в собственной крови.

Хорошо понимал сгущаемую опасность. Советское правительство укрепляло армию, авиацию и флот. Готовило свой народ достойно защищать свою родину. Все больше создавалось военизированных кружков среди молодежи.

Саша уже носил значок «МПВО», готовился сдать ГТО и мечтал быть ворошиловским стрелком. У большинства молодых людей уже красовались отличные, завоеванные большим трудом значки «МПВО», «ГТО» I и II ст., «Ворошиловский стрелок» I и II ст., «Парашютист» I и II степеней и т. д. В заводе по всему городу проходили учебно-тренировочные воздушные тревоги. Все это происходившее настораживало людей.

А как же иначе быть? Если какие-то частицы теней звериных замыслов из-за границы отражались и в нашей стране.

Временами и местами чувствовалось что-то неладное, что-то не так. Не случайно участились случаи арестов среди населения, а хуже того, в самом правительстве в Москве разоблачались группа за группой, которые назывались врагами народа. А как же их иначе называть тогда, когда они в 1934 году стреляют из-за угла в самого Смольного соратника Ленина Сергея Мироновича Кирова и убивают его. Ясно, что такое черное дело задумано и совершено не одним убийцей Николаевым. А за этим кроются еще матерое ядро. И это ядро искали ВСЕ.

Нашли ли его или нет – это ведомо только соответствующим органам. Для простого народа ясно одно, что оказались врагами народа видные политические деятели: Рыков, Троцкий, Пятаков, Ягода, Бухарин и др. Это их руки совершали черные дела?

Не успел Саша еще сделать для себя примерные выводы, как в осенний день, во время смены в 16 часов, загорелся завод в пяти местах сразу,

²⁰ Неразборчиво в тексте.

²¹ Неразборчиво в тексте.

²² Неразборчиво в тексте.

и места не простые, а все сделано, как на выбор, главные. Саша во время пожара оказался рядом с горящим кислородным складом. Видя отличную работу пожарных, сам включился в гашение пожара. Но пожар на этом участке был очень сильный, namного сильней людей, гасящих его. Пожарные лучше – понимали мальчишки, но не считались ни с чем, даже не жалели себя; они, как с лютым врагом, вцепились в смертельную схватку, и как будто на некоторое время отчаянность людей побеждала. Но вдруг раздался оглушительный взрыв, которым отбросило людей в сторону, и пожарный с трюнобоем²³, что находился на крыше, улетел вверх, вместе со столбом дыма, огня, железа и обгорелого дерева, а оттуда грохнулся уже неузнаваемый – мертвым.

В заводе от пожаров плавилась и гремели стекла, пламя без жалости пожирало все. Не успели люди придти в себя от только что увиденного и услышанного, как грянул второй взрыв, с ещё большей силой, даже через забор и улицу все рамы в общежитии очистились от стекла, а некоторые окна были свободны от рам. Уж не говоря о том, что он наделал в заводе. Несмотря на такой ужас, люди бегали и делали все возможное победить стихию. Но новый громовой взрыв сделал все. После этого гиганта делать было нечего. Большущая темная, паримая паром яма, и все черное вокруг. Пожарные остались что-то делать, а рабочие молча, с понуренными головами, тихо-тихо пошли к проходной.

В проходной была гробовая тишина. Такими подавленными, усталыми и грязными ребята вошли в свое побитое общежитие, в котором шла кипучая работа по приведению здания в порядок. Пришедшие после смены и пожара молча раздели свои спецовки и упали на свои кровати. Они еще ничего не знали о случившемся у их у каждого большого горя и неприятности.

Дело в том, что в комнате, где жил Саша, в 24-й, жило 24 человека, а пришло 23. А где же еще один, 24-й? Двадцать четвертый – это был ВОР Колька Воскресенский. Он тогда, когда приезжали папанинцы в Петрозаводск, во время митинга на пл. Ленина украл 24 карманные часы. Вернулся в общежитие раньше ребят и развесил каждому по часам к кровати. Рассчитывал, торжеству ребят, и его, как героя, оценят, чуть ли, как самого Папанина.

Но этого не случилось, он погасил торжество своих товарищей от только что услышанного и увиденного на площади. Ребята сразу же вернули Кольки часы и перед сном устроили ему *темную*.

А теперь он, поганец, обокрал своих товарищей и смылся в неизвестном направлении. Он при краже не пощадил никого – у всех что лучшее

²³ Так в тексте.

исчезло, в том числе и у Саши нет осеннего суконного пальто, костюма, который так берег и радовался ему парень, взяты красные ботинки, цветные, с резинками, носки. У Саши опустились руки. Конечно, украсть все это Кольки не составляло больших трудностей, для его все было открыто, и все он хорошо знал, где лежит у кого все лучшее, и время ему хватило, прошло около 12 часов, как все хозяева комнаты ушли на завод. Потерпевшие обратились в милицию, которая оказалась на сей раз глухой. А воры ликовали! Это ребята чувствовали, т. к. Колька-то скрылся, а его друзья все жили в том же общежитии и ходили на работу для отвода глаз.

Да и Колькин отец жил на ул. Казарменной²⁴, а мать в Вознесеньи. Так что немного стоило труда найти его. Так Саша размышлял про себя. Вот если бы сюда участкового из Сенной Губы Алупова! Он заставил бы всех этих воров по веревочке ходить. Это действительно советский милиционер Павел Ефимович Алупов – честный, сильный, умный, опрятно одет. И когда выступает на торжественных вечерах и митингах, всех за сердце берет, мороз по коже ходит.

Вон тогда, когда Саша учился еще в 5-м классе, шел по улице и видит: у Марчиных на крыльцо вышел мужчина и бросил какой-то сверток под ступени, подправил ногой, чтобы надежнее было, а сам вернулся обратно в квартиру, откуда доносились пьяные голоса. Саша, не раздумывая, быстро шмыгнул к свертку, развернул его – и ахнул! В ем была уйма денег, золотые часы с цепочкой и перстень. Саша быстренько перепрятал сверток, а сам не бежал, а летел к Алупову. Павел Ефимович спокойно выслушал парня, забрал сверток и 3-х знакомцев.

Через неделю после случившегося пришел в школу. Собрал всех учеников и учителей и рассказал о бдительности и внимательности Саши и объявил благодарность от Советской милиции!

А через несколько часов Алупов был уже в доме Саши, расхвалил его перед родными и при уходе поцеловал его. А при этом приговаривал: «Будь и впредь, дорогой Сашок, таким же чутким и внимательным, бдительным и честным советским человеком! У нас еще врагов много, и их надо изживать!».

Саша свято помнит этот наказ и вряд ли забудет вовек! Он тогда подумал: «Отслужу в армии и пойду работать в Советскую милицию. Буду таким же, как дядя Паля!»

Саша так расчувствовался и задумался, что не слышал, как Иван Романов вошел в комнату и теребит его плечо. Да ты что, Саша, не спишь ли? На заводе-то что творится! Слышал? И не дожидаясь Сашиного отве-

²⁴ Улица Казарменская проходит параллельно реке Лососинке за Онежским тракторным заводом. Первоначально называлась Малой Казарменской.

та, начал излагать произошедшие на заводе новости: сняли и арестовали директора завода Старушенко, технического директора Трофимова, начальника литейного цеха Богданова, формовщика того же цеха Ших, зав. модельным цехом Дорофеева и некоторых других. Иван замолк, а Саша чего-то еще ждал от его и смотрел на Ваню, как будто впервые видит его. Или не узнает своего друга, с которым 7 классов учился вместе, здесь в общежитиях спят вот уже более двух лет кровать об кровать. Но таким Саша не видел Ваню. Он как-то осунулся, обеднел, глаза скорбящие, ручки сложил на коленочки и застыл. Саши жаль стало друга, пошел за кипятком, заварил чай, обнял Ивана и пригласил его к чаепитию.

Все последующие часы и дни, везде и повсюду, группами и парами только и говорили об аресте на заводе. А через некоторое время разговоры пошли ещё крупного масштаба, арестовали председателя ВЦИК Карелии Гюллинга и еще кого-то из руководства. Вот это новости! Дак что это такое – кругом враги? Да и сколько ещё их?

Вскоре в один из обеденных перерывов были устроены общие собрания по цехам завода, в том числе и в новосборочном. На собрании выступил агитатор из заводоуправления, который рассказал о проводившихся арестах врагов народа. Присутствующие все молчали, и каждый думал про себя, а об чем? Об этом неведомо. А агитатор продолжал: «Директором завода назначен мастер нашего кузнечного цеха Андрей Николаевич Брызгалов. Парторгом завода вновь утвержден Павел Федорович Чугунов». Саша от сказанного сначала предпрыгнул. А потом вместе со всеми до боли хлопал в ладоши. Он хорошо знал земляка из Заонежья Брызгалова. Ну а еще больше Чугунова, племянника своего дяди. Вот это дела!

Прибежавши впопыхах в общежитие, в котором шли дебаты на разные лады и ноты о новых известиях, Саша быстро переоделся в самую лучшую свою одежду. Широкие брюки заправил в до безукоризненно начищенные хромовые сапоги (гармошкой), белую косоворотку с вышитым воротом, подпоясался золотистым пояском, на конце от которого до колен висели кисти с разноцветными ниточками и помчался на квартиру к Чугуновым.

Семья Чугуновых была в полном сборе и сидели за праздничным столом. Саша, не спрашивая никакого разрешения, подлетел к Павлу Федоровичу, схватил его руки и хотел его поздравить, а язык благодарил его. Но все поняли, что парень разволнованный, и, не обращая внимания на Сашину ошибку, Чугунов обнял его и посадил за стол рядом с собой. Налил красного вина рюмку, встал, а за им и все встали. И тут Саша опять не сдержался, уж больно на сердце было огня много. Сказал, не сказал, а закричал: «За здоровье Павла Федоровича!» Никто на его не огорчился, все поддержали Сашу и выпили стоя!

Второй предложенный тост Павлом Федоровичем был за Сашу! Павел Федорович начал ровным голосом, сначала сидя, а потом встал: «Выпьем за Сашин успех на работе, за человечность в общении, за правильное поведение везде! Об этом я уже написал, Сашок, твоему деду! Пусть старик на старости лет порадует за тебя и за воспитание свое. Я ведь хорошо знаю ваши отношения». Саша от услышанного остолбенел, потом как-то сжался, затем весь вытянулся, побагровел, вскочил на ноги, обнял Чугунова, поклонился по пояс всем сидящим за столом! Молча не вышел, а выскочил из квартиры и помчался счастливый, радостный навстречу своей бурливой юношеской неизвестности!

Не было предела восхищению творившихся дел вокруг! Увлеченный своей волшебной работой, учебой на курсах над повышением любимой специальности, выполнением комсомольских и общественных поручений, спортивными делами, летом футболом, зимой лыжами. Да тут еще по пятам ходил Чугунов, отправлял в школу в 8-й класс после окончания курсов. Все это несло парня в гору, стараясь заполнить его, отшлифовать и поставить новой приближающейся жизни напоказ.

Но подкрашаясь безжалостная, непоправимая, злая беда заставила парня затормозить в осуществлении намеченных целей, даже временно оставить все дела и встать перед бедой с беспомощным и скорбящим лицом. Да, это так.

В начале февраля 1938 года посреди второй смены Сашу вызвали в канцелярию цеха. Там его ждали начальник цеха Лукин, мастер смены Ремянников и секретарь партбюро Чугунов. Поздоровались как-то сухо, Саша почувствовал неладное. Одновременно Чугунов и Ремянников обняли парня и подали ему телеграмму, в которой говорилось о тяжелом состоянии здоровья матери. У Саши сразу как-то помутился белый свет. Но сразу же он взял себя в руки. Оправившись, его отпустили к матери на такое время, сколько ему потребуется. На второй день он уже сидел у кровати умирающей от воспаления легких матери.

А после все проходило для его в тумане, плохо помнит о похоронах и что говорили вокруг. Даже не помнит, что говорил с дедом. А ведь он остался теперь единый у Саши. Через семь дней Саша опять сидел в своей рабочей кабине. Варил топливник. При сварке он прожег деталь и в прожженном отверстии увидел лицо своей матери, которая, спокойная, с упреком сказала: «Что ты, сынок, портишь детали?».

Саша как-то сразу встрепенулся, огляделся вокруг – никого не было в кабине, кроме его, зато браку вокруг лежала уйма. От этого увиденного ужаса парень бросился бежать, куда глаза глядят. И при выходе из цеха прямо столкнулся с мастером, который входил в цех. Тот понимал, что у Саши что-то случилось, расспросил его и, видя Саши-

ны ответы, отвел в общежитие и уложил в кровать. Через некоторое время принесли ему чай и почти сразу же письмо от деда, из которого он узнал, что дома все хорошо. Дед пустил к себе старушку жить – мать Ивана Романова, с которым учились в школе вместе и вот сейчас работают в одном цехе и живут в одной комнате, и кровати стоят рядом. От этой вести Саше сразу стало легко. Дед не одинок, и Ивану приятно. По этому случаю ребята долго беседовали друг с другом, как лучше помочь старикам.

В ночную смену Саши не надо было на работу, однако он оделся по-рабочему и собрался идти, но его остановили друзья. Тогда Саше пришлось рассказать все, что произошло у его в первую смену. Друзья, не сговариваясь, все молча оделись и пошли на завод.

К утру брак был исправлен и норма выполнена. Новый рабочий день начался, как будто ничего существенного и не произошло. В конце дня, как и все, Саша сдал работу вчерашнюю и сегодняшнюю. Об этом доложил мастеру без утайки. Мастер уже все знал, пригласил Сашу сесть, положил по-отцовски руку парню на плечо и просто сказал: «Иначе не могло быть, Сашок. Ты успокойся, теперь тебе все равно жить придется без матери. Люби и, как можешь, береги деда, уважай и не оставляй в беде товарища, т. е. нас всех. Оглянись вокруг, посмотри на людей, какие они все хорошие и какие творят чудеса! Будь достойный им!

Саше глубоко засели эти слова, и он старался с достоинством их выполнять, независимо, где бы он ни находился, с кем бы он ни встречался и в какое время суток и года. Зарабатывал он хорошо, чуть меньше половины его отправлял деду. Все начало входить постепенно в свою колею. Но в колею уже более зрелую.

В августе 1939 года собрали собрание электросварщиков завода. Подвели итоги работы каждого сварщика и раскрыли план, намеченный до конца года. Второй вопрос, который мало кто ожидал: это кто желает в длительную командировку в поселок Соломенное на продолжение строительства СОЛОМ ГЭС?

Все молчали. Ждали, что скажут дальше. А другие собирались со своими мыслями. Саша прервал молчание, попросил слово. «Я молодой электросварщик, может быть, не подойду. Но предлагаю свою кандидатуру. И постараюсь оправдать ваше доверие и доверие комсомола!».

Все молчали. Только после 10-минутной паузы, не сговариваясь, Чугунов и мастер с разных сторон подошли к Саше обняли его, и Павел Федорович сказал: «Вот такие передовики – комсомольцы нашей стране нужны!».

После месячного отпуска Саша был уже в СОЛОМ ГЭСе. На квартиру устроился у своей старшей сестры Гани, которая имела две больших

комнаты на четверых членов семьи, правда, муж у её был взят на пере-подготовку в армию. Он о Саши все знал, и жили они душа в душу. Он быстро освоился с работой и людьми, а через неделю не считался новичком, его все знали, он был один сварщик на всю ГЭС, поэтому спрос ему был большой. На 3 аппарата один. И что было в его силах, он все отдавал, не считаясь ни с днем, ни с ночью, ни выходными днями – надо! Парень и не замечал поначалу, как его все больше и больше втягивала работа. Да тут еще подходили военные автомашины, с которых солдаты-шофера просили Сашу заварить некоторые поломанные детали. Он никогда не отказывал солдатам, хотя их работа ему стоила и бесплатно.

Между тем машин прибавлялось. Стояли очереди на сварку. Военных кишмя кишело в соломенном и около его. Жили на квартирах, в палатках, в клубе и т. д.

Началась Финская кампания. Советские войска перешли границы Финляндии. Всем стало ясно! Война!

С. Н. Жульникова

ГЕНДЕР В ПРЕДМЕТНОМ КОДЕ КУЛЬТУРЫ: СИМВОЛ И АРХЕТИП (на материале славянских обрядов первого года жизни)

В настоящее время гендерная проблематика находится в фокусе научного и общественного внимания как в России, так и за рубежом. В последние годы вышло немало научных сборников и монографий, посвященных анализу форм проявления «мужского»/«женского» в традиционной культуре, функционированию мужских и женских субкультур, гендерным стереотипам поведения и ценностным ориентирам¹. Тем не менее многие аспекты данной проблематики пока еще недостаточно изучены.

Для понимания концепта «мужского»/«женского» в традиционной культуре важнейшим является анализ атрибутики пола, в том числе семантики и знаковых функций гендерных предметных символов. Несмотря на то что перечень сугубо мужских / женских предметов в традиционной культуре достаточно представителен, в обрядах половой идентификации используется весьма ограниченный набор знаковых вещей. В славянском мире в качестве наиболее устойчивой комбинации, репрезентирующей идею пола в предметно-символическом коде культуры, является бином *топор-веретено* (как вариант: рубящее/режущее орудие – предмет, связанный с процессом прядения²). Имеющиеся в нашем распоряжении материалы демонстрируют неслучайность и устойчивость этой символической предметной оппозиции в разных

¹ Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991; Мужчина и женщина в современном мире: Меняющиеся роли и образы. Т. 1, 2. М., 1999; Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001; Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004; Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005 и др.

² В ряде случаев в перечне женских символов могли использоваться предметы, связанные с ткачеством, что, видимо, имеет позднее происхождение.

локальных традициях, что дает основание полагать, что данный бином носит общеславянский характер и отражает определенные системные связи на уровне архетипов.

Цель исследования – определение знаковой функции гендерных предметных символов *топор-веретено*³ и того образа и концепта, репрезентацией которого они являются. Исследование выполнено в основном на материале славянских обрядов первого года жизни, доминантой которых служит ритуальное формирование и закрепление половой идентичности.

Говоря об обрядах половой идентификации, не следует забывать, что в прошлом ритуальное формирование гендерного статуса младенца началось значительно раньше его рождения. В традиционной культуре легитимной предпосылкой появления на свет ребенка была свадьба, поэтому уже в этот момент совершаются магические действия, призванные обеспечить рождение ребенка определенного пола. Появление мальчика, наследника семейного имени и имущества, в отличие от девочки, в народной культуре оценивалось более позитивно, воспринималось как благословение Божие⁴. Не случайно на свадьбе предпринимаются различные действия, направленные в первую очередь на рождение мужского потомства, в том числе с использованием «мужских» предметных метафор. Так, прежде чем войти в новый дом, невеста перешагивала через топор (луж.) или становилась на нож или топор, который потом забрасывала на крышу дома (югосл.)⁵. В Западной Словакии топор клали под постель молодоженам⁶.

Согласно народным представлениям, формирование пола будущего ребенка происходит в момент зачатия, не случайно при этом фигурируют предметы с «половой» семантикой. Если супруги хотели девочку, женщина клала на время полового акта под подушку «прялочку», выструганную из лучинок, если мальчика – под подушку засовывали топор (Прикамье)⁷. В Заонежье мужчине советовали: «Если хочешь парня сострять, то сунь за пояс топор и сделай дело»⁸. В Черногории женщинам во время прядения запрещалось касаться веретеном мужчины, чтобы у него не

³ Говоря о бинOME *топор-веретено*, мы имеем в виду и варианты: рубящее/режущее орудие – предмет, связанный с прядением (кудель, гребень, прялка и т. д.).

⁴ Русские дети: Основы народной педагогики. СПб., 2006. С. 247.

⁵ Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 73, 120.

⁶ Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М., 1999. С. 26.

⁷ Шумов К. Э., Черных А. В. Беременность и роды в традиционной культуре русско-го населения Прикамья // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 177.

⁸ Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 24.

рождались одни девочки⁹. Также верили, что нельзя касаться веретеном беременной, так как это приведет к рождению дочери. Если же супруги хотели девочку, то беременная натыкала на веретено головку лука, а другой край веретена перевязывала красной ниткой или цепью от котла над очагом¹⁰. Примечательно, что магия веретена распространялась и на домашний скот: так, сербка, сажая курицу на яйца, «мешала» их веретеном, чтобы было больше курочек и меньше петушков¹¹.

Манипулирование предметами – гендерными символами – могло не только обеспечить формирование желаемого пола будущего ребенка, но и предотвратить нежелательное появление детей. Для этой цели в день свадьбы закапывали снятое с рукоятки топориче. Верили, что молодая останется бездетной, пока топор находится в земле¹². Не желая более иметь детей, женщина прокалывала веретеном сорочку, в которой она рожала¹³.

Гендерные символы присутствуют и в родинном обрядовом комплексе, причем не только на предметно-акциональном, но и на вербальном уровне ритуала. Образы топора и веретена как метафоры рождающегося младенца мужского/женского пола встречаются в заговорах на облегчение родов. У сербов при затянувшихся родах через рубашку роженицы пропускали топор и веретено и говорили: «Ако си мушко, узми секиру; ако си женско, узми веретено!» («Если ты мужского пола, возьми топор, если женского – возьми веретено!»)¹⁴. Как вариант приведем еще один заговор, где вместо предметных символов актуализировано действие *рубить/чесать*: «Шла Ева цэраз морэ, золотыми ключами отмукала, две душечки на этой свет уйзволяла. Кали девачка, дак чэшыся, грэбсыя, на этый свет явися. А кали мальчик – сечыся, рубайся, на этый свет яуляйся»¹⁵. То, что речь в тексте идет о вычесывании льна (первой стадии прядения, по мнению некоторых исследователей¹⁶), подтверждают заговоры, где в качестве женского символа упоминаются щеть и гребень¹⁷.

⁹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-и томах. Т. 1. М., 1995. С. 340.

¹⁰ Рождение ребенка в обычаях и обрядах. С. 71.

¹¹ Славянские древности... Т. 1. С. 341.

¹² Рождение ребенка в обычаях и обрядах... С. 27.

¹³ Агапкина Т. А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. С. 134.

¹⁴ Цит. по: Славянские древности... Т. 1. С. 340–341.

¹⁵ Цит. по: Кабакова Г. И. На пороге жизни: новорожденный и его «двойники» // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 105; Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 61; аналоги см.: Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.). М., 2003. С. 25, 32, 33, 34.

¹⁶ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX веков // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 480.

¹⁷ Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.). С. 28.

С половой идентификацией младенца связан и акт отрезания пуповины с использованием гендерно маркированных предметов. Пуповину только что родившейся девочки перерезали обычно на веретене, «чесалке» (гребне), прялке, эти предметы также прикладывали к новорожденной¹⁸. Старались отрезать пуповину так, чтобы она упала на пряжу. Отрезанную пуповину или отпавший пупок клали на прялку, ткацкий стан¹⁹. Новорожденной девочке проводили куделью по губам, чтобы она была хорошей пряхой (славон.)²⁰. На родинах произносились пожелания новорожденной: «Чтобы тонко пряла, часто ткала, рукодельничала»²¹. В некоторых районах России при рождении дочери было принято прибивать прялку на угол избы²², дарить родившейся девочке маленькую прялку – впоследствии это была ее первая игрушка²³.

Мальчику пуповину обрезали на топоре (колуне), «чтоб, значит, работник был»²⁴. В обряде родин южных славян пуповину мальчика перерезали топором или ножом²⁵. Новорожденному мальчику вкладывали в руки топор (прикарпат.), нож или кинжал (харьков.)²⁶.

Закрепление, подтверждение полового статуса младенца имело место и в обрядовом комплексе крещения/крестин. Так, в Северной Словакии у порога двери, в которую должны были внести ребенка после обряда крещения, клали топор для мальчика или кудельдя девочки²⁷. Лужичане в этом случае клали топор и пилу для мальчика и прялку и веник для девочки²⁸. В Поморавье в момент крещения мальчика в церкви отец рубил дрова²⁹. В ряде традиций перед крещением в пеленки для девочки клали

¹⁸ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 397; *Лаврентьева Л. С.* Социализация девочек в русской деревне // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Ч. 1. Л., 1991. С. 29; *Добровольская В. Е.* Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // *Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры.* М., 2001. С. 98; Мужики и бабы... С. 503.

¹⁹ *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М., 2007. С. 97, 331.

²⁰ Славянские древности... Т. 3. С. 19.

²¹ Мужики и бабы... С. 503.

²² Русские дети: Основы народной педагогики. С. 301.

²³ *Лаврентьева Л. С.* Социализация девочек в русской деревне. С. 29.

²⁴ Этнография восточных славян... С. 397; *Добровольская В. Е.* Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность... С. 98.

²⁵ Девочке пуповину перерезали серпом, что будет прокомментировано далее (Рождение ребенка в обычаях и обрядах... С. 75).

²⁶ Славянские древности... Т. 3. С. 175.

²⁷ Рождение ребенка в обычаях и обрядах... С. 41.

²⁸ Там же. С. 53.

²⁹ Славянские древности... Т. 2. М., 1999. С. 138.

немного льна (бел., луж.)³⁰. Новорожденную девочку передавали крестной матери через прялку (рус.), гребень (укр.), возвращаясь из церкви, крестная брала кудель и садилась пряхь, чтобы девочка успешно овладела этими операциями (рус., пол.)³¹.

От нечистоты родин роженица очищалась у русских преимущественно баней (одной-тремя и более), у белорусов – баней и «обмыванием/размыванием рук» (одна или с повитухой), у украинцев – «размыванием рук» обязательно вдвоем с бабкой³². Наиболее интересное описание этого обряда относится к Украине. Происходил он в разные сроки (и до крещения, и после него) и отличался многими локальными особенностями. Повитуха готовила «непечатую» воду, куда добавлялась иорданская вода, конопляное семя, ягоды калины, хмель, зерно овса и другие злаки. Роженица становилась правой ногой на топор, если родился мальчик, или на гребень (прялку), если родилась девочка³³. В других вариантах обряда роженица касалась босой ногой топора или веретена³⁴.

Акцентирование половой принадлежности младенца прослеживается в обрядах, где актуализируется идея начала, первого раза. Так, во время первого купания в зависимости от пола младенца рядом с дежкой клали топор или веретено³⁵. У русских Олонецкой губернии мальчика ставили на топирище, когда он первый раз засмеется³⁶.

В период после рождения младенца и до появления у него первых зубов повсеместно опасались его «подмены» со стороны нечистой силы, злых духов, особенно в опасное ночное время. С этой целью в люльку или под нее клали предметы, которые традиционно трактуются исследователями исключительно как обереги. Так, в Заонежье под зыбку мальчика клали топор и полено, а под зыбку девочки – веник, к люльке для мальчика на ночь подвешивали кусочек кожи и шило, а для девочки – веретено и кудель, иногда на шепке или детской прялке³⁷. Веретено (прялка, кудель) и топор выступают в качестве традиционных оберегов

³⁰ Славянские древности... Т. 3. С. 94.

³¹ Лаврентьева Л. С. Социализация девочек в русской деревне. С. 503; Славянские древности... Т. 2. С. 34.

³² Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 100.

³³ Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 97–98; Лаврентьева Л. С. Социализация девочек в русской деревне. С. 29.

³⁴ Этнография восточных славян... С. 400.

³⁵ Славянские древности... Т. 3. С. 53.

³⁶ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 5. Вып. 2. Л., 1925. С. 624.

³⁷ Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. С. 73.

младенца и в иных локальных традициях³⁸. Представляется, что предметы, наделяемые в народной культуре апотропейными функциями, в первую очередь связаны со знаком половой идентификации младенца³⁹. Закрепление с помощью гендерных знаков-символов пока еще зыбкого полового статуса новорожденного само по себе служило надежным профилактическим средством против «подмены» и иного нежелательного влияния негативных сил.

Знаковым событием первого года жизни является прорезывание первого зуба, обычно приходящееся на полугодовой рубеж. В связи с этим примечателен обряд, зафиксированный в Заонежье. Для младенца в полугодовалом возрасте устраивалась специальная баня, при этом в баньные дрова для девочки клали веретено⁴⁰. В качестве символического заместителя младенца женского пола веретено фигурирует и при совершении ритуальной кражи ребенка по истечении года с момента рождения (болг.)⁴¹.

Наделению ребенка «культурными» признаками пола посвящены постриги (бел. *застрижки*, укр. *пострижчини*, *обстрижчини*). Этот обряд мог совмещаться с первым обрезанием волос и в таком случае совершался через год после рождения или мог происходить на третьем, пятом, седьмом году жизни. Основным моментом пострига было посажение ребёнка на объект или рядом с объектом, символизирующим мужскую или женскую сферу деятельности⁴². Обычно при первой стрижке волос ребенка сажали на шубу, под которую для девочки прятали веретено, а для мальчика – топор⁴³. Примечательно, что первое обрезание волос сопровождалось наделением ребенка атрибутами, указывающими на принадлежность миру культуры (пояс, крест). В результате всех этих мер создавался человек, совершалось его «настоящее» рождение⁴⁴. Собственно в этот момент и завершается ритуальное формирова-

³⁸ Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. С. 74; Седякова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. С. 218; Баранов Д. А. «Стоит город не на земле, не на воде» // Живая старина. 1998. № 2. С. 22 и др. Для сравнения у вепсов: «Парню топор из шепок делают с палец, девочке – прялку. В люльку кладут» (ПМА: М. П. Ларина, 1914, ур. Торозеро Вологодской области).

³⁹ Для сравнения, эффективным средством успокоения детей на ночь признавались магические приемы с использованием для мальчика отцовских портов, а для девочки – материнской юбки или сарафана. Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. С. 74.

⁴⁰ Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. С. 83.

⁴¹ Седякова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. С. 230.

⁴² Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре... С. 59.

⁴³ Этнография восточных славян... С. 400; Мужики и бабы... С. 649.

⁴⁴ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре... С. 59.

ние пола младенца, красной нитью проходящее через все ключевые моменты начального этапа жизни.

Итак, очевидно, что предметная оппозиция *рубящее/режущее орудие* – предмет, связанный с процессом прядения, является устойчивой метафорической гендерной парой в обрядах ритуального формирования пола, а сопряжение элементов *топор-веретено* представляется наиболее архаичным вариантом воплощения оппозиции «*мужское*»/«*женское*» в предметно-символическом коде культуры.

Подтверждением этого тезиса может служить тот факт, что эти предметы выступают в качестве гендерных знаков-символов в мифопоэтической традиции. Так, веретено как атрибут женщины упоминается в народных этиологических мифах⁴⁵. Метафорическое соотнесение топора с образом мужчины, а веретена с образом женщины прослеживается в русских пословицах: «Смирн топор, да веретено бодливо», «Знай, баба, свое кривое веретено»⁴⁶, «Кривое веретено не выправишь», «Мужик без топора хуже бабы»⁴⁷ (ср. также загадку о мужиках и бабах: «Семь топоров в подлавице смирно лежат, две прялки рогами врость»⁴⁸).

О мифологических корнях этой пары свидетельствуют встречающиеся в фольклоре образы золотой секиры и золотого веретена (клубка) как символов «*мужского*»/«*женского*». Превращение девицы в золотое веретёнце и наоборот – устойчивый мотив сказочного фольклора. Показательно употребление этих предметных метафор в заговорах, наименее подверженной изменениям архаичной жанровой форме с жестко ограниченным словарем. Исследователи отмечают, что особенность этого жанра – в теснейшей связи с ритуалом, а глубокая реконструкция заговорной схемы приводит, в частности, к более архаичным конструкциям – к схемам творения, в которых «проверяются» ряды «макро-микрокосмических» отождествлений⁴⁹.

Неслучайность связки *топор-веретено* и обнаружение ее в различных локальных традициях славянского мира говорит о том, что мы имеем дело с архаичными элементами мифопоэтической системы. Очевидно, что семантика данных предметов и их роль в ритуале значительно глубже принятого ранее рассмотрения их использования в обрядах детского цикла в русле социализации, приобщения к сфере

⁴⁵ Славянские древности... Т. 2. М., 1999. С. 205.

⁴⁶ Цит. по: Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 221, 234.

⁴⁷ Пословицы. Поговорки. Загадки. М., 1986. С. 244–245.

⁴⁸ Загадки. Л., 1998. С. 63.

⁴⁹ Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции: Введение в курс истории славянских литератур. М., 1998. С. 196.

мужской/женской производственной деятельности, наделения необходимыми трудовыми навыками и т. п. При этом ссылка на толкование информантов не может приниматься в расчет, так как в этом случае мы, очевидно, имеем дело с вторичной семантизацией при утрате глубинного первоначального смысла.

Попробуем определить, репрезентацией какой мифологической схемы и какого образа-концепта является бином *топор-веретено*.

Известно, что традиционная культура – универсальный знаковый комплекс, в основе которого лежит представление о том, что макрокосм и микрокосм, природное и культурное, божественное и человеческое отражают единый космический миропорядок, а актуальная картина мира неминуемо соотносится с космологическими схемами, рассматриваемыми как прецедент, служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что он имел место в первоначальные времена, «в начале». Для архаичного сознания мифопоэтической эпохи все, что есть, результат последовательных воспроизведений прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям «оплотняющегося» космологического бытия⁵⁰.

В этой семиотической системе жизнь человека не могла программироваться иначе, чем со ссылкой на некий мифологический прототип, который выступал в качестве сакрального образца, основы и модели для образа личностного. Пол (гендер), понимаемый в биологическом, социальном и символическом значении, и реализация программы полового статуса индивида неизбежно должны были строиться в русле определенной мужской/женской мифопоэтической парадигмы, реализующейся как в системе представлений, ритуальных и бытовых поведенческих норм и стереотипов, так и в предметно-символическом коде культуры – в определенных гендерных знаках и атрибутах.

Очевидно, что в качестве сакрального прототипа для ритуального формирования индивида в архаичной культуре выступает тот, «по образу и подобию» которого и создан человек, т. е. творец, демиург. Более того, «в каждой отмеченной точке жизненного пути человек может выступать как своего рода замена божественного персонажа в соответствующей ситуации»⁵¹, а сам ритуал призван решить проблему тождества и установить «макро-микрокосмические» соответствия.

Учитывая важность этого тезиса для нашего исследования, обратимся к последним работам, посвященным обряду родин, где содержится представительный корпус примеров, из которых приведем лишь некоторые.

⁵⁰ *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян... С. 59.

⁵¹ Там же. С. 175.

Исследователи не раз отмечали, что в традиционной культуре славян наличествует мотив божественного происхождения ребёнка: «*З неба упало дитя – Бог скинуу*»; «*Из неба Бог скидае – летит, летит хлопчык*»⁵². В заговорах на облегчение родов о младенце говорят «*от Бога родимое и от Бога питаемое*». Об этом свидетельствует и мотив сакрализации образа новорожденного в языке – *Божья прибыль, Богоданное дитя* и обычай называть младенца Богданом до обряда имянаречения, а также давать это имя внебрачным детям, и обращение к Богу в речениях типа: «*Пусть Боженька зародит мальчика*», и объяснение бесплодия как наказания за грехи: «*Бог не дал детей*». Роды воспринимаются в народной культуре как Божье прощение роженицы (ср. речения: *непрощённая, неблагоприятная* – нерожавшая; *Бог простит* – разрешение от бремени)⁵³.

В Болгарии молодая мать после родов именуется *Богородица*, а ее муж – *Богородник*, постель – *на Дева Мария леглото*, т. е. «кровать Девы Марии». Многие аспекты ритуализированного поведения женщины (обычай рожать в хлеву и на соломе, использование предметов, освященных образом Божьей Матери и т. д.), если и объясняются, то только через действия Божьей Матери: «так делала Богородица»⁵⁴. Повитуха во время родов произносит заговоры, в которых Богородица может выступать в роли роженицы, а сама повитуха – отождествляется с Соломонидой, помощницей Марии во время божественных родов⁵⁵. В контексте сопоставления родин и рождества показателен украинский обычай входить в дом, где есть новорожденный, с обязательным приветствием «Христос воскрес», независимо от календарного периода. Это же восклицание должно было звучать на всех поворотах и перекрестках у русских в Нижегородской губернии, когда ребёнка везли крестить в церковь. Таким образом, во время приближения родов, в их процессе и после происходит своеобразное отождествление роженицы с Богородицей, а само рождение уподобляется Рождеству⁵⁶.

⁵² *Виноградова Л. Н.* Откуда дети берутся? Полесские формулы о происхождении детей // Славянский и балканский фольклор. М., 1995. С. 177–178.

⁵³ *Баранов Д. А.* Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 17, 24; *Хафизова Л. П.* Персонажи колыбельных песен // Там же. С. 191.

⁵⁴ *Седакова И. А.* Культ Богородицы в болгарских родинах // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. С. 154, 156–157.

⁵⁵ *Кабакова Г. И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. С. 115; *Листова Т. А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 147.

⁵⁶ *Седакова И. А.* Культ Богородицы в болгарских родинах. С. 153–154.

Для нашего исследования важен тот факт, что в обрядовом комплексе родин происходит конструирование средствами ритуала мифологического хронотопа, в котором действия участников обряда строятся по архетипической модели божественных родов. Очевидно, что эта модель должна была сложиться ранее принятия христианства и что христианским образам предшествовали персонажи языческого пантеона. И хотя Богородица и Христос заменили божества языческого культа, в определенной степени став символами женской и мужской совокупности христианского (православного) рода⁵⁷, трудно представить их образы в качестве сакрального прототипа для ритуального формирования гендерного статуса человека во всем многообразии проявлений жизни пола (в том числе в русле мифологической концепции отношения полов, супружества и воспроизводства). Без сомнения, в ритуальном комплексе родин должен содержаться иной, более архаичный пласт их семантики, понимание которого ныне утрачено, и сохранение в ритуале предметных символов, явно не связанных с христианской традицией, служит этому доказательством.

Архаический пласт аксиосферы «мужского» и «женского» лежит в креативной сфере, области взаимодействия полов, которое является отражением взаимодействия полярностей мироздания⁵⁸. В мифопоэтической картине мира существует только одна устойчивая гендерная комбинация, которая могла послужить исходным сакральным прототипом для *мифологической концепции пола* – это оппозиция небо/земля, взаимодействие которых осмыслялось в образах мифа о небесной свадьбе, священном браке стихий. В индоевропейской традиции присутствует не только сама номенклатура «Небо-отец» и «Земля-мать», но и их сочетание в единую пару, а в текстах на древних индоевропейских языках зафиксирован соответствующий миф⁵⁹.

В славянской мифопоэтической системе полярности мироздания (небо-земля) воплотились в образе божественной супружеской пары – громовержец (Перун) и супруга громовержца (Мокошь), определявшей модель мира в целом и структуру так называемого основного мифа. «„Основной“ миф был мифом по преимуществу и претендовал на универсальное значение, на то, чтобы быть руководством человека на его жизненном пути. Именно поэтому он сохранился полнее всего из того, что было или могло быть в словесности праславянской эпохи... Естественно, что такой текст не мог быть забыт. Он мог изменяться и трансформироваться

⁵⁷ Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян... С. 232.

⁵⁸ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 48.

⁵⁹ Топоров В. Н. Детская игра «в ножички» и ее мифоритуальные истоки // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2. С. 254.

как угодно радикально, но все-таки лишь настолько, насколько ему было гарантировано сохранение главного смысла мифа, определявшего его назначение»⁶⁰. С приходом христианства фрагменты языческих верований не исчезли, но продолжали сохраняться в ритуально-магической практике, в первую очередь – в предметно-символическом коде культуры (ср., например, использование в родинном комплексе громовой стрелы, окуривание младенца волокнами льна⁶¹ и т. д.).

Так как в информационной структуре ритуала метонимия выступает как основной способ реализации его значения⁶², представляется, что в качестве гендерных знаков-символов в обрядах половой идентификации выступают фрагменты основного мифа, а именно вещественные атрибуты божественной супружеской пары Перун – Мокошь: топор (*секира*) и веретено.

Отметим, что еще в глубокой древности топор относился к предметам, наделенным особой магической силой, и использовался в соответствующих мифоритуальных действиях. В ранних государствах топор был связан с инсигниями верховной – царской и жреческой – власти, символизируя силу и божественную власть⁶³. Во всех древних религиях топор ассоциировался с молнией и плодородием⁶⁴. Известна магическая роль топора в славянских народных представлениях, генетически восходящая к сакральной природе атрибута громовержца. Подтверждением этому служит отношение крестьян к находкам каменных топоров, которые повсеместно считались «громовыми» («перуновыми»)⁶⁵.

Весьма обширная этимология слова *секира* (*сѣкира*) и родственных ему слов в древнерусском/старославянском языке позволяет сделать вывод о том, что в этом предмете воплотились представления о жреческом атрибуте, воинском оружии, орудии жертвоприношения⁶⁶, истребления зла («сѣище я сѣчем великим зло»), наказания и казни, разделения и наделения долей, в том числе *мерой* жизненного срока (ср. «смертная

⁶⁰ *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян... С. 95.

⁶¹ *Кабакова Г. И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья. С. 113, 117.

⁶² *Байбурин А. К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 15.

⁶³ *Студзицкая С. В., Кузьминых С. В.* Галичский «клад» (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего население Евразии: Сб. ст. М., 2001. С. 153–154.

⁶⁴ *Корневский С. Н.* Три «рождения» топора (из истории вещей, очерк для широкого читателя) // Мировопонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006. С. 109.

⁶⁵ *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4. С. 91, 100.

⁶⁶ Ср. близость лексем *топор* и *жертвоприношение* в индоевропейских языках. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 148.

с±кира», «древо человек, с±кира человек кончина»⁶⁷). Не стоит забывать, что и получение *каменного огня* определяется глаголом *высекать*, а молнии в речениях древности *секутся*⁶⁸. Таким образом, в этом предметном символе – атрибуте громовержца – наглядно воплотились основные божественные функции.

Кроме того, семантика топора как орудия с функцией *рассекать* может быть связана как с космогонической символикой жертвоприношения, так и с продуцирующей магией и комплексом представлений о дефлорации, предшествующей оплодотворению. Языковые и мифологические реконструкции на материале различных традиций позволяют сделать вывод о том, что архаичные представления о сотворении мира связаны с идеей о раскалывании, расщеплении земли (плодоносящего женского лона)⁶⁹.

Согласно архаическим представлениям, мир в мифологическое время был «развернут» из тела жертвы⁷⁰. В то же время творение космоса в космогонических мифах предстает как акт божественного совокупления и оплодотворения земли небом, как священный брак, являющийся источником земного (растительного, животного, человеческого) плодородия⁷¹. Акт рассечения режущим/рубящим орудием представлялся язычникам творческим актом и уподоблялся рассечению Хаоса божественным фаллосом, в результате чего возникло мироздание⁷², а этимология слов, обозначающих холодное орудие, а также лексема *разрубать/резать* в индоевропейских языках соотносится со значениями *жить, творить, рождать, знать, обновление*⁷³.

Показательно, что в мифологической топографии Вселенной природные пещеры, расщелины являлись репликой эпохи первотворения, метафорой рождающего лона земли. Мотив отмыкания весны (= земли при наступлении весны) присутствует в календарном фольклоре, «это отмыкание состоит как бы во вскрывании ее лона, что делает ее детородной... В мифе это отмыкание Земли-Матери совершается молнией, молотом,

⁶⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 1996. С. 37–38, 105–113. Ср. также сербское выражение об умершем «срубили его дерево». Толстая С. М. Символические заместители человека в народной магии // Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С. 77.

⁶⁸ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1994. С. 263.

⁶⁹ Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 40.

⁷⁰ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976, с. 202–203; Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993. С. 183–185.

⁷¹ Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 164.

⁷² Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках... С. 220.

⁷³ Там же. С. 220, 352, 359, 365.

кием, каменной палицей Неба-Отца или Громовержца (Перуна, Перкунаса и т. п.)»⁷⁴. Представление о том, что божественный оплодотворяющий акт брачного союза неба и земли повторяется ежегодно во время первой грозы, сохранился в народных поверьях. Так, болгары считают, что только первый гром имеет плодотворную силу, другие же приносят мор и неурожай⁷⁵. Поляки верят, что сразу после первой весенней грозы вода в источниках на миг становится кровавой⁷⁶, что, вероятно, связано с представлениями о дефлорации-оплодотворении земли.

В акциональном коде славянских обрядов обычаи втыкать топор в землю – один из ритуальных актов апотропеического и продуцирующего характера, несомненно, восходит к символике оплодотворения земли небесным божеством (ср. в сказках: волшебный топор-саморуб одним ударом лезвия о землю творит чудеса, при этом сам топор является герою вслед за ударом огнива о кремень⁷⁷). То, что топор вплоть до этнографической современности выступает в качестве одного из наиболее сакральных предметов, свидетельствуют различные факты. Повсеместно топор выступает не только как основной оберег от нечистой силы, но и в качестве продуцирующего средства, магического предмета в обрядах повышения славы, «прорубания» пути, изгнания болезни и т. д. Зафиксировано выражение «sekeogou hazeti» (бросать секиру) в значении «клясться», а целование топора (секиры) и принесение при этом клятвы⁷⁸ говорит о равенстве статуса данного предмета главным святыням (икона, хлеб). Не случайна и формула «инога» мира в заговорах – «где петух не поет, топор не сечет»⁷⁹.

В контексте нашего исследования акцентируем, что топор является символическим антиподом растительного символа (дерево). Исследователями уже не раз было отмечено, что в ритуальных песнях игровой культуры и брачной обрядности славянских народов женские образы всегда связаны с деревом. В свадебных фольклорных текстах часто фигурирует мотив срубания березы, символизирующий «смерть» девичьей красоты и воскрешение девушки в ином качестве. В ряде широко распространенных песен девичника содержатся мотивы ухода невесты в «зеленую дубраву», которую жених должен «посечь», в украинских

⁷⁴ *Топоров В. Н.* Детская игра «в ножички» и ее мифоритуальные истоки. С. 260.

⁷⁵ *Валенцова М. М.* Первый в славянской культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 193.

⁷⁶ *Виноградова Л. Н.* Та вода, которая... // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 42.

⁷⁷ *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 277.

⁷⁸ Там же. С. 273.

⁷⁹ Цит. по: *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег... С. 141.

вариантах текста жених рубит сад-виноград⁸⁰, что в славянском фольклоре традиционно служит в качестве метафорического обозначения коитуса⁸¹. Акционально эта идея присутствует в юношеских половозрастных обрядах инициационного характера, в календарной и свадебной обрядности. Более того, в ряде славянских традиций отмечен весьма архаичный мотив отрубания топором девичьей косы в свадебном обряде. Отголоском этого можно считать обычай символического обрезания, когда дружка трижды проводит ножом по косе невесты⁸².

Образы топора-древа как мифонима мужского-женского начал воплотились в мифологеме строгания-стружек как метафоры соития-деторождения (ср. выражения типа *детей настрогал*, фразеологизм *черт лыко дерет*, обозначающий родовые муки⁸³, поверья, связанные с использованием стружек в родильной обрядности и т. д.). Таким образом, бинном *топор-древо* может выступать как символическое воплощение соединения мужского и женского начал, любовно-брачных отношений, представлений о воспроизводстве жизни. Учитывая, что топор в различных мифологических традициях является атрибутом верховного божества, а образ дерева содержит в себе комплекс представлений о мировом древе, эта устойчивая комбинация имеет весьма широкий спектр мифопоэтических реминисценций.

И хотя топор в различных контекстах и ситуациях может выступать как носитель разных символических значений, сакральная природа его не подлежит сомнению и восходит к древнейшим языческим представлениям о нем как божественном атрибуте громовежца. Таким образом, именно эта характеристика становится определяющей при выборе предмета-символа для формирования мужской идентичности (ср. представления о том, что сыновей рождает Бог, а также имеющуюся версию этимологии лексемы *парень* как страдательной формы от *Перун*: «пар-ень», т. е. произведенный, рожденный, сын⁸⁴).

Соответственно для ритуального формирования женской идентичности должен быть выбран образ Мокоши. Этимологические разыскания

⁸⁰ Бернштам Т. А. Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII. Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л., 1982. С. 61.

⁸¹ Костомаров Н. И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 210, 259.

⁸² Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 17; Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре... С. 70.

⁸³ Баранов Д. А. Родинный обряд: время, пространство, движение. С. 23.

⁸⁴ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 249. Комментарий по поводу этой спорной версии см.: Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005. С. 152–154.

установили бесспорную связь имени *Мокошь* не только с *ток-* «влага», «влажный», «мокрый» (связь жизни с водой принадлежит к числу универсалий, ср.: вода как детородная влага, устойчивое выражение *мать-земля сырая*), но и с *tokos-* «прядение»⁸⁵. Следовательно, материальным субститутом Мокоши в ритуале может служить веретено или иные предметы, связанные с процессом прядения.

Символика веретена как атрибута женского божества и материализованного воплощения идеи пола в целом может быть связана с особенностями технологического процесса прядения и с символикой нити. «Пласт запретов и их толкований, основывающихся на отождествлении нити с пуповиной, апеллирует, как кажется, к наиболее древним представлениям, актуальность которых, впрочем, постоянно подновлялась физиологией родов. С этим пластом представлений связан образ „нити жизни“, известный многим культурам и возникший, думается, именно из мифопоэтического осмысления пуповины»⁸⁶.

Метафорически символика нити, идея творения плоти и мифологема непрекращающейся жизни воплотились в процессе прядения, поэтому веретено и кудель выступают в качестве неизменных спутников женских мифологических персонажей, наделяющих смертных судьбой и долей, в том числе в славянской мифологии. По мнению исследователей, Мокошь относится к числу женских божеств с хозяйственной функцией, которую абстрактно можно сформулировать как увеличение материи посредством повторения циклов. В этом смысле сама структура пряжи и процесс прядения могут рассматриваться как образ умножения жизненной ткани и воспроизведения человека и рода в потомстве⁸⁷.

Отметим также, что в славянском ритуально-магическом комплексе льняная кудель (растительное волокно) и веретено (материальный субститут древа мирового, оси мироздания) могут выступать аналогом древа (растительного символа).

Совершенно очевидно, что из множества символических значений бинорма *топор-веретено* релевантными в обрядах жизненного цикла становятся те, что имеют матримониальные коннотации, символизируют ведущие гендерные физиологические характеристики, мифологическую концепцию пола. То, что гендерная миссия в мифопоэтическом сознании связана в первую очередь с биологической функцией пола,

⁸⁵ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 194.

⁸⁶ Страхов А. Б. Ночь перед рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, 2003. С. 217.

⁸⁷ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа. С. 195.

сомневаться не приходится. О важности брака и семьи для мифологической концепции человека в традиционной культуре говорят языковые данные⁸⁸. Таким образом, реализация гендерной роли индивида мыслится главной составляющей жизненного цикла и основной миссией человека в общем сценарии воспроизводства жизни на земле.

Не случайно в свадебном фольклоре молодец просит мифических кузнецов выковать ему золотую «сокиру» для, казалось бы, несвойственной топору функции: чтобы «печь рубати, коровай добувати»⁸⁹, что достаточно прозрачно намекает на символику дефлорации-оплодотворения-рождения (ср. эротические мотивы: «печь регоче, бо коровай хоче» и т. д.). В этой связи любопытен белорусский заговор, который произносится как бы от имени младенца в утробе, где топор упоминается наряду с главными символами мироздания: «Быв я у матушки сорок нядзель; не видав я ни божжаго свету, ни красоваго порезу, ни топорного замаху, ни красного сонца, ни яснаго месяца»⁹⁰.

Медиативная функция женщины и ее роль в воспроизводстве жизни отразились в том, что в верованиях матка (женское начало) соотносится с золотым клубком⁹¹, а наполняющееся пряжей веретено – с физиологическими изменениями женщины в момент беременности. Так, у болгар свадебный хлеб *питу* украшали при помощи полного веретена, чтобы «стала полной, беременной, невеста»⁹². Мотив женитьбы молодой девушки со стариком находит следующее соответствие в текстильном коде: «Веретнушко не вьется, куделенко не плетется»⁹³.

⁸⁸ Помимо известного соотнесения «мужчина = муж», «женщина = жена», приведем другие примеры. Так, лексема «люди» означала «те, кто находятся в производительном возрасте» (ср. «Старый да малый – одно безлюдье осталось дома, все ушли на сенокос»), «выйти с людей» – «потерять силы, состариться», «вылудить» – «вырастить», «до людей» – «до тех пор, пока не наступило время выдавать девушку замуж», «вылудеть» (костр.) – «достичь способности рожать», «идти в люди» – «выходить замуж», «людиться» – «обзаводиться семьей», «людыяць» (блр) – «играть свадьбу». «Вочеловечивание» индивида завершается лишь вхождением в категорию «истинных людей», вход в которую открывает вступление в брак, а с лексемой «люди» связывается само состояние брака («как состояние наиболее важной и вместе с тем интимной социализации человека»). *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 93, 102.

⁸⁹ Цит. по: *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре... С. 223.

⁹⁰ Цит. по: *Романов Е. Б.* Белорусский сборник. Вильна, 1891. Вып. 5. № 10. С. 4; *Баранов Д. А.* Образ ребенка в народной эмбриологии. С. 23.

⁹¹ *Кабакова Г. И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья. С. 116.

⁹² *Узенёва Е. С.* Символика целого в болгарском свадебном обряде // Признаковое пространство культуры. С. 232. Ср. также гадание на замужество с полным веретеном: *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004. С. 728.

⁹³ *Бернштам Т. А.* К реконструкции некоторых русских обрядов совершеннолетия // Советская этнография. 1986. № 6. С. 24–35.

Связь прядения с семантикой деторождения отчетливо выражена в свадебном обряде. У поляков невеста по возвращении с венчания садилась на дежу, а в руки ей давали ребенка, прялку и веретено⁹⁴. У болгар после свадьбы молодой дарят новую прялку, веретено и кудель, с помощью которых она должна выпрясть (в ряде мест – в течение дня) нить и сплести *повойник* (свивальник) будущему ребенку. Примечательно, что этот процесс начинает мужчина из родни жениха, при этом гадают о количестве детей в молодой семье. Принимая во внимание факт названия ребенка до года – *повойниче*, обычай пришивать к повою пуповину, поверья, объясняющие плохую судьбу – «*черной куделью мать запряла*»⁹⁵, можно утверждать, что на мифологическом уровне прядение осмысливается как символическое действие, как регулирование средствами ритуала биологических процессов от зачатия до рождения (ср. толкование прядения Марии в сцене Благовещения как творения тела Христа). Показательно, что при затянувшихся родах свекровь берет кудель, переданную ей матерью роженицы, и изготавливает *повойник* (символический двойник младенца), который должен быть сделан до того, как закончатся роды⁹⁶. В целом прядение в рамках ритуала способствует «формированию» репродуктивной (медиативной) функции женщины.

Таким образом, веретено и процесс прядения в предметно-символическом мире славянской культуры являются метафорическим воплощением идеи матки⁹⁷, женского начала, а топор – фаллоса, мужского начала (о чем красноречиво говорит следующее поверье: целомудренный юноша не может мастерски владеть топором⁹⁸). Именно эти значения, содержащие ярко выраженные матримониальные мотивы, и актуализируются посредством предметных метафор в обрядах ритуального формирования-закрепления половой идентичности. Не случайно причину затянувшегося безбрачия девушек и парней искали в неисполнении для них тех или иных обрядов первого года жизни⁹⁹.

⁹⁴ Плотникова А. А. Невеста и ребенок в свадебном обряде южных славян // Родины, дети и повитухи в традициях народной культуры. С. 131.

⁹⁵ Георгиев Г. Дарение «повойника» в болгарской традиционной культуре // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 55–59.

⁹⁶ Там же. С. 54.

⁹⁷ В отличие от веретена (кудели, прялки), гребень, будучи женским символом, соотносится с «vulva», что подтверждают этимологические изыскания на материале индоевропейских языков. Маковский М. М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М., 1996. С. 94–95, 183. Об этом косвенно свидетельствует и характер использования гребня в славянских ритуалах (прохождение между двумя гребнями, замыкание-отмыкание и т. д.).

⁹⁸ А точнее – не может попасть топором по одному и тому же месту. Романов Е. Р. Быт белоруса. Вильно, 1912. С. 306; Баранов Д. А. Образ ребенка в народной эмбриологии. С. 16.

⁹⁹ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 225.

В то же время бином *топор-веретено* в качестве воплощения оппозиции «*мужеской*»/«*женский*» соотносит ритуал с метатекстом, т. е. с мифом, и отсылает нас к мотиву супружеской божественной пары Перун – Мокошь и сюжету небесной свадьбы. Являясь атрибутами главных персонажей основного мифа, эти предметы в славянском ритуально-магическом комплексе функционируют в виде антиномии, в совокупности воссоздавая мифоним, имеющий статус сакрального представительства. Не случайно в паре они могут выступать в качестве символа единства и целостности мироздания¹⁰⁰. И хотя с приходом христианства этот глубинный слой семантики был практически утрачен, нельзя не отметить некоторых знаковых параллелей христианства с ключевыми языческими гендерными символами (ср. образы Иисуса-плотника или прядущей Марии в иконографии Благовещения).

Анализ репрезентаций пола в предметно-символическом коде культуры показывает, что наряду с наиболее устойчивой комбинацией *топор-веретено* в обрядах половой идентификации младенца изредка могут выступать иные предметы, восходящие к той же идее и концепту, что является примером предметной синонимии в ритуале. Вариативность «*мужских*» предметных метафор (коса, молот, пила) может быть связана с многозначностью лексем *сечь*, *секира*, которые в разных славянских языках означают не только *рубить*, но и *косить*, не только *топор*, но и *большой кузнечный молот, меч, пилу*¹⁰¹. Кроме того, в мифологических представлениях богугромовержцу приписываются как золотая секира, так и огненные стрелы, палица, копьё, пламенный меч, каменный или медный крестообразный молот. В качестве женского символа, кроме предметов комплекса прядения-ткачества, в редких случаях выступает серп¹⁰². Отметим, что серп связан не только с исключительно женским занятием – жатвой, повсеместно осмысляющейся как роды Земли-матери, но и с лунарной символикой (ср. *серп луны*). Связь луны с деторождением породила ассоциативность в мифопо-

¹⁰⁰ Так, у гуцулов в сочельник хозяин (к которому в ритуальном диалоге обращались, как к Богу) обходил дом с хлебом, топором и веретеном, «замыкая дом» от всяких несчастий на будущий год. *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег... С. 83, 113. В заговорах в качестве воплощения мужской/женской ипостаси может также встречаться пара «топор-гребень». Ср. угрозы божественных персонажей «топором zaseку», «гребнем вычешу»: *Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 426, 431, заговорные формулы «препятствий», где наряду с огнем и водой герой «прошел топор, не поранился», «прошел через гребень и не накололся»: *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег... С. 172.

¹⁰¹ Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. Т. 2: панцирь – яшур. М., 1993. С. 159–160.

¹⁰² Например, в Полесье для омовения роженицы и повитухи в лохань кладут для мальчика топор, для девочки – серп. *Кабакова Г. И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья. С. 124.

этической традиции пары «матка – луна» (ср. устойчивая формула матки в заговорах – *светлый месяц*, обозначение болезни золотника – *матка опускается к луне* и т. д.)¹⁰³. Итак, и серп и веретено восходят к одному и тому же концепту идеи пола, соответственно, могут рассматриваться как семантические синонимы. Более того, одно и то же содержание может иметь в ритуале разные способы выражения: так, пуповину мальчику могли обрезать на дубовой плахе¹⁰⁴ (дуб – символ Перуна в растительном коде¹⁰⁵).

Таким образом, присутствие предметов – божественных атрибутов в славянских обрядах первого года жизни создает мифологическую ситуацию и обеспечивает представительство сакрального на важнейших этапах младенчества, а манипулирование ими предстает как акт «доделывания» новорожденного по воле, образу и подобию божьему. С помощью предметного кода программируется судьба ребенка как носителя определенной – с ориентацией на сакральный прототип – гендерной роли в общем онтологическом сценарии воспроизводства жизни. Приобретая посредством целой серии ритуальных актов освященный мифологической перспективой гендерный статус, ребенок оказывается под патронажем и покровительством божественных сил высшего порядка. В то же время важно отметить, что топор и веретено становятся гендерными предметными символами не только метонимически, но и метафорически. В выборе данных предметов в качестве символов «*мужского*»/«*женского*» отразился как процесс семиотизации человеческого тела, так и соматический аспект мифа о прерождении.

¹⁰³ Баранов Д. А. Образ ребенка в народной эмбриологии. С. 30.

¹⁰⁴ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре... С. 97–98.

¹⁰⁵ Праславянское название дуба пришло на смену более древнему **perkь*, косвенно сохранившемуся в **regulь*. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5. С. 96.

Е. В. Герасимова

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1920 гг. (по архивным документам)

С приходом советской власти в Карелию начинается реализация реформы в области народного просвещения. Она направлена на реорганизацию старой и создание новой, советской школы, изменение управления школой, ликвидацию безграмотности, разработку новых методов социального воспитания подрастающего поколения. Документальные материалы рассматриваемого периода отражают создание и работу детских садов, детских домов, изб-читален, библиотек, театров, музыкальных школ, музеев. Следуя революционным лозунгам, молодое государство всеми силами и доступными средствами контролировало и направляло в нужное русло культурное воспитание советской молодежи.

Представленные в статье документы имеют историко-познавательное значение, так как отражают картину становления системы музыкального образования в бывшей Олонецкой губернии в трудное нестабильное время зарождения новых общественных отношений.

7 января 1918 г. по постановлению губисполкома был создан Олонецкий губернский комиссариат просвещения, комиссаром которого был назначен большевик Валентин Михайлович Парфенов (1884–1941). В целях наибольшей производительности труда правительственного аппарата 5 августа 1918 г. комиссариат просвещения был переименован в отдел народного образования при губисполкоме (ГубОНО). По методическим вопросам ГубОНО руководствовался указаниями Народного комиссариата просвещения РСФСР. В ведении ГубОНО находилось руководство делом народного образования (школьного, дошкольного, внешкольного) и культурно-просветительным делом в Олонецкой губернии.

При поддержке Олонецкого губернского отдела народного образования и по инициативе активных молодых людей, учителей, а также наиболее просвещенных солдат, вернувшихся с фронта, в городе и деревне воз-

никают культурно-просветительские кружки. Заинтересованными участниками кружков становятся как взрослые, так и дети. Население губернии тянется к разносторонним знаниям, возможности развивать свои способности, свой художественный вкус, обогащать и удовлетворять музыкальные запросы. Возможностей для этого было весьма немного. Скромные денежные ресурсы, нехватка педагогических кадров, отсутствие необходимых материалов и квалифицированных музыкальных мастеров зачастую не позволяли коллегии музыкального подотдела ГубОНО своевременно выполнять заявки школ города, районных сельских кружков на инструменты, струны, нотные принадлежности и т. д. Вместе с тем вызывает уважение самоотдача и невероятная работоспособность, которую проявляли люди, решая те или иные вопросы, будь то организация курсов для учителей, открытие музыкального склада или музыкальной школы.

В 1918 г. вопросами музыкальной культуры и музыкального образования, а соответственно и музыкальными инструментами в Петрозаводске и районах занимался Олонецкий губернский отдел народного образования, куда входили, в частности, подотдел искусств и музыкальный подотдел. Музыкальная коллегия¹ при ГубОНО насчитывала восемь представителей, среди которых шесть коммунистов, один сочувствующий коммунистам и один интернационалист. По профессии почти все они были учителями школ 1-й и 2-й ступени². Заведующим музыкальным подотделом и председателем коллегии был избран также бывший учитель В. М. Парфенов, человек деятельный и энергичный. Самым серьезным образом музыкальная коллегия под его руководством рассматривала и решала вопросы, связанные с ростом культуры советской молодежи.

Во-первых, подотделом искусств в августе 1918 г. была проведена регистрация музыкальных инструментов, принадлежащих гражданам. Регистрировались рояли, пианино, фисгармонии, все струнные (кроме великорусских) и духовые инструменты³. Было объявлено, что «...лица, утаившие вышеуказанные инструменты, будут преданы суду Революционного Трибунала»⁴. В процессе регистрации возникает много вопросов, есть и недовольные. 13 сентября заканчивается установленный срок подачи заявлений. И уже 17 сентября появляется новое, учитывающее и разъясняющее

¹ Музыкальная коллегия была утверждена 12 августа 1918 г. Первое заседание коллегии состоялось 21 августа 1918 г.

² В соответствии с решениями I Всероссийского съезда по просвещению, прошедшего в августе 1918 г. в г. Москве, школа становится единой общеобразовательной девятилетней с двумя ступенями: 1-й – начальной со сроком обучения 5 лет, 2-й – со сроком обучения 4 года.

³ При цитировании архивных документов сохранены орфография и пунктуация источника.

⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14/170. Л. 14 (Олонецкий губернский отдел народного образования).

возникшие проблемы постановление, с решением которого граждане вынуждены считаться: «Заявление т. Парфёнова об учёте муз. инструментов и о тех вопросах, которые возникли в связи с учётом. Постановили:

а) Установить налог на рояли и пианино 100 руб. и фис-гармонии 50 руб. в год. Освободить от налога по усмотрению отдела народного образования;

б) Конфисковать инструменты у не зарегистрировавших таковых;

в) Брать в пользование инструменты для музыкальной школы по усмотрению отдела Народного Образования;

г) Налог, собранный за музыкальные инструменты, предоставить для музыкальной школы»⁵.

Продажа, покупка, перевозка и вывоз музыкальных инструментов без разрешения музыкального подотдела была воспрещена. Жители Петрозаводска должны были в определенный срок добровольно принести заявления в комиссариат просвещения о наличии у них музыкальных инструментов. В отдельных ситуациях производилась конфискация инструментов с целью передачи в музыкальные школы и кружки молодежи. За сокрытие музыкальных инструментов следовало наказание, например, штраф 500 р. или замена его принудительными работами⁶. Надо сказать, что все заявления внимательно рассматривались, и к частным особым случаям относились с пониманием, не применяя суровых мер:

№ 20

Въ Комиссариатъ Просвещенія Учебнаго отдела
14 сент. 1918

Вдовы начальнаго народнаго учителя Татьяны Андріевской
Заявленіе

Въ моей квартирѣ имѣется пианино «Дидериксъ». Инструментъ приобретенъ на деньги полученныя после смерти мужа, младшимъ дѣтямъ, для убогаго сына, чтобъ музыкою дать возможность въ будущемъ заработать ему кусокъ хлеба ибо къ иному труду онъ будетъ неспособенъ. 11го сентября 1918 г.

Татьяна Андріевская⁷

Неимущіе от налога освобождались вообще.

Таким образом, список зарегистрированных музыкальных инструментов по г. Петрозаводску в сентябре 1918 г. содержал следующее количе-

⁵ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14/170. Л. 14 (Выписка из протокола заседания Исполнительного Комитета Петрозаводского совета рабочих и красноармейских депутатов 17-го сентября 1918 г.).

⁶ Там же. Л. 63.

⁷ Там же. Л. 20.

ство инструментов: рояль – 112; фортепиано – 17 («большой частью испорченное, расстроенное»); пианино – 107; фисгармония – 14, скрипка – около 80 (в том числе альт, детские) плюс 4 тирольских; флейта – 3; корнет /б. пистон/ – 8; труба; виолончель – 9; мюзета – 1. Среди владельцев инструментов были указаны также и служители церкви, например, регент соборного хора С. В. Ефимов, священники Павлов и Островский, заведующая Никитским приютом девочек П. Устинова.

Народные музыкальные инструменты пока не регистрировались, хотя в «записках» или «заявлениях», которые граждане подавали в коллегию музыкального подотдела, наряду с другими инструментами упоминались и балалайки, и домры. Например, в записке от 2 сентября 1918 г. Петрозаводская учительская семинария указала балалайки (прима – 3, секунда – 2, альт – 2, бас – 3) и домры: прима – 4, пикколо – 1, альт – 2, бас – 1. А вот ученик IV класса I-й Петрозаводской учительской семинарии Ал. В. Иванов сообщил, что имеет «следующие муз. инструменты: 1) скрипка, 2) гитара, 3) мандолина. Все инструменты эти – старые, при чём скрипка и гитара требуют ремонта – склейки»⁸.

Разновидности балалайки, такие как балалайка-пикколо, балалайка-прима, балалайка-альт и балалайка-виолончель, с 1888 г. использовал в своем оркестре В. В. Андреев⁹. Он жил и работал в г. Санкт-Петербурге. Развивая идею «пропаганды русской песни на русских народных инструментах», Андреев обогатил звучание оркестра за счет введения других инструментов. Сначала это были «домры различных размеров, изготовленные замечательным мастером-самородком С. И. Налимовым, и щипковые гусли. Это уже был оркестр, состоящий из музыкальных инструментов, издавна бытовавших в русском народе, – Великорусский оркестр. Именно так и назвал его В. В. Андреев осенью 1896 года»¹⁰. К сведению, первый состав оркестра насчитывал всего 14 человек. Естественно и закономерно, что спустя некоторое время в Петрозаводске такие инструменты также стали использоваться в коллективном музицировании. О попытках организации подобного оркестра в городе может свидетельствовать следующий документ: «В Народный Комиссариат по Просвещению. На отношение Ваше от 8 октября за № 1163, полученное мною 10/X, сообщаю, что струн для *оркестра балалаечников* (выделено мной. – Е. Г.) не имеется. 10/X – 18 г. О. Новоровская»¹¹.

⁸ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14/170. Л. 14.

⁹ Оркестр имени В. В. Андреева / Альбом. Л., 1987. С. 10, 11.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14/170. Л. 66 (Олонецкий губернский отдел народного образования).

Приходили запросы на получение музыкальных инструментов и от сельской молодежи: «29 окт. 1918 г. В Муз. секцию Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Сов. Кр. Раб. и Кр. Деп. Прилагая при сем отношении кружка молодежи „Жизнь и Знание“ Отдел Нар. Образования просит об удовлетворении ходатайства кружка, так как просветительная работа волости тормозится за неимением муз. пособий. Кроме того, желательным был бы отпуск бесплатно кружку струнных инструментов, как то гитар и балалаек. Шуйский Кружок молодежи „Жизнь и Знание“ Шуйской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губ, село Шуя п. о. Сайчино-Шуйское»¹². В следующем прошении они, правда, просили уже «... и отпуск одного рояли».

6 февраля 1919 г. на заседании коллегии губернтдела народного образования ставится вопрос о создании Великорусского оркестра уже при самом музыкальном подотделе¹³.

На коллегии ГубОНО 3 апреля 1919 г. В. М. Парфенов представил отчетный доклад о деятельности музыкального подотдела при Олонецком губернском отделе народного образования. Доклад состоял из 21 пункта, где подробно освещалась работа музыкального подотдела. Особое внимание было уделено результатам работы музыкальной коллегии и музыкального совета. Всего музыкальной коллегией был рассмотрен и направлен на утверждение в губернскую коллегию 51 вопрос. Так, в марте 1919 г. был издан и разослан по школам губернии примерный план преподавания пения (музыки) в общеобразовательной школе. При типографии ГубОНО оборудована литография, предназначенная для распечатывания нот, особенно необходимых в школах и культурно-просветительских кружках губернии. Усилиями коллегии в Петрозаводске был открыт «Склад нот, музыкальных инструментов и принадлежностей к ним» (в помещении бывшего Гостиного двора), который мог бы удовлетворять все поступающие требования от учреждений, школ города, военных организаций, уездных отделов народного образования. На организацию склада и первоначальные закупки коллегия отдела выделила необходимые средства. Заведующим складом был назначен Н. А. Кусевичкий. К этому времени он уже был заведующим инвентарем музыкального подотдела. Энергично и при содействии Петроградского музыкального отдела Н. А. Кусевичкий доставляет в Петрозаводск ноты, инструменты, сопутствующие принадлежности. Склад открыт и работает. Но, по словам В. М. Парфенова, «требования на ноты и инструменты так велики, что надо полагать, что первой закупки хватит на

¹² НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14/170. Л. 86.

¹³ Там же. Ед. хр. 29/345. Л. 16 (Олонецкий губернский отдел народного образования).

очень непродолжительное время». Работы действительно много. И тем не менее музыкальная коллегия идет навстречу работникам склада, разрешая не работать в дни основных религиозных праздников, проявляя тем самым уважение к их вере. В протоколе № 17 от 24 сентября 1919 г. записано следующее: «Слушали: Отношение музык. склада от 22 сентября с. г. за № 43 с просьбой разрешить не производить торговли 25 и 26 сентября и 4 октября /новый год и день отпущения грехов – еврейские праздники/ 1919 г. Постановили: Ввиду того, что в складе имеется только одно лицо не иудейского вероисповедания и при этих условиях склад функционировать в указанные дни не может – разрешить на эти дни склад закрыть»¹⁴. В этом же протоколе есть и еще одна запись, учитывающая сроки религиозного праздника. Речь идет о начале и продолжительности учебного года в музыкальных школах и высших музыкальных классах: «Учебный год считать с 1 сентября до 1 июля. В течение этого срока установить вакации: с 23 декаб. по 7 января и примерно с 1-го по 14-е апреля /праздник Пасхи/»¹⁵.

В довольно короткие сроки организуется и начинает работать оркестр. Еще 6 февраля 1919 г. только ставится вопрос о создании оркестра. И вот уже с 8 февраля проводятся репетиции, а 28 февраля был дан первый концерт. В своем отчете В. М. Парфенов четко формулирует цель и задачи организации Великорусского оркестра: «Великорусский оркестр начал свою организационную работу в первых числах февраля с. г. Около 8-го фев. было приступлено к ознакомлению с инструментами и к началу репетиций, а 28 фев. был дан первый концерт по следующей программе. 1) Чайковский „В церкви“, 2) Насонов „Эй, ухнем“, 3) Андреев – вальс „Грезы“ и 4) Рабочая марсельеза (пер. А. Максимова).

Организация оркестра и дирижирование было поручено А. П. Максимова, прошедшему курсы, организованные В. В. Андреевым. Чтобы организация оркестра была дружная, в нее влило было около 6–7 чел. учителей школ г. Петрозаводска, учеников школ 2 ст. – остальные служащие в советских учреждениях, всего в настоящее время 25 чел.

Инструментов имеется на 35 чел. и можно надеяться, что оркестр будет доведен до 35 чел. На втором концерте 21 фев. (?) были исполнены след. пьесы: 1) Григ „Смерть Азы“, 2) Вальтера, вальс „Привет“, 3) „Как во городе царевна“ из оперы „Каширская старина“, 4) „Ивушка“ и 5) „Уж я золото хороню“ русские нар. песни – Аранжировка Насонова. В будущем предполагаются к постановке след. пьесы 1) Чайковский „Грустная

¹⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1/4. Л. 73. П. 1 (Олонецкий губернский отдел народного образования).

¹⁵ Там же. П. 4.

песня“, 2) Масснэ „Элегия“, 3) Шуберт „Серенада“, 4) Бородин „Хор поселян“ /князь Игорь/, 5) Березовский „Гой ты Днепр“ из оперы „Аскольдова могила“ и др. пьесы. Нот пока очень немного. Цель основания Велikorусского оркестра – развить в народе художественный вкус для восприятия музыки серьезной – камерной, известных русских и иностранных композиторов и желание учиться музыке»¹⁶.

Значительное место в докладе было уделено вопросу регистрации музыкальных инструментов и введению единовременного налога на клавишные инструменты. Налог пошел на поддержку музыкальных начинаний подотдела и на организацию музыкальной школы. Музыкальная школа была открыта 18 декабря 1918 г. вместо консерватории, как «более необходимое в данное время учреждение». Вторая регистрация инструментов была произведена в марте 1919 г. Уездным отделам народного образования предлагалось произвести подобную регистрацию в уездах и о результатах сообщить в губернский музыкальный подотдел.

Следует сказать несколько слов о средствах, необходимых для деятельности подотдела, и их расходовании. От Народного комитета просвещения в 1918 г. было получено 25 тысяч рублей. Исполнительный комитет Петрозаводского Совета выделил до 20 тысяч рублей, большая часть которых пошла на организацию музыкальной школы. Средства для прочей деятельности музыкального подотдела получались главным образом от концертов и музыкально-вокальных вечеров, от дохода кинематографа, находящегося в Камерно-музыкальном театре.

В завершение своего отчета о работе В. М. Парфенов выразил надежду, что: «Если в дальнейшем К-т Нар. Просвещения станет регулярно отпускать деньги по смете, то явится возможность тверже поставить с одной стороны все уже возникшие организации – с другой вести деятельность в губ. масштабе покрывая губернию сетью музык. организаций и ставя эту важную область чистого искусства на подобающую и должную высоту»¹⁷. Работа В. М. Парфенова на посту заведующего музыкальным подотделом получила действительно высокую оценку.

В дальнейшем для музыкального образования населения была расширена сеть музыкальных учебных учреждений¹⁸. Обучение в них было бесплатным. Рассматривая вопрос «О первоначальной сети музык. школ в Олонец. губ. Постановили: При существовании в г. Петрозаводске Музык. школы /1-й и 2-й ступени/ и Музык. Отделения студии Искусств

¹⁶ НА РК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 33/268. Л. 131 (Доклад заведующего музыкальным подотделом В. М. Парфёнова).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 39/473 (Список музыкальных учреждений в г. Петрозаводске).

открыть ещё одну школу – народную /в одном из рабочих кварталов/; открыть школы в г. Лодейном-поле и Вытегре; для предварительного ознакомления с условиями открытия школ командировать в Вытегру и Лодейное поле члена коллегии подъотдела Н. Н. Загорного. Ходатайствовать перед Город. Советом о помещении для школы на Зареке или Голиковке. В народную школу в качестве преподавателей привлечь учащихся Высших Музык. классов»¹⁹.

Кроме того, для учителей пения единой трудовой школы предлагалось провести краткосрочные курсы. На заседании коллегии музыкального подотдела, состоявшемся 2 июля 1919 г., рассматривали: «...краткую сводку анкет по губернии о постановке преподавания музыки в Единой Трудовой Школе. Постановили: Признать положение преподавания музыки в школах совершенно ненормальным: музыка почти ни в одной школе губернии не преподавалась из-за отсутствия соответствующих преподавателей, полного отсутствия каких-либо муз. инструментов и пособий. Озаботиться устройством хотя бы 2-х недельных летних курсов и возможным изданием соответствующих руководств. Обратиться в Музык. Отдел с мотивированным ходатайством об отпуске 250 тысяч рублей на снабжение школ губернии скрипками /по одной на каждую школу/»²⁰. Фактически за месяц вопросы организации курсов (денежные средства, помещение, подбор преподавателей и разработка программы обучения, объявления в местных органах печати и др.) были решены и согласованы. Программа обучения составлена грамотно, интересно и насыщено. Для ведения занятий приглашались опытные лекторы и преподаватели. Среди них был руководитель и преподаватель Высших музыкальных классов и музыкальной школы Н. Н. Загорный, преподаватели музыкальной школы и музыкального отделения Студии искусств Н. А. Кусевицкий, В. М. Парфенов, Н. А. Солнышков и Н. В. Солнышкова и др. Работа на курсах оплачивалась следующим образом: за лекции по 100 рублей, за практические занятия по 60 рублей, за участие в сольных выступлениях по 125 рублей²¹. Помимо лекций и практических занятий, курсанты должны были в обязательном порядке посетить два камерных вечера и четыре симфонических концерта.

Продолжая работать в этом направлении, коллегия стремилась сделать музыкальное образование и воспитание доступным. Большое внимание уделялось концертной деятельности. Концерты, как хоровые, так и

¹⁹ НА РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 1/4. Л. 54 (Олонецкий губернский отдел народного образования).

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 16.

инструментальные, очень часто были бесплатными, их разрешалось посещать «по удостоверениям личности, выданным от вышеуказанных учреждений»²². Коллегией был разработан специальный список произведений, рекомендованных к исполнению хорам, оркестрам, ансамблям, солистам. Долгое время обязательным считалось исполнение «рабочей марсельезы».

8 сентября 1919 г. состоялось одно из заседаний коллегии Олонецкого губернского музыкального подотдела, на котором были приняты два очень важных решения, касающихся музыкальных инструментов. Одно из них об открытии мастерской, где в первую очередь предполагалось «выделять: смычковые инструменты и некоторые великорусские, затем клавишные. Ходатайствовать перед Городским Советом о разрешении временно поместить мастерскую в верхнем этаже Музык. склада / в Гостин. дворе/». Второе об организации музея музыкальных инструментов в г. Петрозаводске: «Признать устройство музея весьма необходимым. Ходатайствовать перед Город. Отд. Нар. Обр. о помещении для него»²³. Установить, какие инструменты предполагалось собирать и экспонировать в музее, сейчас не представляется возможным.

Интерес молодежи к исполнительству на народных инструментах сохраняется по нескольким причинам. Это доступность в обучении игре и освоении исполнительских приемов, портативность, легкость настройки инструментов, это возможность выражать свои эмоции и мысли в собственном творчески-исполнительском процессе. Но мнение руководителей органов, к сожалению, еще долго будет носить несколько пренебрежительный оттенок по отношению к народным музыкальным инструментам и исполнительству на них: «Протокол № 24 от 7 декабря 1919 г. Слушали: Ходатайство Петрозав. организации Р. К. С. молодежи и Отдела работниц Губкомапартии о предоставлении им во временное пользование инструментов великорусского оркестра, т. к. у них организовался музык. кружок. Постановили: Предоставить на общих основаниях. Выдать из сумм Кам.-Муз. театра организации Р. К. С. молодёжи 20.000 р. на муз. деятельность кружка, высказав пожелание возможно скорого ее расширения и *перехода от пользования т. наз. великорусскими инструментами к средствам пригодным для исполнения произведений подлинного искусства* (выделено мной. – Е. Г.)»²⁴. Под такими «средствами» подразумевались, конечно, академические инструменты: фортепиано, скрипка и т. п.

²² НА РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 1/4. Л. 19 (Протоколы заседаний Коллегии подотдела искусств и протоколы заседаний музыкальной коллегии).

²³ Там же. Л. 53.

²⁴ Там же. Л. 127.

В конце 1919 г. в Карелии уже было 87 культурно-просветительных кружков, 34 клуба, 110 изб-читален²⁵.

Еще в 1918 г. в г. Петрозаводске был открыт музыкальный склад при подотделе искусств. Со временем перечень инструментов значительно расширился за счет балалаек, гитар, мандолин, домр. В кратком отчете от 3 декабря 1920 г. о деятельности музыкального склада приводятся сведения о снабжении нотами, музыкальными инструментами, музыкальными принадлежностями и литературой советских школ и учреждений, библиотек, красноармейских и железнодорожных культурно-просветительных кружков, частных лиц. В том числе «...за все время существования склада получено и распределено товара в следующем количестве: скрипок со смыч. – 93, контрабасов – 5, виолончелей – 11, балалаек – 84, гитар – 25, роялей – 3, пианино – 14, духов. INSTR. – 40, мандолин – 14, Цытр – 6, домр – 3, гармонифл. – 3, Балжо (банжо) и акарино – 10, винтовых стульев – 13. Муз. принадлежностей: струн, разных подставок, камертонов и пр. на сумму 387.357 р.»²⁶.

В 20-е гг. XX в. исполнительство на таких музыкальных инструментах как фортепиано, скрипка, духовые сохраняет свою академичность. Но вот исполнительство на народных инструментах постепенно разветвляется на два направления. Одно из них остается *традиционным*: некоторые музыкальные инструменты по старинке изготавливаются кустарным способом с применением доступных материалов; освоение игры на инструменте происходит «стихийно», т. е. без специальной подготовки и помощи, «по слуху»; репертуар состоит из набора местных традиционных наигрышей или самостоятельно подобранных мелодий позднего временного слоя (городские песни, романсы) и т. п. Второе направление становится условно *академическим*. Тому есть свои причины: кружки и ансамбли создаются по типу «андреевского» оркестра (сохраняются состав ансамбля, наличие разновидностей балалаек и домр); чаще используются музыкальные инструменты фабричного производства; появляются более сложные приемы игры, что дает, с одной стороны, больше возможностей в исполнительском отношении, но, с другой – требует уже специального обучения игре. В репертуар включаются не только простые обработки народных мелодий, но и более сложные переложения современных авторских произведений, большой интерес проявляется также к исполнению произведений русских и зарубежных композиторов. «Фольклорное и академическое музицирование на народных инструментах принципиально не взаимозаменяемы. Лишь их

²⁵ Карелия: Энциклопедия. Т. 1: А–Й. Петрозаводск, 2007. С. 96.

²⁶ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55/727. Л. 101 (Олонецкий губернский отдел народного образования).

тесная связь сможет стать важнейшим условием успешного развития отечественной массовой музыкальной культуры»²⁷.

В период эвакуации ГубОНО в г. Вытегру (1919–1920 гг.) в Петрозаводске функционировало Петрозаводское отделение ГубОНО. В связи с ликвидацией губернии как административно-территориальной единицы, ГубОНО прекратил свое существование (сентябрь 1922 г.). Однако все то, что было заложено в предыдущие годы для развития музыкального образования в Карелии, не только не угасло, а наоборот, укрепилось и поднялось на более высокую ступень. Сеть музыкальных учреждений со временем значительно расширилась, давая возможность гражданам удовлетворять свои художественные запросы, реализовываться творчески, бесплатно получать профессиональное музыкальное образование.

²⁷ *Имханицкий М. И.* История исполнительства на русских народных инструментах. М., 2002. С. 340.

Е. П. Михайлов

ТРАДИЦИОННЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОНЕЖСКО-БЕЛОЗЕРСКОГО МЕЖОЗЕРЬЯ

Изучением фольклорной традиции Вологодского края в XX в. занимались известные ученые, собиратели, фольклористы: Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, Д. М. Балашов, М. Ш. Бонфельд, И. А. Морозов, И. С. Слепцова и др. Исследования велись преимущественно в области этнографии и музыкально-поэтической традиции. Целенаправленного изучения инструментальной музыкальной культуры на этих территориях почти не проводилось. Некоторая информация была собрана в начале 1980-х гг. в Восточном Обонежье участниками экспедиций Петрозаводской государственной консерватории под руководством И. Б. Семаковой. Сведения о музыкальных инструментах северного Белозерья приводит В. А. Лапин в своей статье «В поисках исаевских вепсов Э. Леннрота», основываясь на материалах экспедиции 1996 г. по деревням Ивановского сельсовета¹. Традиции производства и бытования кирилловской гармонии посвящено исследование А. А. Мехнецова².

С 1997 по 1999 г. в рамках проекта «Комплексное междисциплинарное экспедиционное исследование традиционной культуры народов Карелии и сопредельных территорий» (руководитель В. П. Орфинский)³ автор изучал музыкальную инструментальную культуру северо-запада Вологодской области⁴. Были обследованы следующие территории (см. карту в конце статьи): населенные пункты южнее границы с Республикой Карелия вдоль берега Онежского озера: п. Октябрьский, деревни Саминского, Андомского, Тудозерского погостов, г. Вытегра. Далее: на юг от Мегорского погоста – села Коштуги, Сяргозеро, п. Межозерье и на юго-восток – деревни Ежезерского и Ундозерского погостов. В восточной час-

¹ Лапин В. А. В поисках исаевских вепсов Э. Леннрота // Живая старина. 1998. № 4. С. 42–44.

² Мехнецов А. А. Кирилловская гармонь-хромка в традиционной культуре Белозерья. Вологда, 2005.

³ Проект № 5. 1–635 (ФЦП «Интеграция»).

⁴ Экспедиционные дневники хранятся в личном архиве автора.

ти Вытегорского района обследованы населенные пункты по реке Кеме: с. Игнатово, д. Прокшино, п. Мирный, а также деревни Анциферовского с/с бывшей Исаевской волости, граничащей с Архангельской областью. В Вашкинском районе были обследованы населенные пункты вдоль рек Кемы, Индоманки, Унжи. Это деревни Ивановского, Островского, Андреевского, Каменноборского сельсоветов, поселки Октябрьский и Первомайский. Изучаемая территория далее именуется Онежско-Белозерским межозерьем.

Традиционная музыкальная культура региона может представлять значительный интерес как для этномузыковедов, так и для исследователей смежных специальностей. Одна из причин тому – сложная этническая история этих мест, находящихся на стыке существования финно-угорского и славянского миров. Как пишет В. Лапин, «...почти все современное русское население Белозерья в той или иной мере несет в себе мощный дославянский субстрат»⁵, что связано, по мнению исследователя, с проживанием здесь в прошлом вепсского этноса.

В середине XIX в. финский ученый Э. Леннрот записал вепсский лингвистический материал в бывшей Исаевской волости Вытегорского уезда (ныне Анциферовский сельсовет) от так называемых исаевских вепсов. Сведения Э. Леннрота подтверждаются данными «Списков населенных мест Российской империи», в которых вепсы названы чудью. Так, в «Списке населенных мест Олонецкой губернии по сведениям 1873 года» население при озерах Исаевском и Анциферовском обозначено как чудь⁶. М. Йоалайд приводит сведения археолога А. Брюсова, побывавшего в 30-х гг. XX в. в селах Куштозеро и Ундозеро нынешнего Вытегорского района⁷, по словам которого, в 30-х гг. население этих сел преимущественно говорило еще по-вепски, но, согласно данным 1948 г., здесь предпочитали говорить по-русски. Жители с. Сяргозеро Вытегорского района почти полностью обрусели, и в 1978 г. М. Йоалайд удалось обнаружить там лишь несколько человек старшего поколения, говорящих по-вепски⁸. В. Пименов пишет об «обруселой чуди» в Пудожском уезде, вокруг озера Водлозеро⁹, территория которого граничит на юге с нынешней Вологодской областью.

Современное население Онежско-Белозерского межозерья обрусело практически полностью и о своем финно-угорском прошлом в большинстве случаев не имеет представления. Основная часть жителей считает

⁵ Лапин В. А. В поисках исаевских вепсов Э. Леннрота. С. 43.

⁶ Списки населенных мест Российской империи. Т. XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879.

⁷ Богданов Н. И. Вепсский язык на современном этапе развития // Прибалтийско-финское языкознание / Отв. ред. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 76–82.

⁸ Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 76–83.

⁹ Пименов В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

себя русскими. Исключение составляет с. Сяргозеро, где нам в 1998 г. встретились два человека, помнящие вепский язык.

Музыкально-инструментальная традиция этой территории на протяжении XX столетия претерпела значительные изменения. Многие сегодня оказались утерянным, изменился быт, и вместе с ним уходят в прошлое музыкальные инструменты. Некоторые из них еще сохранились у информантов, остальные были реконструированы по описаниям. Особое внимание было уделено сбору информации о вышедших из употребления музыкальных инструментах, а также различных фактах проявления традиционного инструментализма.

В течение трех лет полевой экспедиционной работы в селах Онежско-Белозерского межозерья удалось собрать значительный музыкальный, органо-логический и этнографический материал, характеризующий музыкальную инструментальную культуру северо-запада Вологодской области. Он включает в себя сведения о распространении, изготовлении и функционировании музыкального инструментария: всего 41 музыкальный инструмент. Велась аудиозапись наигрышей на музыкальных инструментах, бытующих в современной исполнительской практике. Всего было записано 260 плясовых, танцевальных и песенных наигрышей на гармонии-хромке, около двадцати наигрышей на балалайке. Фиксировалась игра на пастушьем барабане (и ее имитация), сезонных детских аэрофонах, а также баяне, мандолине, гитаре. Игра наиболее виртуозных исполнителей была записана на видеокамеру.

Музыкальный инструментарий населения Онежско-Белозерского межозерья представлен тремя основными классами¹⁰: *идиофонами* (11 инструментов), *хордофонами* (6) и *аэрофонами* (24). Инструменты класса мембранофонов не встречены.

Все инструменты при описании разделены на несколько групп по функциональному признаку, учитывающему сферу деятельности человека. В результате получено пять основных групп: пастушьи, охотничьи инструменты, инструменты быта, детские инструменты, а также инструменты сферы отдыха и досуга. Принятое деление в некоторой степени условно, так как ряд инструментов может употребляться в нескольких сферах. В заголовки вынесены местные названия музыкальных инструментов. Классификация собранного музыкального инструментария в соответствии с общепринятой в современном инструментоведении систематикой Хорнбостеля – Закса¹¹ приведена в приложении.

¹⁰ В качестве главного признака деления на классы положено колеблющееся тело (источник звука): идиофоны – само твердое тело инструмента, мембранофоны – натянутая перепонка, хордофоны – натянутая струна, аэрофоны – столб воздуха.

¹¹ Хорнбостель Э., Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка: В 2-х частях / Под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1988. Ч. 1. С. 229–261.

Охотничьи инструменты

Музыкальный инструментарий охотников представлен только одним аэрофоном – *манком на рябчика*.

Встретились две разновидности манка. Первая [24]¹² изготавливалась из медной трубки длиной 4–6 см и диаметром 0,5–0,6 см. С одного конца трубка срезалась прямо, а с другого – наискосок. Длина косого среза составляла примерно половину общей длины манка. В стенке инструмента по стороне среза делалось свистковое отверстие (рис. 1)¹³. От М. В. Лазова

Рис. 1. Первая разновидность манка

(с. Коштуги) зафиксирован также вариант изготовления такого манка из пластмассовой трубки от шариковой ручки. При игре исполнитель губами и языком создает щель, через которую воздух поступает в свистковое отверстие. Высота звука изменяется за счет частичного или полного прикрытия пальцем отверстия прямого среза инструмента, а также силы вдуваемого воздуха.

Вторая разновидность манка [30] по своему устройству близка детскому ивовому (или ольховому) свистку. Материалом служил отрезок ольховой ветки длиной 5–6 см. Сбоку вырезалось свистковое отверстие. Делался кольцевой разрез коры, которая осторожно снималась с деревянной сердцевины. Оба конца получившейся трубки закрывались деревянными втулками: один – наглухо, а другой – с зазором с одной стороны, который образует щель флейты (рис. 2)¹⁴.

Рис. 2. Вторая разновидность манка

Звучание манков – яркое, в очень высоком регистре. В лесу в ясную погоду его можно услышать на расстоянии более ста метров. В. И. Максимов рассказывал, как он осваивал игру на манках: «... Слушаешь рябчика и стараешься ему подражать. У каждой пары рябчиков своя территория. Рябчик, услышав манок, думает, что другой самец нарушил его территорию, и прилетает». Интересно, что при игре на манке первой разновидности В. И. Максимов как использует обычную игру «на выдох», так и извлекает звуки «на вдох». В. Н. Парфенов играет на манке, проговаривая про себя: «Пять тетеревов, пять тетеревов...»,

Звучание манков – яркое, в очень высоком регистре. В лесу в ясную погоду его можно услышать на расстоянии более ста метров. В. И. Максимов рассказывал, как он осваивал игру на манках: «... Слушаешь рябчика и стараешься ему подражать. У каждой пары рябчиков своя территория. Рябчик, услышав манок, думает, что другой самец нарушил его территорию, и прилетает». Интересно, что при игре на манке первой разновидности В. И. Максимов как использует обычную игру «на выдох», так и извлекает звуки «на вдох». В. Н. Парфенов играет на манке, проговаривая про себя: «Пять тетеревов, пять тетеревов...»,

¹² В квадратных скобках указан номер инструмента в Классификации.

¹³ Инструмент зафиксирован от В. И. Максимова (с. Игнатово) и В. Н. Парфенова (д. Прокшино).

¹⁴ Информант М. Г. Тарасов (с. Сягозеро).

корректируя в соответствии с ней ритмические и мелодические стороны наигрыша. По словам исполнителей, звук манка нужно подбирать под рябчика, если звук «толстый», «грубый», то рябчик не прилетит. Мелодию наигрышей на манке характеризует плавное глissандирование в узком диапазоне, основанное на остинатных ритмических фигурах.

Обе разновидности манков распространены повсеместно и существуют параллельно, хотя охотники чаще отдают предпочтение металлическим инструментам в силу их долговечности.

Пастушеские инструменты

Музыкальный инструментарий пастухов Межозерья достаточно разнообразен и включает в себя два класса инструментов: идиофоны и аэрофоны. Из идиофонов мы встретили: *барабан, колотушку и колокол*.

Барабан (барабанка, доска) [5]

Инструмент представляет собой деревянную дощечку прямоугольной формы. Размеры ее могут колебаться в пределах 40–50 см в длину и 25–35 см в ширину. Материалом для барабана служила древесина различных пород. Одни информанты называют осину – «она звончее и легче», другие – ель или сосну. У верхних углов прямоугольника барабана имелись сквозные отверстия, за которые привязывался ремень или веревка для ношения инструмента. Палочки имели длину примерно 25–30 см и диаметр 1,5–2 см. В верхней части у них кольцевые зарубки, за которые связывались между собой веревкой (рис. 3). Материалом для палочек служили береза или ива. Они крепились к одному из верхних концов барабана.

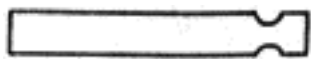

Рис. 3. Палочки для игры на барабане

Зафиксированы два варианта формы барабана: прямоугольный (рис. 4) и трапециевидный с закругленной верхней частью (рис. 5). Первый встречен в селах Ундозеро, Сяргозеро, п. Межозерье и пограничных территориях Вытегорского района. Восточнее, в деревнях Ивановская, Остров и далее на юг распространен инструмент с закругленной верхней частью.

Во время игры барабан носили за веревки на уровне пояса или чуть выше. Звонкий, хорошо слышимый на расстоянии звук инструмента извлекали, ударяя палочками по разным

Рис. 4. Прямоугольная форма барабана

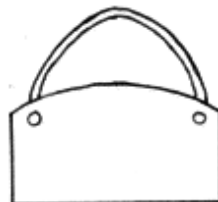

Рис. 5. Трапециевидная форма барабана

местам доски. Сами же наигрыши на барабане представляют собой оstinатно-повторяемый ритмический рисунок: ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩

Пастухами барабан использовался как инструмент сигнально-оповещательной и охранительной функции. По утрам, проходя по деревне, пастух давал сигнал на сбор коров, а вечером приводил стадо домой, так же оповещая всех игрой. В лесу, во время пастьбы, барабанили для отпугивания от стада хищников, особенно, когда пасли ночью¹⁵.

Б. И. Рабинович, очерчивая ареал распространения инструмента, провел северную границу по пунктам: Коварзино – Злобино Вологодской области¹⁶, западнее инструмент зафиксирован И. Б. Семаковой у средних (оятских) вепсов в с. Шимозеро Подпорожского района¹⁷. Об использовании барабана пастухами с. Ивановское упоминает В. А. Лапин¹⁸. Наши данные расширяют ареал распространения пастушьего барабана на северо-запад: по селам Ундозеро и Сяргозеро. На сегодняшний день барабан почти вышел из употребления и встречается лишь изредка, однако удалось зафиксировать факт использования барабана по сей день пастухами с. Ундозеро и п. Октябрьский Ивановского сельского совета.

Колотушка [3]

Представляет собой деревянную выдолбленную изнутри колодку с ручкой. Изготавливается из цельного куска дерева, как правило, березы

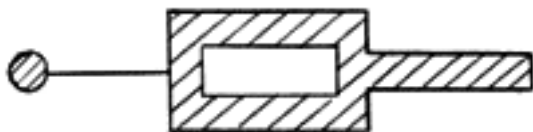

Рис. 6. Колотушка

или осины. С помощью отверстия в верхней части колотушки к ней на кожаный ремешок крепится деревянный шарик (рис. 6)¹⁹. Размеры

колодки – 11,5×6×4 см; ручка – длина 10 см, Ø 2,5 см.; шарик примерно Ø 2,5–3 см; ремешок длиной 10 см.

¹⁵ Инструмент зафиксирован от Н. Ф. Прокина (п. Межозерье), М. Г. Тарасова (с. Сяргозеро), М. В. Лазова (с. Коштуги), М. Л. Робозеровой (с. Ундозеро), Н. Д. Парфенова (д. Прокшино), А. Е. Яковлева (д. Остров), А. С. Чернякова (д. Давыдово), В. П. Семенова (д. Зуево).

¹⁶ Рабинович Б. И. Пастуший барабан – недавно открытый русский народный инструмент // Музыкальная фольклористика / Сост. А. А. Банин. М., 1986. Вып. 3. С. 177–243.

¹⁷ Сведения получены от этномызоведа И. Б. Семаковой.

¹⁸ Лапин В. А. В поисках исаевских вепсов Э. Леннрота. С. 42–44.

¹⁹ Инструмент зафиксирован от А. В. Чашина (п. Мирный), Н. Я. Заводской (с. Коштуги).

Громкий отрывистый звук возникает от ударов шарика о плоскость инструмента. Наигрыши на этом инструменте не зафиксированы, но мы можем предполагать, что они основываются на равномерных ритмичных ударах, так как конструкция инструмента позволяет исполнять, как правило, только ритмические формулы, основанные на ровных последовательностях одинаковых по длительности звуков (с незначительными отклонениями).

В быту колотушка носила те же функции, что и пастуший барабан, и являлась его эквивалентом. Так, в с. Сяргозеро пастух использовал барабан, а в с. Коштуги – колотушку. Сегодня употребление колотушки в быту не зафиксировано, хотя применялась она еще совсем недавно. В конце 80-х гг. XX столетия колотушку использовал пастух с. Коштуги, а еще в 1995–1996 гг. она звучала в п. Мирный.

Колокол [8]

Колокола изготавливались из железа в местных кузницах и по форме могли быть прямоугольными или в виде куба. Внутри прикреплялся железный язычок. Колокола имели следующие размеры: 10×3×4 см (прямоугольный) и 10×10×10 см (куб). С помощью веревки, вдетой в проушину, они привязывались на шею домашним животным²⁰. Звук инструмента глухой, отрывистый, но достаточно громкий. В быту он служил для обнаружения пропавших животных, отпугивания от стада хищников. Не исключены некоторые магическо-обереговые функции колокола. На данный момент колокола распространились повсеместно, на всех исследованных нами территориях.

Среди пастушеских аэрофонов зафиксировано семь инструментов. Их местные названия – *рожок*, *труба*, *дудка* – скорее имеют собирательное название и относятся к целой группе духовых инструментов, нежели обозначают какой-либо типологически однородный музыкальный инструмент. На сегодняшний день все они полностью вышли из употребления, поэтому иконографическая реконструкция инструментов сделана на основании устных рассказов и воспоминаний информантов.

Рожок [35]

Целиком изготавливался из бересты. Сначала из ее отрезка вырезалась полоска, которая складывалась пополам, образуя гобойную трость (рис. 7). Затем на нее наматывалась берестяная лента, образуя корпус рожка (рис. 8). На конце раструба ленту просто «захлестывали», не делая специальных скрепок из дерева. Длина инструмента с тростью составляла примерно 30 см²¹.

²⁰ Подробная информация об этом инструменте записана от Ю. И. Попова (с. Самоино).

²¹ Инструмент зафиксирован от А. Е. Яковлева (д. Остров).

Рис. 7. Трость

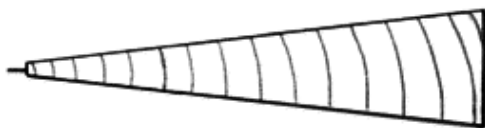

Рис. 8. Рожок

При игре на рожке трость сжимали губами. В зависимости от силы сжатия губ исполнитель мог несколько корректировать звучание (по словам информанта, «делать звук тоньше или толще»). Громкий, яркий звук инструмента был хорошо слышен на расстоянии. Исполняли на рожке сигнальные наигрыши, так как инструмент мог издавать только один тон (с небольшими отклонениями). Утром пастух игрой на рожке сопровождал стадо на пастбище, а вечером в лесу его собирал, чтобы гнать домой.

Берестяной рожок – инструмент недолговечный и использовался, пока он не терял своих игровых качеств. После этого пастух изготавливал себе новый инструмент. В настоящее время рожок полностью вышел из употребления. По рассказам информантов, он бытовал еще до Великой Отечественной войны, потом пастухи стали использовать барабаны.

Рожок (труба) [36]

Состоит из двух частей: цилиндрического корпуса и раструба конической формы. Инструмент изготавливали весной. Из небольшой сосенки срезали отрезок ствола (с вершины) длиной примерно 15–20 см и диаметром 1,5 см, кору снимали. Затем убрали сердцевину. На получившейся деревянной трубочке делали игровые отверстия и косой срез с одного конца. На этот срез прикрепляли (видимо, с помощью ниток) язычок из вереса (можжевельника). Из берестяной ленты на трубочку наматывали раструб конической формы. Общая длина рожка с раструбом составляет примерно 30 см. По сведениям В. А. Вытегорова, раструб рожка помимо бересты мог быть скручен из листа меди (рис. 9)²².

Рис. 9. Рожок (труба)

Количество и расположение игровых отверстий на корпусе могло колебаться в зависимости от индивидуальных потребностей пастуха.

²² Инструмент зафиксирован от В. А. Вытегорова (д. Кононово), А. Н. Меркова (п. Межозерье), Ф. И. Киприянова (п. Межозерье).

По рассказу А. Н. Меркова, рожок имел три игровых отверстия, а В. А. Вытегоров описал рожок с шестью игровыми отверстиями, расположенными не сверху, а по бокам инструмента – по три с каждой стороны. При игре такой инструмент придерживали снизу большими пальцами обеих рук, а остальные пальцы прикрывали отверстия. При изготовлении инструмента пастух добивался, по словам А. Н. Меркова, нужного характера звучания. «У меня – говорит он, – был рожок с протяжным тоном».

Рожок выполнял те же функции, что и предыдущая модель инструмента, – подача сигнала, сбор коров на пастбище и обратно в село. Однако благодаря наличию грифных отверстий на этом инструменте можно было исполнять более развитые в мелодическом отношении наигрыши, чем на рожке с одним тоном. А. Н. Мерков так описывает игру пастухов: «... Пастух идет по одному берегу реки, а другой – по другому, и наперебой играют».

Рожок (пастушья дудка) [37]

Корпус инструмента также изготавливался весной из молодых сосенок. В конструкции данного рожка появился новый элемент – отдельная трубка с тростью кларнетового типа. Такое усовершенствование позволяло не приматывать трость непосредственно к корпусу, а вставлять отделяемую трубку с тростью в корпус инструмента (рис. 10)²³. В. П. Семенов эту небольшую часть инструмента называет «пердунком». Изготавливалась она, как и корпус, из сосны, но меньшего диаметра. Необходимо правильно подобрать диаметр трубок, чтобы тростевая трубка плотно держалась в корпусе. Один конец тростевой трубки имел косой срез, а отверстие с этой стороны наглухо закрывалось пробкой. На этом же конце трубки, в ее стенке делался надрез, который и служил тростью (местное название – «защербинка»).

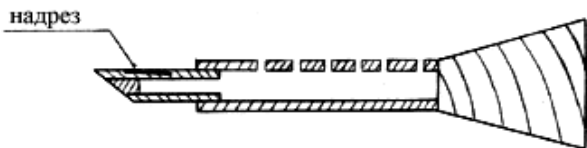

Рис. 10. Рожок (пастушья дудка)

При изготовлении тростевой трубки ее звук, по желанию, настраивался изменением величины надреза. Эту трубку иногда изготавливали из сухого ствола дудника, но пастухи обычно предпочитали сосну. Для усиления громкости звучания на рожок могли наматывать раструб из берестяной ленты, хотя он не являлся обязательной деталью. Длина рожка без раструба примерно 30 см, длина тростевой трубки 10 см, диаметр широкой части раструба до 20 см. Инструмент имел шесть

²³ Информант В. П. Семенов (д. Зуево).

игровых отверстий, расположенных в ряд на одной стороне стенки корпуса.

Звучание инструмента, по словам В. П. Семенова, зависит от его размеров: чем больше инструмент, тем громче: «...по заре от деревни до деревни слышно», «...играл пастух утром, на выгон коров, в лесу или просто от нечего делать». Например, на рожке можно было имитировать крик петуха.

Описание следующих четырех пастушьих аэрофонов содержит неполные сведения об их устройстве, изготовлении, бытовании, что вызвано зачастую лишь отрывочными воспоминаниями информантов о давно вышедших из употребления инструментах. Поэтому часть данных пришлось реконструировать на основе имеющихся материалов.

Рожок (труба) [38]

Рожок изготавливался следующим способом. Деревянная заготовка (порода дерева неизвестна) раскалывалась пополам. На внутренних сторонах обеих половин выдалбливался звуковой канал. Затем половины соединялись вместе и обматывались берестяной лентой (рис. 11)²⁴. Способ крепления трости информанты, к сожалению, не помнят. На наш взгляд, узкий конец инструмента мог иметь косой срез, к которому с помощью ниток крепились трость. Инструмент имел от трех до пяти грифных отверстий. Длина рожка 25–30 см.

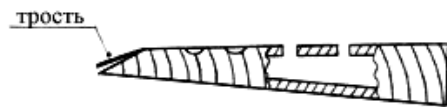

Рис. 11. Рожок (труба)

По рассказу М. Г. Тарасова, кларнетовая трость на подобном рожке срезалась на самом инструменте, а не приматывалась нитками. Очень давно, рассказывает он, такие инструменты изготавливали не из двух половинок, а прожигали сердцевину цельной заготовки из жимолости.

Рожок [38]

Корпусом этого инструмента служил выделанный коровий рог, в узком конце которого сделано отверстие, где помещалась трость. К сожалению, подробных сведений о трости нет. Мы считаем, что это, скорее всего, кларнет. На широкий конец рога из берестяной ленты наматывался раструб (рис. 12)²⁵. Игровые отверстия были, но сколько их, информанты уже не помнят. Длина инструмента примерно 30 см.

Рис. 12. Рожок из коровьего рога

²⁴ Инструмент зафиксирован от М. Г. Тарасова (с. Сяргозеро), С. И. Серыной (с. Самоино).

²⁵ Информанты Ю. А. Кленов (с. Коштуги), М. Г. Тарасов (с. Сяргозеро).

Труба [40]

Корпус состоял из двух деревянных выдолбленных внутри половинок, соединенных вместе и обмотанных берестой по всей длине. Профиль трубы был несколько изогнут. Грифных отверстий не было. Не известно, был ли мундштук, поэтому сведений о принципе звукообразования нет. Можно предположить, что этот инструмент относится к разряду труб. Общая длина инструмента составляла примерно 70 см, диаметр широкой части раструба – 15 см (рис. 13)²⁶.

Рис. 13. Труба

По воспоминаниям А. С. Черникова, видевшего этот инструмент у пастуха с. Роксома, труба звучала достаточно громко. Исполнялись на ней сигналы на выпас и сбор в лесу.

Рог (невучий рог) [41]

Инструмент изготавливали сами пастухи из выделанных бычьих рогов. Были игровые отверстия сверху (их количество неизвестно) и одно снизу²⁷. Достоверно тип инструмента определить невозможно, но предположительно он относится к трубам, так как, по рассказу М. Л. Робозеровой, в рог могли как играть, так и просто «петь» какую-либо песню, используя его как усилитель звука. В игре, по словам информанта, участвовали все пальцы правой руки. Отсюда можно заключить, что число игровых отверстий было равно четырем-пяти.

Инструменты повседневного быта

В эту группу отнесены инструменты, использование которых относится к повседневному быту села, не связанного напрямую с каким-либо видом трудовой деятельности. Извлечение звука на них не требует специальной подготовки и доступно любому человеку. Как правило, в жизни села эти инструменты выполняют различные прикладные функции. Среди них: *камни, железные бочки, ведра*. Так, соударяемый идиофон *два камня* [1], по словам А. И. Мигунова, использовали жители с. Пелкаска²⁸. Там стучали камнем о камень, чтобы испугать медведя. Отгоняя от селения волков, кабанов или медведей, в с. Коштуги били железным прутом по подвешенным на изгороди *железным бочкам* или *ведам* [7]²⁹.

²⁶ Инструмент зафиксирован от А. С. Черникова (д. Давыдово).

²⁷ Информант М. Л. Робозерова (с. Ундозеро).

²⁸ Инструмент зафиксирован от А. И. Мигунова (п. Межозерье).

²⁹ Информант Н. Ф. Алексахина (с. Коштуги).

В п. Межозерье зафиксирован ударяемый идиофон *било* [6]. Он представляет собой кусок рельсы, тракторный башмак или диск, подвешенный на веревке на Г-образную перекладину. Звук извлекали, ударяя по билу железным прутом³⁰. Било используется для оповещения населения о пожаре. В селах Островского сельсовета эту функцию до недавнего времени выполнял церковный колокол.

Детские инструменты

Группа детских музыкальных инструментов самая большая (16) из всех зафиксированных. Большинство из них имеют несложную конструкцию, просты в изготовлении и освоении. К ним относятся в первую очередь *сезонные аэрофоны*, которые дети могут сделать сами, не прибегая к помощи взрослых, однако некоторые инструменты взрослые специально изготавливали для детей, как, например, разного рода *трещотки*.

Группу составляют два класса инструментов: идиофоны и аэрофоны. Среди идиофонов встретились две разновидности трещоток. Первая [10] состоит из деревянной квадратной рамки и ручки. Рамка собиралась из реек и соединялась при помощи гвоздей. Затем к ней прибивалась ручка. Через центр рамки поперек проходила деревянная перегородка. Вдоль рамки, между ее краями и перегородкой, вставлялись 3–4 деревянные сосновые пластины – «лосты» (рис. 14)³¹. Общая

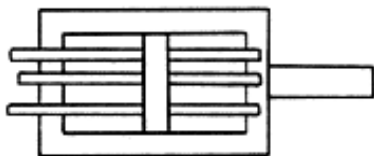

Рис. 14. Первая разновидность трещотки

длина трещотки с ручкой примерно 25 см, ширина 15 см. При извлечении звука инструментом (лостами) проводили по руке или какой-либо неровной поверхности, вследствие чего раздавался громкий треск.

Вторая разновидность: зубчатая трещотка [11]. Корпус этого инструмента состоит из деревянной дощечки разме-

ром примерно 30×18×3 см и деревянной круглой ручки длиной примерно 30–35 см и диаметром 4–5 см. В верхней части ручки нарезались зубцы, как на шестерне. Зубцы выступали за диаметр ручки. С помощью деревянных или железных хомутов ручка соединялась с дощечкой (там, где находилась шестерня, в дощечке делали вырез). Затем к доске гвоздями прикреплялась одна сосновая пластина (лоста), которая своим концом должна была задевать за шестерню (рис. 15)³². При игре инструмент ру-

³⁰ Информация получена от А. Н. Меркова (п. Межозерье), Н. Д. Парфенова (д. Мосеево), Л. И. Осиповой (п. Октябрьский).

³¹ Инструмент зафиксирован от А. С. Черникова (д. Давыдово), данные по д. Докшино.

³² Информант В. П. Семенов (д. Зуево).

кой держали за ручку и вращали дощечку вокруг своей оси. Лоста задевала шестерню и издавала треск.

Детские аэрофоны представлены четырнадцатью инструментами. В быту среди них наиболее часто встречаются инструменты подкласса свободных аэрофонов: *листья деревьев* (береза, осина) [18], *листок травы* (осока) [21], *береста* [22].

Эти инструменты не требуют специального изготовления. При игре на листьях деревьев два листа складывают вместе и натягивают между губами исполнителя. Для листа травы и бересты есть два способа исполнения: *первый* – листок или береста натягиваются параллельно губам исполнителя; *второй* – инструмент натягивается между большими пальцами рук и подносится перпендикулярно губам. Все три инструмента используются в детской игровой практике по сей день и встречаются практически повсеместно.

Пуговица [23]

Инструмент представляет собой пуговицу, через оба отверстия которой протянута веревочка или толстая нитка. Пуговицы подбираются диаметром больше среднего (рис. 16)³³. При игре на этом инструменте используется энергия скрученной нити, а также инерция пуговицы, вращение которой вызывает жужжащий звук инструмента. Звучание пуговицы своеобразное, завывающее. Его громкость зависит от размеров пуговицы. Употребляется инструмент в детской среде для игр и развлечений.

Дудочка из дудника [25]

Об этом инструменте известно немного. Дудочку изготавливали из растения дудник (дудка). Оба конца трубки инструмента имели прямой срез. Игровые отверстия надрезали ножом, а не протыкали, поэтому они имели полукруглую форму. Их количество неизвестно (рис. 17)³⁴.

Рис. 15. Вторая разновидность трещотки (зубчатая)

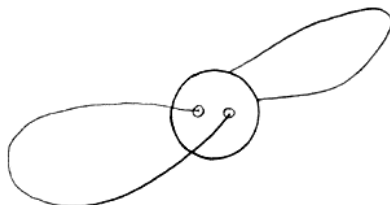

Рис. 16. Пуговица

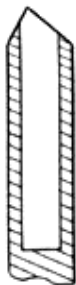
Рис. 17. Дудочка из дудника

³³ Инструмент зафиксирован от А. С. Черникова (д. Давыдово).

³⁴ Информант М. Л. Робозерова (с. Ундозеро).

По словам информантов, инструменты делали уже из засохшего растения. К сожалению, в современном детском быту обнаружить этот инструмент не удалось.

Свисток из дудника [26]

Скорее всего, это закрытая разновидность флейты³⁵. Инструмент изготавливался из трубчатого растения – дудника (дудки). От полого стебля отрезалась трубочка (размер неизвестен). Один ее конец, видимо, срезался вместе с узлом (чтобы отверстие было закрыто), а другой – свистковый – имел два косых среза, один немного больше другого (рис. 18).

Свисток изготавливался из свежесрезанного растения. Во время исполнения его вертикально прикладывали к нижней губе и губами струю воздуха направляли на противоположный край стенки трубки.

Рис. 18.

Трубка из ручки [27]

Свисток

В качестве материала использовался колпачок от шариковой ручки. Никаких специальных доработок с ним не производилось. Звукоизвлечение трубки совпадает со свистком из дудника³⁶.

Оба инструмента: свисток из дудника и трубка от ручки имеют сходный тембр звучания. Различной может быть лишь высота тона, которая зависит от размеров инструмента. По тембру их звучание близко к флейтам Пана. Они используются и по сей день в детской практике для игр и развлечений.

Деревянная дудочка (свирель) [28]

Материалом для ее изготовления могла служить прямая ольховая или ивовая ветка диаметром примерно 1–1,5 см и длиной около 10 см. На заготовке прорезали 3–4 игровых отверстия и свистковое отверстие (полукруглое). Затем кору отделяли от сердцевины. Один конец трубки (там, где свистковое отверстие) закрывали пробкой, имеющей небольшой срез, отчего между пробкой и стенкой корпуса образовывалась щель флейты (рис. 19)³⁷. По рассказу М. Ф. Чуфуревой, подобный инструмент изготавливался из березовой ветки, а внутренний канал прожигался.

Рис. 19. Деревянная дудочка (свирель)

³⁵ Инструмент зафиксирован от С. И. Серыной (с. Самоино).

³⁶ Информант А. С. Черников (д. Давыдово).

³⁷ Инструмент зафиксирован от М. Ф. Чуфуревой (г. Вытегра, данные по с. Карданга), А. В. Чашина (п. Мирный).

Дудочка из ивы или ольхи – инструмент сезонный, и сделать его можно было только весной, когда идет сок (в другое время года отделить кору от сердцевины без деформаций сложно). Изготавливали инструмент сами дети для развлечения.

Дудочка [29]

Она состояла из двух основных элементов: корпуса и свисткового приспособления, которые изготавливались отдельно, а затем собирались в единую конструкцию.

Свистковое приспособление делали по типу повсеместно распространенного ивового или ольхового свистка. С дерева срезался отрезок ветки длиной 5–6 см. Один конец имел косой срез, и на этом конце вырезалось свистковое отверстие. Затем кора аккуратно отделялась от сердцевины и в конец трубки, где располагается свистковое отверстие, вставлялась пробка. Один край ее имел зазор со стенкой свистка, который формировал щель инструмента (рис. 20)³⁸.

Корпус дудочки изготавливался из трубчатого растения – дудника: срезалась часть ствола без узлов (длина имела произвольный характер – в пределах двух узлов растения, т. е. не более 20–25 см), и на ее стенке в ряд срезались игровые отверстия (одни информанты говорят о шести игровых отверстиях, другие считают, что их количество произвольно). Далее в готовый корпус вставлялось свистковое приспособление. Диаметры трубок выверяли при подборе материалов. Оба эти инструмента изготавливали сами дети для развлечения, однако в современной детской игровой практике их употребление не выявлено.

Рис. 20. Дудочка

В ходе экспедиций удалось зафиксировать три различных по внешнему виду и материалу изготовления, но типологически сходных свистка. Это *свисток из дудника*, *ивовый свисток* и *свисток из жести*.

Свисток из дудника [31]

Из дудника срезалась трубка без узлов длиной 6–7 см, среднего диаметра (примерно 0,5–0,6 см). На расстоянии примерно 1 см от края ножом делалось свистковое отверстие. Оба края имели прямые срезы. Затем один конец трубки затыкался пробкой из дерева наглухо, а другой (со стороны свисткового отверстия) – пробкой с зазором, отчего образовывалась щель флейты (рис. 21)³⁹.

³⁸ Информант В. П. Семенов (д. Зуево).

³⁹ Инструмент зафиксирован от Г. А. Кашичева (с. Каменный Бор), А. С. Черникова (д. Давыдово).

Рис. 21. Свисток из дудника

Ивовый свисток (ольховый свисток) [32]

Устройство ивового свистка полностью совпадает с устройством свистка из дудника (см. рис. 21), но, в отличие от него, материалом служила ивовая или ольховая ветка. На срезанной заготовке вырезали свистковое отверстие, затем кору снимали, а оба конца затыкали пробками, как и в свистке из дудника⁴⁰.

Оба инструмента – сезонные: свисток из дудника – летний инструмент (когда растет дудник), а ивовый свисток – весенний (когда идет сок и кору легко отделить от деревянной сердцевины). При игре свистки издавали один тон и использовались детьми в различных играх и просто для веселья. Свисток из дудника в современном употреблении не встретился, а ивовый свисток до сих пор распространен повсеместно.

Свисток из жести [33]

Он изготавливался из жести от консервных банок. Жестяную ленту длиной около 4 см и шириной примерно 1,3–1,5 см руками выгибали согласно форме, изображенной на рис. 22⁴¹. Затем вырезалась вторая лента из того же материала и той же ширины, но длиной примерно в два раза больше ширины (т. е. при ширине ленты 1,3–1,5 см ее длина будет составлять

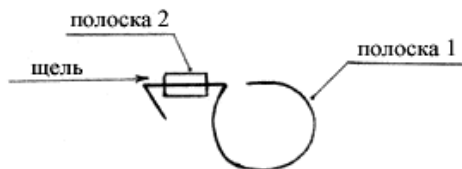

Рис. 22. Свисток из жести

2,6–3 см). Вторая лента накладывалась на первую сверху, а ее концы загибалась. Таким образом, между первой и второй полоской образовывалась щель флейты.

При игре свисток держали большим и указательным пальцами по бокам за круглую часть так, чтобы подушечки пальцев плотно прилегали к корпусу по всему периметру и образовывали внутреннюю закрытую полость флейты. Воздух через щель попадал на острый конец ленты (т. е. ребро флейты), вызывая колебания воздушного столба.

Звук свистка яркий, в высоком регистре, достаточно громкий. Используется свисток в детской среде п. Межозерье в играх и развлечениях по сей день.

⁴⁰ Инструмент зафиксирован от А. В. Чашина (п. Мирный), М. Г. Тарасова (с. Сяргозеро), М. В. Лазова (с. Коштуги), Н. Ф. Прокина (п. Межозерье), В. П. Семенова (д. Зуево).

⁴¹ Информант Ю. Б. Прокин (п. Межозерье).

Глиняная свистулька [34]

Инструмент приобретали на рынках, ярмарках. Нам известен только один центр их изготовления на территории Межозерья – с. Алешково Вашкинского района. Там существовала, по-видимому, артель, изготавливавшая и продававшая свистульки по всей округе. Кроме свистулек они делали глиняную посуду. Выполнялись они в основном в форме птичек (рис. 23). Готовые игрушки не раскрашивали, а только обжигали. Как правило, свистульки имели одно или два игровых отверстия (если два, то по бокам; если одно, то сверху). Использовались свистульки как детские игрушки. В настоящее время в с. Алешково производства свистулек уже нет. Не удалось также встретить ни одной свистульки в быту⁴².

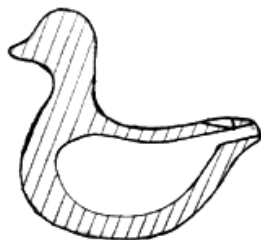

Рис. 23. Глиняная свистулька

Дудочка из дудника [39]

Среди детских аэрофонов удалось обнаружить также и один кларнет. Материалом для его изготовления служило растение дудник. От ствола отрезалась трубка длиной примерно 25 см (размеры могли колебаться). Один конец, по-видимому, срезался с узлом. В стенке трубки в ряд прорезались игровые отверстия (их количество произвольно – по желанию исполнителя). В закрытом конце трубки на стенке срезался язычок, служивший тростью кларнета (рис. 24)⁴³.

Рис. 24. Дудочка из дудника

Дудочка – сезонный инструмент и изготавливался летом. Использовалась она детьми для игр и развлечений. В современном детском быту не зафиксирована.

Инструменты, используемые в сфере отдыха: на гуляньях, праздниках и пр.

В пятую группу отнесены музыкальные инструменты сферы отдыха и досуга жителей сел Онежско-Белозерского межозерья. В нее вошли десять инструментов: три идиофона, шесть хордофонов и один аэрофон.

Деревянные ложки [2]

Для игры использовались обычные бытовые деревянные ложки. Фактов специального изготовления ложек для музицирования не зафиксировано.

⁴² Инструмент зафиксирован от А. Е. Яковлева (д. Остров), А. С. Черникова (д. Давыдово).

⁴³ Информанты М. Г. Тарасов (с. Сяргозеро), М. С. Иудина (с. Сяргозеро).

Общепринятый способ игры – удары двумя ложками, зажатыми в одной руке между пальцами (выпуклыми сторонами друг к другу), по различным частям тела⁴⁴. По словам М. Л. Робозеровой, исполнители могли играть сразу на четырех ложках, зажатых в одной руке.

Ложки обычно использовались в ансамблях с гармоникой, балалайкой, хотя, если не было других инструментов, могли плясать или петь только под игру ложек.

«Щекотка» [4]

Музыкальный инструмент с оригинальным названием «щекотка» зафиксирован от М. Л. Робозеровой. К сожалению, других свидетельств о бытовании подобных инструментов на исследованной территории зафиксировать не удалось. Он состоял из десяти одинаковых по длине (7–10 см) круглых палочек, изготовленных, по словам информанта, из ели или дуба. Через сквозное поперечное отверстие в верхней части

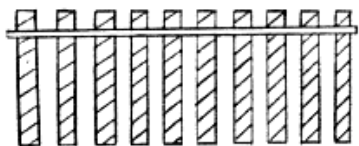

Рис. 25. «Щекотка»

каждая палочка нанизывалась на веревку и отделялась от соседней посредством узелка (рис. 25). При игре инструмент держали двумя руками за крайние палочки. Существовало несколько способов звукоизвлечения:

встряхивание, сведение и разведение палочек, а также воздействие свободными (возможно, вторым и третьим) пальцами обеих рук непосредственно на палочки.

Инструмент вышел из употребления, и о характере его звучания теперь можно лишь догадываться. Вероятно, звук был не очень громким в силу малого размера палочек. Использовалась «щекотка» как инструмент, аккомпанирующий пляскам и танцам, еще в 20-е гг. XX в.

Названия следующих трех инструментов М. Л. Робозерова, к сожалению, уже не помнит.

Без названия [9]

Инструмент состоит из деревянной рамки прямоугольной формы. Внутри рамки вдоль и параллельно крепятся две планки, к каждой из

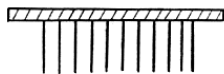
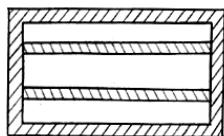

Рис. 26

которых с помощью ниток привязан ряд пластинок (рис. 26). Данных о размерах инструмента и породе древесины нет. При игре инструмент, по-

⁴⁴ Подробная информация о способах игры получена от М. Л. Робозеровой (с. Ундозеро).

видимому, держали за рамку и горизонтально им потряхивали. Громкий дребезжащий звук использовался в качестве аккомпанирующего частушкам, пляскам и даже, по словам информанта, пению протяжных песен в 20-х гг. XX в.

Без названия [12]

Корпусом инструмента служила деревянная дощечка прямоугольной формы. Ее длина равна примерно 30 см, ширина неизвестна. Вдоль струноносителя натягивали струны (количество неизвестно), крепившиеся на специальные крючки у краев корпуса. Струны различались по длине и материалу.

При игре инструмент располагался на столе или на правом колене исполнителя. Способ звукоизвлечения – щипок пальцем. Играли на инструменте обеими руками. Прием бряцанье (удары сразу по всем струнам), по словам информанта, не использовался.

Без названия [13]

Корпус представляет собой раму трапецевидной формы, стоящую вертикально. Высота рамы примерно 150–170 см. Нижняя часть трапеции несколько уже верхней, верхняя – имеет скос. На раму с двух сторон натягивались струны.

При игре инструмент стоял вертикально, видимо, на полу. Прием звукоизвлечения – щипок пальцем. Интересно, что, по словам М. Л. Робозеровой, сначала на инструменте играли с одной стороны, а затем – с противоположной, но одновременно с обеих сторон на нем не играли.

В середине XX столетия на танцевальных вечерах в селах Онежско-Белозерского межозерья можно было услышать *скрипку*, *мандолину* и *гитару*. Все эти инструменты были фабричного серийно-массового производства. Особое место занимала *балалайка*.

Балалайка [14]

В основном были распространены балалайки фабричного производства, но вместе с тем встретились свидетельства об изготовлении балалаек исполнителями⁴⁵. Как рассказал А. С. Черников, такие инструменты изготавливались из цельного куска древесины: дощечке придавали форму балалайки, причем форма корпуса не имела принципиального значения и треугольник мог быть заменен кругом. Лады из проволоки приматывали к грифу. Из проволоки же делали и три струны инструмента, которые закрепляли с обоих концов при помощи гвоздей.

Все встреченные балалайки – стандартные, фабричного производства. Зафиксировано четыре варианта строя инструмента:

⁴⁵ Информация о самостоятельном изготовлении балалаек зафиксирована от Ф. И. Киприянова (п. Межозерье), А. С. Черникова (д. Давыдово).

а) так называемый *гитарный*, основанный на мажорном трезвучии (с1–e1–g1);

б) *балалаечный* (квартовый e1–e1–a1);

в) *минорный* (по сведениям информантов, существовал в прошлом);

г) оригинальная настройка по *уменьшенному трезвучию*, состоящая из малотерцового хода вниз и затем скачка на тритон, т. е. g1–e1–b1 (счет с нижней струны). Этот строй использовала Н. Пименкова (с. Андома), которая исполняла частушки под собственный аккомпанемент.

На балалайках в основном аккомпанировали танцам, пляскам, а также пению частушек. В настоящее время традиция исполнительства на ней уходит в прошлое. Свидетельство тому – полное отсутствие молодых исполнителей, хотя людей среднего и пожилого возраста, умеющих играть на балалайке, еще достаточно много.

Гармонь [19]

Традиционное исполнительство на гармонии было широко распространено на исследуемой территории. Большая часть инструментов изготовлена фабричным способом по модели гармони-хромки 25×25 и 23×12. Встретились также и инструменты кустарного производства мастеров Кирилловского района Вологодской области. До Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы бытовали инструменты более ранних моделей. Так, М. Г. Тарасов рассказал, что он видел в с. Пондалы гармони иной модели, отличной от хромки. Правая клавиатура этой гармони имела только один ряд кнопок, а левая состояла всего из двух клапанов. Высота звучания зависела от направления движения меха. В настоящий момент такие инструменты в Межозерье полностью вышли из употребления.

Всего опрошены 54 гармониста, из которых 50 мужчин и 4 женщины. Большая часть играющих на гармонике – уже пожилые люди в возрасте от 50 до 70 лет (44 человека), а двум самым старшим из них (Н. В. Енишев из п. Мирный и Я. П. Богданов из д. Прокшино) по 77 лет. Возраст еще 9 гармонистов приближается к 40 годам. Самый молодой исполнитель – 12-летний Иван Максимов (с. Игнатово), осваивающий инструмент под руководством отца-гармониста.

Основная область применения гармони – игра под пляску и танцы на деревенских гуляньях, вечерах и праздниках.

Специальный вопрос – исполнительский репертуар гармонистов. При всем многообразии наигрышей как стержень репертуаров следует выделить наигрыш «Русского», циклы наигрышей, сопровождающих кадрили, а также аккомпанирование пению песен и частушек. Всего зафиксировано 85 различных наигрышей. Среди них значительное число наигрышей, сопровождающих или предназначенных для сопровождения пения. Это

лирические песни: «В том саду при долине», «Златые горы», «На муромской дорожке», «Степь да степь кругом», «По диким степям Забайкалья»; авторские: «Уральская рябинушка», «Синий платочек», «Белоснежная вишня» и т. д. – всего 71 наигрыш. Основное же место в репертуаре большинства гармонистов занимает плясовая и танцевальная музыка. Записано 14 различных наименований таких наигрышей. Это плясовые наигрыши «Русского», «Барыня», «Цыганочка», «Яблочко». «Русского» и «Яблочко» бытуют и как танцевальные наигрыши, используемые в кадрили, а «Яблочко», так же как и «Вальс», «Коробочка», «Краковяк», «Пад`эспань», «Полька», «Светит месяц», «Тустеп» и «Танго», сопровождает и одноименные парные танцы.

Особо следует выделить такое самобытное явление музыкального фольклора Онежско-Белозерского межозерья, как полифункциональность наигрыша «Русского», который звучит и под пляску, и как сопровождение кадрилей, и в качестве аккомпанемента к частушкам, а в несколько переработанном виде как «музыка под драку».

Баян [20]

Три исполнителя, в молодости освоив гармонь, позднее стали играть на баяне. Совершенствуя свою игру, они стремились расширить репертуар за счет более широких исполнительских возможностей баяна. Переходя на баян, исполнители, наряду с разучиванием новых произведений, оставляли в своем репертуаре старые гармошечные наигрыши, в основном плясовые и танцевальные, освоенные ими ранее на гармонии-хромке. Кроме того, отчасти сохранялась и манера исполнения, выраженная в посадке, положении инструмента, постановке рук.

* * *

В результате полевых исследований сформировалась следующая картина современного состояния музыкальной инструментальной культуры Онежско-Белозерского межозерья. Наиболее сохранившиеся в быту оказались детские музыкальные инструменты, употребление которых связано с развлечениями и играми. Большинство из них относится к классу аэрофонов и носит, как правило, сезонный характер. Это свободные аэрофоны: листок травы, береста, листья деревьев; флейты: ивовый или ольховый, а также жестяной свисток. Все инструменты доступны по материалу, просты в изготовлении и освоении, что, возможно, и явилось предпосылкой сохранности традиции исполнительства на них.

Охотники до сих пор в своей практике применяют манки на рябчика, как собственного изготовления, так и приобретенные в магазине. Для отпугивания волков, кабанов и сейчас используют домашнюю утварь

(железные ведра, сковороды), а в с. Пелкаска медведя пугают, ударяя камнем о камень. Для оповещения о пожаре жители п. Межозерье колотят в било, подвешенное на деревянной перекладине.

В современной пастушеской практике употребляется лишь колокол и очень редко пастуший барабан, факт использования которого по сей день зафиксирован в с. Ундозеро. Еще в 1980-е гг. пастух с. Коштуги применял колотушку. А некогда повсеместно распространенные пастушеские аэрофоны на данный момент полностью вышли из употребления, как угасла и сама традиция профессионального пастушества.

Среди инструментов, используемых на гуляньях, вечерах, в сфере отдыха и праздников, основное место занимает гармонь, исполнительство на которой распространено повсеместно на изучаемых территориях. Современная картина бытования гармони весьма сложна. Многие музыканты-гармонисты Онежско-Белозерского межозерья не являются коренными жителями, в свое время они приехали сюда из других областей бывшего СССР и принесли с собой собственный опыт исполнительского искусства. Среди них есть люди, играющие только для себя и владеющие инструментом слабо, но выделяются и талантливые исполнители, своего рода мастера. На сегодня искусство игры на гармонии является наиболее ярким, имеет сложившийся репертуар и устойчивые формы хранения и передачи традиции.

Живет и традиция исполнительства на балалайке, и хотя встречено всего пять балалаечников, можно предположить, что ранее их было значительно больше.

Наряду с современным музыкальным инструментарием, раньше в быту сел Онежско-Белозерского межозерья было распространено множество других инструментов. Теперь информация о них осталась лишь в памяти пожилых людей. Реконструкция таких инструментов возможна только на основе их устных рассказов и рисунков.

КЛАССИФИКАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

ИДИОФОНЫ (11 инструментов)

Два камня	№ 111.1	Соударяемый идиофон
Деревянные ложки	№ 111.1	То же
Колотушка	№ 111.1	То же
«Щекотка»	№ 111.11	Соударяемые стержни
Барабан	№ 111.2	Ударяемый идиофон
Било	№ 111.2	То же

Домашняя утварь (ведра, бочки)	№ 111.2	Ударяемые идиофоны
Колокол	№ 111.242.122	Языковый висячий одиночный колокол
Без названия	№ 112.121	Рамные подвески-погремушки
Трещотка	№ 112.2	Скребковый идиофон
Трещотка	№ 112.24	

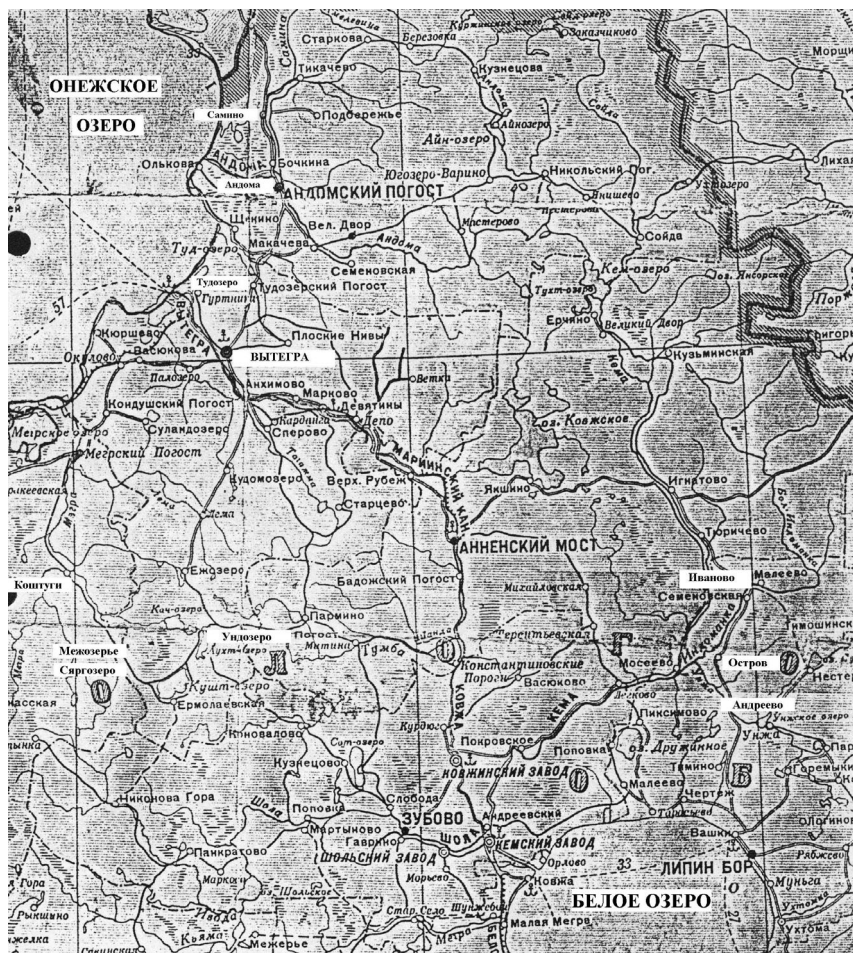
ХОРДОФОНЫ (6 инструментов)

Без названия	№ 314.11	Дощечная цитра без резонатора
Без названия	№ 316.1	Рамная цитра без резонатора
Балалайка	№ 321.321	Чашечная шейковая лютня
Мандолина	№ 321.321	То же
Гитара	№ 321.322	Коробчато-шейковая лютня
Скрипка	№ 321.322	То же

АЭРОФОНЫ (24 инструмента)

Листья деревьев	№ 412.11	Соударяющиеся язычки
Гармонь	№ 412.132	Набор проскакивающих язычков
Баян	№ 412.132	То же
Листок травы	№ 412.14	Ленточные язычки
Береста	№ 412.14	То же
Пуговица	№ 412.22	Вихревой аэрофон
Манок на рябчика	№ 421.111.11	Флейта открытая, одиночная, продольная, без сердечниковой щели и боковых отверстий
Дудочка из дудника	№ 421.111.12	Флейта открытая, одиночная, продольная, без сердечниковой щели, с боковыми отверстиями
Свисток из дудника	№ 421.111.21	Флейта закупоренная, одиночная, продольная, без сердечниковой щели и боковых отверстий
Трубка от ручки	№ 421.111.21	То же
Деревянная дудочка	№ 421.221.12	Флейта открытая, одиночная, (свирель) с внутренней щелью и боковыми отверстиями

Дудочка	№ 421.221.12	То же
Манок на рябчика	№ 421.221.31	Флейта закупоренная, одиночная, с внутренней щелью, без боковых отверстий
Свисток из дудника	№ 421.221.31	То же
Ивовый (ольховый) свисток	№ 421.221.31	То же
Свисток из жести	№ 421.221.31	То же
Глиняная свистулька	№ 421.221.41	Флейта сосудная, со щелью и боковыми отверстиями
Рожок	№ 422.112.1	Гобой одиночный, с коническим каналом, без боковых отверстий
Рожок (труба)	№ 422.211.2	Кларнет одиночный, с цилиндрическим каналом и боковыми отверстиями
Рожок (пастушья дудка)	№ 422.211.2	
Рожок (труба)	№ 422.212.2	Кларнет одиночный, с коническим каналом и боковыми отверстиями
Дудочка из дудника	№ 422.221.2	Кларнет одиночный
Труба	№ 423.121.2	Труба натуральная, продольный рог
Рог	№ 423.21	Труба с боковыми отверстиями

Маршрут экспедиции 1997–1999 гг.

И. И. Набокова

ПОЭЗИЯ ПЕСТОВАНИЯ ВОДЛОЗЕРСКОГО КРАЯ

Водлозерье – один из уникальных уголков Русского Севера, интересный по своей этнической истории и культурным традициям, до сих пор изученный не в полной мере. Под Водлозерьем в настоящее время подразумевается территория северо-восточного Обонежья, прилегающая к озеру Водлозеро, являющаяся ареалом расселения и хозяйственной деятельности локальной группы русских, считавших себя «водлозерами»¹.

Первыми насельниками водлозерских земель были представители финно-угорской культуры. Русское освоение этой территории связано с открытием торгового пути из Великого Новгорода к Белому морю, где озеро Водлозеро служило важным перевалочным пунктом. Интенсивные хозяйственно-экономические связи соединяли жителей Обонежья через Водлозеро с Кенозерьем и Каргополом².

Богатая событиями история этого северного края нашла отражение в самобытной культуре. В настоящее время благодаря значительной изолированности от цивилизованного мира в этих краях сохранились архаические верования, обряды, фольклорные традиции. Еще в конце XIX в. А. Ф. Гильфердинг выделял Водлозерский край как «один из очагов бытования живой эпической поэзии на Русском Севере».

Процесс обрусения населения Водлозерья, смена этнического самосознания, формирование собственно русской фольклорной традиции на иноэтнической основе состоялись сравнительно недавно. Наиболее активно процессы взаимодействия и интеграции культур проходили в обрядах жизненного цикла³.

¹ Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 8.

² Критский Ю. М. Кенозерье. Архангельск, 2005. С. 21.

³ Лапин В. А. Вепсы и русские в музыкально-фольклорных традициях Северо-Запада (к проблеме историко-этнической интерпретации) // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 112.

Культура детства, поэзия пестования как фольклорное наполнение бытового, обрядового окружения маленького ребенка являются значимым элементом традиции, своего рода культурным маркером, неся в себе как общеэтническое знание, так и локальную специфику, обусловленную различными причинами: средой проживания, этнокультурными заимствованиями, конфессиональными особенностями и т. д.

Цель нашей работы – представить жанровое разнообразие «поэзии пестования», сохранившейся на Водлозере к концу XX в., выделить локальные особенности репертуара этого района и параллели с культурой прилегающих к нему территорий.

Составить целостное представление о фольклорном наполнении традиции пестования на территории Водлозерья по разрозненным публикациям оказалось достаточно сложно. Анализ опубликованных материалов показал, что, хотя история собирательской работы фольклористов в Водлозерском крае и насчитывает более ста тридцати лет, в первую очередь исследователи были увлечены эпическими жанрами фольклора, развитой сказочной традицией. Вопросам культуры детства внимания уделялось недостаточно.

Впервые тему детства осветила В. Н. Харузина в своих «Путевых воспоминаниях», изданных в 1890 г.⁴ Ее перу принадлежат слова: «к маленьким детям... жители Олонецкой губернии (водлозеры) чувствовали большую нежность», «младших членов семьи все любили, баловали, в них точно все находили отраду жизни»⁵. Очерк наполнен меткими наблюдениями за жизнью молодых водлозеров. Более полно жанровый состав фольклора Водлозерья начали исследовать с 70-х гг. XX в. Детский фольклор – колыбельные песни, потешки, пестушки, этнографические рассказы, связанные с миром детства, описания обрядового наполнения ранних лет жизни – появился в материалах экспедиций сектора фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН в 1973–1974, 1977, 1993 гг. (1973 г. – А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова; 1974 г. – Е. И. Русакова, В. П. Кузнецова и студенты ПГУ М. Нигметова и О. Устинская; 1977 г. – Т. И. Сенькина и Т. С. Курец). В эти же годы проявили интерес к Водлозерскому краю этномузыковеды Петрозаводской государственной консерватории. В 1993 г. богатый материал был собран экспедицией при участии В. П. Кузнецовой, Т. В. Краснопольской и А. В. Окунева. В большинстве своем полевые записи этих экспедиций не опубликованы. Лишь небольшая часть произведений детского фольклора, записанных на

⁴ Харузина В. На Севере. Путевые воспоминания. М., 1890.

⁵ Там же. С. 41, 50.

Водлозере, вошла в издание «Русский детский фольклор Карелии», подготовленное С. М. Лойтер⁶.

Помимо изданных текстов, автор в данном исследовании опирается на собственные полевые материалы, собранные на Водлозере в 2001, 2006 гг.⁷ Основной контингент, с которым проводились беседы, – пожилые жительницы водлозерских сел, переселившиеся в 1960–1970-е гг. в Куганаволок. Большинство из них выросли в многодетных семьях, сохранявших в основном традиционный семейный быт⁸. Рассказы содержат не только впечатления детских лет и опыт собственного материнства, но и услышанные от мам и бабушек эпизоды из жизни предыдущих поколений. Немалый интерес представили встречи с молодыми педагогами села, которые заинтересованы в краеведческом материале в рамках своей преподавательской деятельности.

За время полевой работы автором статьи было собрано 18 колыбельных песен, 14 текстов потешек и прибауток, две кумулятивные сказки, две сказки о животных (неполные варианты) «Кот да петух», «Репка», молитвы за ребенка, заговоры на легкое рождение, собран объемный сопроводительный этнографический материал по культуре материнства и детства водлозеров.

Данные сведения охватывают широкий временной пласт и представляют народную практику трех поколений от рубежа XIX–XX вв. до наших дней.

В комплекс традиций, связанных с ранним детством (от рождения до трех лет), входил богатый фольклорный репертуар, объединяемый понятием «поззия пестования». В народной практике олонецкое понятие «пестование» имело более широкое значение, нежели педагогическая народная практика. По определению самих жительниц Водлозера, пестование предполагало сопровождение «родущего», так именовали ребенка до крещения, и «младеня» в первые часы, а затем и годы жизни с соблюдением всех рациональных, бытовых, религиозных, обрядовых норм, принятых в обществе.

Было бы ошибочно считать традицию пестования Водлозерского края, да и всей Олонии только уделом матерей. Скорее наоборот, роль матери в уходе за ребенком, воспитании, его физическом развитии в конце XIX – начале XX в. была второстепенна. Разрешившись от бремени, пройдя

⁶ Лойтер С. М. Русский детский фольклор Карелии. Петрозаводск, 1991. В издании опубликованы два текста докучных сказок, записанных в 1974 г. В. П. Кузнецовой и Е. И. Русаковой.

⁷ Музей «Кижы». Научный архив. Фонд новых поступлений (далее – ФНП). № 89–97.

⁸ Л. Н. Сухова (д. Келкозеро, 1920 г. р., в дев. Пахомова), А. В. Ганева (род. в д. Чуяла, 1924 г. р.), Т. И. Елисеева (д. Паезеро, 1925 г. р.), А. Д. Кириллова (д. Канзанаволок, 1926 г. р., мать с Илексы), Г. С. Леонтьева (д. Сумозеро, 1927 г. р.), А. И. Пименова (1932 г. р.), К. И. Сухова (1934 г. р.); Н. А. Белкина (д. Куганаволок, 1967 г. р., родители с Путилова), Т. А. Коровяковская (д. Куганаволок), Е. А. Цветкова (д. Куганаволок, 1982 г. р.).

обряд очищения, она опять возвращалась к тяжелым крестьянским работам. «На ответственности баб лежит прокормление семьи, обработка поля. Не покладая рук работает водлозерка: она и на пашню поспеет, и рыбу выедет ловить с неводом», отмечал в своих «Путешествиях» И. С. Поляков⁹. «Декретов-то тогда не давали». «Добрая свекрова даст отлежаться неделю, да и то с первенцем», – говорили пожилые женщины. «Я детей своих не видела, все по хозяйству, с ними свекрова оставалась»¹⁰.

При отсутствии свекрови, братьев и сестер приходилось нанимать няньку-пестунью. В. Харузина отмечала, что на Водлозере обычай нанимать пестунов детям на летнее «страдное» время очень распространен. «Обыкновенно в няньки нанимаются старухи, мальчики и девочки. Дети, отдаваемые под надзор наемных няnek, редко находят хороший уход, особенно, если они поручены детям, которые часто покидают их на произвол судьбы...»¹¹

Традиционно пестовали младенцев в водлозерских семьях старшие женщины в семье. Они были хранительницами знаний, как принять ребенка, как обмыть, какие магические силы надо призвать, чтоб ребенок «зажАлся», как обеспечить ему счастливую безбедную судьбу, препроводить в мир сновидений, уберечь от болезней.

Репертуар водлозерской пестуны был разнообразен по функциям и жанровому наполнению. В первую очередь сюда входили заговоры. В настоящее время заговорный обиход в семье невелик, но чрезвычайно востребован. Пожилые женщины помнят «слова» на удачное разрешение от бремени, на родимец, грыжу, призор, счастливую дорогу. Вариант слов на скорые роды, записанный нами на Водлозере, можно назвать достаточно редким:

*По пути, по дороге шел святой <...?...>,
Припал к земле ухом,
Послушал брюхом,
Услышал жену трудящуюся,
Распластай душу грешную,
Вынь душу безгрешную.
Тфу, тьфу, аминь*¹².

Среди опубликованных материалов ранних экспедиций нам удалось найти всего четыре так называемых детских заговора, записанных на

⁹ Поляков И. С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 77.

¹⁰ Г. С. Леонтьева, Т. И. Елисеева, А. В. Ганева.

¹¹ Харузина В. На Севере... С. 57. «Старухе платится 5 руб. 50 коп. за лето; детям от 2 до 3 руб. Наниматели же обязаны обувать и одевать пестунов во все время их пребывания в их доме. Бывают случаи, что по окончании срока найма обувь и одежду отнимают и няньки не в чем идти домой».

¹² Т. И. Елисеева, 1925 г. р.

Водлозере в 1940 г. Б. Е. Марголис¹³. Тексты традиционны по поэтике, в большинстве своем эпические, с заговорным зачином. В их основе лежит северорусская заговорная практика. В словах на золотушку используется мотив «отстреливания» болезни. Исцеляющий персонаж – Михаил Архангел. В словах на грыжу присутствует распространенная в пудожских заговорах формула загрызания болезни щукой.

Колыбельные песни составляют значительный пласт в поэзии пестования Водлозерского края.

*Бай, да побай,
Спи, младенец, выспай,
Спи, младенец, выспай,
Силу, толку набирайся.
Баю-бай...
Ума, толку, добра
Полна буйна голова.
Полна буйная головушка
Во зыбочке лежит.
Трѣхкопеечна пестунья
У зыбочки сидит,
Баю-бай,
баю-баюшки-баю.
Кыш, да покыш,
Из подпечья бежит мышь.
Из подпечья бежит мышь,
Ладит Настеньку съисеть¹⁴.*

С помощью этих песен малышей укладывали спать или «сѣ пили», как говорили в народе. «Останется одна бабка с ребятами... чуть побайкает, а потом пестунью посадит... дак которы постарше [ребята], посадя за зыбку качать, а самы что-ни делают»¹⁵. К сожалению, во время полевой работы в 2000-е гг. записать полноценные многосюжетные колыбельные песни у водлозерских исполнительниц оказалось сложно. И причина их отказа от исполнения кроется не в неумении собирателя настроить исполнителя на нужный лад, а скорее, в отсутствии у большинства практики «байканья». Усваивались колыбельные в детстве или от свекровей на слух и потому оставались в памяти лишь не раз слышимые устойчивые формульные тексты. В собранных нами текстах представлен богатый

¹³ Русские заговоры Карелии / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2000. № 145 и 146 – от золотухи; № 184 – от грыжи.

¹⁴ А. Д. Кириллова.

¹⁵ Она же.

набор традиционных для этого жанра мотивов и образов мифологических персонажей.

В записях 1990-х гг.¹⁶ встречается больше текстов, отражающих конкретную действительность, бытовые детали, обилие диалектных слов и вариантов диалектного произношения:

1. *Поди, Нинка, работѣй,
Да от работы не лытай* (в значении «не отлынивай». – И. Н.),
*Да от работы не лытай,
Коням сена надавай.*
2. *Ище люльки-полюльки,
Да спи-ко во качульки* (колыбель. – И. Н.).
3. *Да сидел барин на краю.
Он не очинно богат,
Да у ёго много робят.*

Рефрены водлозерских колыбельных песен разнообразны, тем не менее здесь мы не встретили столь популярные в южных районах Пудожья, на реке Водле рефрены: «Лю-лю-лю-лю», «Тири-ри», «Туру-ру». На Водлозере можно отметить их более частое употребление (в том числе «Баю-бай, баю-бай», «Баю-баюшки-баю») – после каждой строки или пары рифмованных строк, между сюжетными блоками.

Одной обращающей на себя внимание особенностью образной системы водлозерской колыбельной песни можно назвать практически полное отсутствие такого мифологического персонажа, как бука. «Поди, бука, на сарай», «бука не букай, дрема не дремли» – знакомые как заонежской, так и пудожской (ножноводлинской) традиции мотивы здесь не встречаются. Более того, этот устрашающий персонаж практически неизвестен водлозерам. Его место в пантеоне мифологических существ занимал жихарь – в значении домового, ригачник, баенник. «Домовый хозяин с хозяйкой – это в доме, а жихарица и жихарь на деревне», – поясняли некоторые информанты. В других сообщениях жихарь, подменяя домового, пребывал в подполье или под печью. В колыбельных песнях этот образ не встречается, но на Водлозере детей пугали именно им, именно он заменял подменьшем оставленного без присмотра ребенка¹⁷. Неоднозначность этого образа в сознании водлозеров дает повод предположить его

¹⁶ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 23, 28, 89. Записи фольклорно-этнографической экспедиции 1993 г. в Пудожский район, деревни Куганаволок, Кевасалма, Коскосалма, Бостилово. Собиратели: В. П. Кузнецова, Т. В. Краснопольская, А. В. Окунев.

¹⁷ В говорах Водлозерья существуют близкие по семантике слова, возникшие в результате вторичной номинации: жихарица, жихарка – в значении «темная туча», жихарёнок – «чумазый ребенок», «чертенюк». См.: Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. Петрозаводск, 2004. С. 106–107.

заимствование из мифологической системы русских Архангельской губернии¹⁸, где жихарь был распространенным персонажем мифологической прозы, но не столь ярко выражал идею злого духа. По нашему мнению, сосуществование двух дублирующих друг друга персонажей можно было наблюдать на территориях, где одна этническая группа медленно сменяла другую¹⁹, где сталкивались и контаминировались две мифологические системы этносов, не поглощая друг друга, а пополняя новое образование. Эмоциональная окраска заимствованного персонажа в данном случае была отрицательная.

Собранный на Водлозере материал позволяет констатировать существование в арсенале пестуний особого пласта текстов, имевших эротическую окраску. В исполнение они вплетались окказионально, лишь в острых ситуациях, в случае сильного беспокойства ребенка. Многие вспоминали: «У нас бабка, та дак с хулиганским побайкает». Таких текстов записано немного. Причина этого кроется в жестких критериях отбора полевого материала, что не позволило в полной мере отразить сюжетное наполнение колыбельных песен и потешек. Многие тексты в силу своей неоднозначности, а порой и скабрзности исполнители просто стеснялись произносить в присутствии, чаще всего, молодых собирателей.

Можно предположить, что включение подобных текстов в ткань колыбельной было призвано разрядить атмосферу в избе. Возможно, произнесение фривольных текстов являлось актом вызывания смеха оберегающего, очистительного. Исполнители мотивируют этот факт по-своему: «крепче спать будет», «хоть уснет», т. е. слова были адресованы не сторонним слушателям, а именно ребенку. Многие исполнительницы подтверждали действенность этих слов, особенно из уст мужчин.

*Качки, покачки,
И мать на карачки,
Отца кружки,
Окол матушки²⁰.*

Мотив коитуса, т. е. зачатия новой жизни, в байке появляется, на наш взгляд, не случайно. У многих этнических групп, например у русских Заонежья, момент зачатия считался знаковым и мог влиять на дальнейшую судьбу ребенка:

*И я в несчастный день во середу засиян,
И в бесталанной день во пятницу вспорожен...²¹.*

¹⁸ Власова М. Русские суеверия. СПб., 2001. С. 176.

¹⁹ Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. С. 18.

²⁰ А. Д. Кириллова (1926 г. р.)

²¹ Федосова И. А. Избранное. Петрозаводск, 1981. С. 124.

Связь младенца с моментом его зачатия подчеркивается и в других локальных традициях. Например, в вепских плачах, обращенных к усопшим детям, встречаются метафорические замены термина «дети», связанные с зарождением жизни:

*Приходи, ой зачатая мною,
Своих, в нутре своем зачатых,
Своими крылышками поглаживать* (перевод У. С. Конкка)²².

В похоронных плачах сегозерских карел мы встречаем метафорическую формулу, наиболее близко подходящую по семантике к водлозерскому тексту:

«Будут ли [мне] (с) (по) бедной матери на коленях (мною) созданные помогать...» (перевод А. С. Степановой)²³.

В старинных свадебных плачах (1873 г.) паданских карел зафиксированы аналогичные метафорические замены, адресованные уже не детям, а представителям разных родов:

«Не смогу больше, (с) (по) бедная горюшица, в места моих на коленях (?) меня создавших [родителей], по дорожкам, (?) протоптанным на коленях созданными [люди жениха], пройти» (перевод А. С. Степановой)²⁴.

На наш взгляд, допустимо рассматривать факт появления мотива коитуса в колыбельной песне как результат межэтнического взаимовлияния, «синтеза культур».

Постараемся приоткрыть глубинную суть мотива, его семантику. Колыбельная песня как живой организм в случае беспокойства «спорченно-го» младенца подстраивалась под ситуацию и могла выполнять наряду с усыпляющей, успокаивающей и лечебную функцию. Обращение в байканье к моменту «любобной сцены» родителей, а именно к моменту зачатия младенца созвучно с обрядом перепекания, т. е. исправления «ошибки природы»²⁵. Младенец, уложенный в устье печи, традиционным сознанием возвращался в лоно матери к моменту появления собственной жизни и символически перерождался, обретая новую, чистую сущность. Подобное символическое перерождение могло происходить под воздействием слов колыбельной песни.

Скорее всего, на Водлозере в практике пестования дославянского этноса нередко были обращения к мотиву коитуса-зарождения, функционально

²² Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 99.

²³ Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985. С. 37.

²⁴ Там же. С. 38. Автор говорит о трудностях в определении семантики этих метафорических замен.

²⁵ См.: Топорков А. Л. «Перепекание детей» в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 116; Грыськ Н. Е. Лечебные и профилактические обряды русского населения бассейна Ваги и Средней Двины: пространственные и временные координаты // Русский Север. СПб., 1992. С. 65.

близкого к заговору. Частично мотив-оберег был воспринят русской культурой и использовался в переводной форме, но в то же время старушки-байкальщицы, опираясь на усвоенные этнические стереотипы, легко заимствовали и контаминировали подходящие мотивы и сюжеты из русских фольклорных жанров (святочные хороводные, игровые и свадебные песни):

*(...молодушка пошла в лес погулять),
Выскочил заяка.
Молодушка, дай-ка.
Чего тебе дати?
Твоей благодати.
Пойдём на кровати,
будем начинать.
На кровати высоко,
На столе грешно,
Под столом смешно²⁶.*

В славянском фольклоре образ зайца был тесным образом связан с обозначением брачной ситуации, символом брака²⁷. Близость этого персонажа к свадебной тематике подтверждают записи, сделанные среди русскоязычного населения на территории бывших Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний²⁸. Опубликованные этнографом И. Ю. Винокуровой материалы дают право заключить, что в отличие от русских у вепсов заяц как фольклорный персонаж не обладал качеством эротизма и связью с обрядом брачной ночи²⁹.

Пестушки, стихотворные формы, сопровождавшие детский массаж и элементарные физические упражнения, на Водлозере нам зафиксировать не удалось. Судя по косвенным свидетельствам, подобные тексты существовали. «Бабушки шептали что-то», – вспоминали водлозерки. Но поскольку в народе относили эти слова к разряду тайных знаний, имеющих действенную силу, делились ими неохотно.

²⁶ Исполняет А. Д. Кириллова. Для сравнения предлагаем слова прощания с красотой из мезеньской свадебной причети: «...И заскочила она на столушек, / А как со столушка да под лавочку / И улетела да девья красота...». См.: *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 48.

²⁷ *Гура А. В.* Заяц // Славянская мифология. М., 2002. С. 174–176.

²⁸ См.: *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство... С. 48; *Агренева-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями. Ч. 3. М., 1889; *Макашина Т. С.* Свадебный обряд // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. М., 2001. С. 556–567; *Козинская Л. Г.* Заяц в свадебном обряде // Народная культура Русского Севера. Живая традиция. Архангельск, 2000.

²⁹ *Винокурова И. Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск, 2006. С. 145.

Для более старших детей в репертуаре водлозерских пестуний имелись «притатушки»: потешки и прибаутки. Исполнительницы не делали четкого разграничения между жанрами. Нередки случаи их слияния и рождения новой формы. Вот пример игры перед сном:

*Ладушки-ладушки,
Где были? У бабушки.
Что ели? Кашку.
Чего пили? Бражку.
Кашка вкусенька,
Бражка крепенька,
Головушка тяжеленькая!
Иди, дрема-дремушка,
Дай моему сыну соньшко,
Принеси сон и дрёму³⁰.*

В Куганаволоке было записано несколько вариантов игр «Ладушки», «Гули-гули», «Сорока-ворона».

*Сорока-ворона кашу варила,
По порожкам скакала,
Гостей ожидала.
Гости не бывали,
Ребята голодали,
Всю кашку расхватали.
Тому дала на ложку,
Тому в поварешку,
Тому в горшок,
Тому в масленничек.
Ты, толстой-пустой,
Каши не варил,
За водой не ходил!
Взял ведро и пошел за водой.
Пень, колода,
Плоха огорода,
Холодна вода,
А там тепла водичка!³¹*

Игра «Сорока-ворона» во всех вариантах имеет развернутое текстовое сопровождение с примкнувшей заговорной концовкой – «пень, колода,

³⁰ А. И. Пименова.

³¹ Она же.

косая огорода, горячая водица» с обязательным щекотанием под мышками. Что интересно, в качестве провинившегося выбирается два крайних пальчика на ладошке младенца: либо мизинец с приговоркой «палец-малец», либо большой палец со словами «толстой-пустой», «толстой-короткой, не тряси бородажкой». Традиционное сознание в игре сопоставляло ладонь с многодетной семьей. Здесь стоит заметить, что в водлозерских семьях большое значение имела очередность рождения детей. Первенца, невзирая на запреты, старались родить дома в окружении знающих людей. Как наследник рода он должен был войти в мир с соблюдением всех традиционных норм. «Последышу»³² приписывалась особая магическая сила, согласно некоторым свидетельствам, он мог перенять колдовской дар от знающих людей.

Особо выделяются тексты, исполнявшиеся под «скакитания», распространенное в Пудожском и Заонежском краях развлечение для маленьких детей. «Скакитания» являются разновидностью подкидывания на коленках, так же как и качание на ноге, но исполняются под припевки:

1. *Поехали-поехали
По камышкам, по камышкам,
в ямку – бух!*
2. *Тренди-бренди, балалайка,
у меня жена китайка!*
3. *Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за кота,
За кота Котовича,
За Петра Петровича.*
4. *По гладенькой дорожке
Бежали наши ножки,
По кочкам, по кочкам,
В ямку – бух!³³.*

«Скакитания» имели возрастную направленность и ограничения. До девяти месяцев деток не принято было подкидывать. «Золотники стрехнёте» – предупреждали старики. Обращает на себя внимание тот факт, что под «скакитания» и подкидывания детей иногда исполнялись тексты, идентифицировавшие половую принадлежность «младеня». Процесс игры мог сопровождаться не только поэтическими текстами, но и прозаической речью. Вот как описывает В. Харузина сцену забавы старенькой пестуни с малюткой: «Марьюшко! Любанчик! Манько! Хорошая девушка будет, парни любить будут. Скажи: ножки у меня славные, ручки

³² «Последыш» – тот, кто родился в семье последним.

³³ Н. А. Белкина, К. И. Сухова, А. И. Пименова.

большие – скоро сосватают! Любушка Марьюшка! У Пашутки-то рот большой, большой, а у нашей Марьюшки рот, что у ласточки»³⁴.

Различного рода скакания, сулившие долгую жизнь и плодородие, встречаются в народной культуре русских: весенние молодежные скакания на подкидной доске в Пудожье, к ним же относится пасхальное качание на качелях в поморских селах. На долгое житье и на здоровье качают на руках или на стуле участников свадебного обряда в Заонежье³⁵. Вертикальный «вектор» качания символизировал собой ускорение роста и повышение благополучия субъекта.

Прибаутки, веселые песенки для забавы детям³⁶ также входили в репертуар водлозеров. В народе их именовали «сказочками». Нами записаны два варианта вопросо-ответной прибаутки с зачинами «Сказка-помазка» и «Елов престень»:

*Сказка-помазка,
Елов перстень
Заломил хвостень,
Пал на соломку,
Хвост на сторонку,
Три годы лежал,
Головы не сдымал.
Выздынул головку,
Поглядел на погост:
Кузнецы куют,
Колокольчики поют,
У Спаса бьют,
У Николы молчат,
У старого Егорья часы говорят.
Марья-царевна породила сына.
Как звать сына?
Сына Константином.
Как звать девчушку?
Машка-Калитушка.
Выдайте-ка дочку
За моего сына.
У моего сына*

*Елов престень
Побежал в кушень.
Лег на соломку,
Хвост на сторонку.
Три года лежал
Головы не здымал.
Выздынул головку,
Поглядел на погост.
Что царь делат?
Стулья пишет.
Марья царёва
Спородила сына,
Сына Константина.
Как зовут дочушку?
Маша Калитушка.
У этого сына
Трои сини.
Шелком шиты,
Гвоздом биты.
Вси еты сини
Огням сгорили.
Где этот огонь?*

³⁴ Харузина В. На Севере... С. 25.

³⁵ См. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство... С. 31; Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья. Петрозаводск, 2001. С. 241.

³⁶ Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 32.

Трое сеней.

Гвоздом биты...»

[Потом как-то там, кто-то куда-то...]

Посмотрел, что царь делает...

[Что-то там...]

Струны точит,

Струн мы сорвали,

Царь покатился

[Там чё-то ...Кости-щетина...]

[Ну... она как бы так, сказка сказкой, а потом в конце ... эти часы... он там что-то там поймал, что-то отдай...]

Девки забрали.

Где эти девки? В горы ушли.

Где эти горы?

Черви выточили.

Где эти черви?

[Черви, там куда-то ушли] У попа в мешке.

[И в конце так покажут: «У-у, тебя съест!»]

Пугают]³⁷.

Водой залили.

Где эта вода?

Быки выпили.

Где еты быки?

По горам ушли.

Где еты горы?

Ч(ц)ервы выточили.

Где еты червы?

Гуси выклевали.

Где еты гуси?

Девки вымали.

Где еты девки?

По замужьям ушли.

А где это замужьё?

*Всё примерло*³⁸.

Исполнялись они в обоих случаях старшим деткам (2–3 лет) на сон грядущий. Финал одного из вариантов сопровождался «козой» из пальцев и угрозой «У, тебя съест!». В 1993 г. участники экспедиции фиксировали в водлозерских деревнях «сказки-помазки» со сходной сюжетной линией³⁹. Хорошая сохранность вариантов, целостность исполнения, объемность текста (35 и 37 строк) говорят об устойчивости традиции и широком бытовании этой формы на берегах Водлозера. Некоторые из них перекликаются с текстами, записанными в Мезеньском районе Архангельской области⁴⁰. Истоки и семантика этих вариантов кроются, по мнению С. М. Лойтер, в «загадочных текстах» зимней календарной обрядовой поэзии, в традиции колядования⁴¹. Ритуально-мифологическая трактовка этих текстов может быть прочитана лишь в контексте древних представлений, обрядов и мышления и требует проведения самостоятельного исследования.

³⁷ Т. А. Коровяковская. Текст слышала от отца.

³⁸ А. Д. Кириллова. Текст выучила от бабушки.

³⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 39, 87, 88.

⁴⁰ Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета. Архангельск, 2002. № 78, 79.

⁴¹ Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. С. 34.

Итак, есть повод говорить о существовании в прошлом стройной системы культуры детства на берегах Водлозера и констатировать затухание традиции в настоящее время.

На фоне общей северорусской традиции в Водлозерском крае существует ряд локальных особенностей в жанровом наполнении и образной системе поэзии пестования.

В настоящее время в Куганаволоке еще повсеместно востребована, а поэтому и процветает детская заговорная практика. Обращает на себя внимание яркая магическая направленность некоторых колыбельных мотивов, вкраплявшихся окказионально, при сильном беспокойстве ребенка. Заметна малая дифференцированность жанров потешек и прибауток в репертуаре водлозерок и хорошая сохранность текстов «песенок» и «сказочек», которые «на потеху детям поются».

Во многом особенности стилистики поэзии пестования в локальной традиции Водлозерья могут проясниться, если учитывать историческое, территориальное и этнокультурное взаимодействие славяно-русского и финно-угорского миров. Вместе с тем обращает на себя внимание соотносимость водлозерских материалов с территорией русского пограничья Олонецкой и Архангельской губерний.

С. М. Лойтер

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ-КРАЕВЕДА Ф. И. ДОЗЕ...

В предыдущем номере «Кижского вестника» в статье «Из истории фольклористики Карелии: учитель-краевед Ф. И. Дозе», восстанавливая истину о судьбе фольклорных материалов ссыльного петрашевца А. П. Баласогло, которые якобы полностью утрачены, мной была представлена републикация вариантов былин, спасенных учителем Ф. И. Дозе, помещенных и прокомментированных им в «Олонецких губернских ведомостях»¹ (далее – ОГВ). Эти тексты, повторюсь, предшествовали деятельности первооткрывателя «Исландии русского эпоса» П. Н. Рыбникова и позволили редактору второго издания его «Песен...» сказать, что именно Дозе «пробудил дремавшую Олонецкую губернию»². Настоящая статья продолжает и дополняет предыдущую: в ней речь идет еще об одной части фольклорной коллекции А. П. Баласогло, дошедшей до нас благодаря Ф. И. Дозе³.

В трех номерах (№ 20–22) ОГВ за 1857 г., в которых «рассматривающим неофициальную часть» назван «старший учитель гимназии Ф. И. Дозе», в рубрике «Этнографические материалы» помещен текст под названием «Предания о Панах в Олонецкой губернии» с пометкой «Извлечено из бумаг А. П. Б.». Материал представляет собой большой очерк, так его называет сам автор, в котором он, комментируя записанные на территории Олонецкой губернии предания, стремится ответить на вопрос, «что за люди были пань», кто они «в круге непосредственных понятий» народа.

¹ См.: Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск, 2007. С. 116–126.

² *Грузинский А. Е.* Предисловие // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. М., 1909. Т. 1. С. XIV–XV.

³ Приношу благодарность автору написанной под моим руководством дипломной работы «Роль газеты „Олонецкие губернские ведомости“ в истории фольклористики» И. М. Зайцевой, обнаружившей искомые материалы и предоставившей их мне.

Теперь, когда предания как жанр достаточно исследованы⁴, предания о панах выделены в самостоятельный цикл, в котором «паны» – это обобщенный образ, отражающий народные представления о первоначальных жителях края, пришельцах-завоевателях, его внешних врагах, разбойниках. Что касается Русского Севера и Олонецкой губернии в частности, то «паны» как собирательный образ вобрала в себя и трансформировала народные воспоминания о внешних врагах: польско-литовских набегах в начале XVII в., столкновениях русских и карел со шведами в разные эпохи. Эта своеобразная устная летопись края, ее локальная история воплощается в повествованиях, которые не имеют в отличие от других фольклорных жанров устойчивой формы, «общих» мест, постоянных зачинов и концовок. Из потока речи их позволяют выделить только традиционные мотивы, которые образуют Указатель мотивов преданий. Обозначенный круг мотивов о «панах» дает возможность идентифицировать эти предания⁵.

Публикуемый ниже очерк А. П. Баласогло – его точное воспроизведение в ОГВ.

Предания о Панах в Олонецкой губернии (ОГВ. 1857. № 20. С. 110–112).

Во всей губернии более или менее исключая может быть небольшое пространство западной ее части, т. е. Олонецкого уезда. Со смежными отрывками Петрозаводского и Лодейнопольского, существуют почти на каждом шагу предания о так называемых «Панах»; сильнее всего эти предания уцелели во всем Заонежье с прилежащими к нему частями Пудожского и Повенецкого уездов. Трудно решить, что за люди были эти «Паны» и к какому они принадлежали племени. Если в Олонецкой губернии стать спрашивать крестьян: «Не было ли здесь Поляков? Не было ли здесь Шведов? Не было ли здесь Малороссов? и т. д., крестьяне на это могут отвечать тем же рядом вопросов, только в обратном смысле: «А какие это Поляки? А какая такая Литва? А каких таких Шведов?» Кто хочет получить от мужика ответ на что бы то ни было, – тот должен сперва войти в круг его непосредственных понятий. Так, например, инородцев мужик не знает, а Корелу знает! – Ни о Литве, ни о Поляках, ни даже о Финнах или Финляндцах он ничего не сумеет сказать, и чтобы подвинуть его

⁴ См.: Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970; Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978; Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. М., 1983. С. 163–175; Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

⁵ Северные предания... С. 174, 222.

на рассказ о каких бы то ни было исторических народах надо, не теряя времени даром, спрашивать только: «А что не бывало ли у вас тут в старину Панов?»... Из этого лучше всего можно видеть, что такое здесь значит «Паны».

Паны – ни народ, ни сословие, ни род, ни племя: а просто – чужие люди, приходившие обращать крещеных в свою веру. Они приходили почти что во всякую деревню, артели, жгли дома, храмы Божии, убивали народ, грабили и уходили восвояси... В иных местах они и жили: у них были тут и ворота, и городки, и дома, и даже свои церкви. Но теперь ничего не осталось: как ушли, так все и побросали в воду. Чтоб добиться, наконец, кто же это такие были, остается одно средство: поставить в ряд все о них показания и сличить немногие общевыдающиеся черты с чертами тех не русских людей, о набегах которых на наш край мы знаем из летописей. Такой труд велик и требует предварительного собрания множества разнообразных народных преданий, и потому в настоящем очерке я ограничиваюсь рассказом нескольких известных мне преданий, из которых можно однако вывести некоторые характеристические черты набегов Панов и впечатления, оставленного ими на жителей.

Паны, разъезжая по Заонежью и окрестным странам, вероятно, думали тут утвердиться и господствовать, и потому строили себе постоянные жилища в виде небольших укреплений. Из преданий видно, что Паны часто строили свои дома, как замки, – с огромными воротами, на возвышениях, при реках и вообще на местах по большей части неприступных. Из этих-то замков они держали жителей в постоянном страхе и делали частые и внезапные набеги на окрестности. В этих же замках были скрываемы ими награбленные богатства: деньги, вещи и т. п., которые теперь являются как клады. Теперь почти нет развалин этих укреплений, городков и ворот, но предания народные указывают на те места, где они были; при том же самые названия некоторых местностей по собственным именам не русским и не финским, и предания о явлениях кладов указывают на постоянные жилища Панов, и замечательно, что на местах, отмеченных преданием, как место жительства Панов, находят в земле старинные вещи, чаши и т. п.

Вот несколько преданий о жилищах Панов в Заонежье. (**№ 1**) *В недалеком* расстоянии от селения «Горка», на двух противоположных мысах: Шинков-Наволоок и Агафон-Наволоок жили Паны в укрепленных замках. Из предания видно, что эти здания имели огромные железные ворота, которые затворялись в определенное время, как в том, так и в другом замке, и притом скрип или стук ворот у одного Пана всякий раз бывал слышим в замке другого Пана. Теперь эти двери не существуют: они вместе с другими вещами, как прибавляет предание, брошены в воду самими

Панами, когда их начали теснить *туземцы*. Другое предание, повторяющееся также в Заонежье, еще яснее подтверждает то, что Паны чрезвычайно заботились о своей оседлости. (№ 2) В 7,5 верстах к югу от Шунгского погоста, по берегу озера Путка, тянется с Севера на Юг горный кряж, который здесь представляется совершенно отдельным утесом, около 50 сажен вышиною над уровнем воды. Отвесные стены этой скалы с трех сторон – восточной, северной и западной, делают ее совершенно неприступною и только южная сторона идет постоянным склоном. Утес этот вообще называется «Столовою горою», потому что издали походит на длинный стол; местные жители называют его не иначе, как *Городком*... (№ 3) Народные рассказы об этом утесе и самые названия «Город» и «Панская гора» доказывают, что этот «городок» как естественная крепость был главным притоном Панов, в котором они держались несколько времени. В самом деле, как рассказывают, в этой горе находится узкая пещера, или узкая расщелина утеса, идущая отвесно сверху вниз; она вверху образует острый угол, а внизу просторный треугольник, куда можно укрыться от непогоды. В этой пещере еще и до сих пор существуют остатки грубо сложенной печи с обгорелыми кусками дерева. Народ уверяет, что здесь жили Паны и отсюда пускались грабить *Шунгские деревни*.

Кроме этих фактов, доказывающих о постоянном пребывании Панов в Заонежье, существуют еще другие предания в Пудожском и Повенецком уездах, по содержанию сходные с приведенными выше преданиями.

В окрестностях Пудожя и в самом городе, (4) как рассказывают, находится множество мест, где были Паны и имели свои здания. Так, под мысом крутого берега, на котором расположен Пудож, называемым Журавицкий бор, течет речка Журавка, иначе Ольховица, на которой лежит деревня Журавица. Под ней стоял прежде крест, и видны теперь еще остатки древнего строения, имеющие вид «анбарушки», т. е. малого анбара; по народному преданию это древнее строение – *остатки панского замка*. (№ 5) Другие доказательства постоянного жительства Панов около Пудожя состоят в преданиях о кладах, находимых в этих местах. Рассказывают, что 30 лет тому назад близ мыса «Кунявский нос», выдающегося в Водлу, один крестьянин нашел в земле две вещи: род блюдца, но неизвестно, из какого металла, и золотую чашку; эти вещи относят к животу (т. е. к имуществу) одного Пана, *жившего тут*.

Существуют также предания о пребывании Панов и в Каргопольском уезде. (№ 6) Там, по дороге к монастырю Александро-Ошевенскому в 24 верстах от города Каргополя, на 3-й версте от деревни «Воробьевой» к городу, есть деревня «Поздышево»; в стороне от дороги близ этой деревни расположено кладбище, на котором схоронен не один *Пан*.

Предания о Панах в Олонецкой губернии (ОГВ. 1857. № 21. С. 122–124)
(Продолжение. См. № 20).

(№ 7) В *Повенецком уезде*, который, кажется, более всего исходили Паны, существует опять предание о постоянном селении Панов. В этом уезде, на правом берегу пролива Вожма-Салма на дороге из Выгозера в Бобровое, стоит деревня Вожма-Салма. В 6 верстах от этой деревни, в самом углу Бобрового озера, у устья реки Важмы, есть деревня Вожма-Гора. В этом месте, как уверяют, было жительство Панов, у которых был даже свой погост, т. е. церковь со всеми ее принадлежностями; но теперь и следов ее нет, потому что стесненные русскими Паны побросали как колокол, так и прочие вещи в воду Бобрового озера. Отсюда Паны артелями по 10, 15, 20 и более человек делали набеги на окрестные деревни и брали *крестьян в работу*. (№ 8) На *островах же Выгозера*, которых местные жители насчитывают столько, сколько в году дней, крестьяне часто находят следы прежних обитателей — Панов. Эти следы состоят из множества камней, сложенных в кучи, и притом в таких местах, где теперь вырос огромный лес; потом в топорах, жерновах, развалинах печей, находимых также в лесных чащах и т. п. Один же из таких островов, лежащий почти на середине между Выгозерским погостом и деревнею Койкиницы, по преданию, был населен весь Панами, и потому известен под именем «Городового острова»; с него горожане разъезжали на работы и грабежи *по окрестностям*.

Из следующих преданий мы увидим, каким образом делали набеги Паны и как далеко они заходили. Начнем с Заонежья как главного места, где они оставили более по себе воспоминаний. Здесь некоторые предания рассказываются довольно подробно, как небольшие повести или как истории. (№ 9) *Так здесь осталось надолго памятно одно нападение Панов на Кижь*, тем более что и памятник их нападения существует до сих пор. В Кижях, как передают крестьяне, есть поговорка, что под каждою ильмою похоронен Пан. Это ясно доказывает, что Паны во множестве наводняли Заонежье и что вместе с тем им не всегда удавалось легко овладевать деревнями. На том же самом Кижском острове, где теперь погост, церковь стояла в другом месте, гораздо севернее, на холмистом возвышении; там теперь, в память ее, построена часовня Святого Духа. Церковь эта была во имя Спаса. Однажды, в праздник Покрова Пр. Богородицы, Паны сделали нечаянное нападение на этот остров и употребили военную хитрость: они приплыли к острову из Повенца на плоту, на котором были поставлены вместо парусов березки. Суеверному народу показалось, что к ним плывет остров; все собрались смотреть на берегу... Между тем Паны прилегли за березы, и когда плот примкнул к берегу, бросились на безоружных жителей. Народ укрылся в храме, но Паны ворвались сюда, начали резать народ и стрелять в него. Одна стрела вонзилась в образ

Спасителя в правую руку; другая пробила образ сзади, насквозь, пониже первой, и сделала с той же стороны оскомину. Оба знака видны на образе до сих пор. Но в это самое мгновение совершилось чудо: на Панов нашла *темень*, т. е. они ослепли, вместо беззащитного народа стали резать друг друга и легли все на месте. По рассказам народным, кровь перерезавшихся Панов лилась через порог церкви. После этого осквернения служение в церкви надолго оставили и, наконец, она сгорела от молнии.

Впоследствии, собравшись с силами, кижане решили построить церковь вновь, приплавив леса к тому же самому месту, где она стояла; но в ночь все плоты невидимою силою перенесло ниже, к такому месту, где не было ничего, кроме вересняка. Строители перегнали плоты опять к месту бывшей церкви; в следующую ночь плоты опять спустились к вересняку... Тут строители стали уже догадываться, что это чья-то высшая воля; осмотрели кусты и нашли в нем простреленный образ Спасителя. Это уже был явный знак, что церковь надо строить здесь, а не на старом месте, а потому строители так и сделали. Таким образом часовня, церковь и образ, существующие до сих пор, служат памятниками нападения Панов *в южном крае Заонежья*.

Из приведенных выше преданий мы видели, что Паны жили в недалеком расстоянии от Шуньги на Столовой горе и отсюда пускались на грабежи; (**№ 10**) *рассказывают*, что в 11 верстах от Шунгского погоста, по дороге к Пергубе, есть деревня Сигова. В 3-х верстах от этой деревни, по той же дороге, за губой, стоит один двор крестьянина Федотова (записано в 1849 г. – Прим. А. П. Б.). В этом уединенном месте и во время Панов был также один только двор. Видя опасность со стороны Панов, хозяин двора со своим семейством удалился на соседний пустой остров. Это случилось зимою. Крестьянин грелся над разложенным огнем и задремал; во сне ему почудилось, будто кто-то ему кричит: «Вставай! Паны идут!». С великим усилием он очнулся; смотрит, а перед ним, в нескольких шагах стоит Пан... за этим показался и другой. Крестьянин в страхе забыл жену и ребенка и на лыжах бросился в лес. Долго он блуждал, но наконец решился возвратиться к своему огню. Заходит осторожно из-за кустов и видит, что Панов нет: у огня только его жена да ребенок. Подошедши ближе, он удостоверился, что они живы, но вместе с тем увидел, что все, что они имели, было отнято и даже с шеи ребенка *сорван крест*.

Предания о Панах в Олонецкой губернии (ОГВ. 1857. № 22. С. 126–127) (Окончание. См. № 22).

(**№ 11**) *Между рассказами* о набегах Панов в Пудожском уезде особенно замечательно по своей наивности повествование об осаде одного монастыря. Верстах в 5-ти от впадения в Онегу реки Водлы,

в нее впадает река Шала, на которой находится Шальский погост, расположенный на том месте, где прежде был монастырь. Паны, завладев окрестностью, долго не могли взять этого монастыря и стали принуждать жителей принять их веру. Жители разбежались, оставив монастырь в переговорах с Панами. Во время этих переговоров к порогу едва державшегося монастыря стал подбегать какой-то «зверь» (это была лисица). Монахи однажды погнались за этим зверем. Спасаясь от погони, по замерзшей реке, зверь «ульнул в матицу» (т. е. провалился в прорубь, сделанную для ловли рыбы); здесь у него и примерз хвост. Монахи взяли этого зверя и подарили одному из Панов, давая тем заметить, что Бог не оставит их и что сами Паны могут подобно этому зверю заморозить себе хвост. Монастырь был оставлен в покое; но чрез несколько времени Паны опять напали на несчастную окрестность, и тогда жители совокупными силами заставили их удалиться на соседнюю гору; тут Бог напустил на врагов своего имени «темень» (слепоту), и они перебили друг друга. От этого гора получила название «Немецкой горы». (№ 12) В том же самом уезде существует другое предание о нападении Панов на деревню Песчаное. Сюда приходила артель Панов в 40 человек. Крестьяне вооружились, а Паны между тем, не дошедши до деревни версты три, разбранились, «пала на них темень» – и они перерезали друг друга. Место, где они разбранились, крестьяне называют «Бранухой», а где они перерезали – «Панихой».

(№ 13) В одном из преданий Каргопольского уезда о нападении Панов упоминается о замечательном поступке одного крестьянина. Когда Паны напали на деревню Воробьеву, в 24 верстах от города, крестьяне разбежались в лес; один из них, смельчак, вздумал полюбопытствовать, что делают Паны, и прокрался в гумно. Тут его заметили; он пустился бежать, выхватив из колосника жердину, и стал, опираясь на нее, перескакивать большие пространства. Один из Панов успел настигнуть мужика, но тот, видя опасность, остановился, подпустил к себе Пана, махнул по нем жердиной наотмашь, и всадник пал за смертью. Прочие Паны, испуганные мужеством этого мужика, бросили погоню и разбежались.

(№ 14) В Повенецком уезде, по западной стороне его, существует множество рассказов о набегах Панов. Так, по дороге из Повенца в Петрозаводск, между станциями Пергубою и Лумбушами, в 5 верстах от последней, на речке Куюмсе стоит лесопильный завод Захарьева. Над этим заводом, на противоположном берегу реки, возвышается крутая песчаная гора в виде полукруга. Средина этого полукружия гораздо ниже концов, и в одном месте так узка, что по верху только что пройти человеку. Бока всей горы беспрерывно осыпаются. С этой-то горы, по песку, как расска-

зывают, скатилась гонимая Панами девушка, которую потом не могли найти нигде, ни в воде, ни по берегам реки. В память о ней местная гора называется «Дивьей» (т. е. Девья).

Из других преданий видно, что (№ 15) Паны заходили далеко на запад Повенецкого уезда, именно были в 8 верстах от Карельской Массельги, в деревне Лисья Губа на берегу Сегозера, где удержал натиск их крест с надписью, из которой видно, что ему уже более 200 лет. Далее Паны были в Паданах и доходили до Селег. Когда они подошли за 4 версты до Селецкой церкви и сказали ей: «Недолго настоишься! Придем, так тебе и конец!», в это мгновение нашла на них темень, и они ушли.

Этих преданий достаточно, чтобы убедиться в существовании в Олонецком крае Панов и в том, что это были люди, приходившие единственно для грабежей. Из всех этих преданий, содержащих в себе повествования о постоянных жительствовах и набегах Панов, можно видеть, в каком числе, в какое время и в каких пределах бродили или проживали в Олонецком крае Паны. По всем вероятностям, можно положить, что Олонецкий край с давних времен был местом столкновения различных племен. Вспомним смутные времена междуцарствия, когда происходили столкновения разноплеменных шаек по всей России, когда приходили в Россию татары, поляки, ливонцы, шведы. Толпы этих пришельцев, вытесненные из Средней России, долго беспокоили южную и западную части и, вероятно, они же заходили и в Олонецкий край искать себе богатства, а иногда и с целью приводить жителей в свою веру. Так как олонецкий народ не знает никаких других враждебных народов в исторические времена, как только одних Панов, то можно понимать под этим словом не отдельный народ или племя, а просто сброд людей из Поляков, Литвы, Татар, Черкесов, Казаков и Шведов.

Обозначу каждое из преданий, вошедших в очерк: всего их 15, это исторические предания, большинство которых содержат ярко выраженные топонимические мотивы. Только 3 предания из этого количества вошли в научный оборот⁶ и представлены в сборниках. Каждое из преданий обозначено номером, в скобках, курсивом выделены его границы (первое и последнее слово).

№ 1 – о пребывании Панов в Заонежье: мотив «панские замки; его вариант 1894 г. из Кондопожского района помещен в сб. «Северные предания» под № 63;

⁶ Ни в одном случае предание не связывается с именем его собирателя Баласогло и публикатора Дозе.

№ 2 – заонежское топонимическое предание об оставлении «следов» пребывания Панов и происхождении названия утеса «Столовая гора»;

№ 3 – заонежское предание о происхождении названия «Городок» и «Панская гора»;

№ 4 – пудожское предание о пребывании Панов в деревне Журавица;

№ 5 – пудожское предание о поселении Панов близ мыса «Кунявский нос» и обнаруженном там кладе;

№ 6 – каргопольское предание о кладбище Панов по дороге к монастырю Александра Ошевенского, недалеко от деревни Поздышево;

№ 7 – повенецкое предание о поселении Панов в деревне Вожмосалма у Бобрового озера;

№ 8 – повенецкое предание о поселении Панов на островах Выгозера и происхождение названия «Городовой остров»;

№ 9 – нападение Панов на Кижы; это предание опубликовано в сборнике «Северные предания» под № 103, оно было очень популярно, неоднократно перепечатывалось и обрело варианты;

№ 10 – пребывание Панов в заонежской деревне Сигово;

№ 11 – о набегах Панов в Пудожском уезде, осаде монастыря и происхождении названия «Немецкая гора»;

№ 12 – о нападении Панов на деревню Песчаное Пудожского уезда; опубликовано в сборнике «Северные предания» под № 116;

№ 13 – каргопольское предание о том, как один крестьянин из деревни Воробьево обратил в бегство Панов;

№ 14 – повенецкое предание о пребывании Панов и происхождении названия «Дивья гора»; пудожский вариант «Девичья гора» (см.: Северные предания. № 119);

№ 15 – повенецкое предание о том, как Паны были в Паданах, у Селецкой церкви на них нашла темень, и они ушли.

Таково еще одно свидетельство подвижнической деятельности учителя-краеведа Ф. И. Дозе.

Д. Д. Абросимова

ЖАТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ФОЛЬКЛОР (на материале Заонежья и Пудожья конца XIX – первой трети XX века)

Жатве, центральному и наиболее яркому, зрелищному, периоду года земледельца, представляющему собой «„апофеоз“ полевых работ»¹, посвящено немало исследований. Среди работ, где тема жатвенной обрядности затрагивается или рассматривается подробно, в контексте других этапов аграрного календаря, – исследования В. Я. Проппа, Т. А. Бернштам, О. А. Терновской, Г. В. Лобковой².

Земледельческая обрядность в Заонежье и Пудожье изучалась К. К. Логиновым³, В. А. Агапитовым⁴, но в их работах не исследовались подробно фольклорные жанры, исполнение которых сопровождало жатву и празднование ее завершения. Этот вопрос изучался Р. Б. Калашниковой⁵.

Задачи данной работы – уточнить и дополнить отмеченные исследователями особенности жатвенных обрядов и состав фольклора в Заонежье и Пудожье конца XIX – первой трети XX в.

¹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века. Л., 1988. С. 158.

² Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. М., 2000. С. 67–81; Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни...; Терновская О. А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла: Материалы к словарю // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели: Структура балканского текста. М., 1977. С. 77–131; Лобкова Г. В. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность. СПб., 2000. 223 с.

³ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX века). СПб., 1993. С. 14–27; Он же. Этнолокальная группа русских Володозерья. М., 2006. С. 52–67; Он же. О «трудовых праздниках» в Заонежье // Кижский вестник. Заонежье. № 4. Петрозаводск, 1994. С. 48–57; Он же. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 33–49.

⁴ Агапитов В. А. Сушка и обмолот зерновых в Южном Заонежье в конце XIX – начале XX века // Кижский вестник. Вып. 5. Петрозаводск, 2000. С. 135–140.

⁵ Научный архив музея-заповедника «Кижский» (далее – НА МЗК). НРФ-1532. Калашникова Р. Б. Обряды крестьянского календаря Заонежья, связанные с аграрными процессами (конец XIX – начало XX вв.): Научная справка. Музей «Кижский», 1988.

Для подготовки статьи были использованы исследования по сельскохозяйственному календарю, этнографические заметки исследователей-краеведов конца XIX – начала XX в. (в том числе в периодической печати); экспедиционные материалы научного архива Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ) и научного архива музея-заповедника «Кижы»; аудиозаписи бесед с информантами из Заонежья (личный архив); фотографии первой трети XX в., сделанные на территории Олонецкой губернии, из Национального архива РК, коллекций Карельского государственного краеведческого музея и музея-заповедника «Кижы»; народная одежда из коллекций КГКМ (фонд народного костюма), Музея изобразительных искусств (фонд народного искусства) и музея «Кижы» (фонд текстиля по КАМИС); звукозаписи из архива коллекций Российского фольклорно-этнографического центра.

На основе этих источников попытаемся рассмотреть жатвенную обрядность Заонежья и Пудожья. Цель жатвенных обрядов – «сберечь плодоносящую силу земли»⁶, обеспечив урожай в следующем году⁷.

Если от посева до начала жатвы проходил короткий промежуток времени и быстро удавалось убрать зерно, говорили, что хлеб «перешел из засека в засек»⁸. В северном Заонежье жатва начиналась с праздника Успения (28 августа н. с.)⁹. В Пудожье (Водлозерье) пробную жатву на ржаных полях могли делать за неделю – две до Ильина дня (2 августа)¹⁰. Продолжалась жатва приблизительно неделю¹¹. Основными ее участниками были женщины¹² (в это время они освобождались от сенокоса¹³), мужчины только ставили бабки¹⁴.

Начало жатвы старались не назначать на день какого-либо праздника¹⁵ или святого мученика. Первый день считался праздничным¹⁶ (так же как праздником считалось и начало сенокоса¹⁷). В этот день соблюдали примету – ничего не отдавать из дома (этого же при-

⁶ *Покровская Л. В.* Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 85–86.

⁷ *Пропл В. Я.* Русские аграрные праздники... С. 77.

⁸ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. Ед. хр. 144.

⁹ *Логинов К. К.* Трудовые обычаи... С. 35.

¹⁰ *Логинов К. К.* Материальная культура... С. 61.

¹¹ *Агапитов В. А.* Сушка и обмолот... С. 135.

¹² *Логинов К. К.* Этнолокальная группа... С. 63; *Агапитов В. А.* Сушка и обмолот... С. 135. В памяти информантов хорошо сохранились особенности сушки снопов и молотбы (НА МЗК). Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1929.

¹³ *Рыбников П. Н.* Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 год. Петрозаводск, 1866. Ч. 2. С. 3–36.

¹⁴ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 140.

¹⁵ *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни... С. 153.

¹⁶ *Логинов К. К.* О «трудовых праздниках»... С. 49–52.

¹⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

держивались в дни запашки¹⁸, начала сева¹⁹ и сенокоса²⁰). Отправляясь в поле, «крестили глаза, садились на скамеечки дома в кухни и благословясь походили»²¹.

В общерусской традиции на жатву и сенокос было принято выходить в нарядной, праздничной одежде²². Это соблюдалось и в Заонежье²³. Экспедиционные материалы содержат подробные описания одежды для летних полевых работ. Многочисленны фотографии первой трети XX в., наибольшее число которых посвящено сенокосу²⁴, наименьшее – жатве²⁵. В музейных коллекциях крестьянской одежды нет жатвенных рубах, но есть сенокосные²⁶ (в основном это Пудожский²⁷ и Каргопольский уезды²⁸, конец XIX в.²⁹ – 1930-е гг.³⁰).

Женский костюм для сенокоса и жатвы состоял из рубахи, юбки, сарафана, иногда передника. Их надевали в разных сочетаниях.

Первый и, по нашим источникам, наиболее редко встречающийся в первой трети XX в.³¹, вариант костюма – рубаха, которую носили

¹⁸ Логинов К. К. О «трудовых праздниках»... С. 49.

¹⁹ Юнсовский М., священник. Этнографические сведения о жителях Лодейнопольск[ого] у[езда] Олонек[ской] губ[ернии] Озерского погоста. 1854 г. Л. 4: [Электронный ресурс] / М. Юнсовский. Электрон. ст. Режим доступа к ст.: http://litkarta.karelia.ru/lib/source_92.doc.

²⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2124.

²¹ Там же.

²² Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX века. М., 1984. С. 121; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986. С. 122.

²³ Логинов К. К. О «трудовых праздниках»... С. 53; НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 80; НА МЗК. НРФ-1220/4. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. А. Н. Фадеева.

²⁴ Ф/а № 1 ОЦ «Олонецкая губерния» 1901 г., № 129; раздел «Дореволюционная Карелия. Сельское хозяйство», инв. № II-4532, 0–35062, 0–35071, 0–35074, II-3184, II-296; раздел 8, инв. № I-2289; раздел «Сельское хозяйство районов республики», инв. № II-3187; разделы 5, 6, инв. № I-182, I-1344, I-468. КГКМ. КГМ-37886. Музей-заповедник «Кижы». НВФ-13623/33, КП-4943/37.

²⁵ Ф/а № 1 ОЦ «Олонецкая губерния» 1901 г., № 60, 128, 130; раздел 8, инв. № II-3021. В коллекции фотографий КГКМ и фотоматериалов музея «Кижы» снимков, посвященных жатве, нет.

²⁶ КГКМ. КГМ-6019, 6020, 26473, 11808, 11809, 947/3, 53348, 53364, 23019; Музей изобразительных искусств. КП-60281 (ПР-625).

²⁷ КГКМ. КГМ-11808, 11809, 23019; Музей изобразительных искусств. КП-60281.

²⁸ КГКМ. КГМ-6019, 6020, 947/3.

²⁹ КГКМ. КГМ-23019, 6019, 6020; Музей изобразительных искусств. КП-60281 (ПР-625).

³⁰ КГКМ. КГМ-26473.

³¹ Женскую рубаху как самостоятельный костюм можно видеть лишь на отдельных снимках, сделанных во время жатвы и сенокоса в Каргопольском и Пудожском уездах (Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф/а № 1 ОЦ «Олонецкая губерния». 1901 г. № 130; разделы 5, 6, инв. № I-468; раздел 8, инв. № II-3021). Рубаха в качестве самостоятельного рабочего костюма в дневниках экспедиции 1931 г. в Заонежский район не упоминается.

самостоятельно, без дополнения в виде юбки или сарафана, с поясом³² или передником³³. Встречаются два цветовых сочетания рубах. Один – рубахи с пестрядным или белым станом из холста и «рукавами» (верхней частью) красного или розового³⁴ цвета из ситца или сатина. (Красный цвет повсеместно считался праздничным³⁵; рабочей одежде красного цвета отдавали предпочтение³⁶.) Находящиеся в музейных коллекциях рубахи такого образца происходят из Каргопольского уезда³⁷.

Другое сочетание – рубахи с белым станом и «рукавами» белого цвета (территория Пудожья)³⁸.

Рубахи украшались вышивкой по подолу. На рубахах из музейных коллекций чаще всего встречается геометрический орнамент, реже – растительный. Вышивка выполнена в технике браного ткачества, а также набора и глади. Цвет нитей красный, реже использованы разноцветные нити (это рубахи из Пудожского и Каргопольского уездов)³⁹.

В первой трети XX в. более распространенным вариантом женского костюма на жатву было сочетание белых (светлых) рубах с красным сарафаном⁴⁰ или юбкой. По частоте упоминания красных юбок в экспедиционных записях можно судить об их популярности⁴¹. По покрою юбки были прямыми, недлинными, с оборкой⁴². Поверх юбки или сарафана иногда надевали передник⁴³.

Был известен еще один вариант костюма: рубаху, юбку и сарафан надевали вместе, придя на поле, сарафан снимали или подворачивали⁴⁴.

³² НА РК. Раздел 8, инв. № П-3021.

³³ НА РК. Разделы 5, 6, инв. № I-468. Встретился еще один вариант – рубаха без пояса на девочке-подростке (НА РК. Ф/а № 1 ОЦ «Олонецкая губерния». 1901 г. № 130).

³⁴ КГКМ. КГМ-26473, 11808, 11809, 947/3, 53348, 6019, 6020. Музей изобразительных искусств. КП-60281 (ПР-625). НА МЗК. НРФ-651. НРФ-985. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 1928.

³⁵ Яскеляйнен Е. И. Сарафаны в коллекции музея «Кижь»: Опыт этнографического исследования // Кижский вестник. № 4. Петрозаводск, 1994. С. 110–116. С. 113.

³⁶ НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 64, 72; НА МЗК. НРФ-1220/4. С. 1. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118.

³⁷ КГКМ. КГМ-6019, 6020, 947/3.

³⁸ КГКМ. КГМ-23019, 53364; НА МЗК. НРФ-651. С. 31–32.

³⁹ НА РК. Раздел 8, инв. № П-3021; КГКМ. КГМ-6019, 6020, 947/3, 6479, 53348, 11809, 23019, 53364, 4210, 8313, 8320, 10970, 11245, 11927; Музей изобразительных искусств. КП-60281 (ПР-625).

⁴⁰ НА МЗК. НРФ-985.

⁴¹ Логинов К. К. Материальная культура... С. 106; Яскеляйнен Е. И. Сарафаны в коллекции музея «Кижь»... С. 113; Феллонова Е. Вспоминая былое // Земля Заонежья. Вып. 7. Петрозаводск, 1999. С. 32–34; НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 64, 72, 80, 84; НА МЗК. НРФ-651. С. 31–32; НРФ-985. НРФ-1220/1. С. 1; Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 1928, 2118.

⁴² НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 64, 72.

⁴³ Там же. Ед. хр. 64.

⁴⁴ Яскеляйнен Е. И. Сарафаны в коллекции музея «Кижь»... С. 113; НА МЗК. НРФ-651. С. 31–32; Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2.

Голову повязывали светлыми или белыми⁴⁵, реже – темными⁴⁶ платками или надевали чепчики⁴⁷.

Сведения о мужском рабочем костюме более скудны. На сенокос мужчины надевали светлую одежду⁴⁸. В дневниках этнографической экспедиции в Заонежье 1931 г. упоминаются «ярко-желтые или розовые» мужские рабочие рубахи⁴⁹. Их носили навывпуск с поясом. Брюки шились из «толстой простой материи»⁵⁰, из домотканины⁵¹. В качестве головных уборов на покосе мужчины могли надевать белые шапочки⁵². Как мужчины, так и женщины в Заонежье на жатву и сенокос ходили в сапогах⁵³, реже – в лаптях⁵⁴.

Главная роль при начале жатвы («зажине») принадлежала старшей в семье женщине⁵⁵. В одной из экспедиционных записей отмечены слова, которые говорила свекровь информанта: «Рай-рай-рай, и полянка в край. Жалезная снасть на тебя пришла»⁵⁶. По свидетельству другого информанта, перед тем как начать жать, говорили: «Слава Богу, что вырос хлеб хороший!», а также: «Помоги, Господи, убраться!»⁵⁷.

Из первых срезанных колосьев («с первого серпа»⁵⁸) делали жгут для обвязывания снопов – «вязево», или «вязку», которым обвязывались или

⁴⁵ НА РК. Разделы 5, 6, инв. №: I-182, I-1344, I-468; раздел «Сельское хозяйство районов республики», инв. № II-3187; раздел 8, инв. № I-2289; раздел «Дореволюционная Карелия. Сельское хозяйство», инв. №: 0-35062, 0-35071, 0-35074, II-3184; НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁴⁶ НАРК. Раздел «Сельское хозяйство районов республики», инв. № II-3187; раздел 8, инв. № I-2289; раздел «Дореволюционная Карелия. Сельское хозяйство», инв. №: II-4532, II-296.

⁴⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928, 1932.

⁴⁸ Там же. НРФ-651. С. 31–32.

⁴⁹ НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁵⁰ Там же. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁵¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 60.

⁵² НА МЗК. НРФ-985.

⁵³ НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 64. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 60. НА РК. Разделы 5, 6, инв. №: I-1344, I-468; ф/а № 1 ОЦ «Олонецкая губерния». 1901 г. № 129; раздел «Сельское хозяйство районов республики», инв. № II-3187; раздел «Дореволюционная Карелия. Сельское хозяйство», инв. № I-2251 («Старинный женский рабочий костюм, применяемый при сжигании подсеки и на обмолоте зерна в риге; д. Плоскозеро Святозерского с/с»); НА МЗК. НРФ-651. С. 31–32; Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2.

⁵⁴ *Георгиевский И.* Этнографические сведения Олонецкой губернии о городе Пудоже с принадлежащими к оному окрестными селениями: [Электронный ресурс] / И. Георгиевский. Электрон. ст. Режим доступа к ст.: http://litkarta.karelia.ru/lib/source_98.doc; НА РК. Ф/а № 1 ОЦ «Олонецкая губерния». 1901 г. № 60; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 60.

⁵⁵ *Байбурин А. К.* Календарь и трудовая деятельность человека: Русский народный календарь. Л., 1989. С. 7.

⁵⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2124.

⁵⁷ Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. А. Н. Фадеева.

⁵⁸ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2125.

затыкали за пояс, чтобы не болела спина⁵⁹. По окончании жатвы в первый день вязево уносили домой и клали за иконы в красном углу, чтобы «хлеб всегда водился в доме»⁶⁰. По одному из свидетельств, ржаную вязку вешали на гвоздь в стене над спальным местом жницы⁶¹. Позже ее выносили на двор скотине⁶².

Был известен обряд изгнания клопов и тараканов с помощью ржаной вязки, когда ею хлестали по стенам в доме в направлении по солнцу с приговором⁶³. Этот приговор мог быть таким: «Мухи, гады, вон, идет хозяин в дом»⁶⁴. В наших источниках слова приговора не встретились.

Особое значение имел первый сжатый сноп⁶⁵. По размеру он отличался от последующих: в Заонежье его связывали из 7–10 пясточек, а в Пудожье делали втрое толще обычного. Сушили и обмолачивали его отдельно⁶⁶.

Во время жатвы участницы продвигались каждая по своей полосе, стараясь не отстать друг от друга: «Пойдут все полосами ... «лехой» называли, такую леху вот возьмут и гонят»⁶⁷. Начиная новую полосу, говорили: «Полюшко, задрожь, в уголок убежи!» Это должно было ускорить работу⁶⁸. Считалось, что во время работы нельзя было переносить с места на место несвязанный сноп – иначе муж будет неверен⁶⁹.

Работа сопровождалась пением: «Золотистая рожь поспела, женщины ее жали серпами... они пели во время работы... это... изнурительный труд, но песня все равно лилась... широкая, размашистая, раскатистая... напевная песня»⁷⁰. Исполнителями песен были замужние женщины⁷¹.

Среди песен, которые пели на поле, – «Раздивья»: «когда... колосились хлеба, когда они жали серпами, ... эта песня ... разливалась над... островам»⁷². Эта песня (вариант «Хорошо тому на свете жить») звучала и по пути

⁵⁹ Логинов К. К. Трудовые обычаи... С. 35–36; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118; Аганитов В. А. Сушка и обмолот... С. 135; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 201.

⁶⁰ Логинов К. К. Материальная культура... С. 22; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. Ед. хр. 199, 204; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1711/1–2, 2124, 2125, 2126.

⁶¹ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 201.

⁶² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2125.

⁶³ Там же. Ед. хр. 2124.

⁶⁴ Соколова В. К. Заклинания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 12.

⁶⁵ Пронн В. Я. Русские аграрные праздники... С. 77–78.

⁶⁶ Логинов К. К. Этнолокальная группа... С. 61.

⁶⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

⁶⁸ Логинов К. К. Этнолокальная группа... С. 64.

⁶⁹ НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 77.

⁷⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1711/2, 2708.

⁷¹ Там же. Ед. хр. 2163.

⁷² Там же. Ед. хр. 2709.

на сенокос⁷³. На жатве пели также «Во субботу день ненастный»⁷⁴, «Ванька в Питере родился»⁷⁵, «За годочек»⁷⁶, «Лучше бы я девушка»⁷⁷, «Хорошо было детинушке»⁷⁸, «Уродилась я, как былинка»⁷⁹, «Распрекрасное, беззаботное девушкой житье»⁸⁰. Во время отдыха пели «Как один купец рассказывал рассказ»⁸¹. На территории бывшей Олонецкой губернии (современные Лодейнополюский район Ленинградской области и Вытегорский район Вологодской области) были распространены жнивные⁸² и покосные⁸³ частушки, исполнявшиеся в особой манере⁸⁴. Множество частушек, в текстах которых упоминаются сенокос или жатва, отмечено в Заонежье и Пудожье⁸⁵.

В начале XX в. в Олонецкой губернии был известен обычай «помочей» – безвозмездной взаимопомощи в работе в воскресные и праздничные дни⁸⁶. Помочан, как их называли⁸⁷, могли пригласить не только для жатвы, но и для других полевых работ⁸⁸. В наших источниках наиболее часты свидетельства о работе по найму у зажиточных хозяев. Во время работы жней кормили, а по окончании жатвы им платили⁸⁹. Жатва на

⁷³ Мерцалова М. Н. Поэзия народного костюма. М., 1988. С. 60. В экспедиции в Заонежье 1927 г. исследователями была отмечена особая манера исполнения песни «Раздивья». Такая исполнительская манера – «не своим голосом, а своеобразным высоким фальцетом» – была в Заонежье повсеместной (*Gunnus E. B.* Крестьянская музыка Заонежья // Искусство Севера. Л., 1927. С. 154).

⁷⁴ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. Ед. хр. 72.

⁷⁵ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2709.

⁷⁶ Там же. Ед. хр. 1928; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. В. Ф. Лёвicheва.

⁷⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

⁷⁸ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 142. Ед. хр. 639; Разряд III. Оп. 1. Кол. 79. Ед. хр. 426; Личный архив. 2005 г., о. Кижы., инф. А. Н. Фадеева.

⁷⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

⁸⁰ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 161. Ед. хр. 117.

⁸¹ Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. В. Ф. Лёвicheва.

⁸² Копии архивных звукозаписей из коллекций ФЭЦ. № 149–21–1, 244–03–1, 244–03–2, 244–03–3, 256–02–1, 256–02–2, 265–02–2, 279–26–1, № 279–26–2. Жнивные частушки были записаны в экспедициях в Лодейнополюский и Подпорожский районы Ленинградской области 1962–1963-х гг. (Сто русских народных песен: Материалы студенческих фольклорных экспедиций / Под общ. ред. Ф. В. Соколова. Л., 1970. 96 с.)

⁸³ Копии архивных звукозаписей из коллекций ФЭЦ. № 229–14–1, 229–14–2, 255–09–2, 255–09–5, 256–02–2. НА КарНЦ. Разряд III. Р. Ф. Оп. 1. Кол. 79. Ед. хр. 639.

⁸⁴ «Звонкие, летящие вдаль вскрики в самом начале, длинные мелодические линии, ритмические перебои-сдвиги и долгие кадансы в конце» (Сто русских народных песен...).

⁸⁵ Астахова М. П., Колтакова Н. П. Старая и новая Карелия в частушке. Петрозаводск, 1937. 160 с.; Костин И. А. Заонежская частушка: Сб. Петрозаводск, 2000. 133 с.; Песни Карельского края / Сост. Т. Краснополюская. Петрозаводск, 1977. 262 с.

⁸⁶ Коренной П. О. Заметки о крестьянском хозяйстве // Олонецкая неделя. 1914. № 40. С. 12.

⁸⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

⁸⁸ Там же. Ед. хр. 2118.

⁸⁹ Там же. Ед. хр. 1710/1–2, 1932, 2124.

чужом поле или молотьяба были способом оплаты за наем избы для проведения вечеров⁹⁰.

В источниках не встретилось свидетельств об упоминаемых в описаниях общерусских жатвенных обрядов «заломках» – пучках несжатых колосьев, завязанных узлом, обсыпанных углем, печной золой и т. п.⁹¹, оставленных колдуном на поле с целью навредить его владельцу.

Завершение жатвы сопровождалось большим разнообразием обрядовых действий, чем ее начало⁹². В Заонежье был известен повсеместно распространенный обряд «завивания бороды Илье»⁹³. Заканчивая жатву, на полосе оставляли небольшой несжатый островок: верили, что это последнее пристанище некоего духа, который, пока идет жатва, прячется в еще не срезанных колосьях⁹⁴. Стоя на коленях и обернув руку фартуком, чтобы от прикосновения из колосьев не ушла сила⁹⁵, их «завивали» (заламывали), пригибали к земле и говорили, обращаясь к Илье-пророку: «Это, Илья, тебе на бороду», – эти слова были призваны обеспечить заботу пророка об урожае⁹⁶. Здесь же желали «многая лета» хозяину или кричали: «Засеки глубокие! Стога высокие!...»⁹⁷. Эти выкрики начинались или завершались магическим «кукареку!». Во многих районах России по окончании работы жницы катались по полю с произнесением приговора – обращенной к жниве просьбы о восстановлении потерянной силы⁹⁸. На изучаемой территории свидетельств о таком обычае не встретилось.

Значимым в жатвенной обрядности был последний сноп. В средней полосе России его богато украшали цветами, венком⁹⁹. В Заонежье последний сноп завязывали ленточками¹⁰⁰. В колхозах его оставляли на

⁹⁰ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. Ед. хр. 20.

⁹¹ Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996. С. 318.

⁹² НА МЗК. НРФ-1532. С. 34.

⁹³ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1711/2, 2125. В. Я. Пропп указывает на возможную этимологию названия «борода» – от индоевропейского корня, означавшего растительность (Пропп В. Я. Русские аграрные праздники... С. 78).

⁹⁴ «Дух, который живет в колосьях ржи, при жнитве... переходит на те колосья, которые еще не сжаты. И его нельзя уничтожать» (НА КарНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Ед. хр. 80).

⁹⁵ Логинов К. К. Материальная культура... С. 25.

⁹⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2125.

⁹⁷ Логинов К. К. Материальная культура... С. 25; Агапитов В. А. Сушка и обмолот... С. 135; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1932.

⁹⁸ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни... С. 157; Шангина И. Жнея // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: Ил. энц. СПб., 2005. С. 215–220; Иванова А. А. Жнивка, жнивка, отдай мою силку // Русская словесность. 1995. № 5. С. 5.

⁹⁹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники... С. 119; Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 107.

¹⁰⁰ Логинов К. К. О «трудовых праздниках»... С. 49; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. Г. С. Пахомова.

поляне у того, кто отставал в работе: сноп связывали под песню – так, чтобы колосья торчали во все стороны¹⁰¹. И в Заонежье, и в Пудожье последний сноп приносили с поля¹⁰² в правление председателю¹⁰³ и ставили под портреты руководителей партии – так, как раньше его ставили в красный угол под иконы¹⁰⁴, для процветания дома и хозяйства¹⁰⁵. Там сноп стоял во время празднования отжинахи¹⁰⁶.

По окончании жатвы устраивался праздник. В Заонежье его называли «отжином»¹⁰⁷, в Петрозаводском, Вытегорском и Каргопольском уездах Олонецкой губернии – «отжинахой»¹⁰⁸, в Пудожье – «пожинахой»¹⁰⁹ (у одного информанта из Пудожья отмечено название «отжин»¹¹⁰). Этот праздник хорошо сохранился в памяти информантов: «...кончим рожь жать – отжин справляем»; «...сено накошено, хлебно убрано, всё убрано с полей, вот тогда отжин такой...», «...выжнут хозяева рожь... овёс, хлеб, уберуть в стога... собираются и начинают гулять»¹¹¹.

Отжин было принято праздновать внутри семьи (на празднование могли быть приглашены родственники и друзья¹¹²), отдельный праздник устраивался для наемных работников¹¹³.

Традиция семейного празднования перестала существовать, очевидно, с появлением колхозов. Ответственным за устройство отжина в колхозе был председатель¹¹⁴. Угощение для работавших устраивалось за счет колхоза и готовилось сообща¹¹⁵. Празднование назначали на тот же день, когда оканчивали работу¹¹⁶, или приурочивали его

¹⁰¹ Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. В. Ф. Лёвичева.

¹⁰² *Логинов К. К.* О «трудовых праздниках»... С. 49; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 200. В материалах НА КарНЦ есть одно свидетельство, что его оставляли в поле (НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 179); НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. Г. С. Пахомова.

¹⁰³ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 123, 139, 200.

¹⁰⁴ *Логинов К. К.* Этнолокальная группа... С. 64–65.

¹⁰⁵ *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники... С. 67.

¹⁰⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

¹⁰⁷ *Логинов К. К.* О «трудовых праздниках»... С. 49. Это название употребляют информанты 1900–1920-х гг. рождения (НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 2124, 2125).

¹⁰⁸ *Терновская О. А.* Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла... С. 102.

¹⁰⁹ *Михеев И. С.* Колодозеро (Пудожского уезда) // ОГВ. 1899. № 78. С. 3; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

¹¹⁰ НА МЗК. Расшифровка пленки «2004. № 2».

¹¹¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 2125.

¹¹² *Михеев И. С.* Колодозеро (Пудожского уезда). С. 3.

¹¹³ *Логинов К. К.* О «трудовых праздниках»... С. 49; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 2124.

¹¹⁴ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 200, 269.

¹¹⁵ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 179; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. А. Н. Фадеева.

¹¹⁶ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 179; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1711/2, 2124, 2125.

к выходному¹¹⁷. Забивали скотину: овец, теленка, баранов, иногда быка или двух¹¹⁸. Приглашали гостей из других колхозов¹¹⁹, народу собралось много, «100–300 человек»¹²⁰. Праздник устраивался в красном уголке¹²¹ или клубе¹²², где ставили длинные накрытые скатертями столы¹²³. Начинаясь он с официальной части – «митинга»¹²⁴, во время которого выдавались денежные премии¹²⁵, и продолжался застольем¹²⁶.

Главным блюдом праздничного стола на отжине были «вареные пироги»¹²⁷ (их называли еще «отжиночными»¹²⁸, «пряженными»¹²⁹). Рецепт их приготовления все информанты помнят хорошо. Пироги делали из «черного» (ржаного) тонко раскатанного теста¹³⁰. Начинкой служило толокно¹³¹ или «сыр» (творог)¹³², который разминали с солью, ставили в глиняной посуде в нежаркую печь и затем толкли¹³³. В творог добавляли сахарный песок¹³⁴, могли смешивать его с толокном¹³⁵. Пироги «варили» на сковороде в сливочном масле¹³⁶. Другим традиционным блюдом на отжине была ячменная каша¹³⁷ (ее называли «отжинахой»¹³⁸), которую ели с маслом¹³⁹. Кашу на отжин варили также в Архангельской, Вологодской

¹¹⁷ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 269. НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

¹¹⁸ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 39. Ед. хр. 88; оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 159, 179, 200; НА МЗК. НРФ-1220/1. С. 2; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. Г. С. Пахомова, В. Ф. Лёвичева.

¹¹⁹ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 269.

¹²⁰ Там же. Ед. хр. 159.

¹²¹ Там же. Ед. хр. 123, 179.

¹²² Там же. Ед. хр. 139.

¹²³ Там же. Ед. хр. 123.

¹²⁴ Там же. Оп. 39. Ед. хр. 88.

¹²⁵ НА МЗК. Расшифровка пленки «2004. № 2».

¹²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 1928.

¹²⁷ *Коренной П. О.* Сельское хозяйство в Заонежье // Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 19. С. 34; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 139, 179; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1711/2, 1928, 2118, 2124, 2125, 2148.

¹²⁸ *Логинов К. К.* Материальная культура... С. 25.

¹²⁹ Пироги «прягут», т. е. варят, в масле (*Дашков В.* Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1842. С. 189).

¹³⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. В. Ф. Лёвичева.

¹³¹ *Дашков В.* Описание Олонецкой губернии... С. 189; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 1928; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. А. Н. Фадеева, В. Ф. Лёвичева.

¹³² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118, 2124, 2126.

¹³³ Там же. Ед. хр. 1932; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. А. Н. Фадеева.

¹³⁴ Сахарный песок как отдельную начинку стали использовать позже: НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2, 2148.

¹³⁵ Там же. Ед. хр. 2118.

¹³⁶ *Дашков В.* Описание Олонецкой губернии... С. 189; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928, 2118, 2126, 2147.

¹³⁷ *Михеев И.* Колодозеро (Пудожского уезда). С. 3; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928, 2125.

¹³⁸ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

¹³⁹ Там же. Ед. хр. 1928, 2125.

губерниях¹⁴⁰. Готовили овсяный кисель¹⁴¹, делали яичницу¹⁴², на столе была выпечка: колобы, калитки, блины¹⁴³. Пекли большой круглый хлеб¹⁴⁴, пили чай¹⁴⁵. В Вологодской и Архангельской губерниях был распространен дежень – напиток из толокна, замешенный на кислом молоке или воде. В Каргопольском уезде на праздники варили пиво – в Заонежье и Пудожье такой традиции не было¹⁴⁶. Спиртное, которое здесь можно было увидеть на столе – водка, брага, вино, квас¹⁴⁷, было в малом количестве¹⁴⁸. Женщины иногда не пили его вообще¹⁴⁹.

На празднике играли на балалайке, плясали кадрили под гармонь¹⁵⁰, пели «Раздвья»¹⁵¹, «Во субботу день ненастный»¹⁵², «Ванька в Питере родился»¹⁵³, «Экой Ваня»¹⁵⁴.

На основе изученных сведений можно предположить, что «размывание» обрядового комплекса, которое происходило на рубеже XIX–XX вв.¹⁵⁵, отразилось и на жатвенной обрядности Заонежья и Пудожья. Жатвенные обряды в изучаемый период не сохранились на этой территории как единый строго упорядоченный комплекс, а продолжали бытовать в виде более или менее целостных фрагментов. Процесс «размывания» обрядности, очевидно, отразился и на фольклорных жанрах. Число свидетельств, подтверждающих существование обычая петь во время жатвы и

¹⁴⁰ Терновская О. А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла... С. 89.

¹⁴¹ Логинов К. К. Трудовые обычаи... С. 36; Коренной П. О. Заметки о крестьянском хозяйстве. С. 34; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 142. Ед. хр. 386; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2.

¹⁴² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2118.

¹⁴³ Михеев И. Колодозеро (Пудожского уезда). С. 3.

¹⁴⁴ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 123; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. Г. С. Пахомова.

¹⁴⁵ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1710/1–2; расшифровка пленки «2004. № 2».

¹⁴⁶ Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонечкой губернии. М., 1889. С. 67; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 123, 200; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928.

¹⁴⁷ Харузин Н. Н. Из материалов... С. 67; Коренной П. О. Заметки о крестьянском хозяйстве. С. 12; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 123, 159, 200; оп. 39. Ед. хр. 88; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1928, 1932; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. А. Н. Фадеева.

¹⁴⁸ Михеев И. Колодозеро (Пудожского уезда). С. 3; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 201. Ед. хр. 200; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1711/2, 1928, 1932, 2124; расшифровка пленки «2004. № 2»; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. Г. С. Пахомова.

¹⁴⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1932.

¹⁵⁰ Там же. Расшифровка пленки «2004. № 2»; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. А. Н. Фадеева, В. Ф. Лёвичева.

¹⁵¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2709.

¹⁵² Там же. Ед. хр. 2708.

¹⁵³ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. Ед. хр. 277; НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2586, 2708, 2709; Личный архив. 2005 г., о. Кижы, исп. фольклорная группа с. Великая Губа.

¹⁵⁴ Личный архив. 2005 г., о. Кижы, инф. Г. С. Пахомова.

¹⁵⁵ НА МЗК. НРФ-1532. С. 6–7.

на празднике отжина, велико, но лишь в немногих из них указаны названия песен (или приведены их тексты). В этих случаях четко очертить ситуацию их исполнения не удастся: репертуар, исполнявшийся во время работы на поле, включает те же песни, что пели на празднике по ее завершении. Не удастся установить закреплённость выделенного состава песен за жатвенным обрядовым комплексом: они сопровождали застолье не только на отжине, но и в другие праздники¹⁵⁶.

Лучшую сохранность по сравнению с песнями обнаруживают «малые жанры», частушки и приговоры, – краткие словесные формулы, произносившиеся в наиболее значимые моменты жатвенных обрядов, а также приметы и поверья, связанные с совершением конкретных действий.

¹⁵⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2708.

В. П. Кузнецова

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО НАУЧНОГО ФОНДА ПО ФОЛЬКЛОРНОМУ АРХИВУ ИНСТИТУТА ЯЛИ КарНЦ РАН¹

В Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН имеется один из крупнейших фольклорных архивов, широко известный не только в России но и в других странах. На основе его материалов подготовлены фундаментальные исследования, изданы фольклорные сборники. Его ценность определяется значительным объемом фондов, полнотой жанрового состава, а также тем, что он пополнялся систематически в течение почти ста лет. Этот длительный период позволяет изучать не только состав жанров, но и их эволюцию. Фольклорный архив Института ЯЛИ КарНЦ РАН постоянно используется в сферах науки, образования и культуры. Здесь сосредоточены материалы по севернорусскому, карельскому, вепсскому, ижорскому, финскому (ингерманландскому) фольклору. На основе этих уникальных фондов можно изучать сложные процессы взаимодействия духовной культуры народов, проживающих на территории Русского Севера.

Фольклорный архив начал формироваться с 1931 г., когда был создан Карельский научно-исследовательский институт культуры, впоследствии переименованный в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ). С первых лет его существования сотрудники стали выезжать в экспедиции в районы Карелии и сопредельных областей с целью сбора фольклорных, лингвистических, этнографических материалов. Экспедиционные отчеты и записи фольклорных произведений поступали на хранение в архив.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы Историко-филологического отделения Российской академии наук «Русский язык, литература и фольклор в информационном обществе. Формирование электронных научных баз» (проект «Создание электронного научного фонда севернорусского фольклора Института ЯЛИ КарНЦ РАН») и по гранту Российского гуманитарного научного фонда № 08–04–12144в (проект «Создание информационной системы по фольклорному рукописному архиву Института ЯЛИ КарНЦ РАН»).

Сюда же были переданы и собрания местных краеведов, записи 1910–1930 гг. исследователей из учреждений Ленинграда и Москвы, хранившиеся до этого в Карельском бюро краеведения².

Исследователи института осуществляли экспедиции в районы Карелии, Республику Коми, Архангельскую, Мурманскую, Вологодскую, Ленинградскую, Тверскую области. Производились записи на диалектах севернорусского наречия, карельского, вепсского, ижорского, финского (ингерманландского), саамского языков. В научном архиве были сформированы два подразделения фонда: собрание коллекций русского фольклора (фонд 1, опись 1) и собрание коллекций фольклора на прибалтийско-финских языках и саамском языке (фонд 1, опись 2). На сегодня первый насчитывает 204 коллекции, второй – 169.

Среди коллекций русского фольклора есть очень крупные, состоящие из нескольких томов, насчитывающих тысячи листов (например, коллекция № 32, где сосредоточены записи сказок от Ф. Н. Свинына). В архивных томах содержатся записи Е. В. Барсова конца 1860-х гг.; богатейшая коллекция не изданных записей фольклора Карельского Поморья И. М. Дурова 1911–1937 гг., эпические песни в исполнении известных севернорусских сказителей П. И. Рябинина-Андреева, Ф. А. Конашкова, Н. В. Кигачева, И. Т. Фофанова и других, собственноручные записи сказителей Н. А. Ремезова, М. К. Рябинина, записи начала 1930-х гг. известных исследователей-фольклористов А. М. Астаховой, А. Н. Нечаева, И. В. Карнауховой, крупнейшее собрание рукописных оригиналов от известных сказочников М. М. Коргуева, Ф. Н. Свинына, Ф. И. Господарева и т. д. Далеко не все эти материалы изданы, вошедшие же в публикации заняли свое место в истории отечественной и мировой культуры.

Вплоть до конца 1950-х гг. собиратели производили свои записи от руки, карандашом или чернилами, на разрозненных листах разного формата, в ученических тетрадях, блокнотах, иногда использовалась и обратная сторона различных бланков. Большая часть коллекций представляет собой ручные записи, примерно две трети архивных фондов. В конце 1950-х гг. фольклорные экспедиции оснащаются магнитофонами и архивные коллекции стали формироваться из расшифровок фонограмм. В Институте ЯЛИ производились звуковые записи еще до появления магнитофонов. Первые фонограммы были записаны на гибкие грампластинки на основе рентгеновской пленки.

На них в отрывках в начале 1940-х гг., вплоть до мая 1945 г., фиксировались русские и карельские эпические песни, сказки, лирические песни

² *Марковская Е. В.* Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 9.

и т. д. Особенно много записей было произведено сотрудником института А. Д. Соймоновым от Ф. А. Конашкова – всего 41 запись, сюжетов было 21 (некоторые былины записаны в двух-четырёх отрывках). Кроме того, записи производились и в студийных условиях. Таким образом, например, были зафиксированы песни в исполнении одной из лучших певиц Карельского Поморья Ф. И. Быковой (1948 г.). В институте был создан кабинет звукозаписи, в котором началось формирование фонотеки. Впоследствии кабинет звукозаписи был преобразован в фонограммархив, фонды которого составляют в настоящее время 3918 единиц (т. е. гибких пластинок, катушек магнитных лент, компакт-кассет, CD-дисков). Этот звуковой архив постоянно пополняется.

Фонд фонограмм Института ЯЛИ – это не только фольклор, но и лингвистические, этнографические материалы. Задаче сохранения этого уникального собрания были подчинены проекты, которые выполнялись в фонограммархиве в течение последнего десятилетия.

В 1998 г. совместно с группой сотрудников Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН были подготовлены и представлены в Фонд содействия Института «Открытое общество» и в Российский гуманитарный научный фонд проекты, целью которых был перевод магнитофонных записей на компакт-диски и создание информационной системы по фонограммархиву. Впоследствии в начале 2000-х гг. в Баренц-секретариат, Министерство по делам национальной политики и связям с религиозными объединениями Республики Карелия были представлены подобные проекты, в Российский гуманитарный научный фонд – проект по материально-технической базе.

В результате выполнения этих проектов был создан и впоследствии модернизирован программно-технический комплекс для оцифровки звука, разработана технология оцифровки, научные подходы, обучен специалист, разработан электронный каталог совместно с сотрудниками Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН, создан сайт, на котором размещена информация о фонограммархиве, включающая описание фондов и поисковую систему (адрес: <http://phonogr.krc.karelia.ru>). Оцифрованы и записаны на компакт-диски наиболее ранние записи из фондов, в том числе гибкие грампластинки, полностью переведен в цифровой вид звуковой архив по саамам.

С 2006 по 2008 г. выполнялся проект в рамках программы Историко-филологического отделения РАН «Русский язык, литература и фольклор в информационном обществе. Формирование электронных научных баз». Основной задачей проекта явилось создание электронного научного фонда севернорусского фольклора Института ЯЛИ КарНЦ РАН. В группу исполнителей вошли сотрудники Института ЯЛИ, Института

прикладных математических исследований КарНЦ РАН, а также отдела Регионального центра новых информационных технологий Петрозаводского государственного университета.

Данный проект выполнялся на основе материалов, хранящихся в фонограммархиве Института языка, литературы и истории. Основной задачей проекта была оцифровка и запись на компакт-диски архивных магнитофонных записей севернорусского фольклора. Планировались также создание электронного каталога по звукозаписям и нового раздела сайта фонограммархива «Звуковая коллекция», размещение на нем звучащих образцов фольклорных произведений различных жанров севернорусского фольклора.

Севернорусские записи составляют примерно четверть всего фонда (около 1000 единиц – магнитофонных катушек, компакт-кассет и гибких грампластинок). В результате оцифровки по данному проекту удалось перевести на электронные носители 174 магнитофонные катушки. Это записи 1950 – начала 1960-х гг., производившиеся на Терском берегу Белого моря, Карельском Поморье сотрудниками института Д. М. Балашовым, А. П. Разумовой, С. Н. Кондратьевой, Т. И. Вяйзиненом.

В рамках проекта велась разработка программы электронного каталога. Программисты государственного университета создали новую версию электронного каталога. Тот каталог, который был создан в рамках проектов начала 2000-х гг., устарел и стал давать сбои. В него в свое время были введены сведения по двум тысячам произведений. Специалисты Института ЯЛИ усовершенствовали классификатор фольклорных произведений, необходимый для поля «жанр» – наиболее сложный раздел поисковой системы.

Одним из результатов проекта явился новый раздел сайта фонограммархива Института ЯЛИ «Звуковая коллекция». Исполнителями проекта было решено не только расширить доступ к фондам и представить на сайте информацию о фондах фонограмм, но и разместить часть записей. Необходимо, по возможности, представить наибольшее количество жанров, особенно музыкальный фольклор Поморья, Пудожья и Заонежья. На страницах этого раздела размещены портреты исполнителей, текстовые расшифровки произведений и их звуковые записи. Наполнение раздела сайта оказалось нелегкой задачей. Далеко не все материалы по своему техническому состоянию годятся для восприятия неспециалистов. Очень большой объем работы связан с подбором записей, подходящих по содержанию, качеству исполнения и т. д. В настоящее время в данном разделе представлены образцы былин, записанных на гибкие грампластинки от сказителей Ф. А. Конашкова, П. И. Рябинина-Андреева, М. Е. Самылина, П. Г. Горшкова (они публикуются впервые), сказки

волшебные, о животных и анекдоты, различные виды народных песен Поморья, всего более 40 произведений. Раздел включает небольшую поисковую систему, позволяющую пользователям легко найти необходимые жанры и нужный район записи. Работа по вводу фольклорных произведений в данный раздел будет продолжена, она представляет интерес для исследователей, работников сферы образования и культуры, студентов и учащихся, а также для любителей устного народного творчества. Пока академические фольклорные архивы не выставляют в сети даже образцы из своих фондов. Если учесть, что сейчас Интернет активно используется во всех сферах деятельности, то такое направление необходимо развивать. Новый раздел сайта открывает для широкого доступа оригиналы фольклорных произведений. Это дает уникальную возможность пользователям знакомиться с подлинно народными произведениями и исполнителями.

Один из результатов проекта – отсканированные экспедиционные фотопленки 1970–1980-х гг. Цифровой фотоархив является неотъемлемой частью электронного научного фонда по севернорусскому фольклору.

Таким образом, данный проект способствовал сохранению и вводу в научный оборот значительного объема звуковых архивов Института ЯЛИ КарНЦ РАН, созданию новых информационных ресурсов в сети Интернет в разделе сайта фонограммархива «Звуковая коллекция». Проект способствовал и развитию новых информационных технологий, применяющихся в работе с материалами одного из крупнейших собраний – звуковых фольклорных фондов Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. В то же время это только часть тех объемных и долговременных работ, которые необходимо выполнить, чтобы создать фонд фонограмм, отвечающий современному уровню.

Все выполнявшиеся в Институте ЯЛИ архивные проекты были направлены на сохранение звуковых материалов, которые действительно требовали срочных мер по их оцифровке и перезаписи на новые носители.

В 2008 г. началась работа по переводу рукописных фольклорных материалов в цифровой вид и созданию информационной системы по фондам рукописных коллекций. Необходимость такой работы назрела давно; хотя записи, произведенные на бумаге, и хранятся дольше, чем магнитная лента, они также подвержены воздействию времени, многие коллекции пришли в ветхое состояние, записи стали угасать. Имелись только ручные картотеки на часть коллекций, поиск нужных материалов занимает у исследователей значительную часть времени. В сети Интернет не было никакой информации об одном из крупнейших в России фольклорных архивов.

Представленный в Российский гуманитарный научный фонд проект по созданию информационной системы по фольклорному рукописному архиву получил поддержку. Он будет выполняться в течение трех лет, за это время необходимо отсканировать ту часть фонда, которая поступила в архив в довоенное и послевоенное время, завершить работу по программе электронного каталога и создать новый информационный ресурс в сети Интернет по фольклорному рукописному архиву Института ЯЛИ. В процессе этой работы будут не только сохранены в цифровом виде ручные записи, но и произведена экспертиза состояния оригиналов, их учет, составлены новые описи с добавлением паспортной информации, необходимой для ввода в электронный каталог. На новом сайте будет размещена информация о фольклорном архиве, его истории, об изданиях материалов, о выполняющихся проектах, проводящихся мероприятиях и т. д. Будет представлена часть рукописного архива с возможностью ознакомления с самими текстами.

Отсканированные материалы будут перенесены на сервер и записаны на диски. Путем выборки через электронный каталог пользователи смогут получать тексты и осуществлять с ними работу. Таким образом, будет создаваться современный электронный архив фольклора народов Российского Северо-Запада.

Л. И. Иванова

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Для того чтобы иметь верное представление об истории собирания карельской мифологической прозы, необходимо начать освещение вопроса с того, как с этим обстоит дело в Финляндии. Во-первых, потому что именно в финских архивах сохранено большое количество примеров этого жанра, записанных от карел, а, во-вторых, там сконцентрированы самые древние и самые полные тексты.

В фольклорном архиве Финского литературного общества, который находится в г. Хельсинки (а копии – в архиве университета г. Йоэнсуу) хранится около ста тысяч мифологических рассказов и связанных с ними поверий, собранных в основном во второй половине XIX – первой половине XX в. И хотя Л. Симонсуури, занимавшийся исследованием народных верований, пишет, что «до 1935 года этот традиционный материал накапливался в Фольклорном архиве в случайном порядке, без планомерной работы или руководства»¹, его объем впечатляет. В рукописном архиве Института ЯЛИ и фонограммархиве находится не более пяти тысяч текстов быличек и бывальщин, и записаны они в подавляющем большинстве во второй половине XX столетия.

В 1666 г. была создана Шведская коллекция древностей, она опубликовала своеобразные анкеты – требования по собиранию народного творчества; эти анкеты призывали финское духовенство выяснять и записывать все, что имеется «из устной традиции и преданий с древних времен и еще далее»². Именно в этих записях содержатся самые старые данные о верованиях, бытовавших еще в XVII в.

¹ *Симонсуури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. С. 24.

² Там же. С. 25.

В середине XIX в. финские собиратели очень активно записывали сказки. Так как в волшебных сказках встречаются те же сверхъестественные существа – домовые, черти, тролли, различные духи, что и в мифологических рассказах, то наряду со сказочной традицией оказался зафиксированным материал традиционных верований и быличек, которые в то время активно бытовали в народе.

Большую помощь исследователям мифологической традиции оказали стипендианты Финского археологического общества, основанного в 1870 г. Они ездили по всем районам и, интересуясь прежде всего предметами археологии, обращали внимание и на различные достопримечательности, с которыми были связаны народные рассказы. Они записывали эти произведения и публиковали их вместе со своими отчетами в журнале Финского археологического общества. Л. Симонсуури указывает, что этот журнал, к примеру, содержит около 500 сюжетов о великанах³.

Здесь следует отметить, что данный сюжет (о великанах, о Хийси) отсутствует в наших архивах, но, судя по указателю Л. Симонсуури, он встречался и в южной Карелии (h), и в Приладожской (i), и в Беломорской (p). Бытовали мифологические рассказы о том, как: а) великан бросает, швыряет камень в насмехающуюся бабу, в человека – человек погребен под камнем; б) великаны забрасывают друг друга камнями, развязывают каменную войну – в результате битвы с метанием такого «оружия» образуются каменные насыпи, холмы из камней; в) черт-великан несет камень, обвязав его сплетенной вицей, – камень падает; г) церковь днем строится, ночью сносится – разрушителями являются черти, хийси, духи; д) гигантская «игрушка» девочки-великанши – она приносит в своем фартуке пахарей с лошадьёю, чтобы показать их своему отцу; е) великан переходит вброд – в глубоком месте вода едва не затекает в голенища его сапог и другие сюжеты.

В XIX столетии много мифологических рассказов было собрано исследователями колдовских обычаев, заговоров, обрядов и верований. Л. Симонсуури пишет, что «количество таких текстов сильно возросло в фольклорном архиве Финского литературного общества в 1880-е годы»⁴. Это произошло благодаря изданию К. Кроном указателя «В помощь собирателям наших народных сказок» и пособию О. А. Ф. Мустонена «Волшебный невод», которое в 1911 г. дополнил В. Ю. Мансикка.

В 20–30-х гг. XX в. было опубликовано около ста разработок-вопросников, касающихся различных религиозных представлений и верований.

По мнению Л. Симонсуури, «началом планомерного и целенаправленного научного собирания и регистрации народных рассказов следует счи-

³ Симонсуури Л. Указатель... С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

тать 1935 год».⁵ Финское литературное общество организовало тогда специальный конкурс, которым руководил М. Хаавио. Он-то и позволил воочию увидеть, как живуча и богата мотивами мифологическая традиция. Вплоть до Второй мировой войны былички собирались самым активнейшим образом. И хотя исследователь с сожалением отмечает, что в годы войны круг собирателей распался, мы можем отметить для себя плюсы в этой ситуации. Именно в 1941–1944 гг., когда территория Карелии была занята финнами, здесь началось очень активное собирание фольклорного материала. Записывались абсолютно все жанры, в том числе и мифология. И все эти записи теперь хранятся в Финляндии. К примеру, прекрасный материал по различным верованиям можно найти в коллекциях Хелми Хелминен. Она в 1943 г. собирала фольклорно-этнографический материал в деревнях Колатсельгского сельского совета.

С 1950 г. у финских исследователей начался новый этап в собирании фольклора – весь материал фиксируется на магнитофонную ленту, а с 1970-х гг. – и на видео.

Фольклорный материал, хранящийся в Финляндии, полностью обработан, картографирован, микрофильмирован и частично оцифрован. Индекс АЗ обозначает мифологический рассказ, меморат (*uskomustarina*, *memogaatti*). Сопутствующий материал можно найти и под индексом В4, которым отмечаются различные верования, поверья (*taika*, *uskomus*, *enne*).

На территории Олонецкой Карелии (в фольклорном архиве он обозначен индексом Q Aunus) одни из самых старых записей мифологической прозы сделаны К. Кроном и А. Генетцем в конце XIX в. В течение первой половины XX в. на этой территории работало примерно 30 собирателей, ими записано около 500 мифологических рассказов. В Олонце зафиксировано 85 быличек (среди собирателей были Laiho, M. Moilanen), в Паданах – 6 (Kaukkonen, Miikkulainen), Кимасозеро – 6 (M. Kuusi), Мунозеро – 3 (K. Krohn), Петрозаводске – 22 (M. Kuusi), Поросозеро – 52 (Helminen, Kaukkonen, Krohn, Laiho), Реболах – 10 (Genetz, Kyöttinen, Lukkarinen, Mikkonen), Совдозеро – 92 (Hakulinen, Perttola, Sääski, Valjakka), Сязозеро – 77 (Koskinen, Popoff, Vuolle), Тулмозеро – 120 (Haavio, Helminen, Juvas), Веддозеро – 61 (Railonsala, Saarto), Видлице – 5 (Haavio).

Прекрасные образцы мифологической прозы можно найти в коллекциях Е. Попова. В 1936–1940 гг. он собирал фольклор в Сязозерском кусте деревень и в результате записал 17 сказок, 1 легенду, 2 исторических предания, 2 мифа, 3 заговора, 2 игры, 18 поверий, 30 бытовых и обрядовых рассказов, 13 воспоминаний и 42 мифологических рассказа. Все его информанты говорят на прекраснейшем ливвиковском наречии, в

⁵ Там же. С. 27.

полной мере используя все богатство традиционной старинной лексики; в текстах нет ни одного ни русизма, ни заимствования из финского языка. Все сюжеты быличек широко развернуты, с подробным описанием пространственно-временных отношений, событийного ряда и всевозможных деталей. Этот материал особенно ценен тем, что в это время нашими исследователями мифологическая проза не записывалась.

Самый старый материал о различных духах-хозяевах, записанный российскими исследователями еще в XIX столетии, можно найти только в «Олонецких сборниках» и «Живой старине», но где архивы собирателей того времени – неизвестно. Например, архив Н. Лескова, очень много ездившего по южной Карелии, считается утерянным. Поэтому в нашем распоряжении имеются только немногочисленные опубликованные в XIX в. записи.

Из хранящихся в рукописном архиве ИЯЛИ самые первые записи быличек сделаны Р. Богдановым. В 1927–1928 гг. он собирал фольклор в Калевальском районе и записал около десяти мифологических текстов. В большинстве из них рассказывается о духах-хозяевах воды. Записи, к сожалению, сделаны непрофессионально, не указывается, ни от кого записан материал, ни в какой конкретно деревне. Сами тексты содержат, с одной стороны, различные сюжеты, но, с другой – очень сухи, не детализированы, часто выглядят просто как перечисление мотивов. При этом сами по себе они очень ценны, так как отражают верования почти столетней давности.

К сожалению, в первые десятилетия после создания ИЯЛИ, даже когда уже появилась аудиозаписывающая техника и с 1948 г. начались регулярные экспедиционные выезды в районы Карелии, ничего из мифологической прозы записано не было. В 1950-е гг. активно собирался песенный фольклор и руны.

Первые записи, имеющие отношение к народным верованиям и мифологии, можно найти в коллекциях Н. Г. Макарова, собранных во время его поездок 1960–1961 гг. в Тверскую Карелию и Олонецкий район. В течение всего десятилетия записано не более 50 текстов (хотя в фонограммархиве к этому времени уже собран материал на полутора тысячах кассет). Эти записи сделали у ливвиков – В. Д. Рягоев, у людиков – А. П. Баранцев, у северных карел – У. С. Конкка и А. С. Степанова.

В 1970-е гг. собирание мифологической прозы немного активизируется, но это все равно только случайные записи. В связи с подготовкой сборников по материальной и духовной культуре сегозерских карел в эти районы активно выезжала У. С. Конкка, а вместе с ней А. П. Конкка, П. И. Лукина, З. М. Трофимчик. К ливвикам (Пряжинский и Олонецкий районы) и к собственно карелам на север во главе с А. С. Степановой ездили Н. А. Лавонен и Р. П. Ремшуева.

Еще большее оживление в области сбора полевого материала намечается в 1980-е гг. Российские ученые начинают активно заниматься мифологической прозой, выходят монографии Э. В. Померанцевой⁶, сборник В. П. Зиновьева⁷. Пробуждается интерес и снимаются былые запреты на изучение народных верований. Жанр мифологического рассказа соприкасается со многими жанрами (и заговорами, и верованиями) и различными обрядами, он весьма информативен для многих смежных наук, да к тому же широко бытует в народной среде. Благодаря всему этому комплексу фактов мифологическую прозу стали активно записывать все вышеперечисленные исследователи (в первую очередь Р. П. Ремшуева и А. С. Степанова).

С середины 1990-х гг. начинается новый этап в собирании быличек. К этой работе вслед за А. С. Степановой активно присоединяются Л. И. Иванова и В. П. Миронова. Уже практически невозможно записать эпические песни, в единичных экземплярах встречаются сказки, заговоры и причитания, зато от каждого информанта фольклористы привозят по несколько образцов мифологических рассказов. Наиболее активно в эти годы исследуются ливвики (это кусты деревень Колатсельги, Ведлозера, Сямозера, Олонца), а также паданские карелы и собственно карелы Калевальского района.

На сегодняшний день с полной уверенностью можно сказать, что мифологическая проза – это единственный из традиционных жанров, который активно бытует среди карел, родившихся до середины XX в. Конечно, ни в сюжетах, ни в описаниях внешности и других деталях нет того богатства и разнообразия, которое можно найти в более старых записях, хранящихся в фольклорном архиве Финского литературного общества. Вместе с изменением бытовых реалий исчезли многие мифологические образы, к примеру, духи-хозяева мельницы, риги. Между тем следует отметить, что, к примеру, именно в Карелии сделано огромное количество записей о духах, появляющихся в период Святков (на юге это Сюдю, а на севере – Крещенская баба). Это образы, которых нет даже в указателе мифологических рассказов Л. Симонсуури. Именно благодаря тому, что в распоряжении исследователей имеется материал, собиравшийся на протяжении более чем двух столетий, можно не только анализировать образное и сюжетное богатство карельской мифологической прозы, но и говорить о специфике развития этого жанра.

⁶ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

⁷ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

В. П. Миронова

К ВОПРОСУ О СОБИРАНИИ КАРЕЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Как правило, сбор фольклора предполагает выезд в экспедиции в места компактного проживания носителей языка, в различные отдаленные от города населенные пункты. Именно там, на наш взгляд, можно обнаружить настоящих знатоков языка, старинных традиций и обычаев. В течение последних десяти лет сотрудниками сектора фольклора ежегодно проводились полевые работы по сбору фольклорно-этнографического материала практически во всех районах Карелии: в Олонецком, Пряжинском, Суоярвском, Медвежьегорском, Кемском, Муезерском, Калевальском. Внимание к карелам, проживающим в г. Петрозаводске, практически не уделялось. Данные переписи 2002 г. свидетельствуют о том, что представители карельского этноса Республики Карелии являются преимущественно городскими жителями. Самым крупным центром сосредоточения карел является г. Петрозаводск, значительная их часть проживает также в Кондопоге, Костомукше, Сегеже, Питкяранте, Суоярви. Олонец – единственный город республики, где карелы составляют большую часть населения¹. Надо заметить, что в столице республики большой процент составляют карелы, приехавшие после окончания средней школы на учебу и продолжившие здесь свою трудовую деятельность. Оставить без внимания такую группу носителей языка было бы неправильным. Описи материалов фонограммархива показывают, что практически каждый исследователь Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН в течение своей собирательской работы записывал жителей Петрозаводска, хотя, несомненно, работа в этом направлении проделана недостаточная.

Собирание фольклора в рамках города – задача довольно сложная, вывить карел в Петрозаводске непросто: на улице мы не услышим карель-

¹ *Ковалева С. В.* Письменная традиция и лексический потенциал языка (на материале карельского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 10.

скую речь, а принятое в нашей практике обследование каждого дома невозможно в условиях города. Таким образом, приходится искать другие способы для сбора материала. В этом оказывают помощь некоторые личные знакомства, а также рекомендации друзей и родственников. Конечно же, ни в коем случае нельзя обойти те общественные организации, которые объединяют людей по национальному признаку. В Петрозаводске существует несколько общественных организаций карел: это «Союз карельского народа», «Карельский конгресс», а также молодежная организация «Молодая Карелия». С помощью участников этих объединений мы вышли на карел, проживающих в столице республики. В первую очередь привлекли внимание участники народного хора «Ома рајо», организованного «Союзом карельского народа» в 1990 г. Участницы этого коллектива – женщины разного возраста, карельский язык для которых является родным. Особый интерес возник к вокальной группе «Kezräjäine», объединяющей женщин более старшего возраста, в репертуаре которых можно услышать карельские народные песни. С их опроса и началась работа по сбору фольклорно-этнографического материала от карел, проживающих в городской среде. Информантами стали 5 женщин – это Алла Петровна Губарева, ее старшая сестра Александра Петровна Балденко, Матрена Матвеевна Пинькова, Лидия Федоровна Бобина, Лидия Макаровна Гуккина.

Все опрошенные женщины прекрасно владеют карельским языком, были расположены к беседе с нами. Они отмечали особую радость в том, что имеют возможность пообщаться на своем родном языке и вспомнить молодые годы, родную деревню, родительскую семью. Такие беседы-воспоминания помогают выявить довольно любопытный материал, в частности, описание маленьких деревень, многие из которых уже заброшены, уточнить фамилии людей, проживавших в них. В памяти собеседниц сохранились названия окружающих деревни озер и рек, полей и болот. Встречаются рассказы о старых деревенских праздниках, описание ярмарок, проводимых во время народных гуляний, беседах. Так, например, Лидия Федоровна Бобина, 1934 г. р., уроженка д. Коткозеро Олонецкого района, подробно описала беседу, вспомнила, какие танцы молодежь танцевала и под какую музыку.

Vessel't oldih guljankat. Min' vie miehel en olluh, sit ajelin sinne. Tyttyö, brihua, ei sua maltua ni sanuo, muga oli vessel <...>. Kaikinnyttymii oli:nuorižuo, vahnebuua. No bes'odal oldih imenno nuorižot<...>. Talvel tansittih sarualois. Saruah pannah koptilkat, fonarii da kui midä.

– A midäbo tansittih?

– Enimyölleh oldih krakov'ak, jabločka, podispan', karrillii, pol'kua, valsii, sit fakstrottua da tangua. No enimyölleh hieruz oli kadril. Yhtes tullah, nuorižo

kerryttih kai. «Davai meile kadrillii!». Sit kerävytäh mi syndyy pertih, miituine on pitky. Yhtet lähtietäh, erähät opat'.

– *Omatgo garmonistat oldih?*

– *A pruazniekoil kaikennyttymii oli.*

– *A maltettihgo kylän brihačut soittua?*

– *Maltettih. Kyläs štobi ei olis soittajuo, ei olluh ni hieru.*

Веселые были праздники. Я еще замужем не была, тогда туда ездила. Девушек, парней, даже сказать нельзя, так весело было<...>. Всех возрастов были люди: и молодежь, и постарше. Но на беседе была именно молодежь. Зимой танцевали в сараях. В сарай ставили коптилку, фонари или кто что мог.

– *А что танцевали?*

– *Чаще всего краковяк, яблочко, подиспань, кадрили, польку, вальс, факстрот и танго. Но чаще всего в деревнях танцевали кадрили, вместе соберутся, молодежь соберется вся. «Давай нам кадрили!». Тогда соберется столько, сколько в комнату помещается, какой она там длины. Одни закончат, другие опять начинают.*

– *Свои гармонисты были?*

– *А на праздниках всякие были.*

– *Умели ли свои деревенские парни играть?*

– *Умели. В деревне чтобы не было гармониста, это и не деревня тогда².*

Особое место занимают воспоминания о Великой Отечественной войне, о финской оккупации, а также о лишениях, перенесенных в годы эвакуации. Практически каждая рассказчица, несмотря на давность событий, обращается к этой теме. Наиболее полный рассказ о трудностях эвакуации записан от Матрены Матвеевны Пиньковой, 1912 г. р., уроженки д. Вуочила Кондопожского района.

Minä olin Molotovkois: Molotovskaja oblast'..., derevnja Malki, sie lapset minunke. Lusja lähtimmö koispai, oli god, vosem mesjatsef. Tulimmo sinne v oktjabre, a v nojabre kaksi vuottu täydyi. A toizel tyttärel oli 9 vuozt, hän školah sinne kävymäh lähti. Lähti školah ezmäzel, zabolela, hänel lien tif. Minä kymmene päivie hänenke bolničās iče istuin<...>. Miitumua vai ruadua en ruadannuh sis sovhozas: yhen talven olin poččiloinke, kezäl heinie kosimmo pelloi. A konzu kyndämäh työtah, vähä oli traktoroi, pidi kyndie heboloil. Kynnin kahtel hevol. A syömisty murginua keitetty ei, nimidä annettu ei. Maido meni dlja voini, lihat toze dlja fronta. Vie käveldih kylie myö keräeldi ken voi mjodua andua, ken alaistu, ken midä, voinal auttua. Muga minä lähten pelloi,

² Фонограммархив Института ЯЛИ КарНЦ РАН, 3553/7–10 (далее – Фон., номер кассеты и номер записи на кассете).

lapsii näen vai magojuo<...>. A syvvä sie midä. Konjuhu sanou: «Tämä on vasta kandanuh hebo. Lypsä vai<...>. «Koispäi otin kruužkazen keral, otan, lypsän vähäzen<...>. Opin. Maido on ku ristikanzan maido magei. Muga minä kuni kynnin nedälin hevон maiduo join.

Я была в Молотовске: Молотовская область, деревня Малки. Дети со мной. Люсе, как из дому поехали, было год и восемь месяцев. Приехали туда в октябре, в ноябре два года исполнилось. А другой дочери 9 лет, она в школу там пошла. Пошла в школу и заболела, тиф. Я десять дней за ней в больнице ухаживала<...>. На какой только работе не работала там в совхозе: одну зиму за поросятами смотрела, летом сено косили на поле. А когда пахать отправляли, мало было тракторов, надо было на лошадях пахать. На двух лошадях пахала. А еды. Обед не варили, ничего не давали. Молоко было для войны, мясо для фронта. Еще по деревне ходили, собирали кто что мог дать: кто меду даст, кто варежки, кто чего, в помощь фронту... Конюх говорит: «Эта лошадь только жеребенка принесла. Подои ее». С дому кружку взяла, подоила немного<...>. Попробовала. Молоко, как человеческое молоко, сладкое. Так я пока неделю пахала, лошадиное молоко пила³.

Среди полученных записей большую часть занимает этнографический материал. Собеседницы вспомнили родильный обряд, описали роль и действия бабки-повитухи, рассказали о ночной плачье yönitkettäjäine, удалось зафиксировать несколько заговоров от детских болезней (заговор от грыжи и рож). Так же подробно каждая из информантов описала свадебный обряд, как сваты приходили, как невесту готовили к свадьбе, как топили девичью баню, как знахари свадьбу портили, как насильно замуж выдавали и многое другое. Женщины или сами видели этот обряд в детстве, или усвоили его по рассказам матерей и бабушек.

В настоящее время особый интерес представляют рассказы о различных промыслах и хозяйственных работах карел-крестьян, живших натуральным хозяйством. Еще в недавнем прошлом, в 30–40-е гг. XX в., наши предки носили домотканую одежду, ели испеченный дома хлеб, сами изготавливали многие орудия труда для полевых работ. Укрупнение деревень и коллективизация привели к большим переменам в обыденной жизни карел. Немногие из наших современников могут рассказать, как лен сажали, как его обрабатывали, как ткали, выбеливали полотно, готовили пожогу, сажали рожь, как в риге работали, как вручную мололи муку. От Александры Петровны Балденко, 1935 г. р., уроженки д. Колатсельга Пряжинского района, удалось не только зафиксировать описание процесса

³ Фон. 3525/40–46.

вышеназванных работ, но и записать название каждого инструмента, используемого в том или ином виде деятельности. Материал, на наш взгляд, довольно редкий.

Привлекает внимание еще один рассказ, записанный от Лидии Федоровны Бобиной. Она вспоминает, как в молодости пела в ансамбле Ивана Левкина, известного в Карелии руководителя многих народных хоров. Лидия Федоровна рассказывает о репертуаре коллектива и его репетициях, о многочисленных поездках с концертами по деревням, об участии в смотре народных коллективов в Петрозаводске. Подобный материал будет, несомненно, интересен музыковедам, занимающимся историей хорового творчества.

Во время бесед наряду с этнографическим записывался и фольклорный материал: лирические песни, частушки, заговоры, детский фольклор. Песенный репертуар городских исполнительниц мало чем отличается от деревенского. Правда, информантам иногда бывает трудно вспомнить, каким способом усвоена та или иная песня: за долгое время участия в различных самодеятельных коллективах многие из них кажутся знакомыми с детства. Помимо песен удалось зафиксировать заговоры с подробными комментариями последовательности всех действий. Возможно, некоторые информанты утратили веру в силу слова, поэтому с такой легкостью отдают свои знания.

Среди опрошенных отмечается широкое бытование мифологических рассказов о лешем, хозяйне дома, бани и т. д. Кажется удивительным, что собеседницы, большую часть жизни прожившие в городской среде, рассказывают о таких, казалось бы, невероятных вещах и при этом верят в существование мифологических персонажей, в возможность встречи и общения с ними.

Strojittih dogi tiešuarale, nägynyh ei nikedä, a to kuului itku, to ukset lošketah, to kuuluu pagin, nävy ei nikedä. A sie tuli nuori tyttö miehele sih kodih, a häi oli kohtuine. Lähti pyhänpiän vetty ottamah jogeh i vastuo kastamah. Sie ezmäi vetty nosti, sit vastan kastoi i azetui. A toizes puoles, toizel puolel jogie, ei olluh jogi levei, kaidaine jogi oli, pitky mies... Nämä nubl'at blesnijat, icelleh silmät blesnitäh vai. Sanou: «Nuori mičoi muogeričču, kehkuvačču, kieguričču. Pirule da Parole pitky Timoi kuoli». Tuli kodih, viet pani, vastan käis vie pidäy. «Muatuska, en tiija kenen pitky mies sanoi: «Pirule da Parole pitky Timoi kuoli». Ga gu ruvettih lähtemäh, nävy ei nikedä. Uksi sinne-tänne kävelöy, šolkau vai. Tiešuaralle strojittih, ei tervehtetty. Sie karut elettih, yhtes heijänke elettih karut.

Построили дом на перекрестке, не видно было никого, а слышался то плач, то двери хлопали, то разговор слышался, а не видно никого было.

Пришла в тот дом молодая девушка замуж, она была уже беременная. Пошла в воскресенье за водой на реку и венник намочить. Сначала воду набрала, потом венник знамочила и остановилась. А на другой стороне, на другой стороне реки, река неширокая была, узкая река, стоит длинный мужчина. Пуговицы блестят, и глаза только блестят. Говорит: «Молодуха, охотница до мужчин, с округлым животом, с покачивающейся (походкой). У черта да у Парасковьи длинный Тимой умер». Домой пришла, венник в руке еще держит: «Матушка, не знаю чей такой длинный мужчина сказал мне: «У черта да у Парасковьи длинный Тимой умер». Как стали уходить, никого не видно. Дверь туда-сюда ходит, хлопает. На перекрестке построили, там черти жили, вместе с ними жили черти⁴.

К сожалению, совершенно забытыми оказались карельские народные сказки, хотя Алла Петровна Губарева и Александра Петровна Балденко вспоминали, что слышали в своем детстве сказки от деда, который был хорошим рассказчиком.

В целом материал мало чем отличается от того, что удастся записать в карельских деревнях. И это неудивительно, так как большинство вопросов касается того периода времени, когда все информанты жили в родительской семье где-нибудь в карельской глубинке. Оторванные от родных мест, они стараются сохранить язык и все то, что их связывает с прошлым. Городские жители с большим вниманием относятся к своей культуре, хранят старинные вышивки, связанные крючком подзоры, старые самовары и глиняные плошки, наряды своих мам, а иногда и бабушек, свои личные вещи. Довольно любопытно было увидеть школьную тетрадь, которой уже больше 50 лет, ее сохранила А. П. Балденко.

То же самое можно сказать и о духовной культуре: песни, заговоры, детский фольклор, мифологические рассказы являются звеном, соединяющим их с культурой и традициями родной деревни. Исполняя то или иное произведение, информанты неоднократно повторяли, что «у них так пели, в нашей деревне так рассказывали». Даже небольшой собранный материал показывает, что мы не можем оставить без внимания карел, проживающих в городе. Несомненно, другой жизненный ритм и степень образованности повлияли на исполнителей, но только подробный анализ полученных записей позволит выявить степень влияния городской культуры на традиции коренных малочисленных народов столицы нашей республики.

⁴ Фон. 3553/47.

О. В. Лебедева

СЕВЕРНОКАРЕЛЬСКИЕ *PIIRILEIKKIT* В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЯХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЯ

В путевых заметках, сделанных Элиасом Леннротом во время седьмого путешествия по Беломорской Карелии, финский фольклорист писал, что «...пословицам, загадкам и сказкам, которые нечем заменить, не грозит столь быстрое забвение, как древним рунам, которые оттесняются полурусскими, полушведскими и другими новейшими песнями»¹. Под «новейшими», по-видимому, Э. Леннрот подразумевал песни, появившиеся в XIX в. в связи с распространением в Западной и Северной Европе музыкальных инструментов, имеющих функционально-гармоническую основу. В конце XVIII – начале XIX в. популярными стали sentimentalные мелодии любовных песен, исполнявшихся с рифмованными текстами, а также мелодии танцевального характера.

Во времена Э. Леннрота отношение к песням «нового стиля» было не столь трепетным, как к эпическим и свадебным рунам Калевалы. Тем не менее актуальность изучения песенно-танцевальной традиции беломорских карел подтверждают многочисленные записи, сделанные в ходе собирательской практики карельскими фольклористами, этномузыкологами и хореографами на протяжении XX в.

Пирилейкки (в пер. с фин. *piirileikki* – «игры в кругу») играют существенную роль в музыкальной традиции народов Северной Европы. Сам термин был введен финляндским исследователем Ю. Рейнхольмом в конце XIX в. для обозначения парно-массовых танцев круговой структуры и игр с элементами танца, сопровождающихся песнями. Их происхождение многие ученые связывают со старинными танцами в кругу шведов и финнов, а

¹ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / Пер. с фин. В. И. Кийранен и Р. П. Ремшуевой. Стихи в пер. О. Мишина. Науч. ред., вступ. ст. и примеч. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1985. С. 165.

также танцами, принадлежащими к европейскому пласту музыкально-хореографической культуры (полька, мазурка, вальс), пришедшими в Швецию и Финляндию в XVII–XVIII вв. из Германии, Франции, Англии и других стран Западной Европы². Слившись с местной музыкально-хореографической традицией, танцы сформировали разнообразный и сложный в стилистическом и жанровом отношении пласт культуры.

На протяжении XX в. карельским фольклористам удалось записать большое количество музыкально-поэтических версий пирилейкки. Значительная часть этих записей хранится в фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, а также в фольклорном архиве Петрозаводской государственной консерватории. Дефицит внимания карельских этномузыкологов, выпавший на долю этого явления традиционной культуры, начал частично восполняться с конца XX в. В записях 1970-х гг., сделанных Т. В. Краснопольской в поселках Калевала, Войница, Каскеля, Толлорека, Вокнаволок, содержится свыше четырех десятков музыкально-поэтических образцов. Во время экспедиционной практики 2006–2007 гг. студентов отделения музыки финно-угорских народов состоялись поездки в д. Юшкозеро Калевальского района, поселки Кестеньга и Софпорог Лоухского района. Этот материал, без сомнения, может служить основой для этномузыкологических исследований.

Основной функцией пирилейкки изначально являлось знакомство и ухаживание молодых людей с целью создания возможных брачных пар. Исполнялись они, как правило, под песни в перерывах между танцами, сопровождаемыми музыкантами-инструменталистами, в том числе и во время свадебного ритуала. При этом было неважно, какие песни исполнялись, лишь бы под их ритм можно было танцевать. По словам Веры Григорьевны Метелевой из д. Юшкозеро, «песню поем, значит, мы уже танцуем...». На массовость этих действий указывает сообщение Тайто Малинена, жителя той же деревни: «По 30–50 человек по кругу на улице ходили, песни пели, без музыки <...> могли всей деревней их танцевать». Обращают на себя внимание особенности народной терминологии: о пирилейкки могут сказать, что их «ходили», «танцевали», иногда пирилейкки сравнивают с «хороводом». Беседы с информантами до настоящего времени вносят некоторые коррективы в уже устоявшиеся формулировки. Так, например, известную песню «Parrani talo» многие жители Юшкозера называют «*римпа*» – «прыжок». Действительно, основным движением, сопровождающим песню, является «подпрыгивание» на одной ноге с приземлением на эту же ногу и последующим шагом. Танец исполняется в парах и координируется с трехдольным метром. При этом,

² Семакова И. Б. Пирилейкки. Рукопись.

по свидетельству В. Г. Метелевой, девушка и юноша «держатся, как в вальсе». Подобные указания на те или иные элементы танца, движения, позы говорят о наличии различных типов хореографической лексики пиирилейки.

К сожалению, возможность записи на видеоносители появилась в самом конце XX в. – тогда, когда танцевальная традиция находилась в стадии стремительного угасания. Весомый вклад в изучение хореографии пиирилейки внесла известный хореограф В. В. Мальми, записавшая в районах Беломорской Карелии множество традиционных танцев и игр. В настоящее время проблема фиксации хореографии по-прежнему остается наиболее острой. Во время студенческой экспедиционной практики 2006–2007 гг. нам удалось записать четыре видеофрагмента танцевальных элементов в одиночном исполнении. Информанты продемонстрировали несколько движений, характерных для танцевальной традиции беломорских карел.

Пиирилейки вышли из естественного обихода беломорских карел и перестали являться формой досуга молодежи добрачного возраста, сохранившись лишь в памяти людей пожилого возраста. Практика исполнения песен с танцами почти полностью переместилась на сцену, в репертуар фольклорных коллективов, где пиирилейки, как и другие традиционные танцевальные формы, обретают свою «вторую жизнь».

Естественно, с помощью материалов единичных записей реконструировать танец невозможно, поэтому мы считаем целесообразным использование видеозаписей, которые были сделаны не только в экспедициях, но и во время выступлений фольклорных ансамблей. Так, фрагменты имеющейся в фольклорном архиве Петрозаводской консерватории видеозаписи выступления фольклорного коллектива д. Юшкозеро (экспедиция 2003 г.) являются ценным материалом. Участниками ансамбля в 2003 г. являлись жители Юшкозера в возрасте примерно от 40 до 79 лет, в том числе певицы Вера Метелева и Хельми Рекина. В данном случае именно эти исполнители воспринимаются нами как носители традиции, ушедшей из деревенского быта. Движения рук и ног этих информантов, постановка корпуса, шаг отражают локальную специфику хореографии пиирилейки.

Распространение пиирилейки во второй половине XX в. имело особую специфику. По нашим наблюдениям, оно происходило не только устным путем, но и с помощью ведения так называемых песенников – тетрадей с поэтическими текстами наиболее распространенных песен, имеющих в основном позднее происхождение. Появление песенников во многом было связано с созданием народных хоров и фольклорных групп при районных и сельских клубах, участники которых записывали тексты песен, пополняя свой репертуар. Такая трансформация способа хранения

и передачи традиции объясняется спецификой пирилейки как культурного заимствования. Чужеродная, но любимая музыкально-хореографическая традиция нуждалась в письменной фиксации. Примечательно, что фиксации подвергались лишь поэтические тексты. На вопрос о том, «на какой голос нужно песню петь», информанты обычно отвечают, что голос и так вспомнится, а слова могут забыться. Вероятно, причины такого явления кроются в особенностях «новой» поэзии – ее образной сфере, языке, поэтических приемах. Разнообразные средства поэтической выразительности пирилейки отражают исторический путь становления этой песенно-хореографической формы на территории Беломорской Карелии.

Н. Г. Урванцева

УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Постепенное исчезновение традиционной культуры сопровождается обострением интереса к ней. В последние десятилетия по всей стране создаются новые центры по изучению устного народного творчества. В Карелии есть научные объединения фольклористов, но учебно-исследовательской лаборатории фольклора нет ни в одном вузе Петрозаводска.

Фольклористика является одним из приоритетных направлений научной работы кафедры литературы Карельского государственного педагогического университета. Фольклорные экспедиции с участием студентов проводятся с 1930-х гг. Благодаря фольклористам, которые в разное время работали на кафедре и ездили в экспедиции (В. Г. Базанову, К. В. Чистову, В. С. Бахтину, И. А. Разумовой, С. М. Лойтер и др.), Петрозаводск до сих пор сохраняет неофициальный статус третьей столицы русской фольклористики.

В течение многих лет на кафедре литературы накапливаются материалы студенческой фольклорной практики, которые содержат важные сведения по истории народной культуры Карелии. Материалы фольклорной экспедиции 2006 г. были обобщены И. Н. Минеевой и А. В. Пигиным в статье «Святыни Лекшмозерья»¹. Очень важно сохранить и систематизировать, а в будущем опубликовать наиболее ценные материалы по традиционной культуре.

На кафедре литературы существует свой фольклорный архив (материалы фольклорной практики 1980–2007 гг., аудиозаписи, фотофонд), работает семинар по изучению традиционного и современного фольклора.

¹ Живая старина. 2007. № 1. С. 49–51.

1 января 2008 г. на кафедре литературы КГПУ была открыта учебно-исследовательская лаборатория фольклора для сбора, сохранения, изучения и издания традиционного и современного фольклора Карелии.

Основные задачи, которые планирует выполнить лаборатория:

- создание компьютерной базы данных для учета имеющегося рукописного фонда фольклора;
- расширение компьютерной базы данных за счет обработки студенческих записей, сделанных в ходе фольклорной практики;
- отцифровка и компьютерная обработка аудиофонда;
- разработка сайта лаборатории для обеспечения доступа к базе данных, размещения экспедиционных отчетов, налаживания контактов с этнографическими музеями в районах Карелии;
- повышение качества подготовки студентов к прохождению фольклорной практики в полевых условиях и по месту жительства;
- выполнение научных и методических исследований студентами, аспирантами и преподавателями;
- подготовка и издание фольклорных материалов.

Формами реализации этих задач являются:

- разработка программы лаборатории фольклора;
- экспедиционные выезды в районы Карелии с целью сбора фольклорно-этнографической информации;
- архивация и паспортизация фонда;
- выпуск научных, методических разработок, информационных материалов и пособий;
- проведение учебно-методических мероприятий (лекции, специальные курсы, семинары, конференции);
- прохождение камеральной практики на базе лаборатории;
- обсуждение результатов фольклорной практики;
- разработка вопросников по малоисследованным сферам современного фольклора;
- техническая поддержка учебных дисциплин по фольклористике и этнографии;
- разработка сайта лаборатории;
- написание научных статей;
- подготовка изданий к публикации;
- сотрудничество с Институтом языка, литературы и истории КарНЦ РАН, музеем «Кижик», Академией народной музыки при Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова, отделом этнографии Центра детского и юношеского туризма и школьными этнографическими музеями Карелии.

Основными *направлениями деятельности* учебно-исследовательской лаборатории фольклора являются:

- сбор первичной фольклорно-этнографической информации;
- паспортизация, систематизация, архивирование и обеспечение доступа к систематизированной информации по фольклору Карелии;
- учебно-методическое обеспечение деятельности студентов;
- популяризация традиционной культуры Русского Севера.

Основные результаты:

- организация фольклорного архива КГПУ;
- систематизация и хранение архивных материалов студенческой фольклорной практики (рукописных, аудио-, видеозаписей, фотографий);
- камеральная обработка собранных материалов;
- создание электронной базы данных фольклорного архива КГПУ;
- разработка электронной фонотеки фольклорных записей;
- создание сайта фольклорной лаборатории;
- научная работа со студентами (курсовые, дипломные работы, подготовка к конференциям), помощь в разработке уроков по фольклору при прохождении педагогической практики;
- подготовка статей, тезисов и методических пособий;
- издание сборника современного детского фольклора Карелии, библиографического указателя «Детский фольклор и традиционная культура детства».

Для учебного процесса будут разработаны и внедрены:

- учебно-лабораторное оборудование;
- лабораторные работы по фольклористике и этнографии;
- учебно-методические пособия, дидактические материалы;
- рабочие программы по специальным курсам и семинарам;
- демонстрационные стенды (по истории собирания фольклора в Карелии, былинам, по семейным обрядам и др.).

Открытие учебно-исследовательской лаборатории фольклора позволит сделать более эффективной работу студентов КГПУ по собиранию фольклора, поднять работу по его изучению и преподаванию на новый уровень.

А. А. Савицкий

УСТНАЯ ИСТОРИЯ СЕЛА ШЕЛТОЗЕРО

История сельских поселений составляет неотъемлемую часть истории нашего края и страны. Вместе с тем данный вопрос слабо изучен, а образ села растворился среди суждений о месте сельскохозяйственного производства в экономике и социальной роли крестьянства в различные исторические периоды.

Устные свидетельства сельских жителей дают живое представление об их менталитете, повседневном образе жизни, восприятии исторических событий современности и недавнего прошлого. Созданием данного пласта источников и их изучением занимаются этнологи, социологи, историки, исследователи фольклора. Среди историков в этом отношении более активны те, кто работает в русле устной истории.

Летом 2006 г. центром устной истории Петрозаводского государственного университета проводились полевые исследования на территории Прионежского района Республики Карелия. Наиболее существенная часть материала была собрана в с. Шелтозеро.

Экспедиция преследовала решение широкого круга задач. Собранный материал позволяет охарактеризовать традиционную культуру местного населения, главным образом вепсов и русских, дает представление об устной истории края.

Наиболее интересны для исследования воспоминания шелтозерских старожилов. Практически все респонденты не моложе 80 лет. Запись воспоминаний осуществлялась с опорой на анкету, специально разработанную для целей исследования. Анкета включает 120 вопросов, распределенных на 8 блоков.

Работая с первой группой вопросов, интервьюер получал личные сведения о респонденте (ФИО, дата и место рождения, национальность), а также узнавал его отношение к публикации этой информации.

Вторая группа вопросов апеллирует к детству рассказчика (сведения о родителях, бабушках и дедушках, других родственниках; укладе жизни,

языке общения, о детских играх, организации досуга и др.). Далее задавались вопросы об учебе (школа, профессиональное образование) и атмосфере, в которой воспитывался и рос респондент.

Работа, быт и семья также выделены в отдельные группы вопросов. Двадцать три пункта анкеты посвящены культуре и идеологии. Задача интервьюера при работе с данным блоком вопросов сводилась к необходимости определить отношение собеседника к религии и официальной политической доктрине; узнать, какие события из жизни респондента повлияли на формирование такой позиции. Основная часть вопросника состоит из 120 пунктов. В завершение беседы задавались вопросы обобщающего характера о том, кем себя участник опроса воспринимал в различные периоды: гражданином СССР, жителем Карелии или представителем своей национальности, как он в целом может охарактеризовать атмосферу советского общества и какие события современной истории запомнились ему больше всего.

Чаще всего люди не отвечают на все вопросы анкеты, а проявляют интерес лишь к части из них. Детальный и часто увлеченный ответ резко контрастирует с обобщенным и обезличенным повествованием на менее заинтересовавшие вопросы, что позволяет определить, какие периоды в памяти человека нашли яркое отражение, а какие присутствуют в виде отрывочных и расплывчатых воспоминаний.

Память человека представлена комплексом чувств, мыслей, обрывков событий, которые при обращении к ним преобразуются в историю жизни. При этом, реконструируя свое прошлое, человек формирует целостную, относительно упорядоченную картину. Воспоминание о событии создается именно в момент обращения к опыту прошлого, и каждая эпоха обладает своим алгоритмом воссоздания минувших событий и их интерпретации. Это обуславливает наличие запретных и обязательных тем для всех респондентов. Можно говорить о существовании стандартных шаблонов, хранящихся в коллективной памяти и составляющих основу при создании отдельно взятой истории жизни.

Таким образом, память содержит два пласта: меморатный, единый для всех представителей одной культурной, этнической или социальной общности и личные воспоминания человека о событиях, в которых он принимал участие или являлся очевидцем.

Посвящая интервьюера в историю своей жизни, люди придерживаются, как правило, одной из двух стратегий. В соответствии с первой рассказчик самостоятельно оценивает события, имевшие место в его жизни или произошедшие на его глазах. В другом же случае респондент ведет повествование отстраненно, предлагая тем самым интервьюеру делать выводы самостоятельно.

Среди опрошенных жителей Шелтозера преобладает второй стиль рассказа. Характерная черта – почти все склонны недооценивать значение

собственных воспоминаний. Часто на предложение поучаствовать в интервью отвечали: «Что я могу интересного вам сказать? Я же всю жизнь прожил в деревне». Нередко подобные сомнения объясняли низким, по их мнению, образованием. Вероятно, такое отношение к своему жизненному опыту и определяет стиль ответов. Рассказчик полагает себя не вправе делать оценки или, по крайней мере, считает их маловажными для исследователя.

Респонденты, родившиеся в Шелтозере в 1920-е гг., склонны рассматривать свое детство в качестве менее важной и интересной части жизни. Для них детские годы – своего рода преамбула к взрослой жизни. Участники опроса нередко удивлены интересом интервьюера к данному периоду своей биографии. Им кажется странным, что информация о сказках, которые им рассказывали в детстве, или играх, распространенных среди детей их села, может для кого-то представлять ценность.

Тем не менее люди охотно рассказывали о трудностях, практически составлявших большую часть того периода их жизни. Бедственное материальное положение, характерное для сельских жителей в предвоенный период, по утверждению большинства опрошенных жителей Шелтозера, не воспринималось ими как серьезная трудность, поскольку аналогичным образом дела обстояли у всех односельчан.

Например, один респондент, отвечая на вопрос, не испытывал ли он психологического дискомфорта, когда в детстве вынужден был в теплое время года обходиться без обуви, сказал: «Раньше же битых стекол на траве не разбрасывали, и босиком по ней ходить было безопасно». При этом, когда в школе ученикам из наиболее нуждавшихся семей выдавали материал для самостоятельного пошива рубашек, и ему достался красивый, с его точки зрения, отрез ткани, он решительно отказался его брать, мотивируя свое решение нежеланием произвести нелепое впечатление внешним видом.

Вероятно, общий для всех алгоритм воссоздания событий детства предполагает вытеснение травматического опыта и концентрацию на позитивных событиях. В ряде случаев реальные события вытесняются из памяти, и их место занимает идеальная картинка, т. е. человек уверен в самом факте счастливого детства, но конкретных примеров, когда был особенно счастлив, привести не может. Поэтому о переживаниях, вызванных материальными трудностями, человек поведал в контексте рассказа о случае, имевшем положительные последствия (ему выдали понравившийся кусок материи).

Похожие примеры встречаются почти во всех интервью. Отличаются лишь формулировки. В целом же о детстве воспоминания менее радостные по сравнению с респондентами, чье детство прошло в Петрозаводске. Это отчасти объясняется разницей в уровне жизни сельских и городских жителей. Деревенское детство состояло из меньшего количества

позитивных событий, и сформированная из положительных воспоминаний картина менее красочна. Одновременно с этим жители Шелтозера более сдержанны (это особенность их менталитета) и не склонны посвящать постороннего человека в мир своих внутренних переживаний.

Наиболее подробные воспоминания относятся к профессиональной деятельности: к факторам, повлиявшим на выбор будущей специальности, трудовым будням, вспоминают интересные случаи, имевшие место на работе (как забавные, так и трагические). Очевидно, память наших шелтозерских респондентов очень бережно хранит данную группу сюжетов. Отсутствуют и внутренние запреты на обсуждение этой тематики, что позволяет людям чувствовать себя достаточно комфортно при обсуждении ее с малознакомым человеком.

Тема трудовых и межэтнических конфликтов стала для респондентов самой некомфортной. Как правило, люди с самого начала отмечали отсутствие данной проблемы (или ссылались на забывчивость), но далее, отвечая на вопросы анкеты, приводили некоторые примеры межэтнического взаимодействия. Нашла отражение и тема конфликтов между переселенцами, приехавшими в Шелтозеро после Великой Отечественной войны, и старожилами.

Конфликты происходили не на межнациональной почве, а на бытовой и производственной и являлись исключением из правил. Момент напряженности в межэтнической коммуникации имел место в жизни села и был связан с расселением прибывших в домах шелтозерцев. Часть переселенцев (главным образом белорусы по национальности) работали на лесозаготовках в Матвеевой Сельге, а жили на квартирах в Шелтозере. Некоторые из них проявили склонность к девиантному (т. е. противоречащему принятым этическим нормам) поведению, и данный факт стал причиной недовольства местного населения. На отношение к представителям других народов упомянутый эпизод, вероятно, не повлиял, поскольку большинство отзывов о приезжих положительные. В целом в послевоенный период, как отмечают все респонденты, преобладала атмосфера взаимопомощи и добрососедства.

Анализируя интервью, можно сделать вывод о неравномерном отражении в памяти людей различных исторических периодов. Так, детские и юношеские годы воспроизводятся более детально. Послевоенный период также достаточно хорошо запомнился респондентам. В отличие от этого 1960–1980-е гг. чаще всего воспринимаются в виде одного размытого периода. Путаница в датировках и отсутствие конкретики встречаются именно при обращении к данному отрезку времени. Конец 1980-х – 1990-е гг. пересказываются более подробно, свойственна негативная оценка того времени, которое противопоставляется современности (2000–2006 гг.).

В. Г. Платонов

**МЕСТНЫЙ РЯД ИКОНОСТАСА
ЧАСОВНИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
В ДЕРЕВНЕ ВАСИЛЬЕВО НА ОСТРОВЕ КИЖИ
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИКОНОПИСИ
ЗАОНЕЖЬЯ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА**

Памятники культовой архитектуры Заонежья связаны между собой не только в архитектурном плане как составные части единой истории народного зодчества, но и в смысле взаимосвязи живописных ансамблей, размещенных в их интерьерах. Иконостасы церквей и часовен Кижского погоста – округа отражают различные этапы развития локальной иконописной традиции в ее взаимодействии с северной и общерусской иконописной культурой XVII–XVIII вв. С этой точки зрения интересно рассмотреть художественное убранство часовни Успения Пресвятой Богородицы д. Васильево на о. Кижы («небо» и иконостас), в некотором отношении являющееся уникальным и заслуживающее специального изучения. Данная статья посвящена исследованию местного ряда иконостаса этой часовни.

Часовня Успения была построена при деревне, которая носила название Большой Двор. Эта деревня известна по описанию в писцовой книге Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г., но уже как «пустошь, что была деревня на Кижском ж острове Большой Двор у часовне, а в ней пашни лесом поросло дватцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена дватцать копен. В пусте две обжы»¹. Само название деревни говорит о ее

¹ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 3. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 151.

особом значении как места бывшего расположения двора новгородского владельца этих земель. С этим поселением ныне отождествляется селище XIII–XV вв. Васильево II, недавно открытое археологами².

На раннюю историю древней часовни может пролить свет ее храмовый образ «Успение», сохранившийся в иконостасе существующего храма. Икона датируется XV – началом XVI в. Можно предположить, что она была написана к моменту основания или перестройки часовни.

Пустошью селение числилось довольно долго. В материалах, относящихся к 1720 г., здесь уже зафиксирован один жилой крестьянский двор³. В дальнейшем деревня оставалась небольшой, в разное время в ней было не более трех дворов⁴. В XX в. ее стали именовать Васильево по фамилии живущей там крестьянской семьи⁵.

Новый сруб часовни был поставлен в XVII–XVIII вв. С учетом приведенных данных вызывает удивление, что для малодворной деревни была сооружена одна из крупнейших в Заонежье часовен. На первом этапе своего существования часовня состояла из обширных помещений молельни и трапезной (по внешним обмерам соответственно 5,6×5,3 м и 6,7×6,3 м)⁶. Видимо, она была рассчитана на то, чтобы служить молитвенным помещением для более значительного числа прихожан. Может быть, имело значение и расположение часовни в непосредственной близости от древнего духовного центра о. Кижы – Нарьиной горы, где до конца XVII в. (т. е. до пожара) могли находиться, согласно старинной кижской легенде, главные храмы погоста⁷.

Л. Петтерссон определяет время первого этапа строительства существующей часовни довольно продолжительным отрезком 1650–1700 гг.⁸ В каталоге музея-заповедника «Кижы» дается более узкая датировка – рубеж XVII–XVIII вв.⁹ Имеются, правда, попытки еще более точно датировать возведение первоначального сруба. Так, М. А. Витухновская, ссылаясь на данные дендрохронологического анализа древесины сруба, проведенного

² Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Некоторые итоги раскопок селища Васильево II на острове Кижы // Рябининские чтения-2007: Матер. V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 111–113.

³ Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974. С. 66. № 4.

⁴ Кижы. Путеводитель по музею-заповеднику. Петрозаводск, 2001. С. 123.

⁵ Там же.

⁶ Свод памятников культуры Карельской АССР. Архитектурный том. Машинопись. С. 536.

⁷ Кижы. Этнографические материалы // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 93. С. 954.

⁸ Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 336.

⁹ Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы». Каталог / Авт.-сост. А. Т. Беляев, Б. А. Гушин, В. А. Гушина. Петрозаводск, 1973. С. 14.

финскими специалистами, уточняет датировку сруба. Согласно этим исследованиям, лес, из которого построена часовня, был срублен в 1702 г. На этом основании М. А. Витухновская пришла к выводу, что «часовня построена приблизительно в 1702–1705 годах»¹⁰.

На позднем этапе в часовне сложился дошедший до нашего времени трехрядный иконостас (местный ряд, деисус, пророческий чин). Он сохранился не полностью, так как был разобран финнами в период Великой Отечественной войны, и в дальнейшем иконы попали в различные места. На всех иконах финны проставили дробные обозначения, числитель которых означал принадлежность к определенному храму (за васьильевской часовней был закреплен индекс «44»), а знаменатель являлся порядковым номером иконы в храме).

От местного ряда сохранились пять икон. Четыре из них («Покров», «Житие Богородицы» со вставным средником «Успение», «Троица» и «Сшествие во ад») оказались в составе коллекции, возвращенной финнами после окончания войны и переданной в Карельский государственный краеведческий музей (филиал на о. Кижы), а в 1963 г. поступившей большей частью в Музей изобразительных искусств РК (далее – МИИ РК). Пятая икона местного ряда («Преображение») обнаружена в 1988 г. на чердаке Екатерининской церкви в Петрозаводске и тогда же передана в МИИ РК.

Возникает вопрос относительно икон верхних рядов первоначального иконостаса. Они не сохранились, так как были, видимо, заменены в эпоху позднего XVIII в. иконами частично дошедших до нашего времени деисусного и пророческого чинов. Можно, однако, с большой долей вероятности предположить, что в первом васьильевском иконостасе также были верхние ряды, заполнявшие восточную стену.

На схеме трехрядного иконостаса, составленной Л. Петтерссоном, он не только занимает восточную стену часовни, но и продолжается своими верхними рядами на северной и южной стенах. Относительно местного ряда нельзя сказать с уверенностью, имел ли он в прошлом продолжение на боковых стенах часовни. Сохранившиеся иконы нижнего яруса полностью уместаются на восточной стене.

Проставленные финнами на иконах порядковые номера и упомянутая схема позволяют восстановить расположение икон местного ряда. В левом (северо-восточном) углу располагалась икона «Преображение» (финский индекс 44/1; МИИ РК, инв. И-1617), далее в направлении на юг были размещены «Покров» (44/2; МИИ РК, инв. И-530), храмовый образ «Житие Иоакима, Анны и Богородицы» (44/3 А; МИИ РК, инв. И-673) с

¹⁰ Витухновская М. А. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы». Путеводитель. Петрозаводск, 1988. С. 125, 126.

вставным средником «Успение» (44/3 В; МИИ РК, инв. И-466), затем шли «Троица» (44/4; МИИ РК, инв. И-558) и «Воскресение – Сошествие во ад» (44/5; МИИ РК, инв. И-672).

Композиции всех икон даны в соответствии с развернутыми иконографическими схемами. В «Преображении» (108,3×93,5×3,7), наряду с традиционным ядром композиции из фигур Христа, пророков Ильи, Моисея и трех упавших апостолов, показаны сцены восхождения на гору Фавор Христа с учениками и их нисхождения с горы. При этом пророки Илья и Моисей изображены дважды – подходящими к горе в сопровождении ангелов и присутствующими при сцене Преображения.

«Покров» (108,5×96,6×3,7 см) дан в варианте композиции с изображением покрыва над головой Богородицы, с фигурой Романа Сладкопевца в центре нижнего регистра и с группами святых по сторонам от центральной оси.

Икона-рама с сюжетами жития Иоакима, Анны и Богородицы (108,8×118,2×3,7 см) имеет древний вставной средник «Успение» (56×41×3 см). На раме размещено 20 клейм, в которых подробно передается история Иоакима, Анны и Богородицы, начиная с «Принесения даров Иоакимом и Анной» и кончая сюжетом «Богородица сообщает женам иерусалимским о приближающейся кончине» (?). В коллекции МИИ РК это единственная икона с подобным сюжетом, что свидетельствует о его чрезвычайно редком использовании иконописцами Обонежья.

Насыщен деталями второй план композиции иконы «Троица» (108,7×94,8×3,8 см). Три ангела (с Авраамом и Саррой) изображены на фоне занимающих значительное место палат, древа и горок. При этом палатам придан облик града с многочисленными постройками. Среди них выделяются два башнеобразных, многоярусных здания с шатровым и куполообразным завершениями.

Икона «Сошествие во ад» (108,2×105,5×3,5 см) также имеет развернутую композицию, где, кроме обычных персонажей этого сюжета, изображены «Собор архангелов», ангелы в мандорле, держащие свитки с обозначением добродетелей и длинные мерилы, которыми они попирают олицетворения грехов, помещенных во тьме ада. Здесь же ангел связывает беса (см. рис.).

Состав местного ряда обладает чертами, очень редкими для часовенных иконостасов Севера. В его составе отсутствует икона Богородицы с младенцем, а также иконы наиболее популярных святых, например Георгия, пророка Ильи, Николы, Зосимы и Савватия и т. п. Иконы посвящены важнейшим церковным праздникам – Преображению, Троице, Воскресению, Покрову. Присутствие икон «Преображение» и «Покров», возможно, объясняется и тем, что главные храмы Кижского погоста были освящены в честь этих праздников.

**Воскресение – Сошествие во ад. Начало XVIII в.
Икона из часовни Успения в д. Васильево. МИИ РК**

В пользу датировки васильевских икон периодом не ранее конца XVII в. говорят их почти квадратные пропорции, не типичные для более раннего времени, когда на Севере преобладали иконы вертикального формата. Особенно показательна икона «Житие Иоакима, Анны и Богородицы», ширина которой даже преобладает над высотой. Несколько выбивается из нормы также крупный размер васильевских икон, превышающий обычные размеры икон из часовенных иконостасов. Все это придает местному ряду новый, непривычный облик. Вероятно, мастера, писавшие

иконы для васьильевской часовни, имели опыт работы над крупными церковными иконостасами.

Стиль исполнения выдает руку искусственного иконописца. Проанализируем манеру исполнения единственной прошедшей реставрацию иконы этой группы «Сошествие во ад». В «личном» письме на светло-оливковой санкирной основе нередко лежит промежуточный красноватый тон, перекрывающий лик частично или полностью. Сверху идет слой желтоватого охрения. Подобная манера трехслойного письма ликов (санкирь, промежуточный тон, охрение) нередко встречается в разных вариациях в иконописи второй половины XVII в. В данном случае живописи «личного» придана известная мягкость переходов. Моделировка ликов завершается белильными движками и черными описями. Для живописи одежд использованы темно-синий, зеленый, коричневый цвета, а также желтая и лежащая неровным слоем светло-коричневая краски. Одежды Христа выполнены серебром, с подцветкой теней цветными лаками.

Маловероятно, что мастера васьильевского иконостаса работали в Заонежье только в этой часовне. Действительно, по иконографии «Сошествие во ад» имеет аналогию в одноименной иконе церкви Пророка Ильи и Вознесения в с. Типиницы (МИИ РК, инв. И-532). По колориту типиницкая икона богаче васьильевской: в ее цветовом решении значительную роль играет ярко-красный пигмент, которого нет в красочной гамме васьильевской иконы. Вероятно, типиницкая икона несколько старше и может быть датирована второй половиной – концом XVII в., а васьильевская – началом XVIII в. М. А. Витухновская и Г. И. Фролова отмечают также большое сходство последней иконы с «Сошествием во ад» из д. Насоновщина на Волкострове (музей-заповедник «Кижь», 111/6)¹¹.

К сказанному можно добавить, что новая для Обонежья иконография «Сошествия во ад» получила широкое распространение в этом регионе и известна, например, по значительно меньшей по размеру иконе из д. Кильпога Пудожского района (МИИ РК, инв. И-388). Данная иконография могла прийти с юго-востока, из вологодских земель, так как подробно разработанная композиция этого праздника находит аналогии в памятниках вологодских земель XVI в. и восходит к иконе конца XIV в. из Коломны (Государственная Третьяковская галерея)¹² и известной иконе Дионисия и мастерской конца XV – начала XVI в. из Ферапонтова монастыря (Государственный Русский музей)¹³.

¹¹ Фролова Г. И. Внутреннее убранство часовен Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. № 7. Петрозаводск, 2002. С. 130.

¹² Смирнова Э. С. Московская икона XIV–XVII веков. Л., 1988. С. 270. Ил. 59.

¹³ Там же. С. 291. Ил. 145.

В памятниках вологодских земель наблюдаются некоторые параллели и иконография васильевской «Троицы». Здесь встречаются иконы с подробно проработанным архитектурным и пейзажным фоном, развитием основного сюжета среди палат и горок. В этом отношении представляет интерес икона «Троица» Кирилла Уланова 1689/1690 гг. из Устюжны¹⁴. Икона из Васильево несколько беднее по степени развития второго плана.

Многое указывает на то, что авторы икон местного ряда иконостаса васильевской часовни были знакомы с эволюцией русской иконописи в конце XVII – начале XVIII в., с развитыми иконографическими схемами, но при этом придерживались в целом традиционных приемов письма. Указанные произведения были созданы, по нашему мнению, в северной провинциальной мастерской в первом десятилетии XVIII в., во временном промежутке между исполнением икон для трех верхних рядов иконостасов Покровской (поздний XVII в.)¹⁵ и Преображенской (второе – третье десятилетия XVIII в.) церквей¹⁶. В часовне работали другие мастера, неоднократно создававшие иконы для заонежских храмов.

Верхние ряды иконостаса Покровской церкви в Кижях сочетают традиционность композиционных схем с новой объемной моделировкой формы в «личном» письме, характерной для передовых направлений в искусстве второй половины XVII в. Яркие сияющие краски этих икон, мастерство композиционного построения и письма явно говорят о происхождении мастеров из крупного центра иконописания. Судя по сохранившимся иконам, иконостас Покровской церкви был крупным ансамблем, содержащим не менее чем по 19 икон в пророческом и деисусном рядах и 15–19 икон в праздничном ряду¹⁷. Нельзя исключить и того, что

¹⁴ Рыбаков А. А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. Ил. 223, 224.

¹⁵ И. М. Гурвич датировала эти иконы XVII – началом XVIII в., но указывала на возможность их датировки XVII в. См.: Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижь». Каталог / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 11, 32–37.

¹⁶ Датировка И. М. Гурвич в указанном выше каталоге – вторая половина XVIII в., но позднее она же приводила мнение московских специалистов в пользу датировки икон первой третью XVIII в. См.: Гурвич И. М. Предложения по реконструкции иконостаса Преображенской церкви в тябловый // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 99. Г. И. Фролова относит указанные иконы к первой четверти XVIII в. См.: Фролова Г. И. Внутреннее убранство Преображенской церкви Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 14.

¹⁷ В судьбе этого комплекса имеются и другие пока неясные моменты. Например, в описях Покровской церкви 1826 и 1830 гг. указаны иные размеры и состав деисусного чина (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Ед. хр. 129/2449. Л. 11, 11об; Ф. 699. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 25). На некоторых иконах имеются наклейки и надписи о перевозке икон из Санкт-Петербурга и в Санкт-Петербург на пароходе в конце XIX – начале XX в. (Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижь»... С. 8).

первоначально данный комплекс мог быть создан, как полагали некоторые исследователи, для какой-то иной, более крупной (Преображенской?) церкви.

Верхние ряды иконостаса Преображенской церкви писались мастерами, приехавшими, видимо, из того же художественного центра, что и мастера иконостаса Покровской церкви, но работавшие примерно на два-три десятилетия позднее. Живопись икон Преображенской церкви напоминает иконы Покровской церкви, однако она более материальна и тяжеловесна.

Письмо васильевских икон стилистически иное, пронизано древнерусскими традициями в их северной интерпретации. Оно более консервативно в «личном» письме, чем манера исполнения ликов на иконах Покровской церкви, хотя также испытало влияние новых тенденций в развитии древнерусского искусства рубежа XVII–XVIII вв. Это искусство северной провинции, но более развитого в художественном отношении ее региона, чем Заонежье.

Васильевский иконостас следует рассматривать во взаимосвязи с «небом» этой часовни. М. А. Витухновская датировала васильевское «небо» второй половиной XVII – первой половиной XVIII в.¹⁸, позднее она сузила датировку до конца XVII – начала XVIII в.¹⁹. Существует предположение М. А. Витухновской, поддержанное Г. И. Фроловой, что оба комплекса (местный ряд иконостаса и «небо») родственны друг другу и вместе с волкостровскими иконами происходят из одной мастерской²⁰.

Между иконами «неба» и местного ряда васильевской часовни есть немало общего. Сходны пропорции вытянутых фигур и их рисунок, манера усиливать более темными прописками складки красновато-коричневых, зеленых одежд, присутствие в красочной гамме недостаточно плотно кроющих пигментов. В то же время имеются отличия в моделировке «личного». На иконах «неба» живопись более энергична, исполнена более обобщенно, с учетом большего расстояния от зрителя. Мы считаем, что иконы местного ряда и «неба» исполнены в одно время, но состав мастеров мог быть не вполне идентичным.

Как уже неоднократно отмечалось, васильевское «небо» близко по стилю исполнения к аналогичному комплексу из часовни Спаса Нерукотворного в д. Вигово, которая датируется Л. Петтерссоном 1650–

¹⁸ Витухновская М. А. Часовня Успения Богоматери в д. Васильево. Историческая записка. С. 4 (Научный архив музея-заповедника «Кижжи», б/н).

¹⁹ Витухновская М. А. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижжи»... С. 126.

²⁰ Фролова Г. И. Внутреннее убранство часовен Спасо-Кижского погоста. С. 130 (прим. 21).

1700 гг.²¹ Различия в живописном исполнении между «небесами» из этих храмов касаются частных деталей (например, манеры наложения пробелов на одеяния и мотивов декоративной обработки фонов). «Небо» виговской часовни могло быть создано артелью «васильевских» мастеров также в начале XVIII в.

Иконы же трехрядного виговского иконостаса, хотя они по своим размерам и пропорциям вполне традиционны, в отношении стилистики и иконографии ближе к иконам, хранившимся в трапезной васильевской часовни (оба комплекса в МИИ РК). В частности, в обоих ансамблях есть очень близкие друг другу иконы «Богоматерь Страстная». Моменты общности в решении средника и клейм можно отметить на иконах «Чудо св. Георгия, с житием» обеих групп памятников²².

По нашему мнению, иконники, работавшие в Васильево, Вигово и других местах на рубеже XVII–XVIII вв., принадлежали к пришлым артелям мастеров. Живопись этих иконописцев резко отлична от продукции местных мастерских. Они принесли сюда новую иконографию, стилевые приемы. Сложен вопрос о происхождении этих мастеров. В какой-то степени помочь в решении данного вопроса может рассмотрение ареала распространения перекрытий «небом». Т. М. Кольцова отмечает, что они были широко распространены в районе Кенозера, в Каргополье, бассейне реки Онеги, в Обонежье (Заонежье и Пудожский район) и тех районах Вологодской области, которые примыкают к Обонежью²³. Возможно, из прионежских вологодских земель, Каргополья или с реки Онеги и происходили мастера иконописной артели, работавшей в часовне д. Васильево и ряде других храмов Заонежья.

²¹ *Pettersson L.* Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. S. 335.

²² Тот факт, что иконы из трапезной васильевской часовни имеют сходство с северными и южными дверями иконостаса Преображенской церкви, позволило И. М. Гурвич предположить, что они входили в местный ряд первого иконостаса этой церкви. См: *Гурвич И. М.* Предложения по реконструкции иконостаса... С. 89.

²³ *Кольцова Т. М.* Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 12, 13.

В. Г. Пуцко

ХРАМОВАЯ ИКОНА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ КИЖСКОГО ПОГОСТА

О генезисе и характере иконописного примитива Обонежья принято говорить преимущественно по отношению к обстоятельно изученным произведениям XIV–XVI вв.¹ Иконопись этого региона, относящаяся к XVII в., стала привлекать исследователей сравнительно недавно и поэтому посвященных ей специальных работ пока немного². По мнению В. Г. Брюсовой, в ней все еще сохраняется новгородская основа³. По словам С. Н. Дурьлина, это «провинциальная редакция новгородских писем, обладающая теми же сюжетами и переводами, но в ином, упрощенном и менее сильном исполнении... близость новгородских писем к Византии здесь исчезает»⁴. Позволительно поставить вопрос: как далеко заходит фольклоризация классического иконописного образца, обязанного своим возникновением Византии? Его деформация, похоже, все же не разрушает основу сакрального образа, но лишь придает ему качественно новые черты. Упрощенность стиля порой сочетается со сложной иконографией получивших популярность житийных циклов. В манере письма много общего с книжной миниатюрой, отличающейся цветистостью колорита и

¹ Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV–XVI веков. М., 1967.

² См.: Платонов В. Г., Сергеев С. П. Икона «Огненное восхождение пророка Ильи с житием» 1647 г. с криптограммой // Памятники культуры. Новые открытия, 1983. Л., 1985. С. 304–312; Платонов В. Г. Живопись Обонежья XVII–XVIII веков: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1987; Он же. Живопись Северного Прионезья второй половины XVII в. // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. VII. Вологда, 1999. С. 36–48; Он же. Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI и XVII столетиях // Там же. С. 79–83; Он же. Развитие иконографии «Покрова Богородицы» в искусстве Заонежья XVI–XVIII веков // Кижский вестник. Вып. 7. Петрозаводск, 2002. С. 140–147; Фролова Г. И. Из истории внутреннего убранства кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 173–183.

³ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 159–166.

⁴ Дурьлин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край. Петрозаводск, 1913. С. 11.

тщательно выполненным рисунком. При этом нельзя не отметить разнообразии икон, среди которых есть и выполненные в нарочито архаизированной манере. Не исключено, что они служат списками более ранних оригиналов.

Рис. 1. Преображение. Вторая половина XVII в. Средник храмовой иконы Преображенской церкви Кижского погоста

Именно в этом плане привлекает внимание икона Преображения (размер 64,0×52,0 см), происхождение которой связано с Кижским погостом (рис. 1). Произведение известно по упоминаниям в литературе как находившееся прежде в храме, предшествующем ныне существующей

Преображенской церкви; в местный ряд иконостаса оно было помещено заключенным в более позднюю раму, второй половины XVIII в. (размер 139,0×125,0 см)⁵. Икона находилась справа от царских врат как храмовая (рис. 2). Нет никаких сомнений в том, что речь идет о реликвии, свидетельствующей о преемственности разновременных церковных сооружений Кижского погоста. В этом был глубокий смысл: новый храм воздвигнут на святом, намоленном месте. Икона раскрыта В. Г. Брюсовой в 1950 г. (инв. 106/9).

Рис. 2. Иконостас Преображенской церкви Кижского погоста с храмовой иконой Преображения справа от царских врат

⁵ Живопись древней Карелии: Из собраний Музея изобразительных искусств Карельской АССР, Государственного Русского музея и музея «Кижки». Каталог. М., 1968; Древняя живопись Карелии. Каталог. Фонды музея «Кижки» / Сост. Гурвич И. М. Петрозаводск, 1980. С. 4, 22–23. № 9; *Витухновская М. А.* Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижки». Путеводитель. Петрозаводск, 1988. С. 36. Ил. после с. 96; *Платонов В. Г.* Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI и XVII столетиях. С. 82.

Как известно, Преображенская церковь в Кижях впервые упоминается в писцовой книге 1582–1583 гг. А. Плещеева и С. Кузмина. Она же как «деревяная с папертьми, верх шатровой» упомянута в писцовой книге 1616–1617 гг. Воейкова и И. Льговского. По данным того же источника, в церкви находился иконостас из четырех ярусов, завершавшийся иконой Спаса Нерукотворного, а храмовая икона была помещена в местном ряду, справа от царских врат. Ее ювелирный убор составляли серебряный чеканный венец с камнями, гривна из басменного серебра и обложенный серебром подвесной крест, т. е. украшения были лишь на фигуре Христа. Отсюда можно сделать вывод, что она по размерам превосходила остальные, входящие в композицию Преображения. По данным «Переписи Кижского погоста 1696 года», «настоящая церковь Преображения Господня и прежняя Покрова Богородицы в прошлом 7206 (1693–1694 гг.) сгорели от молнии»⁶. Тем не менее отдельные иконы в подобных случаях удавалось спасти. Вполне возможно, что в их числе оказалась и рассматриваемая здесь, хотя при этом вряд ли стоит говорить об ее идентичности, зафиксированной писцовой книгой 1616–1617 гг.: для их отождествления нет надежных данных. В частности, на поверхности иконы отсутствуют какие-либо следы крепления упомянутых серебряных украшений.

Икона Преображения написана на двух сосновых тесаных досках с двумя врезными левосторонними шпонками, с ковчегом и паволокой, с золотым фоном, на котором многочисленные отверстия от гвоздей свидетельствуют о существовании басменного оклада. Несколько необычной выглядит неодинаковая ширина нижней части полей за счет неправильной геометрической формы ковчега, тем не менее умело использованной иконописцем при изображении лежащего среднего апостола. Размеры и общий характер этой иконописной композиции не исключают ее первоначальную принадлежность праздничному чину, может быть, даже упомянутой кижской церкви Преображения Господня, сгоревшей от молнии

⁶ Подробнее см.: *Гуцина В. А., Гуцин Б. А.* Новое об истории памятников Кижского архитектурного ансамбля // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л., 1978. С. 347–351; *Чернякова И. А., Черняков О. В.* Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 55–73; *Гуцина В. А.* Об уточнении датировки церкви Покрова Богородицы и колокольни Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Вып. 6. С. 140–141; *Платонов В. Г.* Храмы Кижского погоста... С. 81–83. Ср.: *Пашков А. М.* «Историческое сведение о приходе Кижском» – малоизвестный источник по истории православной культуры Кижского прихода конца XVIII – первой половины XIX века // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 220–221 (версия о первоначальном местонахождении Преображенской церкви на горе, называемой Нарьинной).

в 1693–1694 гг.⁷ Например, иконы праздничного чина второй половины XVII в. из Вознесенской церкви д. Кушереки Онежского района Архангельской области имеют размер 98,0×71,0 и 99,0×71,5 см⁸; чина конца XVII в. из Никольской церкви д. Малошуйки Онежского района – 52,0×40,5, 51,0×38,5 и 52,0×39,0 см⁹. Вместе с тем икона Рождества Богородицы второй половины XVII в. из придела того же имени Вознесенской церкви д. Пиялы Онежского района имеет размер 73,0×54,5 см¹⁰. Следовательно, отмеченные формальные признаки зависели прежде всего от размеров конкретного храма и функционального назначения. При этих условиях суждения о рассматриваемом здесь месте иконы в ранее существовавшей церкви Кижского погоста приобретают довольно условный характер.

При переходе к анализу живописи сохранившегося произведения обращаем внимание не столько на общий исторический обзор композиции, сколько на изучение метода, которым пользовались народные мастера-иконописцы Русского Севера при создании икон, имевших довольно ранние истоки иконографии и весьма сложный путь развития. Именно по этой причине рассмотрим хотя бы минимальный перечень примеров, иллюстрирующих эволюцию самой схемы вместе с ее основными элементами. На кижской иконе видим вверху фигуру Христа в белоснежных одеждах во славе, обозначенной большой алой восьмиконечной звездой внутри круглого ореола, плоскость которого напоминает звездное небо; предстоящие и беседующие с Христом пророки Илия и Моисей как будто стоят на скалистых горных вершинах, но в то же время они наполовину входят в пространство славы, в отличие от пораженных видением апостолов, изображенных в разнообразных позах внизу, на склоне и у подножия пирамидального вида той самой горы, на вершине которой стоит Христос. Это визуальное восприятие изображения, пока без учета иконопис-

⁷ Ср.: «Привлекают внимание две небольшие иконы – „Преображение“ и „Покров“», датируемые поздним XVII в. Они явно несоразмерны иконостасу этого крупного храма (соответственно 64×52 и 75×66 см). В более позднюю эпоху обе иконы находились в иконостасе новой Преображенской церкви, где для них создали специальные рамы с клеймами. Такое внимание к данным произведениям заставляет предположить, что они пережили пожар конца XVII в. и имели поэтому особое значение». *Платонов В. Г.* Храмы Кижского погоста... С. 82.

⁸ Северные письма. Каталог / Авт.-сост. О. Н. Вешнякова, Т. М. Кольцова. Архангельск, 1999. С. 74. № 102–103.

⁹ Там же. С. 76. № 108–110.

¹⁰ Там же. С. 75. № 105. Иконы праздничного чина ныне существующего иконостаса Преображенской церкви Кижского погоста первой четверти XVIII в. даже в опиленном виде по высоте достигают 90,0–99,5 см, при ширине 69,0–78,0 см.: *Фролова Г. И.* Кижский акафист: Богородичные иконы в собрании музея-заповедника «Кижки» (каталог выставки). Петрозаводск, 2003.

ной символики, тонкости которой, похоже, в полном объеме не были известны мастеру XVII в., опиравшемуся на заметно адаптированную его предшественниками художественную традицию. Данное предположение вытекает из сопоставления разновременных изображений одного и того же евангельского события, созданных на протяжении тысячелетнего периода.

Преображение Господне подробно описано евангелистами (Матф. 17, 1–9; Марк. 9, 2–8; Лук. 9, 28–36) как происшедшее на высокой горе в присутствии Петра, Иакова и Иоанна, когда Христос «преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет», по словам евангелиста Матфея. Евангелист Марк как бы уточняет: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить». Поскольку евангелист Лука замечает, что «Петр же и бывшие с ним отягчены были сном» (9, 32), – преобразование, скорее всего, произошло ночью, и в таком случае звездный небосвод славы описываемой композиции надо признать точно соответствующим приведенному тексту. Смысл происходящего помогают понять слова Христа, сказанные ученикам за несколько дней до этого: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу» (Марк. 9, 1). По церковному преданию, горой преобразования является Фавор, о чем уже свидетельствовали в IV в. Ориген и Кирилл Иерусалимский; по более поздней версии, преобразование могло иметь место на одном из отрогов Ермона, недалеко от Кесарии Филипповой. Характерно, что евангелисты не уточняют местонахождение «высокой» горы, и поэтому иконографическую условность пейзажного мотива невозможно объяснять отступлением от конкретной реалии. Страх учеников охватывает не в начале видения, но лишь тогда, как «се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Матф. 17, 5). При этом следует помнить, что Моисей и Илия «явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лук. 9,31). В этом видении ученикам Христос показал свою Божественную славу, тем самым удостоверив добровольно принятые Им страдания.

Праздник Преображения становится известным на Востоке с VI в., но появление донныне употребляемых праздничных песнопений относится к более позднему времени и связано с именами Козмы Маюмского, Иоанна Дамаскина, Анатолия, византийского императора Льва VI Мудрого (886–912)¹¹. Следовательно, богословско-поэтическое осмысление в этих

¹¹ См.: Миркович Л. Хеортологија или историјски развитак и богослужење празника Православне источне цркве. Београд, 1961. С. 251–253; [архиеп. Филарет Гумилевский]. Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. СПб., 1860.

текстах Преображения относится к VIII – началу X в. Развитие иконографии данного евангельского сюжета между тем в христианском искусстве прослеживается с середины VI в.¹² Своеобразное место занимает выполненная около 549 г. мозаика конхи апсиды церкви Сант Аполлинаре ин Классе в Равенне, с символическим изображением Преображения в виде большого геммированного креста в круге среди сияющих звезд и погрудными образами пророков Моисея и Илии по сторонам; вверху Божья Десница, внизу – Фавор с деревьями, среди которых три агнца, символизирующие Петра, Иакова и Иоанна; у подножия горы – св. Аполлинарий в положении оранта, среда двенадцати агнцев¹³. Но в конхе апсиды церкви монастыря св. Екатерины на Синае находится выполненная около 565–566 гг. мозаика, которая в сущности служит прообразом едва ли не всех последующих изображений византийской художественной традиции, представляющих Преображение (рис. 3). К композиционным особенностям надо отнести крупные фигуры окруженного овальной глорией Христа и пророков и находящиеся в непосредственной близости от них изображения распластанного по земле Петра и охваченных ужасом Иоанна и Иакова. Эллинистические формы свидетельствуют о том, что сама иконографическая схема находится в становлении. Византийская иконография послеиконоборческого периода дает разнообразные примеры довольно радикальной переработки наследия юстиниановской эпохи¹⁴. Тем не менее отчетливо сказывается тенденция к обозначению как бы двух отдельных зон, соединенных густыми лучами света, падающими на апостолов. В одних случаях бросается в глаза измелченность фигур, в других – по-прежнему большую часть плоскости занимает изображение Христа в светлом ореоле и пророков, а сильно уменьшенные в масштабе фигурки апостолов словно прижаты к земле. Последняя тенденция особенно заметна около 1200 г.¹⁵

¹² Подробнее см.: *Покровский Н.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 195–204; *Millet G.* Recherches sur l'Iconographie de l'Évangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédonie et du Mont-Athos. Paris, 1916. P. 216–231; *Trzczińska I.* Światło i obłok. Z badań nad bizantyjską ikonografią Przemienia. Kraków, 1998. S. 149–184; *Janocha M.* Ukraińskie i białoruskie ikony święteczne w dawnej Rzeczypospolitej. Problem kanonu. Warszawa, 2001. S. 297–317. Il. 130–151.

¹³ *Миркович Л.* Мозаици равенских базилика // *Миркович Л.* Иконографске студије. Нови Сад, 1974. С. 123–133. Сл. 28, 29.

¹⁴ *Weitzmann K.* A Metamorphosis icon or miniature on Mt. Sinai // *Старинар.* Нов. сер. Кнь. XX–1969. Београд, 1970. P. 415–421.

¹⁵ *Hadermann-Misguich L.* Kurbinovo. Les fresques de Saint-Georges et la peinture Byzantine du XIIe siècle. Bruxelles, 1975. P. 142–147. Fig. 65–67.

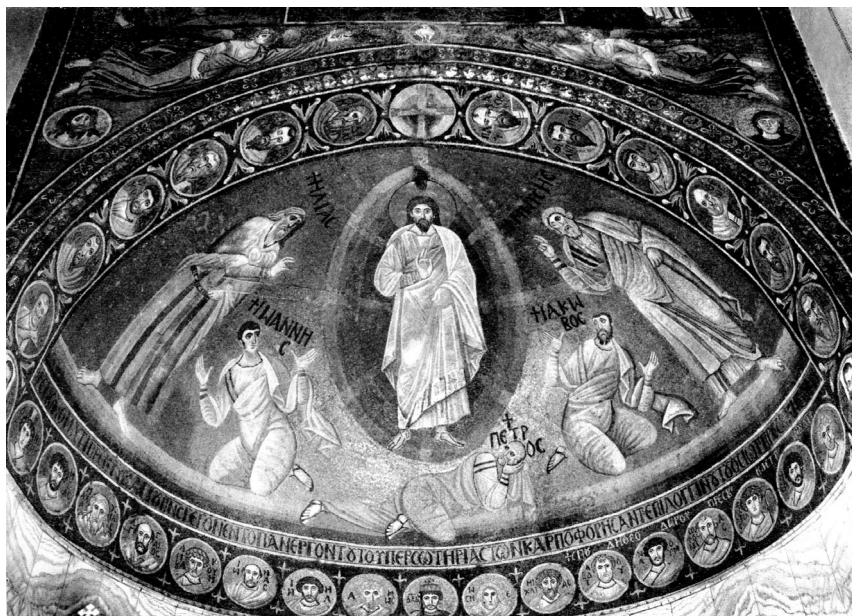

Рис. 3. Преображение. Около 565–566 гг. Мозаика алтарной апсиды храма монастыря св. Екатерины на Синае

Не касаясь здесь различных подробностей, стоит лишь учесть те принципиально новые явления в развитии иконографии Преображения, которые характеризуют византийское искусство эпохи Палеологов, оказавшее сильное воздействие на русскую иконопись. Вместо плоских холмов теперь обычно изображены три скалистые вершины в виде блоков неправильной формы с выступами и лещадками; Илия молитвенно простирает руку к Христу, Моисей держит книгу – заповеди; пророки в движении, как бы входящие в круглый светлый ореол, окружающий изящную и уравновешенную фигуру Христа, складки одежд которого переданы в мягком рельефе. Апостолы, закрывая рукой лицо, находятся в состоянии падения, и при этом теряют сандалии, и только Петр протягивает правую руку к Христу. Все это, в частности, можно увидеть в миниатюре парижской рукописи константинопольского происхождения Теологических сочинений Иоанна VI Кантакузена /гр. 1242/, выполненной между 1371–1375 гг., содержащей статью о фаворском свете¹⁶. К продукции мастера круга Феофана Грека принято относить великолепную икону

¹⁶ Айналов Д. В. Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917. С. 83–85. Табл. X.

начала XV в. из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залеском¹⁷. Иконографическую особенность этого произведения составляют три голубых луча, исходящие от фигуры Христа и ослепляющие апостолов, шестиконечная белая звезда, частично выходящая за пределы глории, изображения «восходящих» и «нисходящих» Христа с апостолами. Этот мотив позже получает развитие в видоизмененной композиции 1595 г., исторически связанной с Кирилло-Белозерским монастырем¹⁸; известен он и в обонежской иконописи XVII в.¹⁹ Хранящаяся в Петрозаводске икона (рис. 4) показательна в том отношении, что ее композиционная схема сочетает в себе также элементы поствизантийской иконографии, отличающей элитарную по исполнению икону из праздничного чина иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, выполненную около 1497 г.²⁰ (рис. 5). Следовательно, мастерам Русского Севера были известны и доступны лучшие иконописные образцы, которые они, однако, большей частью подвергали существенной интерпретации, порой сближающей с примитивом.

С учетом этого по необходимости весьма бегло очерченного художественного наследия, думается, становится возможным с несколько большим пониманием отнести к описываемой иконе из Преображенской церкви Кижского погоста (см. рис. 1). Бессмысленно заниматься поисками ближайших иконографических аналогий, потому что нет абсолютно идентичных произведений, без каких-либо отличий в позах, характере фигур, колорите, манере исполнения. В то же время отчетливо проявляются общие тенденции, определяющие отношение подобных списков к их более совершенным образцам. Их характеризуют, как правило, изменение пропорций, упрощение рисунка, исключение сложного ракурса фигур, замена пластической моделировки локальным красочным пятном и контурной линией. В результате оказывается предпочтение иным выразительным средствам, с более плотным колоритом, первоначально скорее всего отличавшимся довольно звучными тонами. Все это налицо в кижской иконе. Обращение к деталям позволяет конкретизировать наблюдения, отметив при этом обобщенность фигур и геометризацию элементов пейзажа и вместе с тем отсутствие столь тонкого сопоставления величественно-спокойных элегантных верхних фигур и драматизированных нижних. Двое апостолов здесь скорее представлены погруженными в сон, и лишь Петр один, со свитком в руке, обращен к преобразившемуся Христу.

¹⁷ Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961. С. 101–103. Табл. 113–119.

¹⁸ Рыбаков А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли вологодской XIII–XVII веков. М., 1995. С. 37. Кат. № 24.

¹⁹ Platonov V. G. Karjalan ikoniaarteet 1400–1800-luvulta. Lappeenranta, 1996. N:o 17.

²⁰ Художественное наследие Дионисия. Каталог выставки. М., 2002. Кат. № 58.

Рис. 4. Преображение. Первая половина XVII в. Икона из Карелии. Петрозаводск, Музей изобразительных искусств Республики Карелия

Иконописец явно не следует за евангельским текстом в своей свободной интерпретации иконографической формулы. В целом это показательно для продукции небольших провинциальных мастерских, деятельность которых вряд ли надо идеализировать. Если что может представиться поразительным, так это, пожалуй, своеобразная «орнаментализация» форм, хорошо знакомая и украинскому «маляру» первой половины XVI в., выполнившему икону для церкви Рождества Богородицы в Веремене²¹ (рис. 6).

²¹ *Biskupski R. Ikony ze zbiorów Muzeum Historycznego w Sanoku. Warszawa, 1991. Cat. N 26.*

Рис. 5. Преображение. Около 1497 г. Икона праздничного чина иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов, Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Рис. 6. Преображение. Первая половина XVI в. Икона из церкви Рождества Богородицы в с. Веремь (Польша). Санок, Исторический музей

Иконную плоскость он буквально превращает в сказочный ковровый мотив. Кижский мастер ограничивается отдельными выразительными деталями и горные лешадки как бы превращает в разновидность ступенек лестницы, ведущей на вершину горы, к излучающему свет Христу. Туда, где в предстоянии пророк Илия и Моисей Боговидец.

По формальным признакам кижская икона Преображения не может быть датирована ранее, чем второй половиной XVII в., но при этом вряд ли надо предполагать ее выполнение непосредственно незадолго до пожара 1693–1694 гг. Элементы нарочитого архаизма, как можно убедиться, не могут увлечь исследователя, поскольку развитая иконография, прослеживаемая по образцам конца XVI – первой трети XVII в., здесь уже подвергнута заметному упрощению. Похоже, что лишь отчасти при этом понята ввиду своей сложности. Поэтому невозможно протянуть нить непосредственно от эпохи Дионисия или же на основе анализа описываемого произведения реконструировать одно из утраченных более ранних явлений в истории иконописания северного Прионежья, подобно тому, как это было некогда сделано по отношению к древнеболгарской живописи²².

Вместе с тем изучение иконы Преображения из Кижского погоста не принесло и разочарований, наглядно подтвердив тезис о воздействии элитарного образца на продукцию местных художественных мастерских Русского Севера²³. В отличие от иконы начала XVI в. из д. Куржекса, с тем же сюжетом, более сопоставимой с упомянутой кирилло-белозерской²⁴, здесь связь с источником оказывается более опосредствованной. Процесс фольклоризации уже успел стереть существенные детали, сохранив общую композиционную схему с упрощением всего, что не вписывалось в понятия крестьянской эстетики. Последняя имела свои принципы отбора духовных ценностей, и не считаться с этим было невозможно. Народные мастера-иконописцы это понимали и последовательно учитывали в своем творчестве.

²² *Грабар А.* «До-история» болгарской живописи. (Археологическая гипотеза) // Сборник в честь на В. Н. Златарски. София, 1925. С. 555–573.

²³ *Пуцко В. Г.* Элитарный иконописный образец в восприятии народных мастеров Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 409–411.

²⁴ *Рыбаков А. А.* Живопись вытегорского ареала художественной культуры Обонежья XVI–XVIII вв. // Там же. С. 412–414. Рис. 1.

О. К. Нилова

ПОЭТИКА ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ¹

Общеизвестно, что без прошлого нет будущего. Изучение памятников прошедшего времени необходимо для понимания процессов развития отечественной культуры. Она все более осознается гуманитарным знанием как хранительница устойчивых форм, в выборе которых «нет случайностей»². Памятники духовной культуры, художественные свидетельства прошедшего времени сохраняют общие черты, которыми отмечены способы выражения смысла в письменности, живописи, архитектуре, фольклорном наследии. Обращение к поэтике подразумевает со времен античности выявление средств выразительности, свойственных усилиям человека в области художественного познания мира и самого себя. Изобразительная практика на протяжении долгой истории развития творческих способностей человека выработала особые, присущие только сфере создания изображений приемы и способы выражения. Особенности передачи отношения человека к миру, в котором он пребывает, пространству, времени и отношения к миру, который существует как мыслимая, воображаемая реальность, в совокупности составляют многообразие исторических явлений художественного характера.

Временная отдаленность древнерусской культуры позволяет выявить на основе фольклорных материалов, живописных произведений общность композиционных структур, единое переживание пространства, времени, человека, выраженное в различных памятниках культуры.

Духовная культура Древней Руси и России Новейшего времени наполнена событиями различного значения, но, несомненно, христианство так или иначе определяет ее характер и состояние уже на протяжении более чем тысячи лет.

¹ Статья написана при поддержке РГНФ в рамках проекта № 07–04–42402а. С.

² *Софронова Л. А.* Поэтика и культура // История культуры и поэтика. М., 1993. С. 6.

Эсхатологические представления сформировались в далеком прошлом человеческой истории. Мифы народов мира содержат яркие картины ожидаемого конца света, катастроф вселенского масштаба³. Свидетельства размышлений о завершении земной жизни в раннем христианстве связаны с изображениями в катакомбах, фресками и мозаиками византийских памятников.

Человек Средневековья задумывался о своей участи в вечности соотносительно учению христианства о неотвратимости Второго пришествия и Судного дня. Иконография Страшного суда складывается в художественном опыте византийского искусства. Западноевропейское Средневековье обращается к этой тематике в композициях, украшающих западные фасады храмов.

Характерной особенностью таких сцен является деление на регистры при доминировании фигуры Христа в мандорле, которая своими размерами резко контрастирует с остальными частями изображения. В стилистике композиций Страшного суда отразилось парадоксальное совмещение «малой» и «большой» эсхатологии⁴.

«Большая» эсхатология подразумевает конечную судьбу всего земного мира, «малая» – раскрывает судьбу отдельного человека во вселенской катастрофе конца, события, связанные с душой после смерти верующего. Размышления о всеобщем конце мироздания и пути человеческой души переплелись не только в изобразительном выражении западноевропейских художников, но и в древнерусских иконах, посвященных сюжетам Страшного суда.

После крещения Руси представления о времени и истории связаны с развитием темы Страшного суда. По наблюдению Г. П. Федотова, она образует «один из самых мощных центров притяжения в народной поэзии»⁵. Духовные стихи о Страшном суде обнаруживают общность образного строя с изображениями икон на эту тему. Несмотря на разные возможности живописного и словесного образа, культурная традиция Средневековья в условиях Нового времени определяет Страшный суд в категориях ужасного и величественного зрелища, в котором присутствуют человечество в целом и человеческая душа. Это отражено в начальных строках духовных стихов и сложной, многосоставной композиции икон Страшного суда. В духовных стихах говорится о том, что «месяц и солнце преумеркнет», «Небеса тогда ужаснутся, Прекрасное солнце лучи своя сокрыет вся, Луна... пресветлая престанет от течения...»⁶. В обонежском стихе говорится о светилах: «Солнце, луна потаитця, Звезды на землю спадут...»⁷.

³ Эсхатологические мифы // Мифы народов мира. В 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 670–671.

⁴ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 111–130.

⁵ Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 21.

⁶ Стихи духовные / Сост. Селиванов Ф. М. М., 1991. С. 227, 232.

⁷ Духовные стихи Обонежья // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 447.

В верхней части композиций икон Страшного суда, как правило, изображен свиток неба, лики Луны и Солнца. Надписи передают чувство страха перед глобальными переменами в состоянии земли и небес: «Тогда Солнце померкнет и Луна в кровь преложится»⁸.

Эсхатологическая тематика после принятия христианства становится частью древнерусской культуры. Она обнаруживает себя в монументальной живописи храмов Старой Ладого, Новгорода, Владимира. Социальные мотивы в изображении Страшного суда останутся на долгое время в свидетельствах русского фольклора. В композиции Страшного суда церкви Спаса Нередицы в Новгороде встречается явно выраженное уважительное отношение к бедности в одной из сцен. Душа бедного Лазаря изображена в лоне Авраамовом, а богачу в ответ на просьбу «остудить язык» сатана предлагает сосуд с огнем⁹.

Духовные стихи и поздняя иконопись Карелии сохраняют интерес к участи бедных и богатых после смерти, когда души двух Лазарей получают райское блаженство и адские муки сообразно человеческой судьбе в земной жизни. Иконописцы Карелии, обращаясь к грамотному прихожанину, сопровождают на одной из икон изображение смерти бедного Лазаря надписью о том, что ангелы забирают его душу, а душу богатого – бесы¹⁰.

Параллель этому изобразительному мотиву о двух Лазарях составляют эпизоды, отмеченные в духовных стихах Русского Севера. Спустя столетия после фресок Нередицы народная память хранит образ адского мучения для богача, просящего воды у бедного Лазаря:

*Сходи-ка, братец, на синеё море,
Принеси-ка, братец, на мизинец воды,
Роспечатай, братец, печальны уста;
Мне-ка zde, <сь>-ка, братец, очень горяце!*¹¹.

В духовных стихах душа богатого Лазаря «черна, как головёнок»¹². Иконописец, писавший икону Страшного суда, из д. Селецкое (см. рис. 1, 2), создает изобразительное подтверждение этому в сцене смерти богатого, свидетелями которой являются женщина в голубых одеждах и двое мужчин. Бес хватает черную душу в виде маленькой фигурки, исходящей из уст умершего. Надпись сообщает о муках богатого, а душа нищего «...несома бе ангелами на лоно Авраамле»¹³.

⁸ Музей изобразительных искусств РК (далее – МИИ РК). Инв. № И-1489, И-1170.

⁹ Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М., 1973. С. 50.

¹⁰ МИИ РК. Инв. № И-952.

¹¹ Духовные стихи Обонежья. С. 475.

¹² Там же. С. 474.

¹³ МИИ РК. Инв. № И-1287.

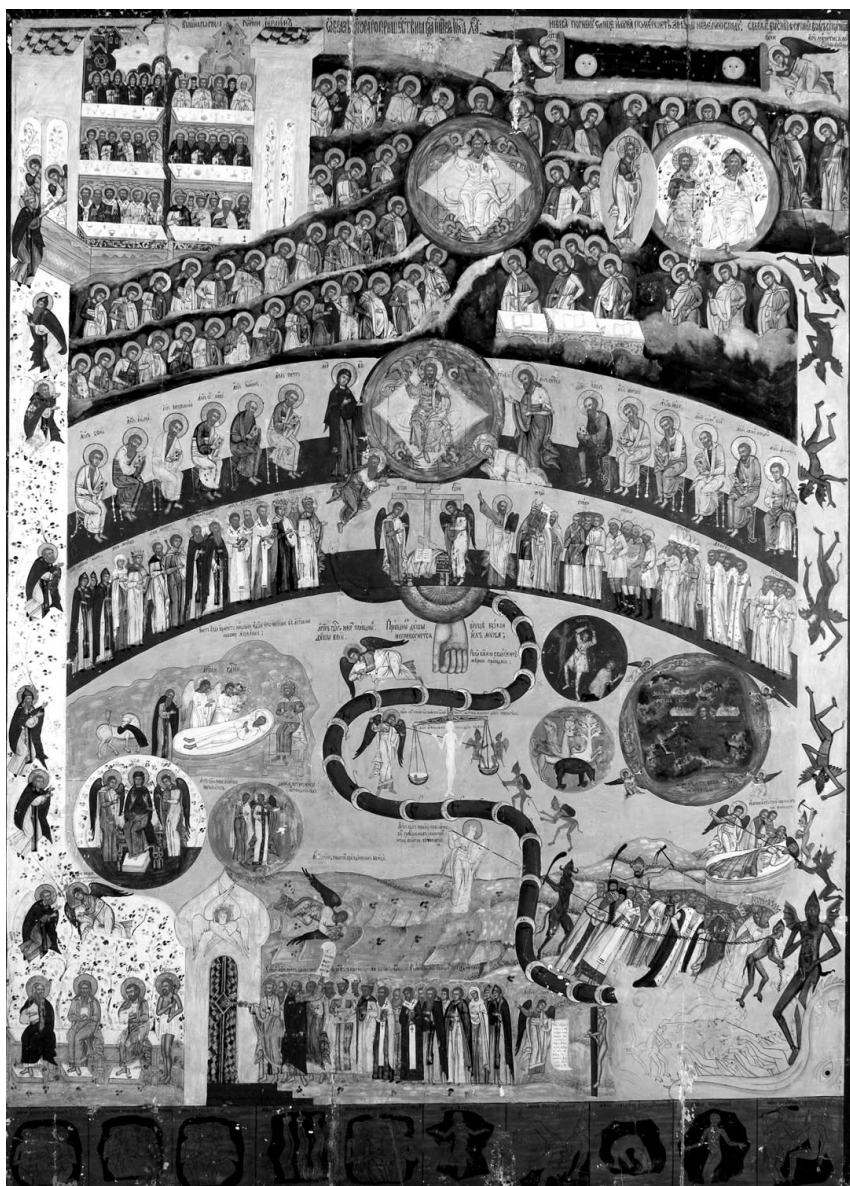

Рис. 1. Страшный суд. Конец XVIII – начало XIX в. Из д. Селецкое (МИИ РК)

Рис. 2. Смерть богатого Лазаря. Фрагмент иконы из д. Селецкое

Иконописцы Русского Севера на протяжении нескольких столетий осваивали богословие иконы, приспособлявая его к потребностям крестьянских приходов. Воздаяние нищему почестей и неминуемая кара за стяжание земных богатств в поздней иконописи Карелии свидетельствуют о том, как важно было убедить бедного прихожанина на примере бедного Лазаря в том, что справедливость хоть когда-нибудь, во Втором пришествии, восторжествует.

В станковой живописи Древней Руси изобразительное воплощение эсхатологической темы складывается на протяжении XV–XVI вв. Формирование сложной иконографии Страшного суда происходит в зависимости от ситуации двоеверия, характерной для русского Средневековья. В изобразительном опыте древнерусских мастеров переплетаются черты языческого и христианского миропонимания¹⁴.

¹⁴ Цодикович В. К. Семантика иконографии Страшного Суда в русском искусстве XV–XVI веков. Ульяновск, 1995.

Рис. 3. Страшный суд. Середина XIX в. Из д. Лижмозеро (МИИ РК)

Идущее от славянской мифологии представление о трехчастном строении мира нашло отражение в разделении вытянутой по вертикали иконной доски на три зоны, где верхняя – это недоступное смертному

человеку горнее пространство, отведенное изображениям Св. Троицы, Небесного Иерусалима. В композиции икон Страшного суда не только противопоставлены верх и низ, но и визуально обозначено различие между правым и левым. В нижней части икон справа относительно фигуры Христа – шестие праведников в рай, отмыкание райских дверей апостолом Петром, слева по отношению к фигуре Спасителя – ад и сцены мучений в нем. Эсхатологические представления не только сказались в символике иконографии икон Страшного суда, но и со временем сделали слово «десный», т. е. находящийся справа, синонимом понятия «спасение»¹⁵. Изображение «змея мытарств» соединяет «малую» эсхатологию с изображением признаков Второго пришествия, поскольку дает наглядное представление об испытании души в грехах. Глобальный смысл Второго пришествия соединен с ожиданием посмертной судьбы отдельного человека. Сюжет «змея мытарств» в иконографии Страшного суда появился в связи с пониманием «очистительно-судебной функции» огненного потока, играющего важную роль в композициях такого рода, но в его раскрытии присутствует «языческий образ змея-древа»¹⁶. Опора на языческое прошлое национальной культуры в толковании иконографических особенностей икон Страшного суда не представляется полностью приемлемой для всех исследователей. Сюжет «змея мытарств» иногда трактуется как результат появления системы «новых коллективных представлений, которые активно формировались церковными институтами в процессе углубленной христианизации древнерусского общества»¹⁷.

Характер эсхатологических предчувствий древнерусского человека в XV и XVIII столетии не был одинаковым. Сопровождая верующего на протяжении всего земного пути, ожидание Страшного суда окрашивалось в разные тона, свойственные конкретной исторической эпохе. Современники Андрея Рублева среди многих вариантов отношения к теме конца света увидели воплощенное средствами монументальной живописи Второе пришествие оптимистически-просветленно как начало нового переустройства человека и мира¹⁸.

В станковой живописи развитие иконографии Страшного суда приходится на период, когда в церковной жизни древнерусское общество преодолевает ереси. Страстное «Послание к иконописцу» обличителя

¹⁵ Шалина И. А. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и их символическое значение // *Seminarium Bulkinianum II: к 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина*. СПб., 2007. С. 167.

¹⁶ Подикович В. К. Русское церковное искусство XVIII – начала XX вв. в немусейных собраниях Ульяновской области. Ульяновск, 1991. С. 170.

¹⁷ Алексеев А. И. Сюжет «змея мытарств» в композиции русских икон «Страшного Суда» // *Церковная археология*. СПб., 1994. Вып. 4. С. 16–17.

¹⁸ Плугин В. А. Мироззрение Андрея Рублева. М., 1974. С. 30–46, 112–125.

еретиков Иосифа Волоцкого обращено к одному из великих древнерусских художников – Дионисию. В «Словах» о почитании икон церковный иерарх не только определяет сущность и необходимость молитвенного предстояния перед иконой, но и дидактически-назидательно предостерегает верующего о том дне, когда «Приидет божий меч на нас, иже ничьего лица не обинуется, егда оставит человек всяческаа, и отидеть един, нищ и наг, беспомощен без заступления бездръзновенен, а неуготован, долу поничя, плачяся и сетуя, потом обливаясь, очима обращая семо и онамо, зубы скрежеща, трепеща, власы тръгая, языком изгараем, хотя бежати не могый, хотя помощь уллучити, и не уллучить...»¹⁹.

Эмоциональное переживание безысходности ситуации, всеохватывающий ужас сохранятся в памятниках фольклора вплоть до начала XX в. В духовном стихе, записанном на Русском Севере, говорится о Страшном суде:

*Заплачуть тут грешныи души,
Будут ревом ревети,
Будут зубом скрипети,
Будут власы с глав срывати...
А возглаголить не возмогут...*

На вопрос о возможности прощения грешников Христос ответит:

*Не есть конца и не будет!
Потяните, ангелы, землю,
Чтобы не было слышно писку и вереску*²⁰.

В духовной жизни России XVII столетия определяющим фактором, изменившим характер ожидания конца света, стал церковный раскол, судьба старообрядческого движения. В этом столетии в русской культуре стало меняться отношение к смерти, что отразилось в литературном наследии выговских старообрядцев²¹. Реформы Петра Великого изменили состояние и положение России в Европе, приблизили ее к ценностям нового характера, но инерция средневековой культурной традиции оказалась мощным противовесом в процессе утверждения светских форм художественного порядка.

Переход к Новому времени обозначил проблему сохранности отечественного иконописания в условиях, когда жизнь стремительно менялась.

¹⁹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XVI вв. М.; Л. 1955. С. 359–360.

²⁰ Духовные стихи Обонежья. С. 448–449.

²¹ Церняк У. Тема смерти в Выговской литературе (первая половина XVIII в.) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 12.

Отвечая изменившемуся религиозному чувству, древнерусская художественная традиция трансформировалась, что нашло отражение в появлении икон живописно-академических, золото-пробельных, в то время как традиционное иконописание вытесняется в нижний социальный слой²². На территории Карелии издавна иконописание было занятием деревенского населения, священников и мирян²³. Это делало его народным по характеру, близким народному сознанию по способам выражения религиозного чувства, в котором могли соединяться языческие предрассудки и просто-сердечие искренней христианской веры.

Ядро композиций икон Страшного суда на протяжении XVIII–XIX столетий сохраняется в соответствии с более ранней иконографией. Не изменяется общий характер построения на иконных досках большого размера, деление на зоны или регистры, в которых последовательно представлены события, связанные с Небом (многократное изображение Троицы, Христос с предстоящими ему Богоматерью, Иоанном Предтечей, Адамом и Евой, апостолы), атрибутика Судного дня (Престол уготованный, трубящие ангелы, мерило праведное, изображение ада и мучений в нем). Структурирование мироздания изобразительно выражено в выявленной В. К. Цодиковичем композиционной схеме, аналогичной мифологическому «мировому дереву»²⁴. Центральная ось по вертикали подчеркнута изображением Троицы, Христа, Престола уготованного, извивающимся телом «змея мытарств». Все эти признаки характерны для поздних икон XVIII–XIX столетий. Принадлежность к воззрениям старообрядчества откровенно подчеркнута в двуперстном сложении рук Саваофа, Христа²⁵. Характерной особенностью поздних икон XVIII–XIX вв. можно считать развитие темы вознесения монахов и падения ангелов. Две полосы с левого и правого края икон представляют движение вверх и вниз, обрамляя основные сюжеты центральной части²⁶. Внимание северных иконописцев к сюжету вознесения монахов в Небесный Иерусалим объяснимо, поскольку именно на Русском Севере существовали монастыри, хранящие «древнее благочестие». Из центров старообрядчества на Выге и Лексе расходились по России меднолитые иконы, кресты. В Новое время верующие не отказались от прежних представлений о духовной роли монашества в деле христианского спасения. Монастырские праведники и

²² Бусева-Давыдова И. О границах понятия «старообрядческая иконопись» // Искусствознание. М., 2005. № 2. С. 206.

²³ Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV–XVI веков. М., 1967. С. 93–107.

²⁴ Цодикович В. К. Семантика иконографии «Страшного Суда» в русском искусстве XV–XVI веков: Автореф. дис... канд. искусствоведения. СПб., 1992. С. 8.

²⁵ МИИ РК. Инв. № И-1170.

²⁶ МИИ РК. Инв. № И-128, И-1287, И-1489, И-1170.

святые по-прежнему воспринимались как молитвенники и заступники за род человеческий перед престолом Божиим.

Народная вера обретает в изображениях икон конкретность визуального образа. В предшествующий период церковь противилась изображению Бога Отца и запрещала его в иконописи, но новгородская иконопись знает образ Отечества.

Эсхатологические ожидания крестьянских приходов Олонецкой губернии в XVIII–XIX столетиях нашли отражение в иконах с изображением Страшного суда. Словесность, народная поэзия и проза этого времени содержат образы Судного дня в духовных стихах, бытующих в условиях «цивилизации нового времени»²⁷. В устной и письменной форме известны эсхатологические легенды («обмирания», видения потустороннего мира)²⁸.

Для молящегося в храме или часовне человека, расположенный на западной стене в интерьере образ Судного дня создавал определенное психологическое состояние. Центральный, главный ряд иконостаса в иконе «Спас в силах» раскрывает тему Страшного суда и Второго пришествия в торжественно-возвышенной форме. Выходя из храма или часовни, на западной стене, в иконе Страшного суда прихожанин видел конкретные подробности суда над человечеством и человеческой душой. Находясь в храме, верующий человек ощущает пространство иначе, чем за его пределами. Иконы, открывая в изображениях мир горний, мир истинных существ и высшего порядка, заставляют задуматься о смысле земного существования. Смысл земной жизни религиозная живопись раскрывает для взора в сопоставлении с вечными событиями Священного Писания. Незыблемость представлений о вечности, выраженная во всей системе организации интерьера православной церкви, сосредоточивала на глубоко личном ощущении беспредельности мира и его истории во времени²⁹. Павел Флоренский, размышляя об иконостасе, писал о том, что изображения в храмах нужны по причине «немогущности духовного зрения молящихся»³⁰.

Эсхатологические предчувствия прихожан в XVIII–XIX вв. благодаря иконописи обретали убедительность, особенно в изображениях сцен рая и ада. В народном сознании внешние признаки рая прочно соединились с представлениями о прекрасном саде и красивых строениях. Пребывание в раю на иконах позднего письма в собрании Музея изобразительных ис-

²⁷ Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 13.

²⁸ Пигин А. В., Разумова И. А. Эсхатологические мотивы в русской народной прозе // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 53.

²⁹ Дунаев М. Сакральный смысл иконописания // Икона и образ, иконичность и словесность. М., 2007. С. 102.

³⁰ Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 40.

куств Республики Карелия часто изображено аналогично описаниям видений потустороннего мира. «Для праведников на том свете приготовлены дома, или „полаты“... Блаженство обитателей рая описывается как веселие... Праведники возлежат за трапезой...»³¹. На иконе из Вирмы в части композиции со сценой рая изображены четыре помещения, разделенные колоннами. За столами с яствами – преподобные отцы, св. мученицы, святители, пророки. В декоративном оформлении сцены чередуются красный и синий, красный и оливково-зеленый цвета. Надпись на иконе аналогична эмоциональному строю свидетельств фольклора. Она утверждает, что все изображенные «ликовствуют»³².

Сходство образов иконописи и фольклора характерно и для других икон с композицией Страшного суда³³. В сценах, представляющих лоно Авраамово, Богоматерь в раю, Небесный Иерусалим, поздние иконы Карелии содержат элементы свободного, легкого кистевого письма, которое передает удивительную красоту необычных деревьев и цветов. «Райский сад – это сад вечно зеленеющий, цветущий, плодоносящий. Зелень деревьев здесь дополняется сочной зеленью трав, цветущие деревья – диковинными цветами, каких на земле не бывает»³⁴.

В целостной системе древнерусской культуры средневековая живопись множеством связей была соединена с письменностью, словесностью³⁵. Изменения, произошедшие в русской культуре Нового времени, отеснили на периферию Российского государства культурные связи Средневековья и саму ментальность древнерусской художественной традиции, которая продолжила свое существование в условиях парадигмы Нового времени, видоизменяясь, но не исчезая. Взаимовлияние и взаимосвязи изобразительного опыта и фольклора по-прежнему актуальны в поздней иконописи XVIII–XIX вв. Идущая из глубины времени бинарная оппозиция языческого и христианского проявляет себя в развитии народной иконы, в обращении к тем или иным сюжетам, в стилистике иконного письма.

³¹ Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 181.

³² МИИ РК. Инв. № И-1170.

³³ МИИ РК. Инв. № И-1287, И-128, И-952.

³⁴ Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004. С. 927.

³⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 22–32.

В. А. Гущина

**О КОЛОКОЛЬНЕ КИЖСКОГО
АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ
(время создания и восприятие образа)**

Впервые Спасский погост в Кижях был описан в 1496 г. писцом Юрием Сабуровым, хотя... в числе семи погостов, дошедших до нас в его записи, он не значится. Лишь при описании погоста по писцовой книге 1563 г. Андрея Лихачева обращают на себя внимание повторяющиеся семь раз пояснения в тексте, которые позволяют сделать этот вывод. Так, в частности, после подробного описания деревень Кижского погоста и поименного перечисления тяглецов, живущих в них, имеется запись: «...Да у погоста же писанье по Юрьеву писму Константиновича 3 двory Онтушки Тороканова да Михалки да Федька Поповых да Бориска Белкова и те дворища пусты и дворов нет»¹.

Предположительно на Кижском погосте в XV в. были две церкви (летняя и зимняя) простейшего клетского типа. Вероятно, и колокольня стояла рядом также простейшего вида – квадратная в плане, характерная для колоколен этого времени. Такие колокольни появились с распространением колоколов на Руси (рис. 1, а).

К началу XVII в. квадратные в плане колокольни были усовершенствованы: заменены более устойчивой конструкцией в виде восьмигранного сруба, идущего от земли («от пошвы»). Колокольни рубились по правилу «рубить колокольню о восьми стенах»: такое устройство подвергалось меньшей опасности при сильном ветре (рис. 1, б, в).

Врытые в землю низы столбов каркаса загнивали, вероятно, довольно быстро, что повлекло за собой применение более улучшенной конструк-

¹ Гущина В., Гущин Б. Когда построены Кижы? // Север. 1976. № 10. С. 105–106.

ции. В нижнюю часть сруба стали врубать устройство – цоколь, квадратный в плане, а выше рубили высокий восьмерик.

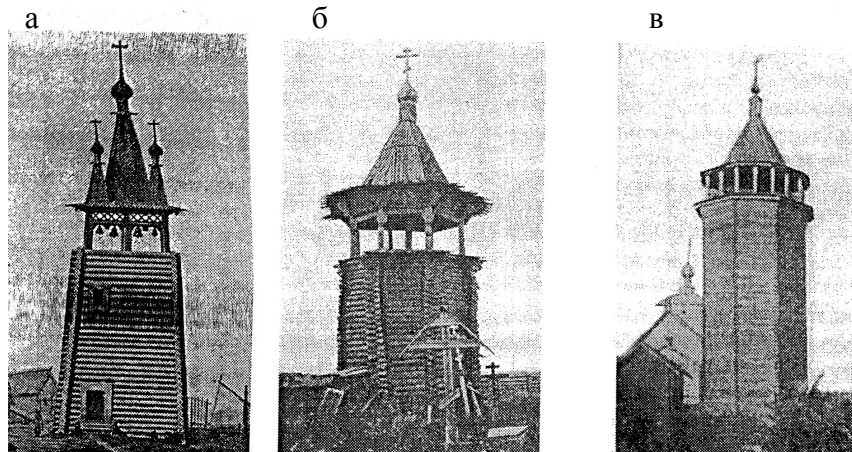

Рис. 1. Колокольни: в Ракулах (а), Цывозере (б), церкви Спаса на Рене (в) (по М. Красовскому)

Таким образом, сложился самый распространенный, ставший со временем классическим тип северных колоколен «восьмерик на четверике» (рис. 2–4).

Первое упоминание об отдельно стоящей колокольне на Спасском Кижском погосте имеется в писцовой книге Петра Воейкова и Ивана Льговского 1616–1619 гг.: «А на погосте церковь Боголепного Спасова Преображения деревянной с папертьми, верх шатровый и Покрова Пресвятой Богородицы, теплой, то ж деревянной... а также колокола на колокольне»². Кижская колокольня упоминается и в писцовой книге 1628–1631 гг.: «Да на колокольнице колокол весом тринадцать пудов» (208 кг). Обе кижские церкви имели тогда шатровое завершение³. Значит, на погосте были три шатровых строения. Колокольня стояла отдельно от церквей (см. рис. 2).

² Правдин М. Из прошлого Олонешского края // Известия общества изучения Олонешской губернии. Петрозаводск, 1914. Т. IV. Вып. 6–7. С. 119.

³ Чернякова И. А., Черняков. О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 71–72.

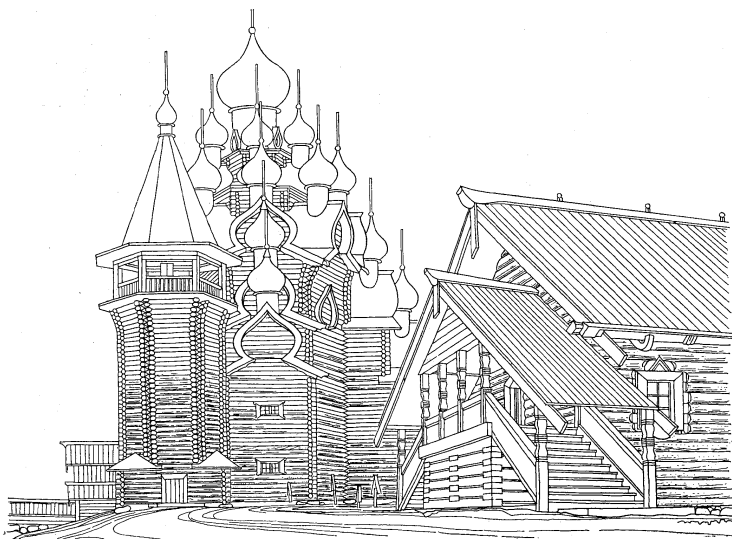

Рис. 2. Реконструкция общего вида Преображенского храма и колокольни со стороны входных ворот (по Л. М. Лисенко)

Рис. 3. Гипотетический облик Спасского Кижского погоста на Нарыной горе. 1616–1619 гг. Рисунки Е. В. Вахрамеева

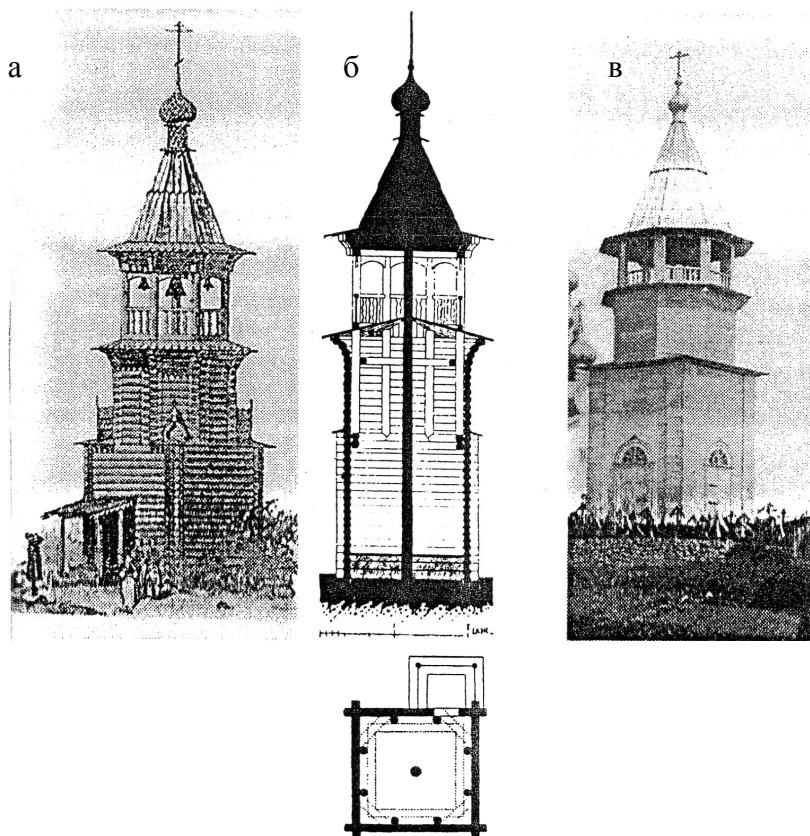

Рис. 4. Колокольня в Унежеме (а, б) (по В. Суслову),
колокольня в Кижях (в) (фото Ф. Каликина)

Первое графическое изображение Кижского погоста относится к 1785 г.⁴ (рис. 5). На гравюре изображен классический тип северной колокольни на низком цоколе – четверике, переходящем в высокий восьмигранный сруб с шатровым завершением. К этому времени, со второй половины XVII в., практиковалось связывать колокольни с храмами в единое целое, располагая их с юго-западной или северо-западной стороны храма⁵. На гравюре Р. Зотова отчетливо виден именно такой вариант (рис. 6).

⁴ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. Рис. 8.

⁵ Красовский М. Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. СПб., 2002. С. 143.

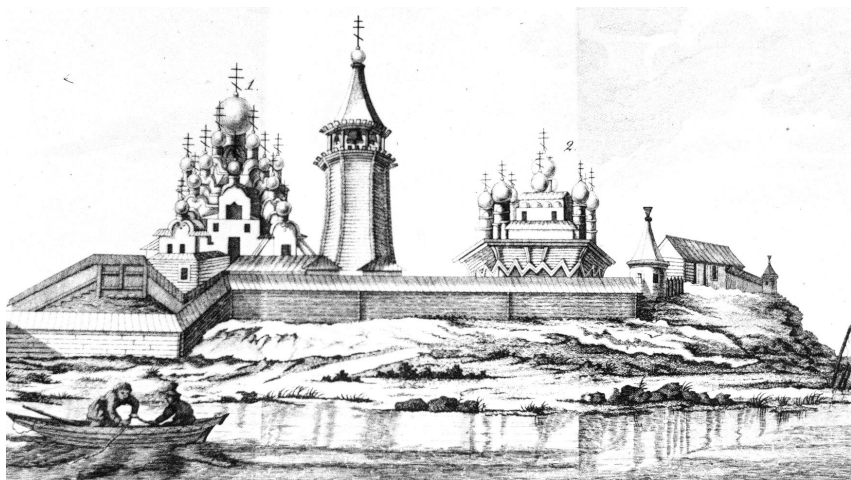

Рис. 5. Кижский погост. Гравюра Р. Зотова. 1785 г. (по Н. Я. Озерецковскому)

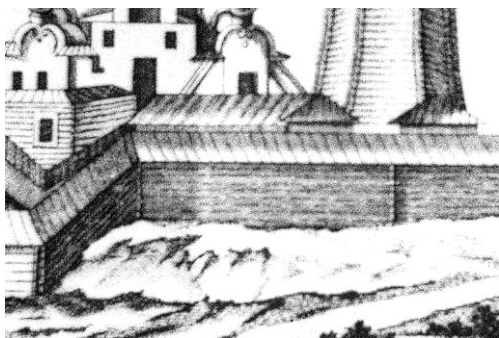

Рис. 6. Фрагмент гравюры Р. Зотова с видом на крытый переход, соединяющий Преображенскую церковь и колокольню (по Н. Я. Озерецковскому)

Крытый переход на столбах («церковный мост») использовался для прохода из Преображенской церкви в колокольню. Этот переход был зафиксирован также в архивных документах: «9 февраля 1815 года... получено... листовое железо для... укрепления церковного моста»⁶.

Более подробное описание (до 1832 г.) поясняет: «При сих церквах колокольня деревянная вышиною 22 сажени об одной главе, которая обита белым железом, видом круглая восьмистенная, шатровая, самый низ оныя или подруб от земли вверх в одну сажень четырехстенный: для

⁶ Фонды музея «Кижи». Инв. № 3168. С. 1 (Книга счетов Кижского церковного старосты Петра Козьмина за 1815 г.).

входу в колокольню снизу о самую землю двери, из первой церкви деревянные же на столбах с крышею переходы»⁷.

В настоящее время существование этого перехода подтверждается не имеющим сейчас практического значения дверного проема, «ведущего в никуда», на западном фасаде трапезной, обращенного в сторону колокольни. Известно, что дверь прежде использовалась для выхода из церкви на «церковный мост», ведущий в древнюю колокольню (рис. 7).

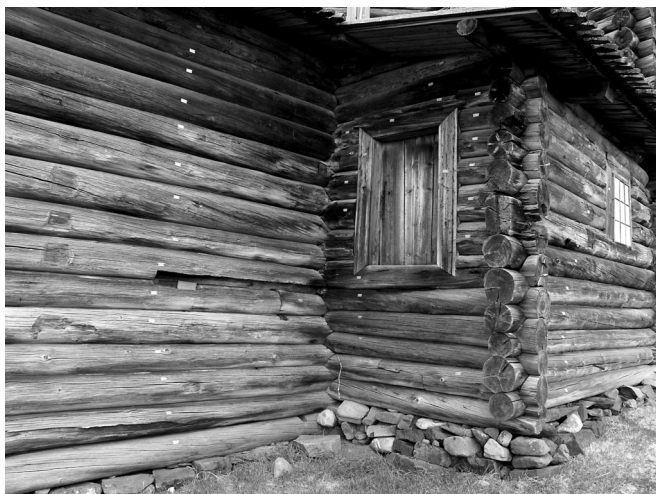
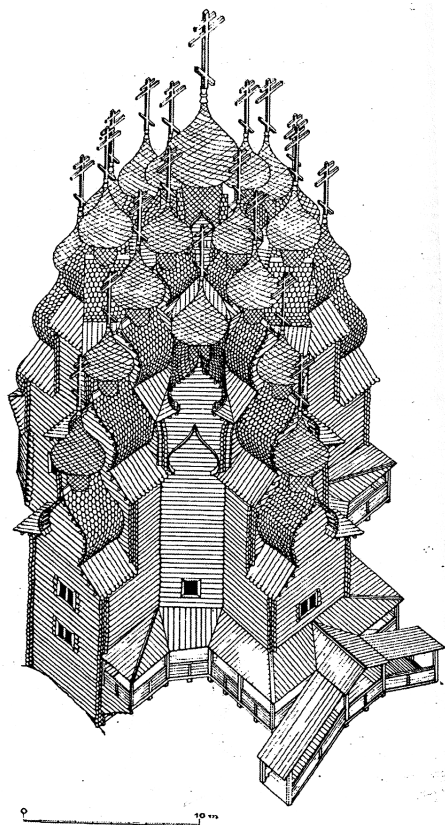

Рис. 7. Дверь на западном фасаде трапезной Преображенской церкви. Фото 2006 г.

Финский исследователь Ларс Петтерссон предполагал, что первоначально Преображенская церковь была опоясана с западного фасада не трапезной, а галереей или какой-то другой неизвестной постройкой (рис. 8). Трапезная, по его мнению, могла относиться не к началу XVIII в., а к его середине, учитывая особенности врубок оконных проемов (на северной стене сохранилось верхнее четырехкосячатое окно, отличное от более позднего трехкосячатого окна трапезной), а также врубок углов и ее общего вида, отличного от основного сруба⁸.

⁷ Научная библиотека музея «Кижь». № 939. С. 45 (Гуцина В. А. Кижский архитектурный ансамбль. Преображенская церковь. Дополнения к «Летописи 1714–1920 гг.». 1985 г.). См. также: Государственный исторический музей. Ф. 450. Ед. хр. 696. Отдел письменных источников. Л. 86 об. (Исторические сведения о приходе Кижском Петрозаводского уезда (после 1832 года). Священник Стефан Ржановский).

⁸ *Pettersson L. Aänisüemen Kirrollinen punan Krichtuuri. Helsinki, 1950. P. 54.*

**Рис. 8. Реконструкция
галереи с западного фасада
Преображенской церкви**
(по Л. Петтерссону)
(Фонды музея «Кижь»
КП 3171/228)

По мнению Л. М. Лисенко, галерея по форме могла восходить к старой шатровой церкви и была типичной для таких церквей⁹. Вполне допустимо, пишет он, что одновременно с пристройкой или перестройкой трапезной рубилась и колокольня¹⁰.

Данные предположения подтверждает архивная записка за 1866 г.: «...В Кижском погосте находится деревянная церковь Преображения Спаса... без каменного основания. Через несколько лет после строительства ее ремонтировали: сделали на ней новые кровли, покрыли стены досками, выполнили и другие починки. В связи с этим была сделана бревенчатая пристройка, которая непосредственно примыкает к зданию

⁹ Лисенко Л. М. Этапы формирования Кижского ансамбля // Архитектурное наследство. М., 1976. № 24. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 95–96.

церкви без связок и потолка, только лишь с кровлей по курицам и потокам и полам, отгороженным тремя стенами, самым простым и не прочным способом, без всякого укрепления. И как, побывав на месте, константиновали: стены опустились (осели), бревна отделились от церковных стен, так что дождевые ливни постоянно устроятся вдоль стен, причиняя постройке вред»¹¹.

В мае 1866 г. «духовенство и жители прихода объясняли, что эта боковая пристройка была предназначена собственно для тех людей, которые приходили из соседних деревень на церковные праздники, и что ее из-за этого хотели использовать и в дальнейшем для этой же цели с тем условием, что: 1) совместно с ремонтными работами на церкви разберут стены пристройки и построят вновь, просто связывая и соединяя их со стенами церкви с жимами и болтами, построят внутреннюю кровлю (потолок)... обошьют стены обструганными рубанком досками как внутри, так и снаружи»¹².

В 1871 г. церковная летопись сообщила: «...огромная паперть, имеющая в диаметре 16 сажен, покрыта в 2 новых теса. По смете положено еще обшить внутренние стены в притворе... прихожане считают совершенно ненужным, потому что эта может служить только украшением в притворе, а для прочности самих стен она не нужна, так как снег и дождь сюда не проникают при том же с устройством потолка в притворе будет низко, что помешает для крестных походов, какие в приходе бывают нередко»¹³.

Вскоре, в 1872 г., согласно ходатайству Комитета и отношению Олонецкой духовной консистории в Строительное отделение губернского правления обшивка внутренних стен притвора с покраскою оных в Спасо-Преображенской церкви отменена, устройство же потолка в притворе отложено «до получения денежных средств», о чем последовал Указ Олонецкой духовной консистории от 2/9 марта за № 1782¹⁴.

Именно в таком виде паперть-притвор, или трапезная, сохранилась до настоящего времени.

О том, что древняя колокольня имела внушительный возраст и в связи с ветхим состоянием, зафиксированным в 1854 г.¹⁵, уже была приговорена к сносу, говорит «Дело по отношению Олонецкой Духовной Консистории об утверждении проекта и сметы на постройку колокольни в Кижском погосте». Дело начато 19 февраля и окончено 30 апреля 1854 г. Данный документ свидетельствует: «По рассмотрении в искусственном столе

¹¹ Гуцина В. А. Кижский архитектурный ансамбль... С. 22–23.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 14.

вышеозначенных плана и сметы оказались они составленными первой согласно правил архитектуры»¹⁶.

Таким образом, и старая колокольня, и соединенная с ней крытым переходом бревенчатая пристройка Преображенской церкви в 1850-е гг. находились в ветхом состоянии. Срубленные в середине XVIII в., к этому времени они превзошли 100-летний возраст.

К постройке колокольни приступили только через 8 лет, в 1862 г., отметив: «...Во время постройки колокольни всем приходом помогали срыть старую колокольню, очистить место, доставить камень и песок для фундамента, выкорить лес и доставить оный к месту постройки и 10 человек и более плотников и пильщиков кормили хлебом и пр. В сем году Толвуйского прихода торгующий крестьянин Захарьев 550 досок пожертвовал для обшивки колокольни»¹⁷. Работы были выполнены по договору с подрядчиком – крестьянином Г. С. Насоновым¹⁸.

Новая колокольня была несколько смещена в сторону ограды и не предназначалась, как видно, для связи с храмом, словно подчеркивая свою самостоятельность среди погостных строений.

Странным становится то обстоятельство, что новая паперть-притвор (в настоящее время – трапезная) сохранила в своем устройстве «дверь в никуда», обращенную, как и прежде, в сторону вновь выстроенной колокольни. Но и в конструкции новой колокольни сохраняется слабый намек на существование бывшей связи с храмом, читаемый в расположении «ложного» северного входа со ступенчатым крыльцом, обращенного к «двери в никуда».

Наличие крытого перехода от храма к колокольне было отмечено в 1943 г., в период финской оккупации Заонежья, Ларсом Петтерссоном, который каким-то образом догадался о его существовании в прошлом, в то время как для архитекторов Л. М. Лисенко и А. В. Ополовникова, впервые сделавших детальные обмеры строений Кижского ансамбля в 1940, 1945 и 1959 гг., наличие на срубе «двери в никуда» так и оставалось на многие годы загадкой¹⁹.

Рассмотрим разные варианты устройства этого перехода на примере сопоставления исследований Л. Петтерссона, Л. М. Лисенко и В. А. Крохина. В представлении Л. Петтерссона крытый переход соединял церковь, опираясь на квадратный низ сруба – цоколь, непосредственно со срубом восьмерика, довольно высоко поднятого над землей (рис. 9).

¹⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 9/11. Л. 3.

¹⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 11/175. Д. 38–39.

¹⁸ Научная библиотека музея «Кижь». Фонд Ларса Петтерссона. № 1184.

¹⁹ *Гущина В. А.* Предложения к проекту реставрации Преображенской церкви (исторический аспект) // Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск, 2007. С. 91.

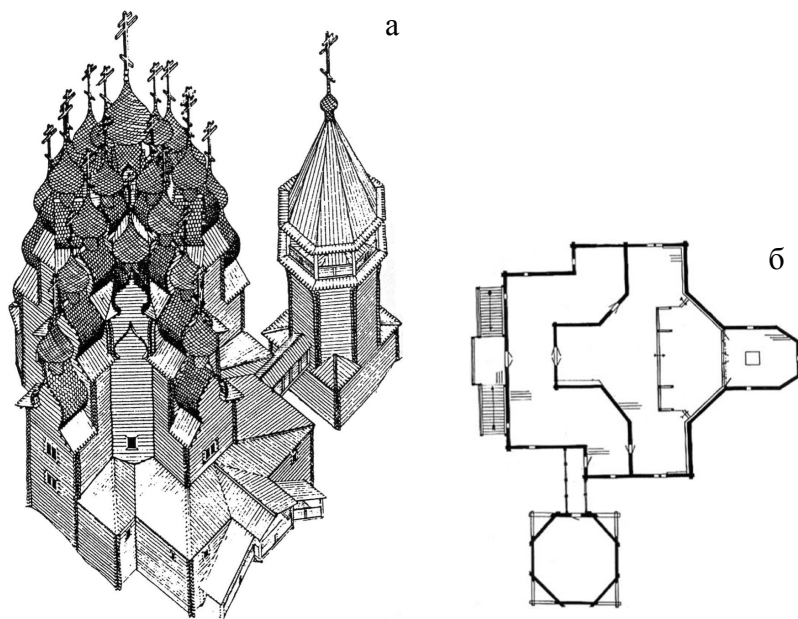

Рис. 9. Реконструкция крытого моста, соединявшего Преображенскую церковь и колокольню (а – эскиз, б – план) (по Л. Петтерссону)

Интерес представляет чертеж, выполненный Л. М. Лисенко, с отображением совпадения уровней полов трапезной Преображенской церкви и реконструируемой им старой колокольни²⁰ (рис. 10).

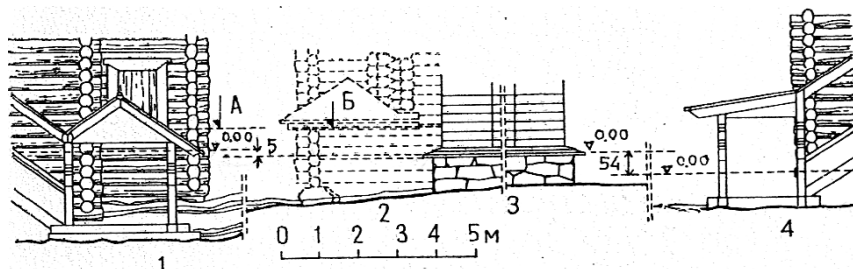

Рис. 10. Чертеж привязки уровней полов трапезной Преображенской церкви и колокольни (новой и старой) (по Л. М. Лисенко):

1 – Преображенская церковь; 2 – старая колокольня; 3 – колокольня конца XIX в.; 4 – Покровская церковь; А – уровень пола трапезной; Б – предполагаемый уровень пола старой колокольни

²⁰ Лисенко Л. М. Этапы формирования Кижского ансамбля. С. 98.

Значительное внимание исследователь уделил Генеральному плану Кижского погоста середины XVIII в.²¹ (рис. 11). На плане автор показал соединение церкви с колокольной и отметил контуры места расположения новой колокольни.

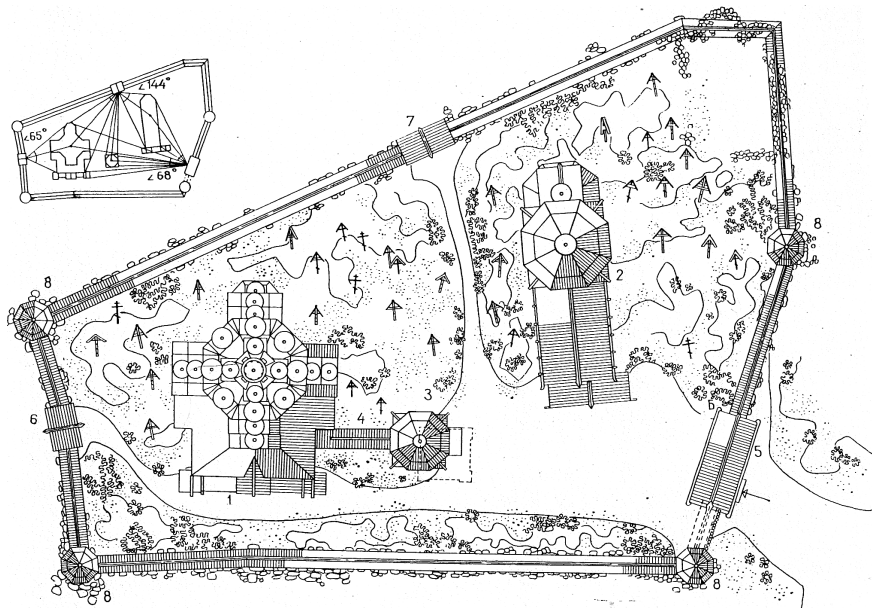

Рис. 11. Генеральный план Кижского погоста середины XVIII в.
(по Л. М. Лисенко)

Рассматривая этапы формирования Кижского ансамбля, Л. М. Лисенко изобразил варианты ансамбля середины XVIII в. с шатровым завершением Покровской церкви и двухмаршевым крыльцом (рис. 12, а, б) и ансамбля конца XVIII в. с девятиглавием. На каждой иллюстрации представлены крытый переход на столбах, объединенный с храмом на уровне восьмерика колокольни, а также западный фасад и генеральный план Кижского ансамбля первой половины XX в. с новой отдельно стоящей колокольной (после ликвидации старинной колокольни и крытого перехода) (рис. 12, в, 13).

²¹ Лисенко Л. М. Этапы формирования Кижского ансамбля. С. 99.

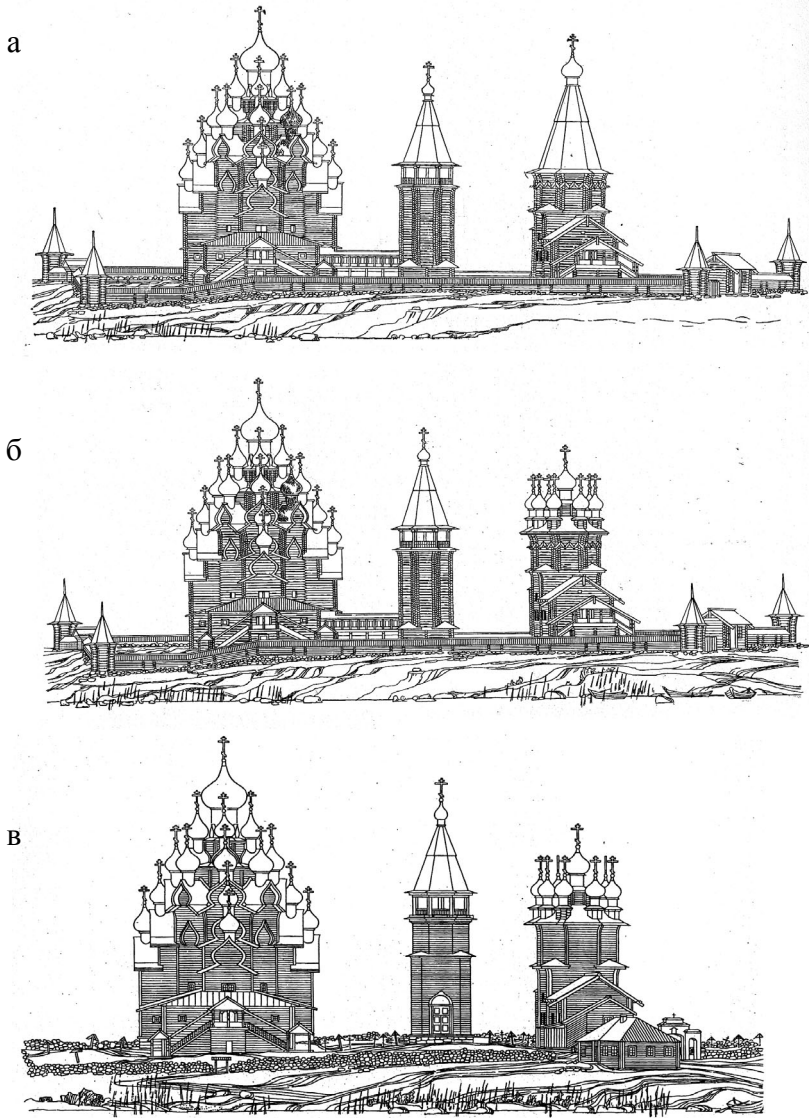

Рис. 12. Западный фасад Кижского ансамбля середины XVIII в. (а), конца XVIII в. (б) и первой половины XX в. (в) (по Л. М. Лисенко)

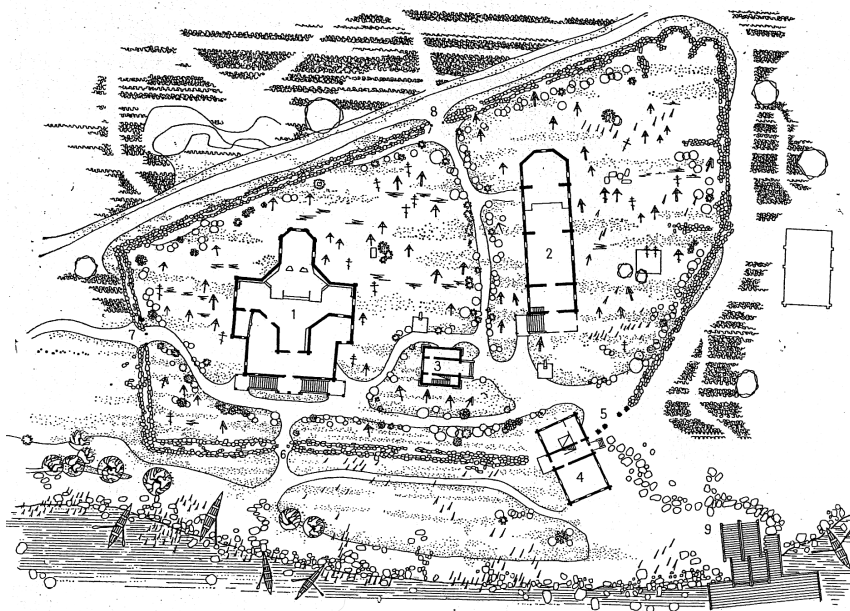

Рис. 13. Генеральный план Кижского ансамбля первой половины XX в.
(по Л. М. Лисенко)

В связи с новыми архивными изысканиями научных сотрудников музея «Кижь» В. А. и Б. А. Гушиных архитектор-реставратор В. А. Крохин представил свои, отличные от данных Л. М. Лисенко, результаты исследований, дополнив схематическое изображение Л. М. Лисенко новым, неизвестным ему типом Покровской церкви клетского вида. Крытый переход исследователь изобразил в соединении церкви с квадратным основанием колокольни. Переход в месте соединения с церковью имеет значительный высотный перелом. Автор проанализировал архивные сведения и установил высоту четверика колокольни в одну сажень. Крыльцо Покровской церкви в один марш обращено на юг в связи с наличием прежнего входа на территорию погоста с южной стороны (рис. 14). Представленные В. А. Крохиным схематические изображения последовательно прослеживают этапы формирования Кижского комплекса и всех его трех компонентов, а также все виды погостной оград²².

²² Крохин В. А. Новое в формообразовании Кижского ансамбля. Петрозаводск, 2006. С. 22–27.

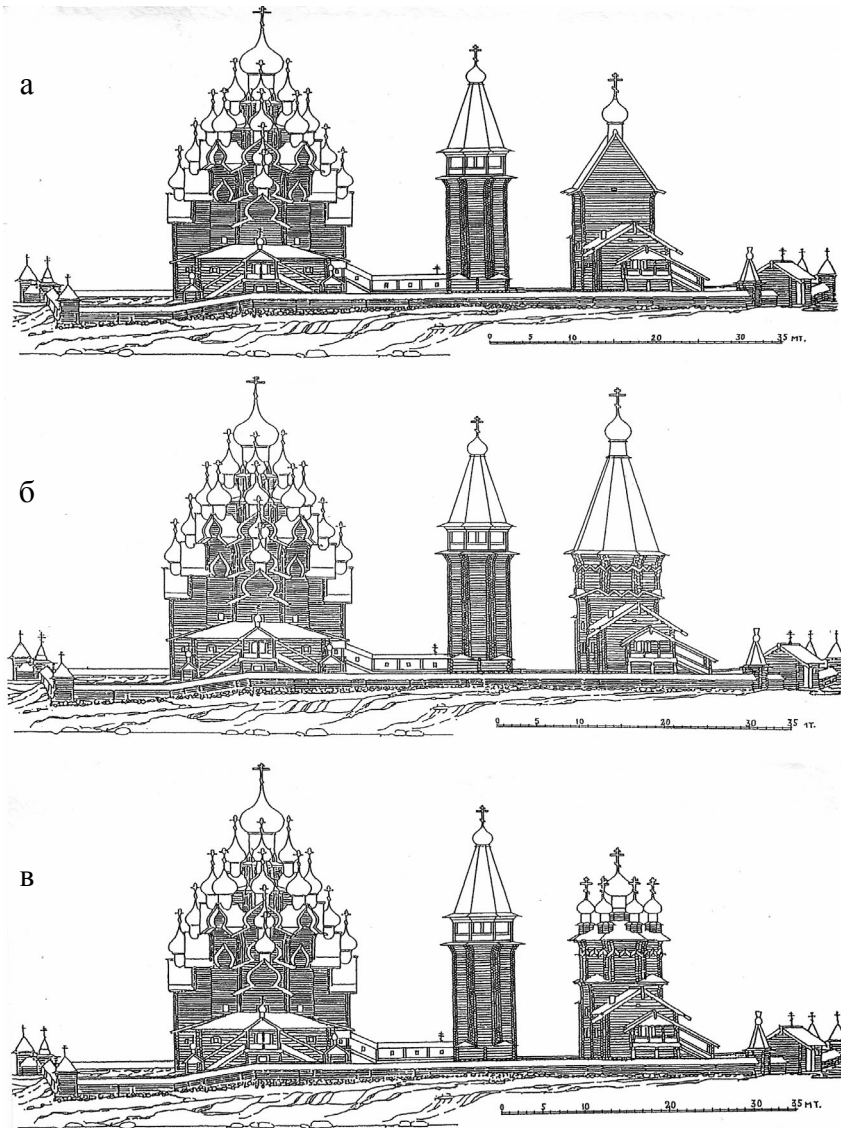

Рис. 14. Общий вид Кижского погоста в 1714–1720 гг. (а), 1720–1749 гг. (б), с 1749 г. (в). Реконструкция В. А. Крохина

Объединение усилий архитектора (Л. М. Лисенко), архитектора-реставратора (В. А. Крохин), историков (В. А. и Б. А. Гуцины) позволило проследить этапы формирования знаменитого комплекса и обогатить историю его создания²³.

В фундаментальном научном труде М. В. Красовского²⁴ значительное внимание уделяется особенностям эволюционного становления колоколен и иных сооружений для размещения «призывных к богослужению инструментов» (от примитивного била до колоколов). Он классифицировал деревянные колокольни Северной России, определив основные их разновидности: колокольни квадратные в плане (XV в.); восьмистенные «от пошвы» (начало XVII в.); «восьмерик на четверике» (вторая половина XVII в.).

Исследователь определил также варианты размещения колоколен: стоящие отдельно от церквей (XV, XVI, первая половина XVII в.); связанные в единое целое с храмом (вторая половина XVII в.).

Колокольня классического типа, состоявшая из нижнего квадратного сруба и высокого восьмерика, была самым распространенным вариантом колоколен на севере со второй половины XVII в.

Рассматриваемый тип колоколен, оставаясь с конструктивной стороны, как известно, неизменным, видоизменялся лишь в отношении пропорций: высота квадратного сруба со временем становилась все выше. Так, колокольня Кижского погоста по высоте четверика превзошла все другие колокольни: ее нижний сруб стал значительно выше верхнего сруба²⁵. Колокольня приобрела своеобразный силуэт и завершила собой эволюционное развитие данного типа строений (рис. 15).

Подводя итоги, убеждаемся в том, что не только Преображенская и Покровская церкви Кижского погоста представляют собой своеобразное финальное завершение многовекового эволюционного становления разных типов культовых сооружений: многоглавых и шатровых храмов. Колокольня с присущим ей уникальным пропорциональным соотношением разных по высоте двух основных срубов (четверика и восьмерика) также является завершающим этапом в развитии колоколен северного классического типа²⁶.

В 1940 г. архитектор Л. М. Лисенко произвел обмер колокольни, выявив особенности внутреннего ее устройства (рис. 16). В 1970-е гг. Л. М. Лисенко

²³ Гуцина В. А. Предложения к проекту реставрации Преображенской церкви... С. 88–106; см. также: Гуцина В. А. Об уточнении датировки церкви Покрова Богородицы и колокольни Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 149; Крохин В. А. Формообразование Кижского ансамбля // Там же. С. 162, рис. 7–11.

²⁴ Красовский М. В. Курс русской архитектуры. Деревянное зодчество. Ч. 1. Пг., 1916; *Он же*. Энциклопедия русской архитектуры...

²⁵ Красовский М. В. Энциклопедия русской архитектуры ... С. 150–151.

²⁶ Гуцина В. А. Деревянные колокольни Северной России. Эволюция и становление (билы, бильницы, клепало, козлы, звонницы, колокольни). Петрозаводск, 2003. Рукопись.

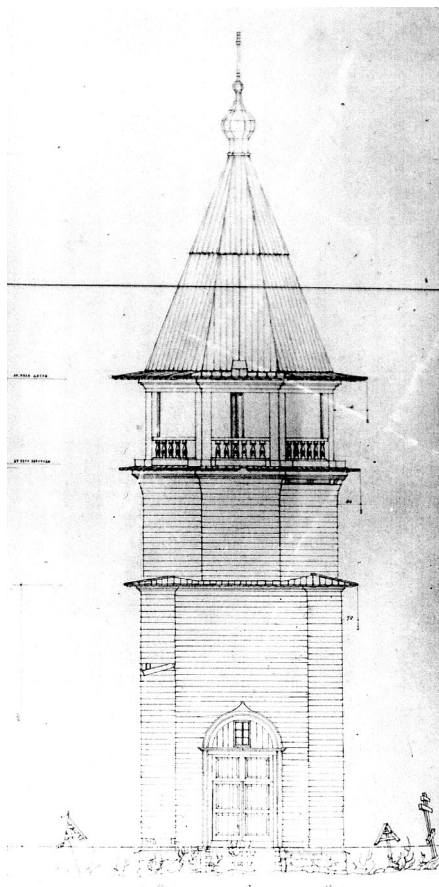

Рис. 15. Колокольня Кижского погоста. Южный фасад. Обмер Л. М. Лисенко, 1945 г. Фототека Музея архитектуры им. Щусева (г. Москва). PV-2581/7

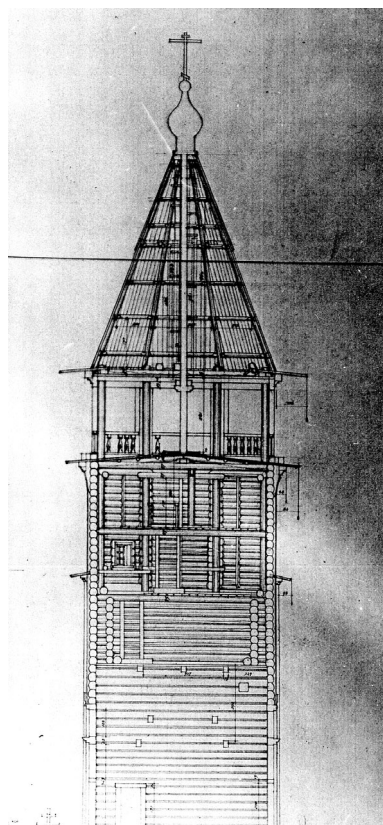

Рис. 16. Колокольня Кижского погоста. Разрез. Обмер Л. М. Лисенко, 1945 г. Фототека Музея архитектуры им. Щусева (г. Москва) PV-2581/8

выполнил пропорциональный анализ колокольни (рис. 17). Построение пропорций новой колокольни, использованное архитектором, основано на применении модуля, равного $2,2 \text{ м}^{27}$. Выявленная автором система пропорций, по мнению исследователя, была типичной для многих

²⁷ Лисенко Л. М. Гармонические построения в архитектуре церкви Кижского погоста // Архитектурное наследие. № 18. М., 1969. С. 125; см. также: Лисенко Л. М. Этапы формирования Кижского ансамбля. С. 100–101.

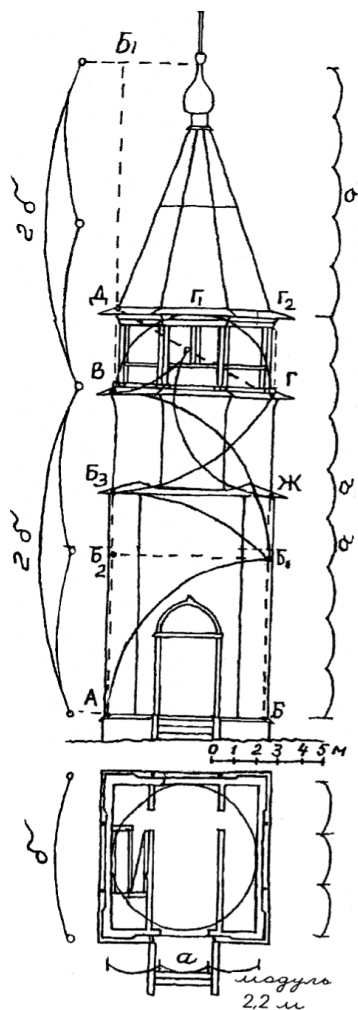

Рис. 17. Колокольня Кижского погоста. 1874 г. Пропорциональный анализ. 1970-е гг.

Л. М. Лисенко

культовых построек Заонежья, что позволяет предположить работу здесь единой плотничьей артели, выработавшей определенные приемы построения, передававшиеся последующим поколениям²⁸.

Исследование колокольни в пропорциональном отношении продолжил в 2005 г. В. А. Крохин, используя новые архивные данные и сопоставление пропорций других северных колоколен классического типа (колокольня в с. Кулига Красноборского района Архангельской области, предполагаемая колокольня в Кижях – предшественница настоящей), и пришел к выводу, что соотношения в срубе и звоннице колокольни XVII в. близки данным колокольни настоящей за незначительными исключениями²⁹ (рис. 18). В колокольне XIX в. автор подчеркнул уменьшенность верхней части шатра и главы (с шейкой).

Интерес к истории построения колокольни, вызванный новыми архивными материалами, выявленными историками В. А. и Б. А. Гуциными в 1976 г.³⁰, был подкреплен «археологическим» изучением колокольни сотрудником музея А. Т. Беляевым. Он отметил, что в 1874 г. (через 12 лет после постройки) была произведена значительная работа по ее перестройке, начатая с шестиметровой высоты, в результате которой составные части колокольни приобрели новые пропорции, а все сооружение –

²⁸ Лисенко Л. М. Гармонические построения в архитектуре церквей Кижского погоста. С. 125; см. также: Лисенко Л. М. Этапы формирования Кижского ансамбля. С. 100–101.

²⁹ Крохин В. А. Новое в формообразовании Кижского ансамбля. С. 13–14.

³⁰ Гуцина В. А., Гуцин Б. А. Когда построены Кижы? С. 106–107.

стройный силуэт, который удачно вписался в состав архитектурного комплекса³¹.

Архитектор В. А. Крохин, подключившийся к исследованиям, подтвердил предположение об уточнении датировки колокольни, высказанное В. А. и Б. А. Гуциными: «...построена в 1862, перестроена в 1874 году». В. А. Крохин считает, что после перестройки кижская колокольня с таким высоким четвериком является единственной во всей Карелии постройкой, не типичной для шатровых колоколен, т. е. подчеркивает индивидуальность сооружения³².

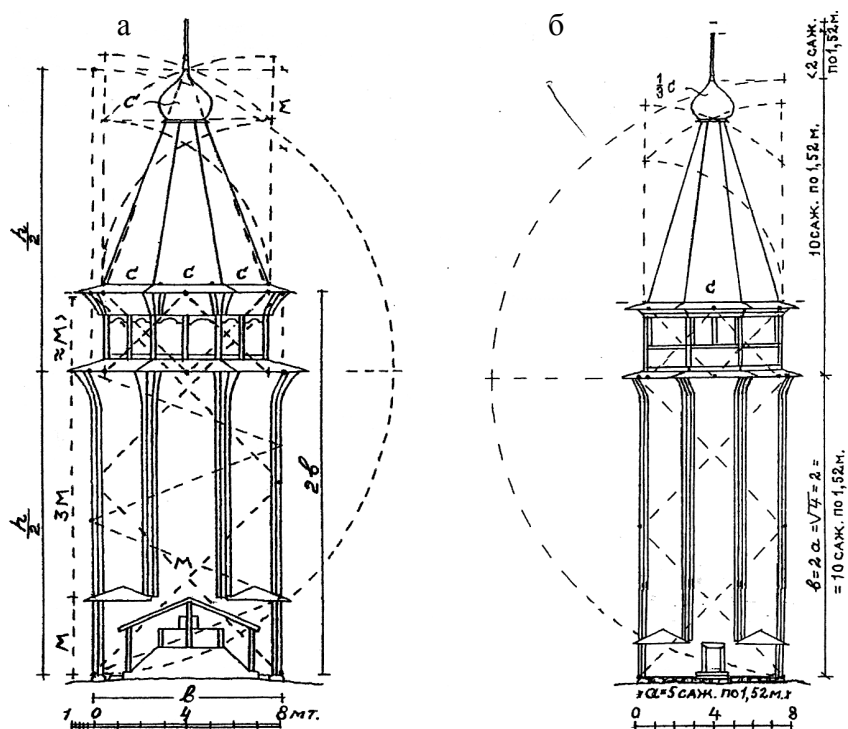

Рис. 18. Колокольни в с. Кулига Красноборского района Архангельской области (а) и предполагаемая колокольня в Кижях начала XVII в. (б)
Пропорциональный анализ В. А. Крохина

³¹ Научный архив музея «Кижь». Ф. 1. Оп. 3. Д. 1198 (Беляев А. Т. Несколько слов о шатровой колокольне и столько же о Покровской церкви Кижского погоста. Петрозаводск, 1978).

³² Крохин В. А. К вопросу о постройке колокольни – 1874 г. и Покровской церкви – 1764 г. Кижского ансамбля. Петрозаводск, 1978.

В. А. Крохин схематично изобразил план и разрез колокольни и поэтапное ее создание (рис. 19). Он вслед за М. В. Красовским признает уникальность кижской колокольни и считает ее памятником деревянного зодчества, созданным под влиянием прионежской школы шатровых храмов. Архитектор Л. М. Лисенко на основе пропорционального анализа подтвердил типичность в построении, выразившуюся в отношении квадрата к его диагонали на основе модуля равного сажени XVII–XVIII вв.³³

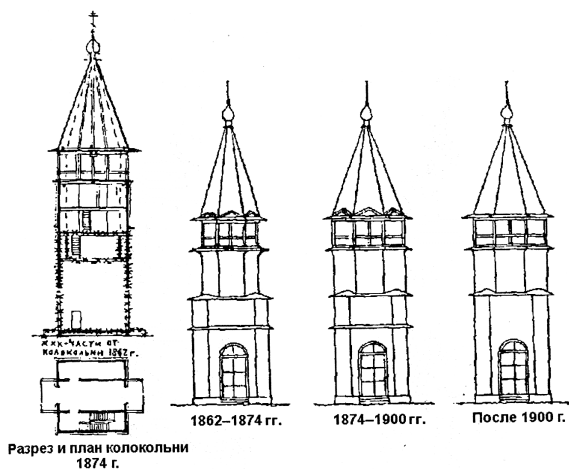

Рис. 19. Колокольня в Кижях (по В. А. Крохину)

Как известно, высокий четверик в данном случае оправдан стремлением зодчих к достижению единства колокольни с уровнями главных объемов церквей.

Колокольня была перестроена в 1874 г. Проект реконструкции выполнен городским архитектором Ильей Копосевым. Работы были произведены с высоким качеством подрядчиком – крестьянином Сысоем Осиповым³⁴. В результате удалось преодолеть излишнюю расчлененность и разномасштабность объемов колокольни. Тем не менее, по мнению архитектора А. В. Ополовникова, «...кижская колокольня, если рассматривать ее изолированно от других сооружений погоста, по существу не является памятником народного деревянного зодчества»³⁵.

³³ Лисенко Л. М. Этапы формирования Кижского ансамбля. С. 100.

³⁴ Гуцина В. А., Гуцин Б. А. Когда построены Кижы? С. 106–107.

³⁵ Научная библиотека музея «Кижы». № 10 – Н/Ф (Ополовников А. В. Отчет о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской и Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте. М.; Петрозаводск, 1957).

Новые требования в архитектуре нашли свое яркое выражение в виде сквозного транзитного прохода с высокими арочными дверями, явно претендующими на роль главного входа в церковь. По мнению А. В. Ополовникова, такая нелепая планировка ее низа бессмысленна; необычайно большая высота четверика с огромными филенчатыми дверями и полуциркульными «итальянскими» окнами придает всему образу характер, совершенно не свойственный народному зодчеству. К достоинствам колокольни А. В. Ополовников относит только то, что она своим силуэтом дополняет сложившийся ансамбль. Понять архитектора, давшего столь резкую оценку колокольни, можно как человека, исповедовавшего чистоту стиля и традиций в деревянном зодчестве России.

По всей видимости, зодчих вдохновило праздничное церковное многоглавие, что и позволило достойно поддержать его строгим, стройным силуэтом колокольни.

К сожалению, неумеренное преклонение перед городским новшеством в ее декоративном оформлении привнесло в Кижский ансамбль явную разногласию. И все же В. А. Ополовников недооценил традиционной, излюбленной в народной среде схемы «восьмерик на четверике», доведенной на ее образе до уникального выражения и удачно вписанной в ансамбль.

Декоративное убранство колокольни в момент постройки соответствовало «обновленным церквам», также обшитым тесом и с обитыми железом куполами, но после проведения реставрации в 1949–1959 гг. стало резко диссонировать облику храмов.

Не суждено было колокольне быть таким же пластичным, деревянным срубом. Время требовало нового выражения в архитектурных формах, намеренно исполненных на ее традиционном конструктивном объеме «восьмерик на четверике». Чужеродные, но модные городские элементы, не свойственные традициям крестьянского мастерства, исказили ее образ.

Остается признать и радоваться тому, что не случилось худшего: неудачная конструкция колокольни 1862 г. подверглась перестройке и, несмотря на новшества в декоративном оформлении, колокольня утвердила себя в составе архитектурного комплекса прочно и навсегда.

Третьестепенное назначение колокольни не умоляет важной ее роли в формировании Кижского архитектурного ансамбля. Массивное основание колокольни органично вторит грузным нижним объемам двух церквей, утверждая прочность и надежность конструкций для стремительного взлета многоглавия.

В. А. Крохин

ЯЗЫЧЕСТВО, ХРИСТИАНСТВО И СТАРООБРЯДЧЕСТВО В ДРЕВНЕРУССКОМ ЗОДЧЕСТВЕ

С принятием христианства Киевской Русью в 988 г. началось строительство многоглавых храмов в камне и дереве. Строительство многоглавых храмов в этот и последующие периоды объясняют влиянием символики христианства, композиционной и художественной целесообразностью. Широко распространенное многоглавие, свойственное древнерусскому зодчеству, заставляет искать и другие истоки происхождения в связи с прообразами языческой религии, формообразованием луковичной главы и ее символики, в дополнение высказанных предположений Г. Я. Мокеева и Н. И. Брунова, отмеченных в последующем изложении^{*}. Кроме того, возникновение луковичной главы связывают с процессом постепенной трансформации полусферического купола покрытия барабанов каменных церквей.

Цель исследования – дать многостороннюю оценку происхождения многоглавия в русской архитектуре, символике главы и форм кровельных покрытий – шатра, бочки и куба. Необходимо обратиться ко времени язычества восточных славян – периоду поклонения природе и, как следствие этого, к круговым святилищам (двухкольцевым и девятичастным), гадательным сосудам и их семантике, к священным рощам и фибулам (амулетам-оберегам), в которых отразились языческие мифы и образы славянских божеств. Конструктивное и художественное назначение форм архитектуры рассматривается в связи с формами в природе, их символами и физико-оптическими явлениями.

Время раскола в Русской православной церкви (начало в 1654 г.) дает возможность отделить символические формы в архитектуре старообрядческих монастырей от тех же форм, имеющих функциональное назначение и воспринимаемых как художественно выразительные (покрытие восьмерика шатром, других срубов – кубом, бочкой и т. д.), органично вошедшие в композиционный строй православной русской архитектуры.

^{*} Здесь и далее сохранена стилистика автора (*прим. ред.*).

В это же время проявляется некоторая одиозность Русской православной церкви к количественному многоглавию, ряду архитектурных форм и композиций, что дает возможность более многопланового понимания их символики.

Круговые святилища Древней Руси, гадательные сосуды и фибулы-амулеты IV–VIII вв.

Исследования академика Б. А. Рыбакова, основанные на работах известных археологов, и анализ архитектурных композиций, позволяют понять истоки русского многоглавия и формы покрытий в культовой архитектуре.

Обратимся к погребальной обрядности. Б. А. Рыбаков отмечает: «Общая тенденция эволюции русской погребальной обрядности за VI–XIII века такова: обряд захоронения погребальных урн с прахом сожженного покойника в деревянных избушках-домовинах, существовавший около тысячи лет, сменяется захоронением в курганах – «могилах», что связано (как явствует из географии ранних курганов) со стремлением укрыть и уберечь прах предков от опасности»¹.

Обряд сожжения² иллюстрирует рис. 1. Символика этого обряда, вероятно, отвечала представлениям о замкнутом цикле жизни от рождения до кончины и отделяла мир живых от мира мертвых предков. С кругом как символом – определенным циклом – связаны святилища – болотные городища (рис. 2)³, которые выявлены близ Смоленска⁴ и в Белоруссии⁵. Присутствие двух окружностей можно, предположительно, объяснить ритуалами проводов прошедшего года и обрядом молений (гаданий) для года наступающего.

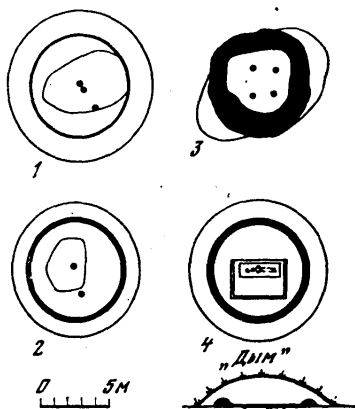

Рис. 1. «Крада» – огненное кольцо вокруг погребальных урн. «Дым» – имитация сожжения покойника (по Б. А. Рыбакову)

¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 110.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 149.

⁴ Седов В. В. Языческие святилища смоленских кривичей // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 87. М., 1962. С. 57–64. Карта. С. 58.

⁵ Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. М., 1974. С. 32, 255, 264. Карта (вкладка). Рис. 80.

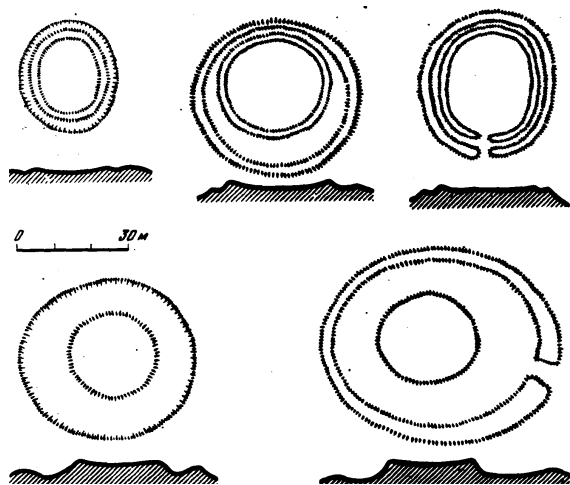

Рис. 2. Болотные городища (по Б. А. Рыбакову)

Обращая внимание на датировку болотных городищ, Б. А. Рыбаков отмечает, что «бытовать они могли долго и дату, предложенную В. В. Седовым, VIII–X вв. н. э. следует считать предельной, самой поздней»⁶. Таким образом, упомянутые святилища относятся к периоду, предшествующему принятию христианства на Руси.

Из круговых городищ особенно интересно Ржавенское святилище IX–XI вв. (Черновицкая область) (рис. 3). Дополнительные изыскания 1982 г. открыли на Ржавенском городище круговую постройку вдоль внутренней стороны большого внешнего вала, напоминающую постройку в святилищах Благовещенской горы и Тушемли⁷.

Обратимся к новгородским святилищам IX–X вв. в Перыни. «Три Перыньских святилища могли быть воздвигнуты в IX веке в честь Рода (срединное) и двух рожаниц Лады и Лели (боковые). При осуществлении религиозной реформы Владимира идол Рода мог быть заменен Перуном; оба они связаны с небом»⁸. Приведем иллюстрацию святилища Перуна под Новгородом (рис. 4) (раскопки и реконструкция В. В. Седова⁹).

⁶ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 151.

⁷ Тимошук Б. А., Русанова И. П. Славянские святилища на среднем Днестре и в бассейне Прута // Советская археология. 1983. № 4. Рис. 10.

⁸ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 258.

⁹ Седов В. В. Древнерусское святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 50. М., 1953. С. 92–103.

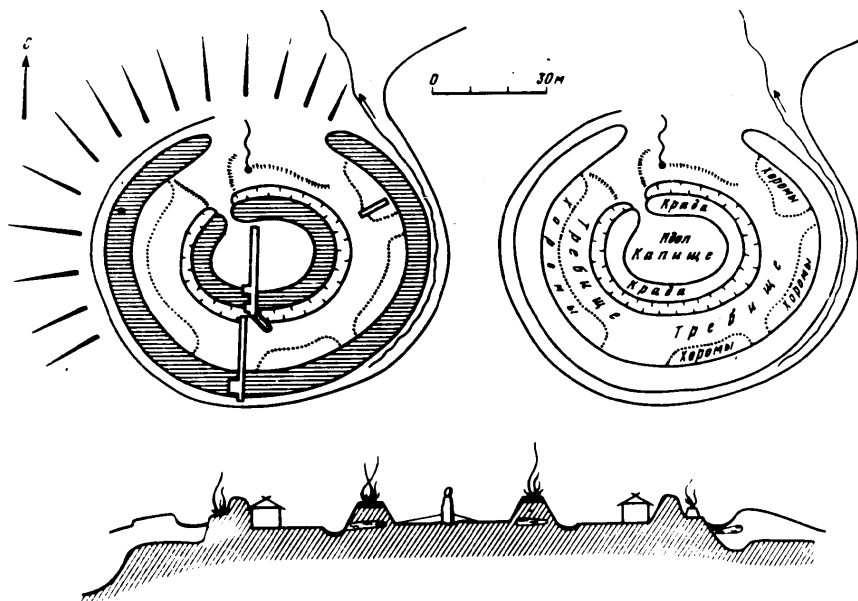

Рис. 3. Ржавенское святилище IX–XI вв. (Черновицкая область)
(по Б. А. Рыбакову)

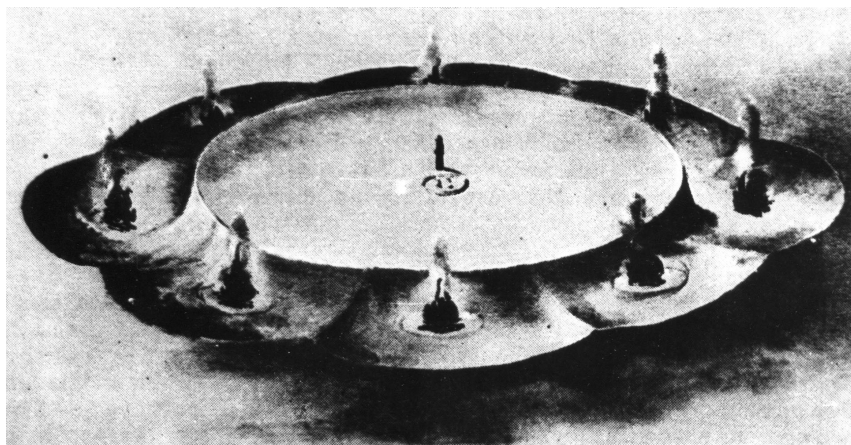

Рис. 4. Святилища Перуна под Новгородом в Перыни

Сходство с Перыньским имеет святилище Рода-Святовита близ Збруча (вокруг центрального божества расположено по кругу восемь круглообrazных оснований)¹⁰.

Почти два столетия, до принятия христианства, Киевская Русь была языческой, ей необходимо было религиозно-идеологическое подкрепление государственности и власти киевских князей. Действительность требовала какого-то упорядочения первобытной языческой религии с ее локальными племенными культами и приведение ее в соответствие с новым уровнем государственной жизни.

При князе Владимире, около 980 г., в пантеон включено шесть богов во главе с Перуном: Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл, Макошь (рис. 5). Кстати, рядом с этим жертвенником обнаружено 12 остатков столбов, расположенных по кругу (12 месяцев?). Б. А. Рыбаков отмечает: «Описанная летописцем установка идолов в Киеве не являлась обычным делом или только обновлением старых святилищ. Официальных культов, судя по договорам с греками, было два: культ Перуна и культ Волоса. Теперь Перун стал во главе целого пантеона из шести богов, а Волос, почитание которого было повсеместным, в пантеон не попал»¹¹. Далее: «В пантеон Владимира не были включены известные нам по другим источникам: Род и Рожаницы; Сварог; Волос-Велес; Переплут; Лада и Леля»¹².

Большое значение также имело почитание священных мест. «Своеобразным разрядом культовых мест являлись священные рощи „древеса“ и „рощения“ по терминологии средневековых книжников, неоднократно упоминаемые в книжных источниках. Одним из почитаемых деревьев была береза, с которой связан целый ряд весенних обрядов и хороводных песен. Не исключено, что береза была посвящена берегиням, духам добра и плодородия»¹³.

«От культа березы и деревьев, растущих у студенцев (родников. – В. К.), существенно отличается культ дуба. Дуб, дерево Зевса и Перуна, крепчайшее и наиболее долговечное дерево наших широт, прочно вошел в систему славянских языческих обрядов»¹⁴.

Большой интерес представляют сосуды для гаданий, найденные археологами. Они подразделяются на две категории: одни из них изображают все 12 месяцев года, другие же дают избирательно только летний сезон или часть годового цикла – от новогодних Святок до

¹⁰ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 238. Рис. 49.

¹¹ Там же. С. 418.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 209.

¹⁴ Там же. С. 210.

конца жатвы (подчеркнуто мной. – В. К.). Первая по времени находка двух сосудов (с гаданием на 9 и 12 месяцев) обнаружена М. А. Тихановой в 1957 г. в Лепесовке (рис. 6–8)¹⁵. К числу сосудов, избирательно отображающих летний сезон или часть годового цикла, можно отнести сосуды из Каменки на Днестре (рис. 9), из Ромашек на Киевщине (рис. 10), из Войскового на Днестре (рис. 11), из Малаешты (рис. 12) и ряд других.

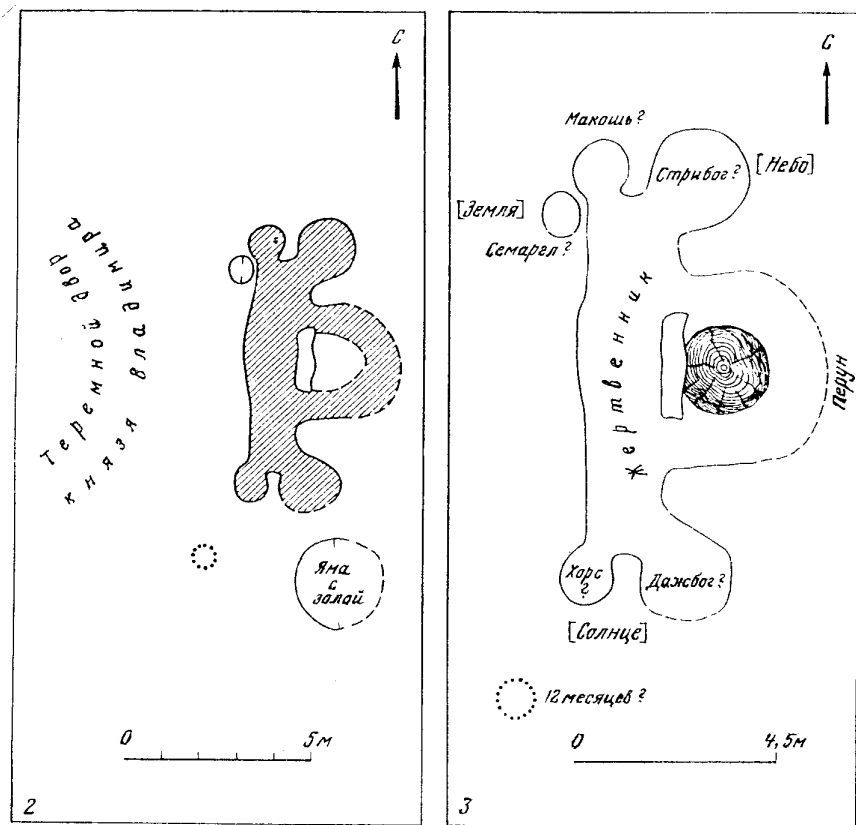

Рис. 5. Капище 980 г. около теремного двора в Киеве (по Б. А. Рыбакову)

¹⁵ Там же. С. 167.

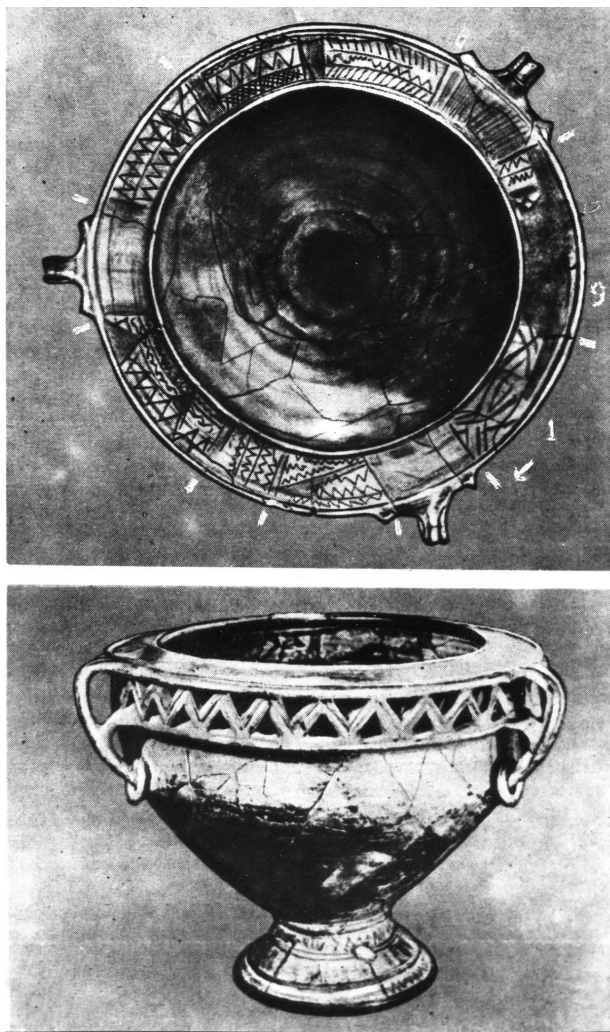

Рис. 6. Ритуальная чаша № 1 из Лепесовки (IV в. н. э.) с 9 делениями (по Б. А. Рыбакову)

Отметим новогоднюю гадательную чару IV в. из Лепесовки с делением на 9 месяцев (см. рис. 6). Число 9 определяет количество месяцев от начала новогодних гаданий до весеннего посева и завершения уборки урожая. Давая расшифровку символов этого сосуда, Б. А. Рыбаков отме-

чает: «Как и во многих других случаях, аграрная магия сопряжена с идеей беременности женщины. Число 9, определяющее количество месяцев беременности, было сакральным. Мы встречаемся с ним при рассмотрении жертвенника зарубинецкого времени на Девич-Горе близ Триполья»¹⁶. Дополним это девятичастными святилищами под Новгородом и святилищем Рода-Святовита в Збруче.

Рис. 7. Ритуальная чаша № 2 из Лепесовки с 12 делениями

¹⁶ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 176.

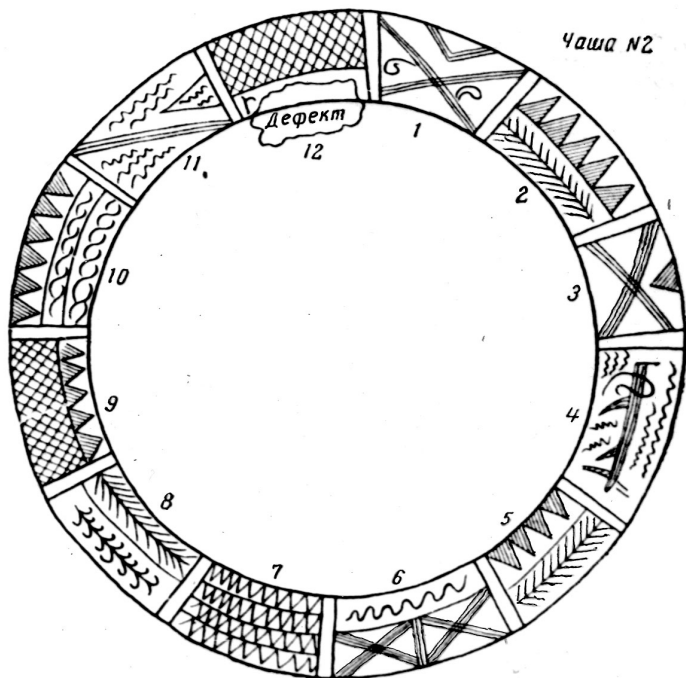

Рис. 8. Схематическое изображение на чаше № 2 из Лепесовки

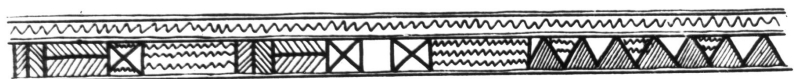

Рис. 9. Сосуд из Каменки (по Б. А. Рыбакову)

Рис. 10. Сосуд из с. Ромашки

Почему существовало различие между девятичастными и символизирующими годовой цикл кольцевыми святилищами? Отметим, что четкий биокосмический ритм годового цикла имел постоянное время повторяемости начала и конца, его непрерывного плавного перехода. Культ дерева и его составная часть роста – годовые кольца – могли дополнить эту мысль. Девятичастные святилища символизировали сакральное число – 9 месяцев (по солнечному календарю) с зачатием ребенка в любое время года и его окончанием как в период года, так и при переходе из одного года в другой, но в ритме 9 месяцев. Кроме этого, повторялся круг годового цикла. Вероятно, эти соображения определили указанное различие.

Рис. 11. Сосуд из Войскового (по Б. А. Рыбакову)

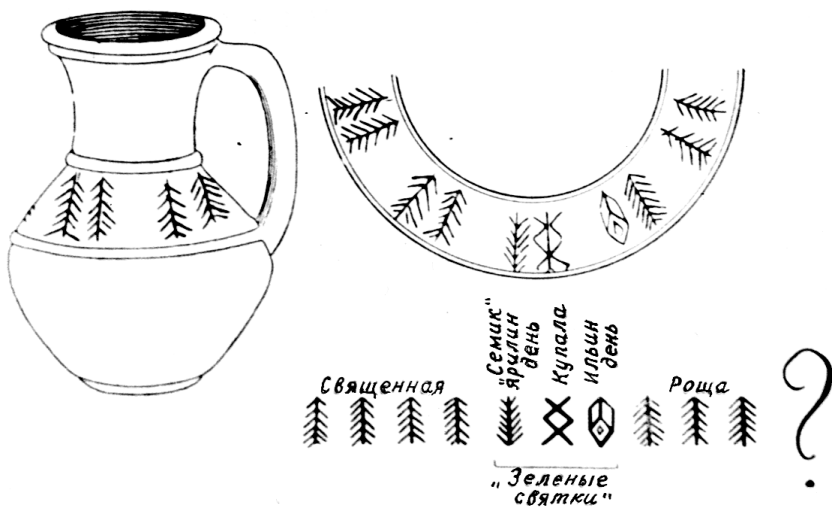

Рис. 12. Сосуд со знаками из Малаешты

Число 12 на кругах календаря гадательных сосудов, святилищах с круговыми огнями и столбы, расположенные по кругу в количестве 12 штук на языческом капище 980 г., сооруженном при князе Владимире¹⁷, имеют связь с годовым циклом. Г. Я. Мокеев отмечает, что в середине XI в. при Ярославе, за какие-то 15 лет, были сооружены шесть каменных 12-столпных соборов (четыре в Киеве, один в Новгороде и один был начат в Полоцке). Возможно, в них также реализовался годовой цикл из 12 месяцев. Далее Г. Я. Мокеев отмечает: «... ни до, ни после Ярослава 12-столпных храмов не появлялось нигде»¹⁸.

В связи с вышеизложенным интересно мнение М. Элиаде. «Обычай принимать за единицу солнечный год идет из Египта. Большинство других исторических культур (и до некоторого времени сам Египет) знали год одновременно солнечный и лунный, состоящий из 360 дней (12 месяцев по 30 дней в каждом), к которым прибавлялось 5 дополнительных дней»¹⁹. И далее: «Ни самое разное определение продолжительности года различными народами не могут преуменьшить того значения, какое во всех странах мира имели конец одного периода и начало нового (подчеркнуто мной. – В. К.), а, исходя из этого, легко понять, почему для нас, например, не имеет значения, что африканские йорубя делят год на сухой сезон и сезон дождей... Для нас главным является то, что повсюду существует понятие конца и начала временного периода, основанного на наблюдении за космическими ритмами, входящее в более широкую систему очищений... и периодического возрождения жизни»²⁰. Это делает понятным и закономерным назначение гадательных сосудов, избирательно отражающих летний сезон или часть годового цикла. Например, сосуд из с. Ромашки (см. рис. 10) имеет деления на четыре месяца, сосуд из Каменки (см. рис. 9) – на период от гаданий перед весенним солнцестоянием до восхода посевов.

Раскрытие многообразия древних славянских верований посвящены исследования фольклора С. А. Фаминцина, А. Н. Афанасьева и др. Они отметили глубокое единство этих верований с природой, показали их поэтичность и образность, посредством которых наши далекие предки пытались многое уяснить себе в окружавшем их мире и заставить различные силы природы служить им²¹. От этого времени из раскопок захоронений

¹⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 431.

¹⁸ Мокеев Г. Я. Многоглавые храмы Древней Руси // Архитектурное наследство. М., 1978. № 26. С. 50.

¹⁹ Элиаде М. Космос и история. М., 1986. С. 65.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ Фаминцин А. С. Божества древних славян. Вып. 1. СПб., 1884; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. СПб., 1865–1868. Т. I–III.

и обнаруженных кладов дошли до нас фибулы, в которых нашли отражение языческие мифы – образы славянских божеств, символы огня, деревьев, животных и фантастических чудовищ (см. рис. 13).

Рассмотрим две фибулы IV–V вв., найденные В. В. Хвойко в Черняховке и Ромашках в 1889 г. Ажурная фибула (рис. 13: 5), пирамидальная часть увенчана сверху, возможно, богиней, имеющей туловище в виде незначительно вогнутого квадрата, символизирующего богиню-землю. Три пирамидки, вероятно, символизируют деревья и круги под ними – солнце (огонь). Вторая фибула с мотивом богини и птиц более конкретизирует разжигание священного огня перекрещивающимися палочками в форме креста и символизирует пирамидками, вероятно, деревья (идею роста в живой природе – рис. 13: 6).

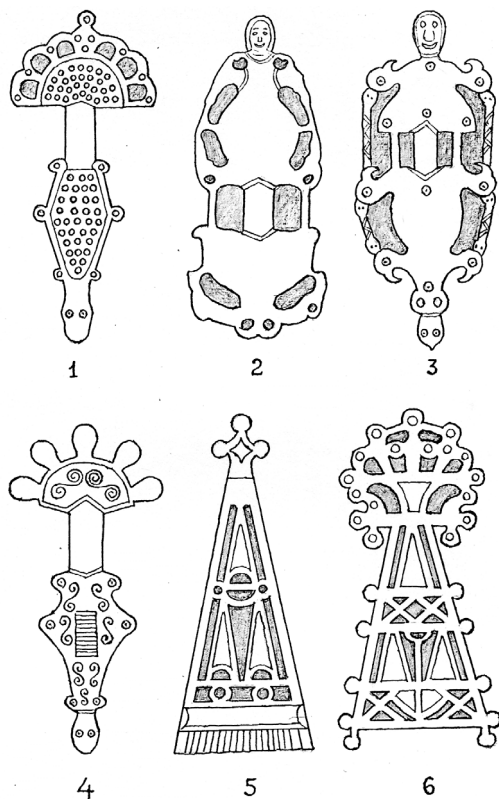

Рис. 13. Фибулы IV–VIII вв. н. э.

На календаре чаши из Лепесовки (см. рис. 8) мы видим подобные знаки трижды: первый раз – в связи с зимним солнцестоянием, второй – в осеннем равноденствии, третий – летним солнцестоянием.

Языческие символы поклонения природе продолжали использоваться и после принятия христианства в схематической и художественной завуалированной форме. Приведем два примера. 1. Изображение дерева в виде двух изогнуто наклонных линий и огня в виде двух крестов, посвященных летнему солнцестоянию (восточный фасад Васильевской церкви – 1183 г. в Киеве, рис. 14). 2. Изображение дерева с парным символом разжигания огня внизу и языческим пламенем в вершине (рис. 15). Обращает внимание символ в форме парной волюты с перетянутым жгутом между ней. Это, вероятно, художественно выразительный символ получения священного огня путем трения основания вертикального столба в двух направлениях и интенсивного разжигания путем подкладывания бересты, которая при горении скручивается.

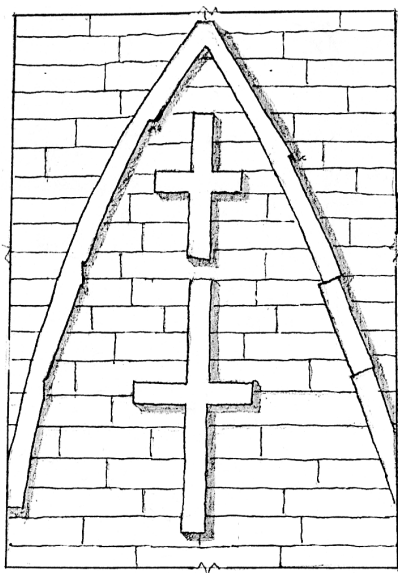

Рис. 14. Васильевская церковь 1183 г. на Большом дворе в Киеве.
Деталь южного фасада

Рис. 15. Деревянная колонна из Неревского раскопа 1953 г. в Новгороде. XI в.

Символы-знаки на гадательных сосудах и фибулах часто встречаются на фризах барабанов каменных церквей и «гребнях» над кровлями деревянных церквей.

Фриз барабана Снеогогорского монастыря г. Пскова (1310 г., рис. 16: 1) имеет сферически западающие уступами ниши, форму квадратов, зигзагов и снова квадратов, символизируя небо (в схеме напоминает форму неба в прорезях и сферически-полукруглых частях фибул – см. рис. 13), землю, воду и снова землю (подземный мир).

Из новгородских храмов назовем церковь Дмитрия Солунского на Савкове улице – 1383 г. (см. рис. 16: 2). Московское зодчество представим двумя примерами решения фризов барабанов: церковью Ризположения в Московском кремле, построенной в 1486 г. псковскими зодчими (см. рис. 16: 3) и церковью в с. Остров XVI–XVII вв. (см. рис. 16: 4).

Из памятников архитектуры Владимиро-Суздальского зодчества отметим фриз барабана церкви Покрова на Нерли – 1158–1161 г. (см. рис. 16: 5). Интерес представляет фриз памятника южнорусской архитектуры – церкви Пятницы в Чернигове (XII–XIII вв.). Здесь фриз находится посередине стены с западного фасада с элементом зигзагообразной формы и квадратами сверху и снизу от нее. Ряды из фигур полукруглой формы расположены вверху боковых частей под трехлопастной формой кровли (см. рис. 16: 6).

Отметим зигзагообразную форму на столбах галереи водяной мельницы XVII в. Соловецкого монастыря, символизирующую воду, вращающую круглый вал (см. рис. 16: 7).

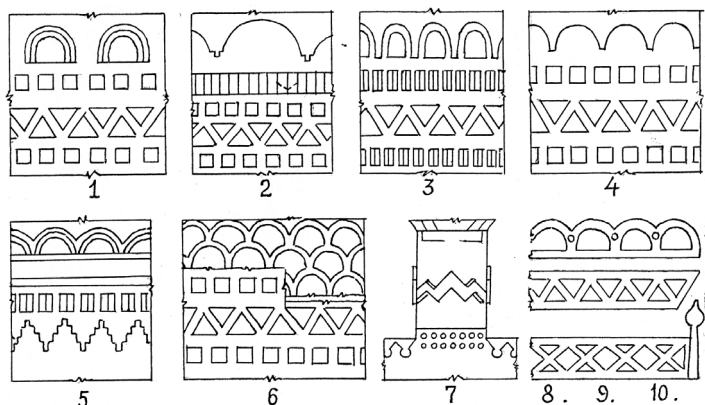

Рис. 16. Декор на фризах барабанов каменных храмов и «гребни» над шеломами кровель деревянных церквей

На рис. 16: 8–10 также воспроизводится форма порезки «гребня», встречающаяся на шеломах кровель северных деревянных церквей и часовен.

Принятие христианства и истоки русского храмового многоглавия

Попытка объединения языческих культов, образования иерархического пантеона из прежних богов во главе с Перуном не удовлетворила киевского князя Владимира Святославовича, предпринявшего ее во второй половине X в. Принятие христианства с его мировоззрением и заповедями: «не поклоняйся идолам, не сотвори себе кумира и т. д.» отвергало язычество, но пережитки языческой религии продолжали существовать, о чем говорят нам многие исследования на эту тему, основанные на летописных источниках.

М. Н. Никольский отмечает: «Не будучи в силах достичь действительного превращения днепровцев в христиан, видя тщетность убеждений, что языческие боги не существуют в действительности, а существует один лишь христианский бог, греческие священники пошли на такие же уступки прежней вере, какие в свое время была вынуждена сделать и греческая церковь: они признали существование всех бесчисленных славянских богов, приравняв их к бесам, и признали святость традиционных мест и сроков старого культа, выстраивая храмы на месте прежних кумиров и капищ и назначая христианские праздники приблизительно на те же дни, к которым приурочивались ранее языческие. Но этот прием не достиг вполне своей цели. Не говоря уже о народной массе, которая, благодаря ему, могла изменить только номенклатуру, но не содержание своих верований, он открыл широкую дорогу для двоеверия и среди верхнего слоя киевского общества»²².

Выдающееся произведение древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве», созданное в 1185 г., т. е. почти через 200 лет после принятия христианства (988 г.), упоминает ряд богов (Велес, Стрибог, Дажьбог, Хорс) и множество понятий, представлений и предзнаменований явлений природы, связанных с языческим периодом истории Руси.

Летопись свидетельствует о том, что после принятия христианства в 988 г., Владимир повелел рубить церкви и ставить их на местах, где находились капища. Какими были и как завершались первые деревянные христианские храмы, можно только предполагать (рис. 17–18). На этих рисунках выполнены реконструкции – гипотезы Киевской деревянной Софии X в. и Новгородской Софии 989 г. Обратим особое внимание на то, что первые софийские христианские храмы были построены из дерева.

²² Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1985. С. 25.

Рис. 17. Предполагаемый вид деревянного Софийского собора X в. в Новгороде. Д. П. Сухов

Рис. 18. Предполагаемый вид деревянного Софийского собора 989 г. в Киеве. М. П. Кудрявцев

Из летописи известно о деревянных храмах в Выщгороде, имевших один, а другой пять, а в Новгороде тринадцать куполов²³. Одной из первых каменных церквей после крещения Руси была построена пятиглавая (25-главая?) десятичная церковь в Киеве в 989–996 гг. Напомним, что еще при Игоре в Киеве уже была церковь во имя пророка Илии (945 г.).

Г. Я. Мокеев отмечает, что в 989–996 гг. была сооружена, а к 1039 г. перестроена каменная десятичная церковь. При упоминании Киева в списке русских городов конца XIV в. (т. е. после 150 лет после обрушения сводов церкви) сообщается, что она была 25-главой. Раскопанные остатки ее вызвали сомнения в правдоподобии известия, так как исходя из полученного плана исследователям оказалось трудно представить такое количество глав. Тем не менее некоторые реконструкции Т. Н. Кудрявцевой (рис. 19)²⁴ позволяют предположить возможность былого многоглавия этой церкви. Эти данные являются первым упоминанием о 25-главых храмах.

В 1043 г. в Киеве была сооружена каменная 13-главая София. «В 1045–1052 гг. в Новгороде строится пятиглавая каменная София с шестой главой над лестницей». Каменная София в Полоцке «о семи верхах» возведена в 1044–1066 гг. В 1108 г. в Киеве была сооружена церковь Михаила Архангела «о пятнадцать версех»²⁵. Уже в начальный период строительства христианских храмов на Руси появилось многоглавие: пяти-, семи-, тринадцати-, пятнадцатиглавие. Обратим внимание на то, что упоминания о девятиглавых храмах нет. В связи с постройкой каменных церквей «в верх на деревянное дело» с первой половины XVI в. строятся девятиглавые церкви (наряду с разным многоглавием) и увеличивается до девяти глав существовавшее пятиглавие на ряде церквей. Г. Я. Мокеев приводит большой перечень многоглавых храмов²⁶.

Исследователи отмечают, что самобытность русского храмового многоглавия видна не только в огромности его масштаба и большом разнообразии форм, но и в отсутствии его за пределами Руси. В Византии, откуда пришло христианство на Русь, не было многоглавых храмов. Эволюция форм церквей дошла там до пятиглавия, причем до X–XI вв. Это было еще, по существу, пятикуполье (купола не выглядели главами, так как имели низкие световые барабаны и снаружи от земли почти не были видны)²⁷.

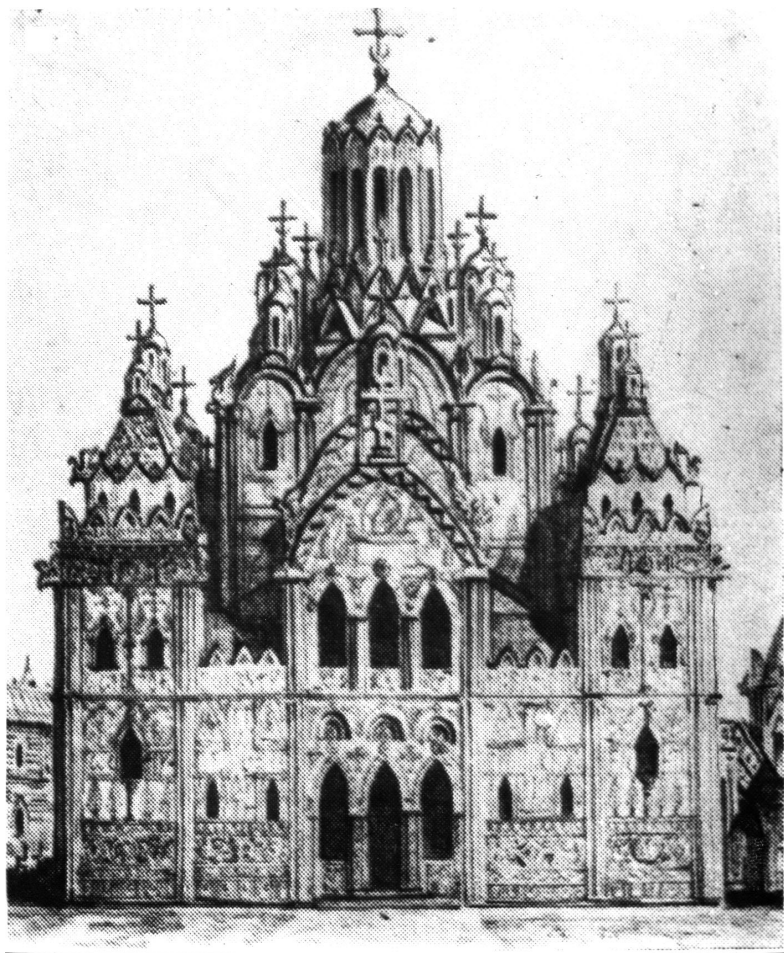
²³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1841. Т. III. С. 208.

²⁴ Мокеев Г. Я. Многоглавые храмы Древней Руси. С. 43.

²⁵ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 141.

²⁶ Мокеев Г. Я. Многоглавые храмы Древней Руси. С. 44.

²⁷ Там же.

*Рис. 19. Десятинная церковь в Киеве. 989–996 гг.
Реконструкция Т. Н. Кудрявцевой*

Христианская храмовая символика заслоняет другие возможные причины столь широкого распространения многоглавия на Руси. К числу одного из возможных источников многоглавия русских церквей Г. Я. Мокеев относит существовавший большой пантеон языческих богов и многоглавие некоторых из них²⁸. На другой, близкий к первому источник –

²⁸ Мокеев Г. Я. Многоглавые храмы Древней Руси. С. 50.

архитектурную традицию – указывал Н. И. Брунов, отмечая возможность существования языческих капищ – сооружений в виде групп из нескольких срубов, которые были увенчаны множеством глав²⁹. Но они известны лишь у западных славян. Третьим и важнейшим источником считают христианскую храмовую символику.

Напомним о христианской символике: «Верх церковный есть глава господня, главу бо держит Христос, шею – Апостолы, пазухи – Евангелисты», – толкуется в кормчей книге форм завершения одноглавого храма. Исследователи прошлого века отмечали, что 13 глав церкви символизировали Спасителя и 12 апостолов, разнесших его учение по свету. Девятиглавие – символ девяти сил небесных и чинов святых угодников. Семиглавие – семи даров Святого Духа. Пятиглавие – Христа и четырех евангелистов. Такие числа, как 12 (12 месяцев года), 9 (9 месяцев созревания плода), 7 (7 планет) и другие, связанные с биокосмическими ритмами и космосом, появились у народов в глубокой древности и лишь позднее стали использоваться в христианской символике. А как объяснить 18, 20, 22, 25-главие с позиции христианской символики без синтеза символики отдельных многоглавий? Что касается 25-главия, то его невозможно объяснить даже синтезом христианской количественной символики без явных противоречий: символ Христа и дважды 12 апостолов. Следует также иметь в виду символику многопрестольных многоглавий, посвященную разным святым, где число престолов могло быть больше, чем глав, и, наоборот, 25-главому Покровскому собору в Москве стало соответствовать 25 престолов лишь к концу XVIII в. Обратим внимание на функциональное назначение барабана главы в каменных храмах как источника не только освещения центра внутреннего пространства и опоры внутреннего покрытия, но и создания определенной формы, способствующей раскрытию сущности христианской религии.

Пятиглавие (многоглавие) выполняло и дополняло назначение, указанное для одной главы и организовывало большее пространство с увеличением площади храма, но с применением значительного количества внутренних столбов. В художественном отношении многоглавие решало задачу соподчинения большего объема основания и достижения единства общей композиции (уверенная возможность перекрыть большее пространство без внутренних столбов воплощена в Константинопольской Софии). Формы первых каменных христианских храмов, построенных византийскими зодчими, соответствовали тому же функциональному, культовому и художественному требованию.

²⁹ Брунов Н. И. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян // Архитектурное наследство. 1952. № 2. С. 26.

Возможная символика главы, количественного многоглавия, покрытый шатром, бочкой и кубом в деревянном культовом зодчестве в связи с древнеславянскими поклонениями природе и ее явлениям

Если рассмотреть главу в деревянном зодчестве в функции освещения, кровельного покрытия и организации внутреннего пространства, то такого назначения нет. Завершение над кровлями покрытия первых деревянных храмов было каким-то символом – формой, неизвестной нам. Кроме того, мы не знаем, когда появилось покрытие по форме бочки, куба и шатра и является ли это воплощением языческой символики поклонения природе, которое продолжалось и после принятия христианства, или видоизменением полуциркульных и полусферических кровельных завершений каменных храмов с приданием сужения в основании и заостренного верха, а в отношении шатра – заимствованием формы от военно-оборонительного строительства или влиянием архитектуры других народов (Кавказа или Запада, в частности готики). В истолковании происхождения ряда архитектурных форм И. Е. Забелин³⁰ склонен был видеть имитацию бытовых предметов: шатер – источник шатрового покрытия, навес кибитки – прообраз бочарной кровли, т. е. в самобытном происхождении архитектурных форм, но не в символике природоподражанию.

М. Красовский предполагает, что первые наши христианские церкви (выполненные в дереве. – *В. К.*) были очень похожи на простые избы и отличались от них главным образом тем, что над коньками их крыши возвышались кресты и маковки. Последние, видимо, были подражанием главам каменных храмов и поэтому могли появиться спустя некоторое время после того, как наши плотники освоились с идеей церковной главы и сумели ее осуществить в деревянных формах. Сущность последних, а также климатические условия были причиной того, что форма луковицы, т. е. главы деревянного храма, получила совершенно иной вид, в отличие от каменных глав, и никогда не могла достигнуть их размеров³¹. В отношении предположения М. Красовского о наличии маковок можно привести дошедшие до нас поздние примеры (см. рис. 32, 33). Делая анализ архитектурных композиций и накопления новых форм, нежели отбрасывания старых, он предполагает, «...что на всем протяжении нашей истории вплоть до второй половины XVIII века богатые села рубили красивые, большие и сложные храмы, а села бедные довольствовались незамысловатыми церквами»³².

³⁰ Забелин И. Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве // Древняя и Новая Россия. 1878. № 3. С. 185–203; № 4. С. 282–303. Отд. изд. М., 1900.

³¹ Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Деревянное зодчество. Пг., 1916. Т. 1. С. 176.

³² Там же. С. 174.

Действительно, первые деревянные софийские храмы X в. в Киеве и Новгороде не могли быть примитивными, учитывая их столичное расположение, материальные возможности и умение лучших мастеров деревянного зодчества. Между тем нас интересует возможное символическое значение главы, многоглавия, шатра, бочки (куба) в связи с языческими поклонениями природе. Рассмотрим период начала строительства каменных церквей «вверх на деревянное дело» – 1532 г., соответствующий времени создания централизованного государства, до раскола Русской православной церкви (вторая половина XVII в.). Интересны дошедшие до нас сведения об архитектурных формах старообрядческих монастырей, о запрещении на покрытие шатром, исчезновении ряда композиций деревянных церквей во второй половине XVII в. и изменении количественного многоглавия.

Прежде обратимся к некоторым материалам по культу деревьев и обрядам XIX–XX вв. «Множество священных рощ существовало вплоть до недавнего времени в Пошехонье, около Тихвина, Череповца, Чердыни и т. д.»³³ Завивание березок на «семик», завязывание ветвей, украшение их полотенцами, использование свежей зелени во время обрядов и праздников – все это следы первобытного почитания дерева. У околиц некоторых русских деревень можно до сих пор встретить «священные сосны». К ним относятся с удивительной заботой, даже бережнее, чем к деревянным церквям. Иногда рядом с деревом ставят громоотвод. «Священные деревья окружались оградой или заключались внутри часовни»³⁴.

С кругом верований связан обычай майского дерева в странах Европы³⁵.

Культ дерева связывался с культом предков. Дерево, в частности ель, являлась как бы символом домового, олицетворяло собой душу деревянного жилища³⁶. Отголоски этих представлений, по-видимому, сохранились в праздничном украшении новогодней елки и обычае вывешивать ветки хвой во время похорон. Возможно, что с образом дерева связаны поминальные и обетные кресты, украшавшиеся полотенцами и лентами, как священные деревья. «На многочисленных погостах севера нередко рядом с церковной постройкой присутствует старая ель или группа елей. По-видимому, не случайно в северной народной резьбе и росписи из всех деревьев чаще всего изображается ель, нередко с птицами наверху. Этот мотив широко распространен от Восточной Сибири до Норвегии»³⁷.

³³ История культуры Древней Руси. М., 1951. Т. 1. С. 62.

³⁴ *Серебрянников Н.* Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1967. С. 9.

³⁵ *Латынин Б. А.* Мировое дерево, дерево жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы. Л., 1933.

³⁶ *Соловьев С. А.* Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930. С. 180.

³⁷ *Иванов С. В.* Искусство народов Сибири // Тр. Института этнографии. Т. XXII. М., 1954.

А. К. Чеканов отмечает: «Изображение ели часто заменяется ромбом (вертикальным. – В. К.) или треугольником, а в скульптуре этому соответствует пирамидальная башенка. На лопастках некоторых вологодских прялок дерево – ель – вырастает из солнечного круга или квадрата (прялки из района Вельска Архангельской области). Изображение дерева встречается чаще всего в рельефной и контурной резьбе и сливается с мотивами травных и цветочных узоров, а иногда в вещах XIX века, даже с лавровыми ветвями»³⁸.

Итак, дерево, росток, цветок – символы жизни. Дерево – это божество, материал для строительства и изготовления хозяйственных изделий, утвари, мебели, это источник тепла. При подсечном земледелии лес был интенсивным средством удобрения земли.

Ближе к северу в Восточной Европе простирался бор с преобладанием сосны, ели, лиственницы. В центральной части Восточной Европы леса состояли из хвойных и лиственных пород – клен, вяз, береза, липа, осина, ольха и др.

Теперь выявим, какими внешними (в основном) преимуществами обладает ель по отношению к другим деревьям.

1. Ель является вечнозеленым деревом и наряду с сосной не утрачивает в зависимости от времени года свой покров по сравнению с лиственными породами.

2. Обладает красивой пирамидально-устойчивой формой, возносящейся ввысь, по сравнению с округлой и округло вытянутой формой крон других деревьев.

3. Особо стройные ели обладают четким ритмом повторения форм (ответвления веток в одном уровне) и интервалов (промежутков между ответвлениями) по принципу нюансного убывания форм и интервалов кверху. Это же качество присуще молодой поросли сосен, но по мере роста деревьев нижняя часть ствола утрачивает ветви, сохраняя их только на вершине, что является следствием светолюбивости указанных деревьев.

Основа ритма – повтор. В хаосе расположения ветвей на других деревьях ель давала пример четкого порядка, объединяющего составляющие элементы выраженного движения – убывания форм и интервалов. Четко выраженный ритм имеется в расположении листьев на ветках, в формах цветков и т. д. Здесь уместно упомянуть о примерах симметричных и асимметричных форм в мире растений, отмеченных В. Циркуновым³⁹.

4. Низко начинающиеся ветви кроны елей создавали рошу, где легко можно было укрыться от постороннего взгляда для свершения частных поклонений.

³⁸ Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. С. 14.

³⁹ Циркунов В. Об эстетической природе зодчества. М., 1970. С. 107. Рис. 34.

5. Отдельные ели с особенно плотной древесиной обладают особым свойством – «певучестью». По внешнему виду они отличаются стройностью, имеют меньшую толщину ствола, узкую и компактную крону. Из таких деревьев делают деки скрипок, пианино, струнные инструменты.

Вероятно, эти качества выделили ель в культе деревьев, а понимание устойчивости пирамидальной формы в ритме составляющих ее элементов сыграло немаловажную роль в эстетическом восприятии формы шатровых покрытий, ярусных композиций и пирамидально-многоглавых завершений. По языческим представлениям пирамидальное завершение своей формой могло воплощать понятие поклонения дереву. Здесь могли синтезироваться магические представления, эстетические достоинства и утилитарно оправданная форма. Что касается пирамидально-многоглавых завершений, то они, вероятно, представляют собой синтез идеи поклонения росту в природе и отражению определенной системы сознания, восходящей к повторению и возвращению к своим прообразам – архетипам, и в частности к пластическому переосмыслению в других формах круговых святилищ, но в период христианской религии. Обращают на себя внимание такие клетские церкви, как Георгиевская на Юковском погосте Ленинградской области (1493 г., рис. 20) и церковь в с. Ковда у Белого моря Мурманской области XVII в., где имеется несколько преломлений кровли, напоминающих структурно ритм расположения ответвлений на елях и отличающихся большим уклоном кровель. Некоторые клетские часовни Заонежья имеют преломления скатов кровли (Леликозеро, Селецкое и др.).

Другим деревом, поклонение которому в языческий период занимало, видимо, особое место, была береза. Проповедники христианства неоднократно указывали на продолжение поклонения на Руси «камням да березам». Красивые формы кроны и разнообразие листьев, выделяющийся светлый цвет ствола и широкое практическое применение бересты как водонепроницаемой прокладки, материала для плетения хозяйственных изделий, топлива, в том числе для разжигания «священного огня», крепость прикрепления листьев на ветвях, пищевые качества сока и т. д., играли, вероятно, большую роль в степени значимости поклонения этому виду деревьев.

Приведем данные о березе из лесной энциклопедии: «Крона яйцевидная или обратнойяйцевидная с распростертыми вверх или свисающими ветвями. Листья очередные, черешчатые, яйцевидные, ромбовидные, реже округлые (форма сильно варьируется), по краю пильчатые или зубчатые (до лопастных)»⁴⁰.

⁴⁰ Там же. С. 107.

Рис. 20. Георгиевская церковь на Юковском погосте Ленинградской области. 1493 г.

Рассмотрим форму кроны березы. На рис. 21 приводятся сведения о форме крон деревьев, листьев и возможное происхождение формы бочечных и кубовых покрытий, а также луковичных глав (формы крон деревьев 1, 3, 5, 6, ба взяты из Лесной энциклопедии⁴¹).

Яйцевидная форма (рождающая в природе живые существа, подмеченная и, вероятно, наделенная особым почитанием) в данном случае вписывается в прямоугольник с отношением стороны квадрата к диагонали.

Обычное соотношение 1 : 32; 1 : 38 и далее, увеличиваясь, приближается к соотношению 1 : 41. В прямоугольник можно вписать равнобедренный и равнобедренный треугольники, при этом равнобедренный треугольник имеет в основании угол в 72 градуса. На рис. 21: 20 в геометрической схеме показано предположительное устройство шатра с полницами и главы без шейки. Вершина треугольника, имеющего в основании угол в 70 градусов, построена на пересечении диагоналей квадрата. Глава без шейки сделана с основанием в уровне квадрата и верха главы на пересечении диагоналей квадрата (рис. 21: 19). Ширина главы равна одной трети квадрата. Подобное построение на шатре с полницами и главе без шейки зафиксировано на колокольне в Кулиге (рис. 36). Шатер и глава без шейки на колокольне в Кижях сделаны по аналогии с колокольней в Кулиге (рис. 37). Нельзя исключить, что из округлообразной (яйцевидной) формы деревьев взята небольшая часть низа с усеченным основанием и перенесена в верхнюю часть кроны, с исключением средней части кроны, для получения очертания бочки (куба) (см. рис. 21: 5). При этом изображалась форма листа березы, тополя, липы как составной части кроны этих деревьев. Выполнять округлоовальное (яйцевидное) покрытие с усеченным основанием не рационально и в общей сложности производства работ трудно.

Форма бочек и кубов является, вероятно, одним из обобщенных символов роста в природе, выражения поклонения ее формам и как художественно выразительная применена в символике деревянных храмов. На рис. 21: 21 представлены бочки церкви в с. Уна Архангельской области – 1501 г. (рис. 22). Эти очертания выражают идею роста, движения с незримо продолжающимся восхождением к небу с заостренным верхом. Ярусное построение объемов и плавный переход главами к шатровому завершению в ассоциации с упрощенным символом роста и поклонения природе в виде треугольника и более сложными символами – бочками и главами объясняет генеалогию этой композиции. Не исключено существование четырех глав над бочками первого яруса.

⁴¹ Лесная энциклопедия. М., 1985. Т. 1. С. 250.

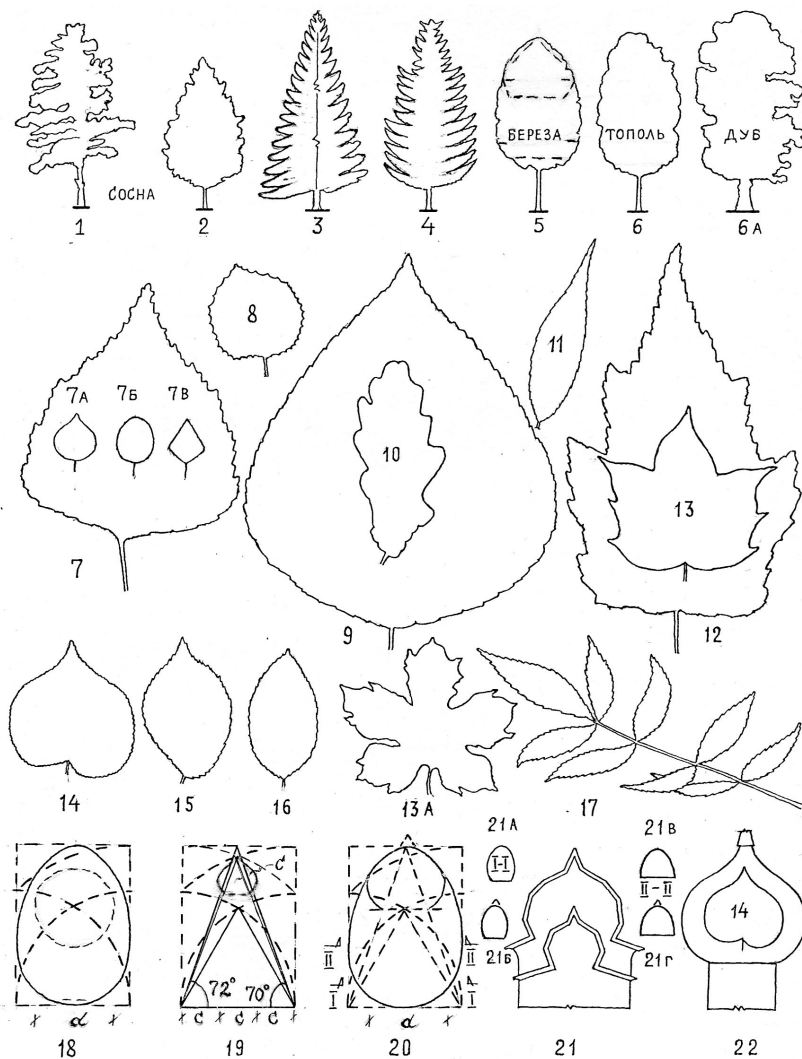

Рис. 21. Формы крон и листьев деревьев

Форма крон: 1 – сосна, 2 – молодая сосна, 3, 4 – ель, 5 – береза, 6 – тополь, 6а – дуб. Форма листьев: 7, 7 А–В – береза, 8 – осина, 9 – тополь, 10 – дуб, 11 – ива, 12 – лесной клен, 13 – клен остролиственный, 13 А – клен полевой, 14 – липа, 15 – вяз обыкновенный, 16 – граб обыкновенный, 17 – рябина

Рис. 22. Церковь в с. Уна Архангельской области. 1501 г.
В. В. Суслов. 80-е гг. XIX в.

Удивительно выразительно воплощение символики роста (уширение, удлинение, сужение) в ядре сооружения: нижняя бочка переходит в уширенный объем верхней бочки, затем – в увеличенный объем восьмерика и сужается в шатровом завершении. Первое известие о шатровых церквях

относится к построению Успенской церкви в Великом Устюге в 1290 г.⁴² Замечательным приемом многошатрового типа храмов является Троицкая церковь на погосте Нёнокса Приморского района Архангельской области – 1729 г. Проект реставрации 1960 г. восстанавливает облик этого памятника архитектуры с существовавшей галереей, кровельными покрытиями и т. д. (рис. 23–25).

Рис. 23. Троицкая церковь на погосте Нёнокса. Западный фасад.
Проект реставрации. 1960 г. В. Крохин

⁴² Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950 (11, С. 49, 65–67, 98–99, 109). Соборная Успенская церковь Великого Устюга, срубленная в 1290 г., неоднократно горела и ее вновь рубили «такову же, какова была». Когда после очередного пожара 1491 г. мастер Алексей Вологжавин, нарушив традицию, заложил церковь «не по старине крещатгу». Ему пришлось по требованию устюжан рубить церковь вновь «круглую по старине о двадцати стенах» (восьмериковую с четырьмя прирубями).

*Рис. 24. Троицкая церковь на погосте Нёнокса. Южный фасад.
Проект реставрации. 1960 г. В. Крохин*

На рис. 26 форма 1 теряет сходство с круглой формой и появляется очертание пламени (рис. 26: 2), т. е. один из наиболее четко образных символов огня. Представьте себе возгорание листовенного дерева округло-овальной формы (рис. 21: 5–7) или горящее пламя свечи. Позиция на рис. 26: 3–4 воспроизводит верхнюю часть округло-овальной формы, но в этой форме нет уширения, и она обретает сходство со шлемовидной формой, рожденной утилитарным назначением и имеющей определенный символ (см. рис. 26: 5). Примерами применения шлемовидной формы

в архитектуре может быть завершение центральной главы Софийского собора в Новгороде, башни Кокуй в Новгородском кремле, церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире (рис. 27–30).

Рис. 25. Погост Нёнокса. Троицкая церковь. 1792 г. Фото 1960 г. В. Крохин

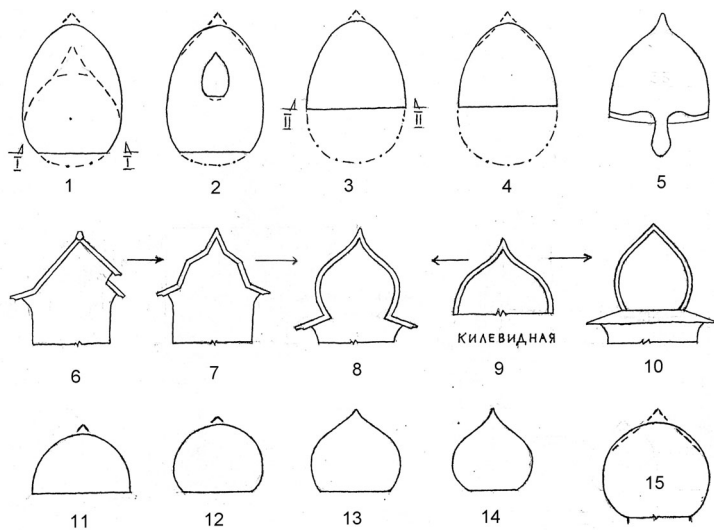

Рис. 26. Формы язычка пламени, шлема, бочки, свода и главы

Рис. 27. Софийский собор в Новгороде. 1045–1050 гг.

Рис. 28. Новгород. Кремль XI в. Башня Кокуй

При оптимально выработанных формах в соотношениях высоты к ширине бочки (куба) уменьшение ее высоты ведет к символу шлемовидной формы, а увеличение высоты – к символу огня (язычка пламени) (см. рис. 26: 8, 10). Кроме того, в бочках и кубах нет сходства с формой купола (см. рис. 26: 11) ввиду наличия пучины (свисания).

Отметим, что форма листьев многих округло-овальных крон деревьев (см. рис. 21: березы – 7, тополя – 9, липы – 14, вяза – 15 и т. д.), являясь их малой составной частью, как бы олицетворяет многочисленное целое кроны в символической форме кровель бочки и куба с усеченным основанием. Трудно найти другую форму, которая могла бы так пластически воплотить идею роста в природе, в дополнение к пирамидальной форме шатра, и в то же время отличаться от формы купола, шлема и язычка пламени. Интересно отметить, что анализ пропорций бочек и кубов выявляет закономерность в символике их построений на основе квадрата (символ земли) и равностороннего треугольника (треугольник – пирамидка – символ роста в природе)⁴³.

⁴³ Крохин В. А. Возможные способы расчета соотношений и достижения точности при построении архитектурной формы в русском деревянном зодчестве XVI–XVIII вв. // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998.

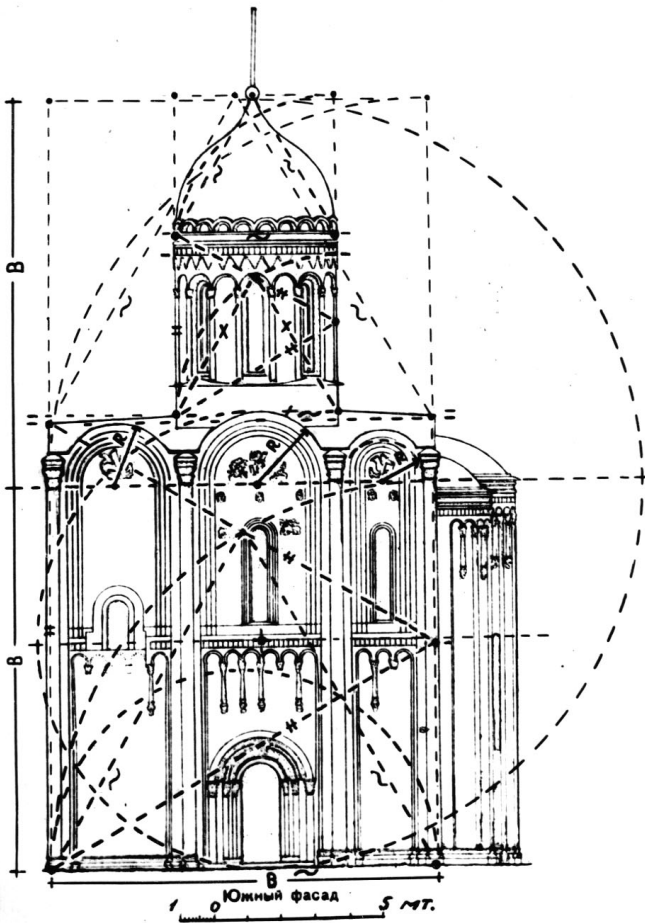

Рис. 29. Церковь Покрова на Нерли. 1165 г.

Теперь обратимся к формам луковичных глав, их возможному происхождению на христианских храмах в связи с символикой языческого поклонения природе. До нас дошли примеры сохранившихся, а также известных нам по истории архитектуры церквей, имеющих большую высоту луковичных глав и глав маковок (рис. 31–34). Форма этих высоких глав синтезирует символ круга с усеченным основанием (шара – солнца) и огня – язычка пламени (см. рис. 26: 1). В связи с этой символикой высоких глав заслуживает внимания указание Никона на форму

глав, сделанное еще до церковной реформы 1656 г. Выписка из благоклонной грамоты Никона, патриарха Московского и всея Руси, на построение нового храма в Залывском погосте Куростровской волости Двинского уезда 5 марта 1653 г.: на церкви «велети учинить пять глав круглых и невысоких и неострых»⁴⁴. Почему невысоких и неострых? Да, вероятно, потому, чтобы они не воспринимались символами пламени, связанными с памятью о славянских святилищах.

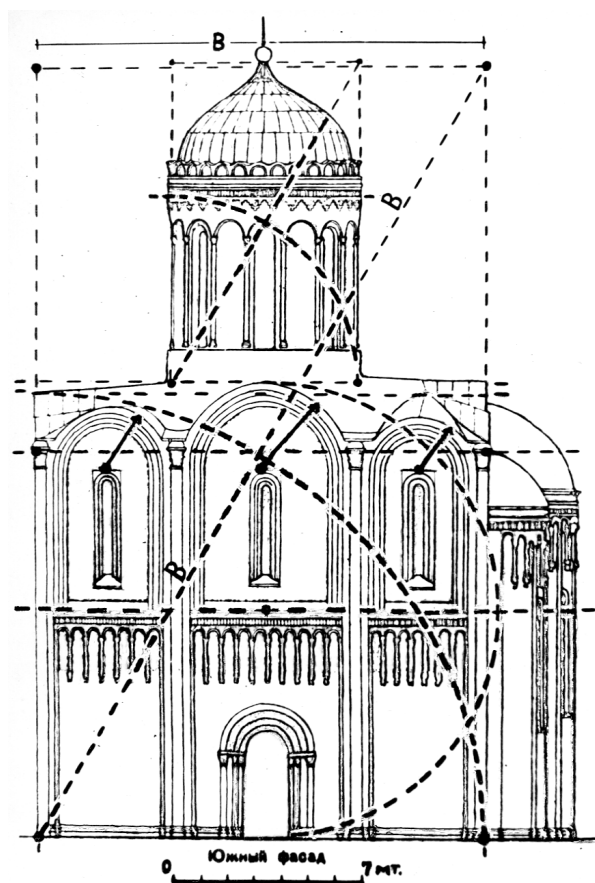

Рис. 30. Дмитриевский собор во Владимире. 1194–1197 гг.

⁴⁴ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1147. Л. 12. Сведения любезно представлены архангельским искусствоведом Е. Б. Заручевой.

Рис. 31. Церковь Ризположения в с. Бородавы Вологодской области. 1486 г.

*Рис. 32. Никольская церковь в с. Малошуйка Архангельской области. 1638 г.
В. Сулов*

Рис. 33. Церковь Никольского монастыря близ Москвы.

Рис. Э. Пальмквиста. 1673 г.

**Рис. 34. Псков. Двойная церковь Рождества и Покрова в Углу.
XIV–XVI вв.**

Интересно привести примеры физико-оптического явления зеркального отражения в воде заходящего или восходящего круглого диска солнца в форме главы и шейки (рис. 35). Пучок лучей света, отражающийся в воде при закате и восходе солнца, с разделением на прямолинейную и овальную формы – явление частое. Шейку с главой можно представить как символ прямолинейного пучка света в синтезе с кругом – солнцем. Если круглой части главы придать вытянутую вверх форму, то она приобретет символ язычка пламени. Аналогичные явления наблюдаются в других широтах земли при восходе или заходе солнца. Возьмем Египет. Целлар Каталина отмечает: «В превращении треугольника (пирамиды) в символ солнца свою роль сыграли не одни только древние мифы. При восходе или заходе солнца над линией горизонта возникает так называемый „зодиакальный свет“, который образует световой треугольник. Таким образом, пирамида символизирует путь на небеса и в то же время отождествляется с лучом солнца, падающим на землю»⁴⁵.

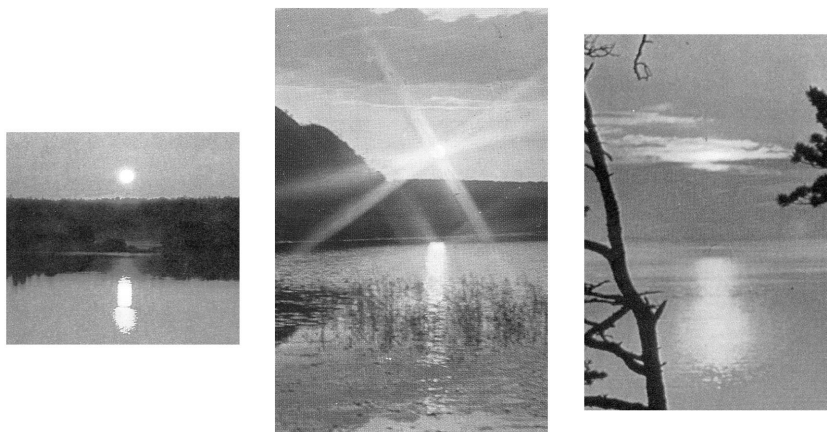

Рис. 35. Примеры оптических явлений зеркального отражения в воде заходящего или восходящего солнца в форме главы и шейки

Существуют и другие объяснения происхождения боковых покрытий и луковичных глав. На рис. 26: 6–10 показано происхождение боковых покрытий в результате конструктивного изменения форм⁴⁶ от преломляющихся скатов покрытий деревянных церквей и килевидных кокошников каменных церквей, что не связано с глубинными истоками

⁴⁵ Целлар Каталина. Архитектура страны фараонов. М., 1990. С. 90.

⁴⁶ Красовский М. Курс истории... С. 201. Рис. 224.

природоподражания при создании образного языка культового зодчества, вследствие чего конструктивно трансформированная форма бочки вряд ли могла стать символическим элементом над двускатными кровлями.

*Рис. 36. Колокольня и церковь
в с. Кулига Архангельской области. XVII в.*

А. Новицкий приводит объяснения В. В. Суслова о происхождении русских луковичных глав: «Очертание первоначальных покрытий русских куполов было, по всей вероятности, полуциркульное с отливом, как и во многих греческих церквях, но затем, вследствие климатических условий, купол в вершине получает некоторое заострение. Далее, чтобы, по возможности, защитить верхнюю часть барабана от сырости, неизбежно получающейся при наших частых непогодах, бока купола раздвигают, делают „пучину“; но так как новая форма при той же высоте была очень сплюснута, то весь купол несколько выпячивают вверх». Позднее «форма

эта принимает более закругленный вид и, наконец, в XVII столетии (особенно в московской архитектуре) с большею выпучиною и с высоким воронкообразным подходом к кресту» (графически это проиллюстрировано на рис. 26: 11–14). Одновременно с этим форму новгородско-псковских глав он производит от древней деревянной архитектуры. «В церквях нашего далекого севера, – говорит он, – вследствие частых непогод, положительно требовалась или шатровая форма, или какая-нибудь другая, но только наименее способная к залежам снега и медленному скату дождя. В силу тех же принципов, которыми руководствовались строители при начальном видоизменении купольных покрытий, главы в деревянных церквях скоро приняли шаровидную форму, причем снизу отнимался больший или меньший сегмент, а сверху оканчивали воронкообразным очертанием» (см. рис. 26: 15). Такие очертания, вероятно, нравились нашим строителям, и они перенесли их на каменную архитектуру, продолжая покрывать главы деревом в «крестообразную чешую». При этом он высказывается против влияния магометанских построек, вполне справедливо указывая, что там встречаются формы, несколько схожие с русскими, не ранее XVI–XVII столетий, когда здешние формы глав получили уже полное развитие⁴⁷.

А. М. Павлинов видит в этой форме отголоски языческой эпохи Древней Руси. Говоря о миниатюре Дробилова Евангелия, он выражается так: «Верхняя часть напоминает луковицу или так называемый куб, а нижняя оказывается скорее деревянною конструкцией, чем каменною. Подобные изображения храмов, на прямых столбах, напоминающие деревянную конструкцию, встречаются и позднее, на наших вышивках, в них также мы видим храм такой же конструкции, т. е. на столбах, с возвышающимся над его серединою куполом. Изображения эти наводят на память описания славянских языческих храмов и, вероятно, составляют, так сказать, отголосок дохристианской поры»⁴⁸.

Исследование А. Новицкого дает возможность ознакомиться с аргументацией, опровергающей заимствование луковичной формы или переработку ее в подобную форму от архитектуры других народов.

В ряде форм в орнаменте разных народов присутствует стилизованный рисунок растительной тематики (дерева, цветка, листа), обрамленный сужающимся кверху контуром или округло-овальным с внутренними закруглениями у основания: страны Востока, Греция, Византия⁴⁹ и

⁴⁷ Новицкий А. Луковичная форма русских церковных глав, ее происхождение и развитие. СПб., 1886. С. 3–4.

⁴⁸ Там же. С. 4.

⁴⁹ Колеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М., 1987. III. С. 89.

т. д., в том числе в древнерусских христианских храмах⁵⁰. Это отголоски далеких времен поклонения природе и стилизованное воспроизведение ее естественных, красивых форм.

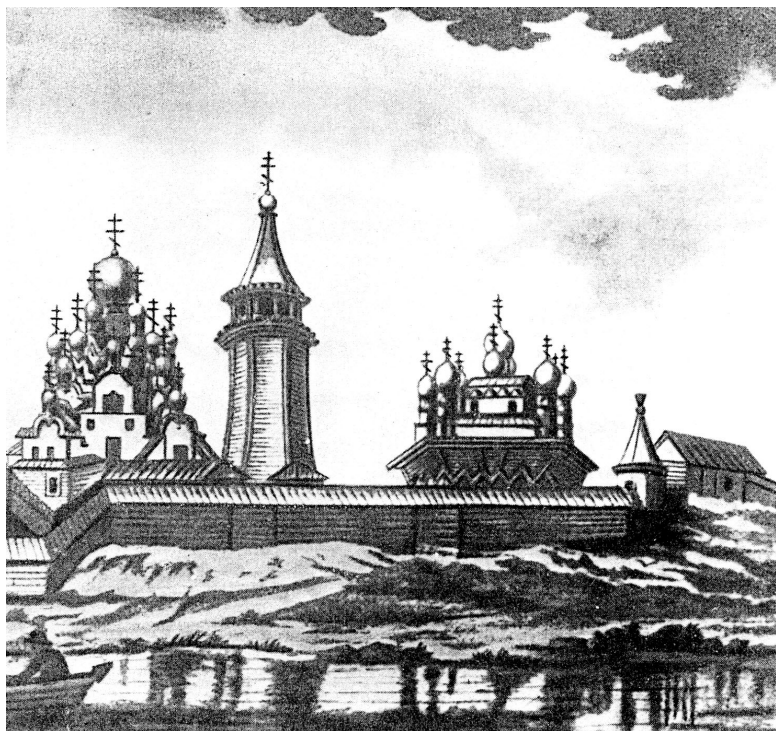

Рис. 37. Кижский погост. Гравюра 1785 г. Глава на колокольне без шейки

Академик Б. А. Рыбаков, систематизируя подобные формы на изделиях прикладного искусства XI–XIII вв. в Древней Руси, определяет это как отголоски язычества в аграрно-заклинательной символике и отражение стадий роста от семени до опыления изображением антропоморфных растительных символов⁵¹. Отметим, что некоторые символы являются носителями сходных понятий-представлений: круг – солнце, квадрат – земля, полукруг – небо, треугольник – дерево, извилистая или зигзагообразная

⁵⁰ Там же. С. 242. Приложение II. Софийский собор в Новгороде. Проспект / Ю. Л. Никитина. Л., 1982. С. 5.

⁵¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 575, 578.

линия – вода и т. д. Определенные ассоциации вызывает цветовая раскраска в природе. Различие глубинных верований, климат, природа, особенности исторического развития, влияние заимствований, художественная одаренность и т. д. определяют своеобразие национальной культуры, и в частности архитектуры.

Серьезное воздействие на культовую архитектуру оказала реформа патриарха Никона. Это нашло отражение в изменении форм ряда выдающихся храмов существовавшей культовой архитектуры, символике количественного многоглавия, исчезновении ряда типовых церквей. Официальные рекомендации на строительство церквей «с завершением пятиглавием, а не шатром», упомянутое выше наставление Никона на строительство церкви в 1653 г.: «велети учинить пять глав круглых и невысоких и неострых» (чтобы они не воспринимались символами формы пламени), повсеместное исчезновение церквей с покрытием «фонарем» (возможно, напоминающие языческие культовые постройки)⁵², исчезновение клетских церквей с шатровым завершением («церковь клетски, верх шатровой»), расширяет диапазон запретов на существовавшие формы церквей.

Дополним это сведениями об изменениях форм выдающихся памятников каменной архитектуры XVI в., которые произошли во второй половине XVII в.: замена общего 37-главия на главу низкой приземистой формы в церкви Вознесения в с. Коломенское (1532 г.); замена шатра на куполообразное покрытие, ликвидация восьми декоративных (символических) глав, приставленных к стенкам центрального восьмигранника, и замена луковичных глав на куполообразные покрытия на четырех боковых восьмигранниках на церкви в с. Дьяково (1547 г. – близ Коломенского); и, наконец, изменения символики многоглавия на Покровском соборе (1555–1561 гг.) на Красной площади в Москве с ликвидацией 16 глав (8 приставных на центральном восьмерике, 4 на церкви «под колоколы» и 4 главы на западном приделе). Все это свидетельствует о целенаправленном изменении облика упомянутых композиций и связанной с ними символики в архитектуре.

При Петре I в Заонежье, в период ослабления в преследовании старообрядчества, появились две 25-главые церкви: в Вытегре – 1708 г. и Кижях – 1714 г. но позднее символика этого многоглавия церквей была изменена, соответственно до 20 и 22 глав.

Все это, наряду со сложившимися историческими и политическими причинами раскола, показывает одиозность Русской православной церкви к идейно-образным, символическим формам и композициям в культо-

⁵² Шенников А. А. О языческих храмах восточных славян // Язычество восточных славян. Л., 1990. С. 43.

вой архитектуре, имеющим связь с глубинными древнеславянскими верованиями, что до раскола было терпимым и не являлось причиной жестокого противодействия.

Таким образом, мы считаем возможным связать генезис многоглавия в русской культовой архитектуре, а также генезис таких ее форм, как шатер, бочка и куб, с древнеславянскими языческими верованиями. В формах рассмотренных нами культовых сооружений и ритуальных предметов нашли отражение наблюдения древних славян за объективно присущими природе циклами и явлениями, ее биокосмическими ритмами. Существовавшие на момент начала христианизации формы, свойственные языческим культовым сооружениям, трансформировались, были адаптированы к новым условиям, по-новому преломились в религиозном сознании и наполнились иным идеологическим содержанием.

И. В. Мельников

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВОЖМАРИХА 19 В ЮЖНОМ ЗАОНЕЖЬЕ

Поселение Вожмариха 19 было открыто автором в 1999 г. и исследовано раскопом 88 кв. м в 2007 г. Оно содержит асбестовую керамику эпохи позднего энеолита.

Памятник входит в состав Вожмарихинского археологического комплекса, который в настоящее время насчитывает 27 поселений периода мезолит – энеолит. Памятники исследуются с 1995 г. экспедицией музея-заповедника «Кижь». Результаты частично опубликованы¹. Все поселения располагаются в южном Заонежье (Медвежьегорский район Карелии) компактной группой к северу от современной береговой линии залива Вожмариха на участке размером около 1,5×0,3 км. Памятники залегают в лесном массиве на песчаных террасах, фиксирующих древнюю береговую линию Онежского озера. Современная удаленность их от берега составляет от 30 до 1500 м, однако в период бытования, очевидно, все они находились на побережье залива Вожмариха, который в древности (периоды АТ, ранний СВ голоцена) глубоко вдавался в береговую линию и соединялся с озером узким проливом, закрытым от ветра островами. Сейчас этот участок заболочен.

¹ *Мельников И. В.* Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 197–220; *Он же.* Новые открытия памятников археологии на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. Вып. 7. Петрозаводск, 2002. С. 212–219; *Он же.* Неолитическое поселение Вожмариха 4 в южном Заонежье // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 216–248; *Герман К. Э., Мельников И. В.* Исследования мезолитических поселений в южном Заонежье // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 223–242; *Герман К. Э.* Поселения с керамикой шперрингс южного Заонежья // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 249–259.

Стоянка Вожмариха 19 является самым южным памятником Вожмарихинского комплекса и находится примерно в 30 м к западу от берега озера (рис. 1). Она занимает ровный участок древней береговой террасы (высота около 3,2 м над современным уровнем воды). На этой территории произрастает смешанный лес. Вблизи восточной границы памятника проходит лесная тропа, ведущая вдоль берега залива Вожмариха. В 100 м к северу располагается стоянка Вожмариха 21. В прошлом данный участок подвергался распашке. В центральной и южной частях памятника, а также к западу и югу от него находятся каменные кучи-«грудовицы»².

Судя по распространенности культурного слоя и особенностям рельефа местности, можно предположить, что стоянка занимает участок древнего берега на протяжении около 50 м и в глубину от берега около 25 м. Таким образом, его площадь составляет около 1250 кв. м.

Раскоп 88 кв. м был заложен в центральной части поселения (см. рис. 2–4). Стратиграфия (рис. 5): 1. Дерн – 4–8 см. 2. Культурный слой – серый песок (пахотный слой) мощностью 10–12 см, в восточной и юго-восточной частях – до 18 см. 3. Культурный слой – песок с красновато-коричневым оттенком. Его мощность в разных участках раскопа варьировала в пределах 10–20 см, в западной части раскопа – до 25 см. 4. Материк – песок светло-желтого цвета.

В ходе выборки 3 и 4 горизонтов в северной части раскопа (кв. Б5) было выявлено компактное скопление из четырех камней-валунов размером около 65×30; 30×20; 33×20; 35×35 см, которые, видимо, являются остатками какой-то наземной конструкции (рис. 6). Еще одна кладка из девяти камней-валунов размером от 0,15×0,1 до 0,3×0,2 м была расчищена после 4 горизонта в южной части раскопа (кв. Д5).

Следов жилищ или каких-либо хозяйственных сооружений не выявлено.

В результате раскопок поселения Вожмариха 19 получен инвентарный комплекс, включающий фрагменты асбестовой керамики и каменный материал, который с уверенностью позволяет интерпретировать памятник в культурно-хронологическом отношении.

² Кучи-«грудовицы» широко распространены на территории южного Заонежья и связаны с особенностями местного земледелия, при котором пахотные участки в ходе обработки очищались от многочисленных камней. Камни при этом складывались в кучи прямо на полях. После истощения участка, он забрасывался и зарастал лесом. Данные кучи, очевидно, были сложены крестьянами окрестных деревень и датируются временем не ранее XVIII в.

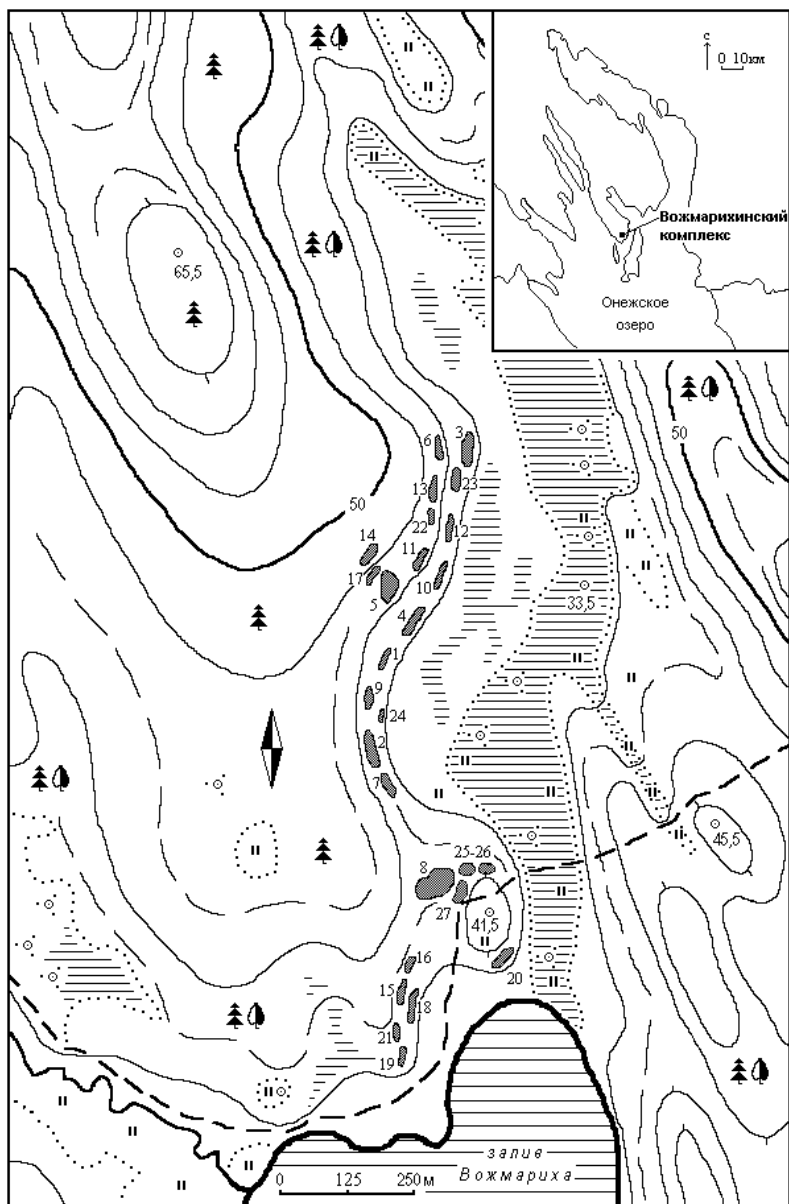

Рис. 1. Расположение Вожмарихинского археологического комплекса

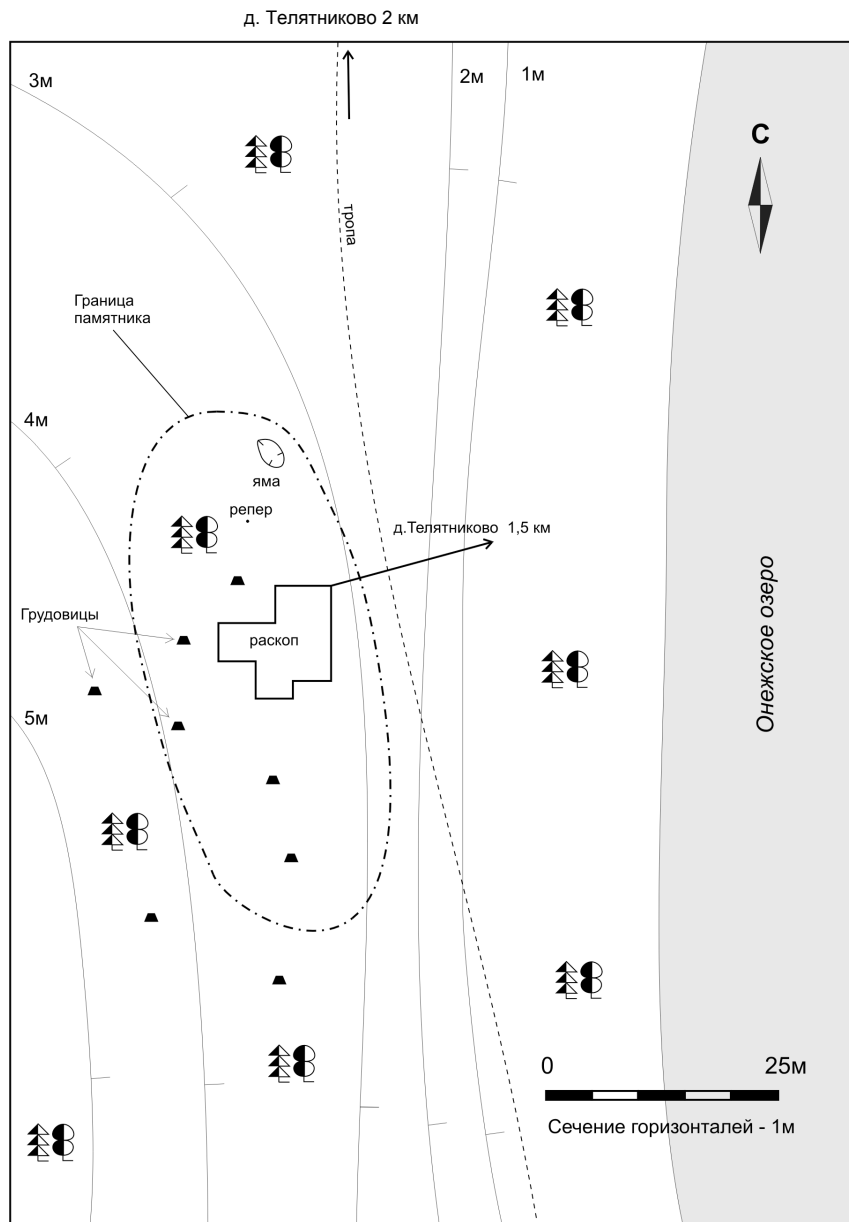

Рис. 2. План поселения Вожмариха 19

Рис. 4. Вид на раскоп на поселении Вожмариха 19 после снятия 4 горизонта

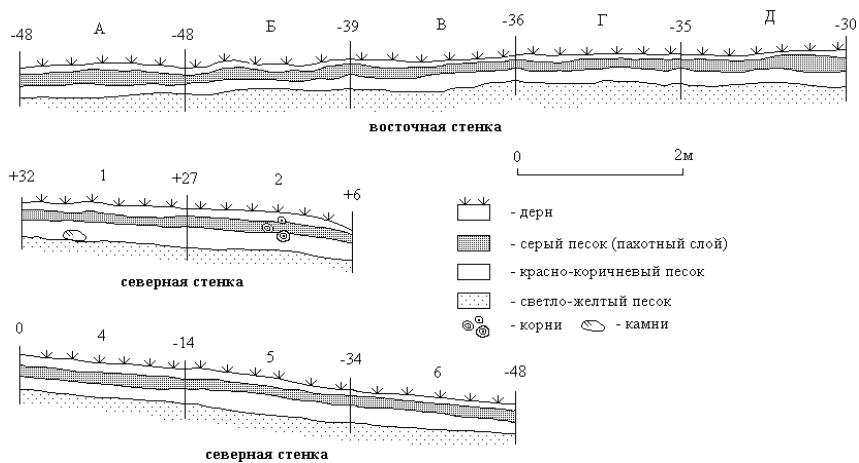

Рис. 5. Профили стенок раскопа на поселении Вожмариха 19

Рис. 6. Скопление камней в кв. Б5

Керамика изготавливалась методом налепа в стык, об этом свидетельствуют следы на фрагментах, по крайней мере, от 8 сосудов. Диаметр у большинства горшков не определен из-за малых размеров сохранившихся фрагментов. В тех случаях, когда диаметр был установлен, он составляет: около 10 см – 3 сосуда, 15–20 см – 4 сосуда, примерно 30 см – 1 сосуд, около 40 см – 9 сосудов, 40–50 см – 3 сосуда. Толщина стенок колеблется в пределах 0,3–0,8 см (в том числе у 2 сосудов – 0,3 см, 7 – 0,4 см, 11 – 0,5 см, 8 – 0,6 см, 10 – 0,7 см, 2 – 0,8 см). Форма сосудов не определена из-за сильной измельченности керамики. Можно утверждать, что в коллекции отсутствуют плоскодонные горшки.

Венчики (рис. 7) у большинства сосудов утолщенные (26 ед.), имеют прямой срез (34 ед.). Разнообразно оформление венчиков: представлены сосуды с Г-образными (11 ед.), Т-образными (6 ед.), округлыми (9 ед.) или плоскосрезанными (7 ед.) венчиками с загибом внутрь. Верхний срез, как правило, оформлен нанесенными под углом оттисками гребенчатого штампа (23 ед.) или похожего штампа, нанесенного, видимо, торцом палочки (7 ед.). В двух случаях гребенчатый штамп по срезу дополняют округлые ямки. Среди прочих, гораздо реже практикуемых видов орнамента по срезу, следует отметить: двойной ряд оттисков состыкованного гребенчатого штампа (2 ед.), поставленные под углом ногтевые вдавления (1 ед.), оттиски трубочки (1 ед.), ямки (1 ед.). В двух последних случаях указанным орнаментом была украшена вся поверхность горшков.

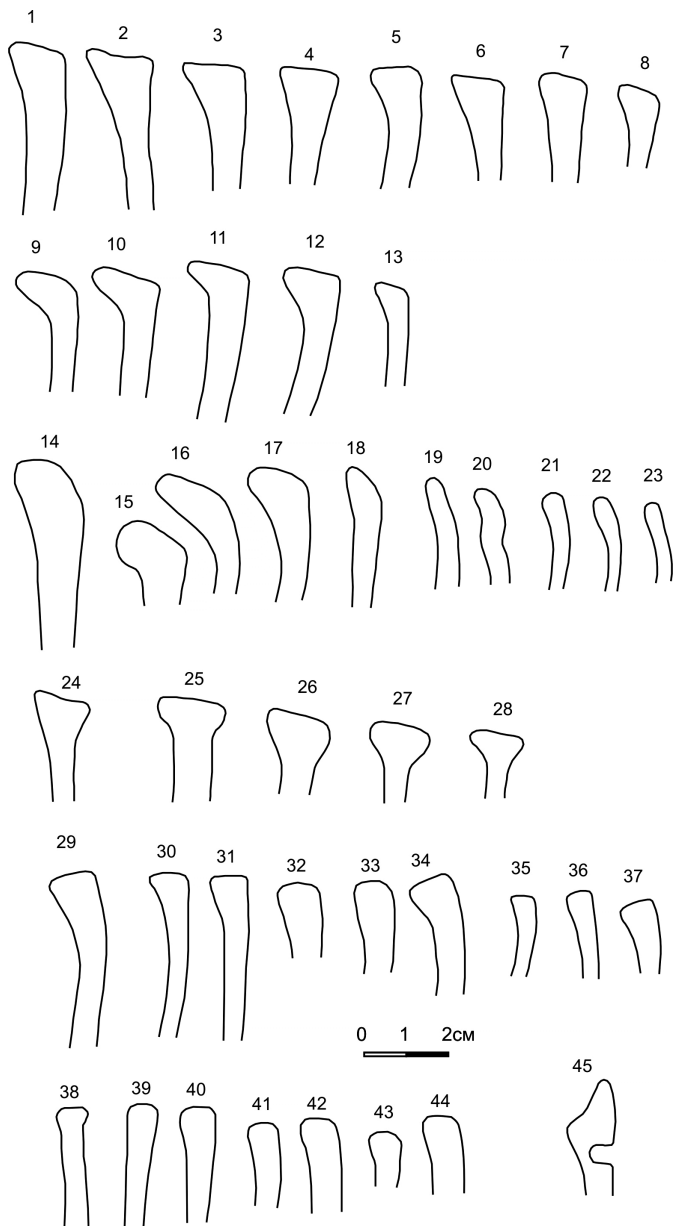

Рис. 7. Профили венчиков сосудов

Орнаментация стенок горшков достаточно однообразна (см. рис. 8–10). Как правило, сосуды орнаментированы по всей поверхности оттисками гребенчатого штампа, который образует стандартные композиции: вертикальный зигзаг (19 ед.), горизонтальные ряды гребенчатого штампа, нанесенного под углом (11 ед.), горизонтальный зигзаг (1 ед.). На одном сосуде имеется сочетание горизонтальных рядов наклонного короткого гребенчатого штампа и неорнаментированных зон. В пяти случаях поверхность горшков орнаментирована гладким штампом, близким по форме к гребенчатому, который, видимо, нанесен торцом палочки. Композиции в этих случаях схожи: горизонтальные ряды нанесенных под углом оттисков и вертикальный зигзаг. В абсолютном большинстве случаев в орнаментации преобладает один элемент орнамента. Только на трех горшках отмечено сочетание двух элементов: рядов ямок или наколов, сочетающихся с рядами гребенки или ногтевидных вдавлений. Среди прочих видов орнаментов, которые использовались только на отдельных горшках, следует назвать: горизонтальные ряды округлых ямочных вдавлений (диаметр ямок 0,2 и 0,5 см) (3 ед.), оттиски трубочки (диаметр 0,5 см), образующие геометрические треугольные формы (1 ед.), редко поставленные ряды наколов, нанесенных торцом палочки (1 ед.). В двух случаях зафиксировано отсутствие орнамента на сосудах.

Керамический комплекс поселения находит аналоги среди позднеэнеолитических памятников Обонежья, и в частности близок керамике типа Оровनावолок 16, которая известна на 134 памятниках Карелии и встречается от южной Карелии, до района реки Кемь на севере. Подробное описание данного типа керамики приводится в работе А. М. Жульникова³. Большое количество памятников с такой керамикой известно в Обонежье, а также в районе озер Сямозеро и Водлозеро. В Заонежье памятники с керамикой типа Оровनावолок 16 известны в районе Пегремы, на полуостровах Ажебनावолок и Клим. В южной части Заонежского полуострова памятников с асбестовой керамикой до настоящего времени не было известно. Керамика поселения Вожмариха 19 схожа с керамикой типа Оровनावолок 16 по ряду признаков, прежде всего по особенностям орнаментации. Большая часть горшков орнаментирована так называемым вертикальным зигзагом, что характерно для поздней стадии развития данного типа керамики. Меньшая часть сосудов может быть связана с ранней стадией развития данного типа. Это сосуды, украшенные горизонтальными одиночными рядами наклонно поставленного короткого гребенчатого или гладкого штампа, которые сочетаются с неорнаментированными зонами.

³ Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999. С. 50–53.

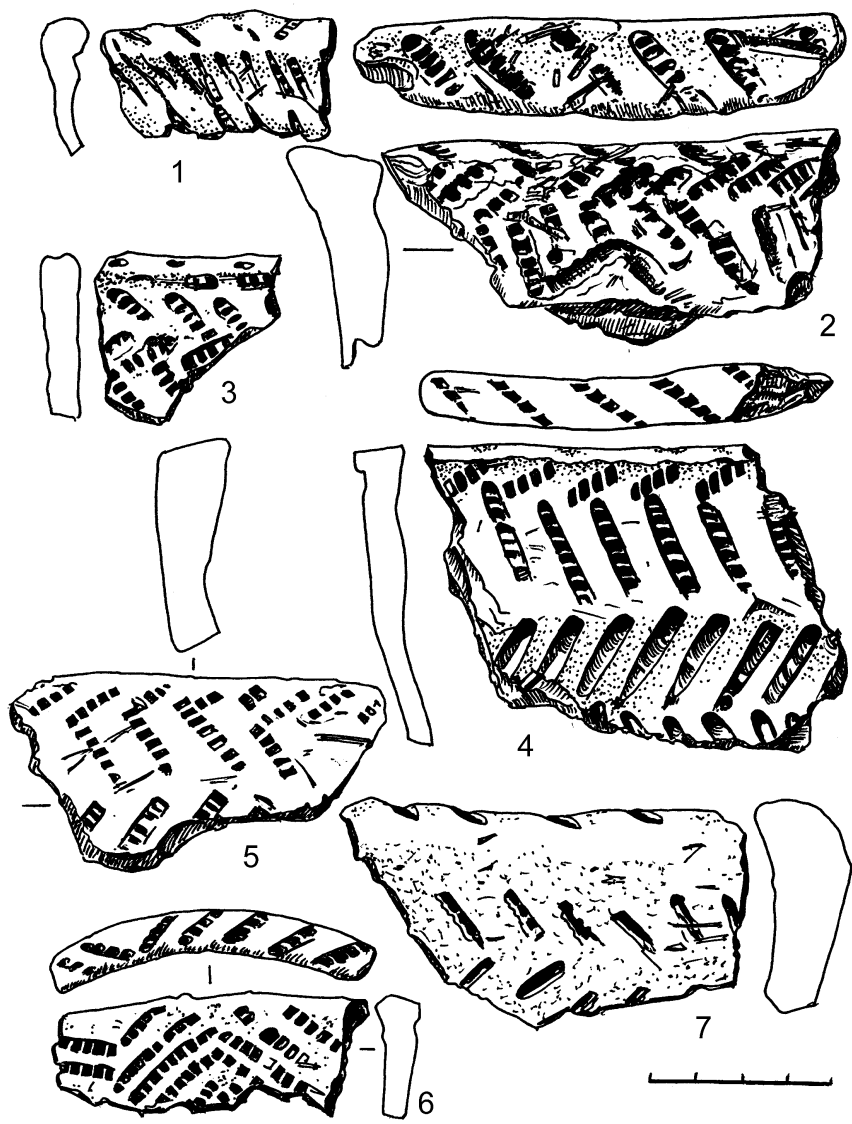

Рис. 8. Образцы асбестовой керамики

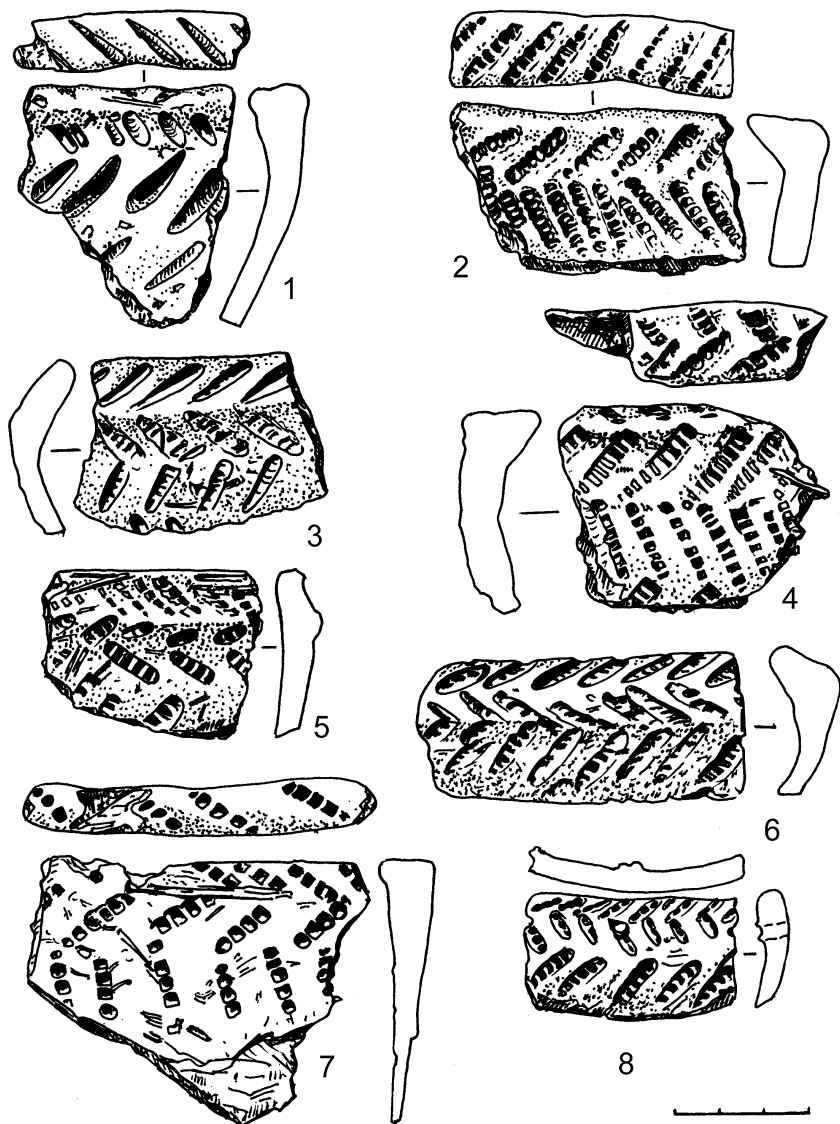

Рис. 9. Образцы асбестовой керамики

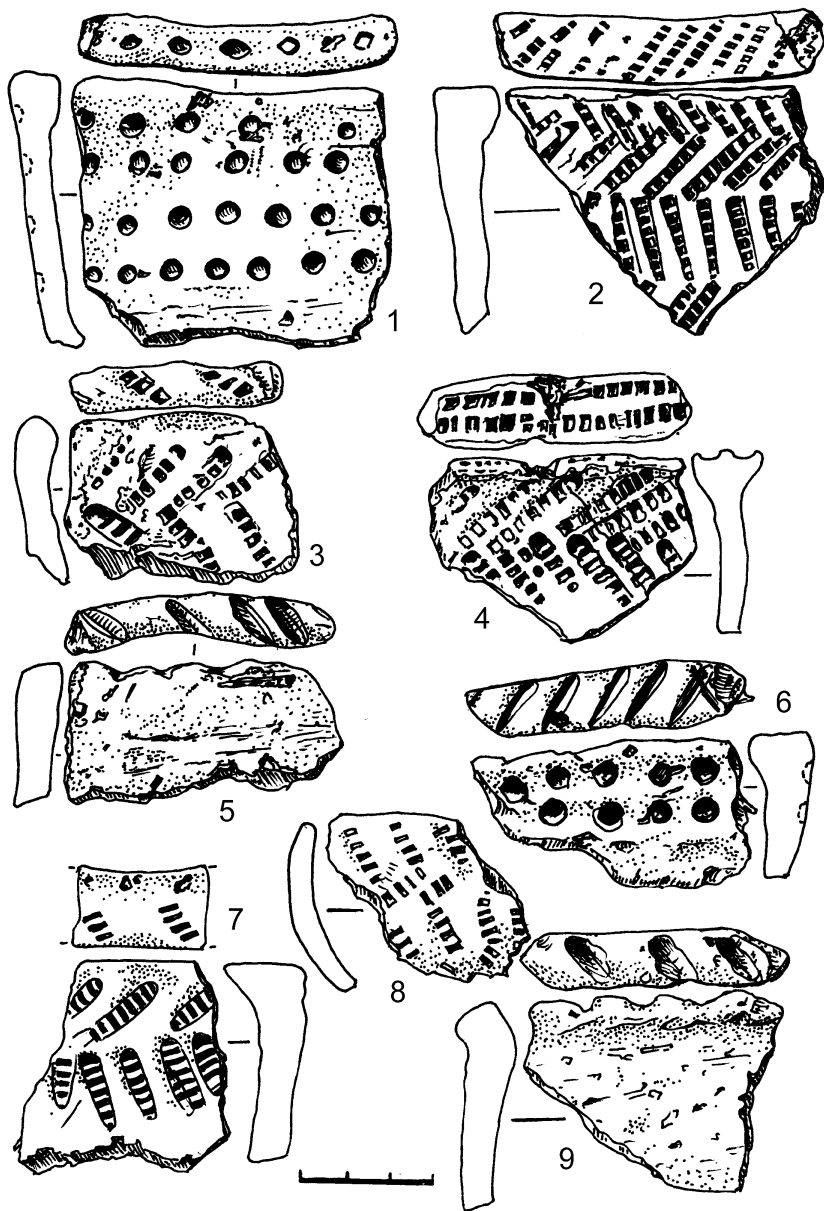

Рис. 10. Образцы асбестовой керамики

В коллекции представлены единичные сосуды, которые по особенностям орнаментации могут быть связаны с более ранним типом керамики – Войнаволок 27⁴. В частности, имеется сосуд, орнаментированный вертикальным зигзагом в сочетании с горизонтальными рядами ямок. Представленные в коллекции сосуды, сплошь орнаментированные отпечатками трубочки (1 ед.) и ямочных вдавлений (3 ед.), могут быть отнесены как к раннему типу керамики – Войнаволок 27, так и к более позднему типу – Оровнаволок 16.

Кроме асбестовой керамики есть один ямочно-гребенчатый сосуд в виде 8 сильно окатанных мелких фрагментов. Сосуд светло-коричневого цвета, толщина стенок 0,7 см, в качестве примеси к глиняному тесту использовался песок. Диаметр устья не определен. Венчик утолщенный, кососрезанный внутрь, орнаментирован по срезу оттисками гребенчатого штампа. Стенки, видимо, по всей поверхности орнаментированы горизонтальными рядами ямочных вдавлений. Присутствие среди находок одного ямочно-гребенчатого сосуда, который по форме венчика и особенностям орнаментации может быть отнесен к позднему этапу неолита Карелии, скорее всего, связано с поселением Вожмариха 21, занимающим участок древнего берега примерно в 100 м севернее и содержащим комплекс материалов этого периода.

Каменный материал поселения Вожмариха 19 представлен предметами из сланца, кварца, кремня, лидита и кварцита. Всего в коллекции 1509 находок из камня, абсолютное большинство которых (1352 ед.) – отходы каменной индустрии, в том числе: осколки и отщепы сланца 1022 ед. (75,6% от общего числа отходов производства орудий), кварца – 116 (8,5%), кварцита – 112 (8,3%), кремня – 81 (6%), лидита 21 (1,6%).

Предметы из сланца представлены 10 орудиями, 5 мелкими обломками рубящих орудий, 8 мелкими обломками орудий неопределенного назначения со следами шлифовки, 5 заготовками орудий, 1 осколком со следами использования, а также отходами каменной индустрии – 1022 отщепами и осколками.

Среди сланцевых орудий – серия из 4 наконечников стрел удлиненных очертаний (в том числе 3 обломка). Целый наконечник (рис. 11: 12) изготовлен из трехгранного отщепа, подтреугольной в поперечном сечении формы, с острием, намеченным мелкими сколами. Два обломка (рис. 11: 6, 13) имеют подтреугольное поперечное сечение и уплощенный черешок. У обоих острие утрачено. Их можно отнести к 1 типу наконечников (по А. М. Жульникову), которые встречаются на энеолитических поселениях в широком диапазоне, с середины III по первую половину II тыс. до н. э. Они известны на ряде памятников, в том числе на поселении Оровнаволок 16⁵. Еще один

⁴ Жульников А. М. Энеолит Карелии... С. 45–48.

⁵ Там же. С. 56–57. Рис. 49.

обломок наконечника (рис. 11: 11) с утраченным основанием имеет поперечное сечение, близкое по форме к линзовидному, и находит аналоги среди находок поселения Палайгуба 2. Его можно отнести к пятому типу энеолитических сланцевых наконечников, датированных первой половиной II тыс. до н. э.⁶

Орудия обработки дерева представлены следующими предметами. 1. Обломок крупного тесла (рис. 12: 4), грубо шлифованного, с утраченным лезвием, несколько сужающегося от обушной части к лезвийной. Орудие выполнено из гальки, подовальной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. 2. Обломок, видимо, тесла (рис. 12: 1) с утраченным лезвием, из плоской гальки подчетырёхугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Орудие частично шлифовано в области рабочей части. 3. Когтевидное долото (рис. 11: 9), частично шлифованное, подчетырёхугольной в плане формы, с широким дугообразным лезвием. Данная находка важна для уточнения хронологии памятника, поскольку бытование когтевидных долот в Карелии «...почти не выходит за рамки III тыс. до н. э.»⁷. 4. Стамеска (рис. 11: 4) из небольшой сланцевой плитки четырёхугольной формы, несколько сужающейся к обушной части, с четырёхугольником в поперечном сечении. Рабочий край асимметричен. Поверхность полностью шлифована, но лезвие до конца не заточено.

Несколько орудий обработки дерева представлены в коллекции мелкими фрагментами со следами шлифовки. Среди них: четыре обломка лезвийных частей (рис. 11: 3) (на одном из них видны следы вторичной обработки – шлифовки по сколотой грани), два фрагмента обушных частей орудий подовального (рис. 11: 5) и подтреугольного (рис. 12: 3) поперечного сечения, а также небольшой обломок шлифованного, видимо, рубящего орудия с утраченной обушной и лезвийной частями и многочисленными сколами на поверхности. Найдена также заготовка рубящего орудия (рис. 12: 2) вытянутой подчетырёхугольной формы со следами обивки по краям.

Среди прочих сланцевых орудий следует отметить: 1. Проколку (рис. 11: 10) со сработанным острием, в виде удлинённого шлифованного стержня, имеющего подквадратное поперечное сечение и сужающегося к одному из концов. 2. Скребок (рис. 11: 8) из граненого отщеп подтрапезиевидной в плане и подтреугольной в поперечном сечении формы, с рабочими краями, сформованными мелкими сколами по трем ребрам. 3. Скребло (рис. 13: 1) из массивной гальки трапезиевидной в плане и подовальной в поперечном сечении формы, со следами грубой обивки и использования на одной из граней. 4. Нож (рис. 11: 2) из плоского удлинённого отщеп с лезвием, оформленным двусторонней заточкой по одному из длинных краев.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 60.

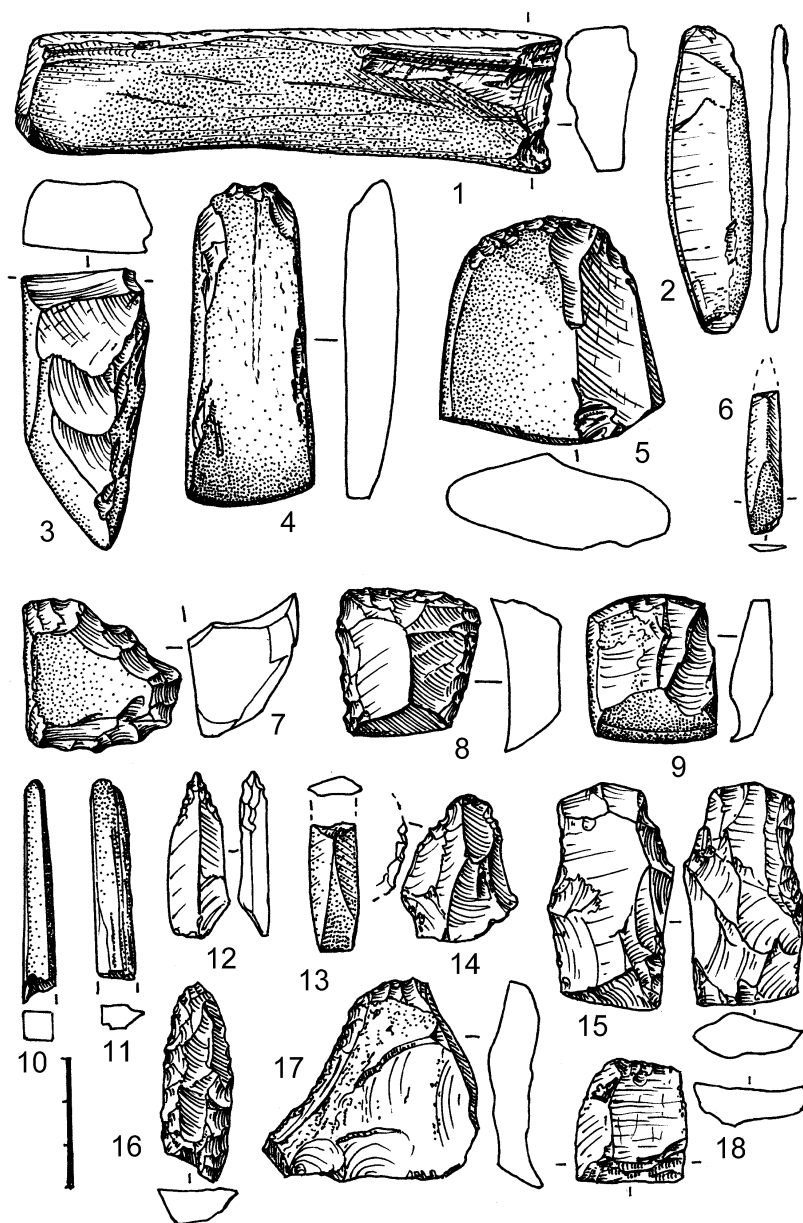

Рис. 11. Предметы из сланца (1–13), лидита (14–16) и кремня (17, 18)

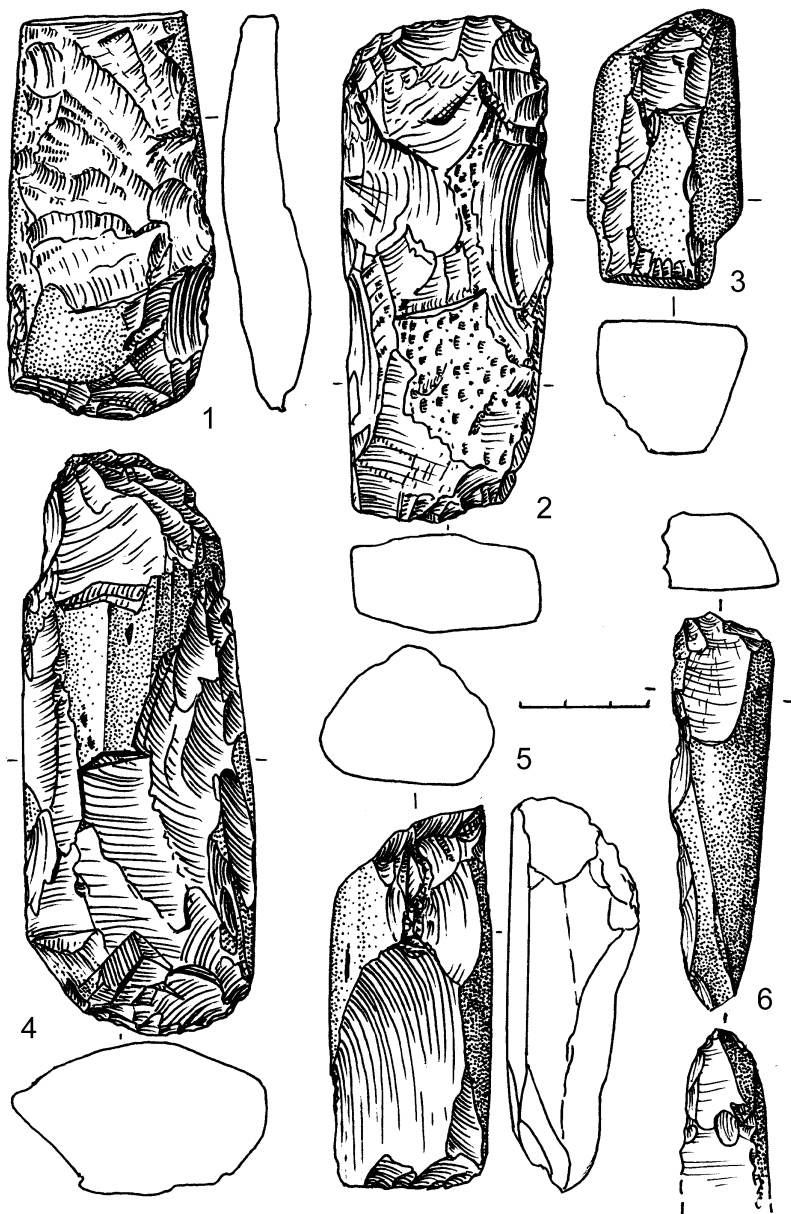

Рис. 12. Предметы из сланца

В коллекции сланцевых предметов есть также шлифовальный брусок (рис. 11: 1), уплощенный осколок подтрапецевидной формы со следами шлифовки и использования в качестве скребущего орудия (рис. 13: 2), а также три заготовки орудий со следами обивки поверхности (рис. 14: 1, 2).

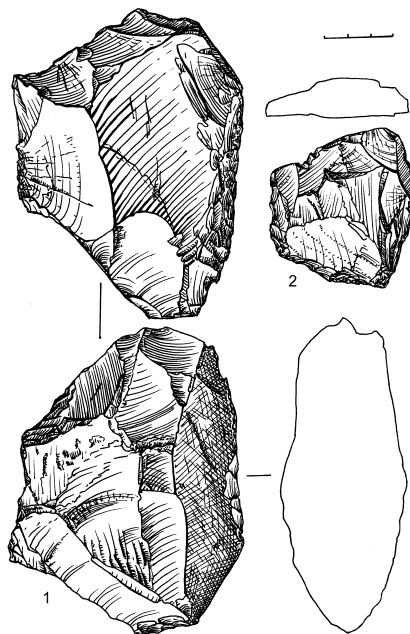

Рис. 13. Предметы
из сланца

Кварцевый материал на поселении представлен 116 отщепами и осколками без следов обработки и использования, 41 отщепом или осколком со следами использования и обработки, а также 13 орудиями. Среди кварцевых орудий преобладают скребки и так называемые долотовидные орудия, которые, видимо, также применялись как скребущие орудия.

Все скребки сделаны из маленьких отщепов разнообразных форм (рис. 15: 3–5, 7–9, 11, 12). Три скребка можно отнести к концевым. Во всех случаях довольно грубо обработана только лезвийная часть одно- или двусторонней (три случая) или двусторонней (два случая) ретушью со стороны спинки или брюшка. Как правило, рабочая часть сформована по одному из ребер и имеет дугообразную или прямую форму. Спинка и брюшко без следов обработки. В отдельных случаях хорошо видны следы сработанности.

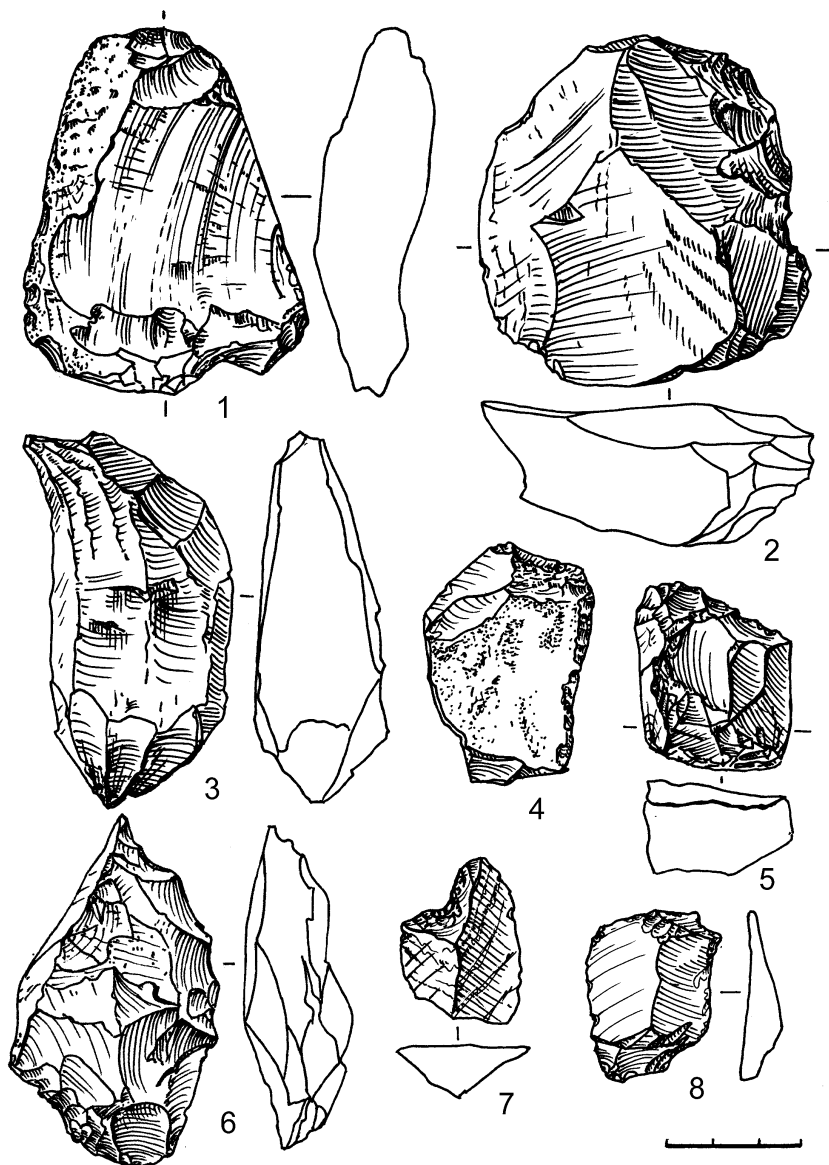

Рис. 14. Предметы из сланца (1, 2), кварцита (3) и кремня (4-8)

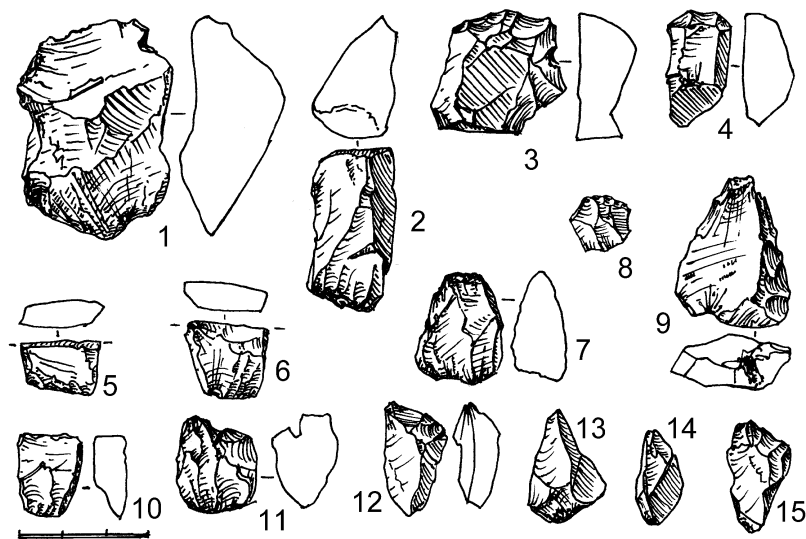

Рис. 15. Предметы из кварца

Четыре «долотовидных» орудия изготовлены из небольших отщепов (рис. 15: 2, 6, 10). В двух случаях у них трапециевидная в плане форма, два орудия – аморфных очертаний. Форма лезвия в двух случаях клиновидная, сформованная сколами с двух сторон, еще в двух – желобчатая со сколами с одной стороны.

Среди прочих орудий следует отметить скребло из крупного граненого осколка аморфных очертаний (рис. 15: 1). Лезвие дугообразное, со следами сработанности, сформовано на одном из ребер. Иных следов обработки нет. Также найдено два очень схожих между собой угловых резца (рис. 15: 13, 15) из маленьких граненых осколков подтреугольной формы. Рабочие концы со следами сработанности.

Прочий кварцевый материал представлен аморфным несколько удлиненным осколком со следами обработки и использования в качестве скребущего орудия, уплощенным отщепом подтреугольной формы со следами мелкой ретуши по одному из ребер и следами использования, видимо, в качестве резца, а также 39 отщепами и осколками кварца без какой-либо обработки, но с более или менее выраженными следами использования в качестве скребущих или режущих орудий.

В целом индустрия кварца на поселении довольно примитивна. Орудия достаточно аморфные, несут следы минимальной обработки, которая применялась только в отношении рабочих краев. Большое количество от-

щепов и осколков без обработки, но со следами использования также свидетельствует о слабом развитии на поселении индустрии кварца. Складывается впечатление, что кварцевая техника или деградировала, или, наоборот, находится на начальной стадии развития: население осваивает новый вид сырья для производства орудий.

Предметы из кремня представлены 81 отщепом, 29 отщепами и осколками со следами обработки, а также 21 орудием, среди которых в основном скребки и наконечники стрел.

Среди скребков концевых четыре экземпляра (рис. 16: 7, 12, 19). Они изготовлены из отщепов разнообразной формы: подовальной, подчетыреугольной, подтреугольной. Рабочий край прямой, оформлен ретушью по одной из граней. Один скребок обработан мелкой ретушью примерно по половине периметра орудия, у другого аналогичная ретушь на одном из боковых ребер. Спинка и брюшко во всех случаях без обработки.

Два скребка могут быть отнесены к числу боковых (рис. 16: 10, 22). Один изготовлен из отщепа подтреугольной формы и обработан грубой ретушью по всему периметру. На двух противоположных ребрах имеются следы сработанности. Другой скребок изготовлен из отщепа неправильной подромбической формы. Рабочий край со следами сработанности сформован грубой ретушью по одному из ребер. В обоих случаях спинка и брюшко без обработки.

Один миниатюрный скребок (рис. 16: 9) изготовлен из отщепа неправильной подовальной формы. Обработан крутой ретушью по всему периметру. Спинка и брюшко со сколами. Округлый рабочий край со следами сработанности сформован грубой двусторонней ретушью и составляет примерно половину периметра орудия.

Два скребка сделаны из отщепов неправильной подтреугольной формы (рис. 16: 11, 13). У одного ретушь фрагментарно нанесена по всему периметру орудия, более тщательно сформовано прямое лезвие. У другого – следы обработки мелкой односторонней ретушью прослеживаются по одному из ребер. Спинка и брюшко у обоих без обработки.

Еще один скребок изготовлен из плоского отщепа неправильной подчетыреугольной формы (рис. 14: 8). Следы обработки мелкой односторонней ретушью фрагментарно прослеживаются по трем противоположным ребрам. Спинка и брюшко также без обработки.

Два скребка в коллекции представлены обломками (рис. 16: 15, 17). Один из них, видимо, имел неправильную подтреугольную, другой – листовидную форму.

Отметим также скобель из небольшого отщепа подтреугольной формы. Ретушью обработан только рабочий край, сформованный по одному из ребер (рис. 16: 4).

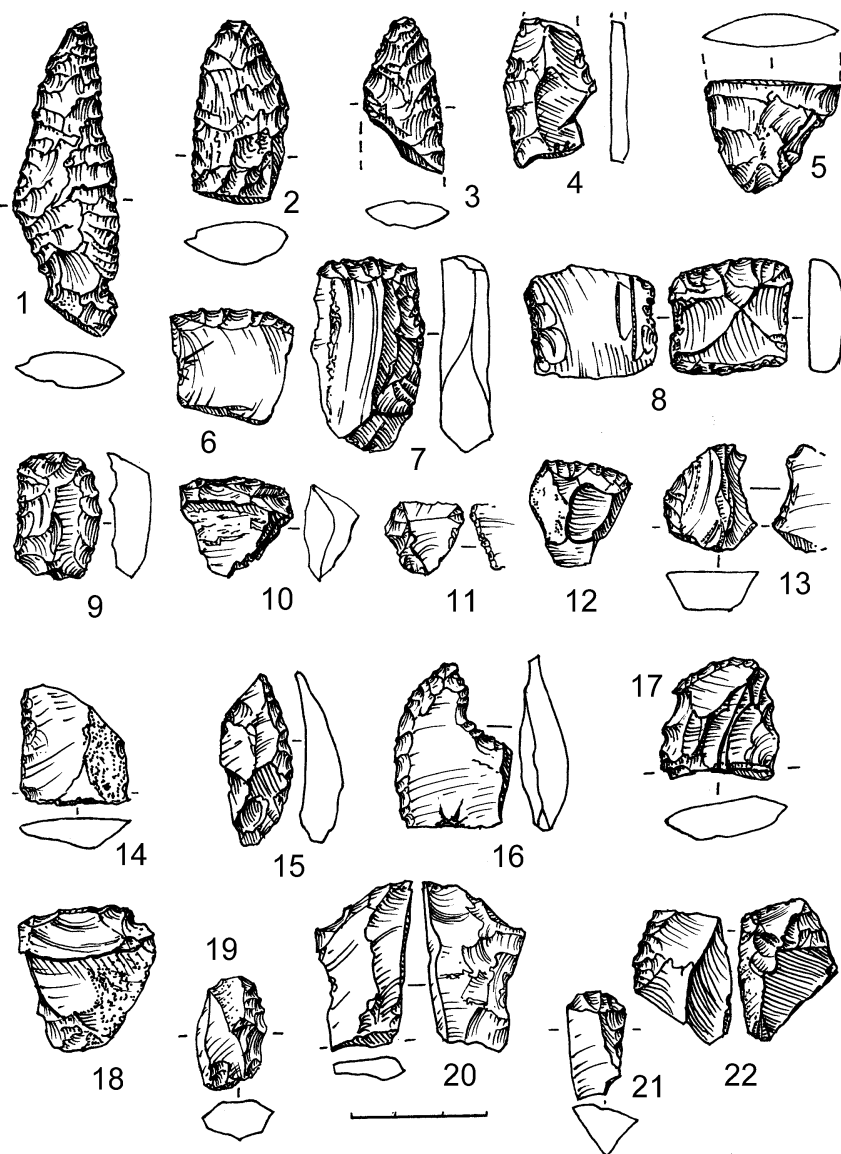

Рис. 16. Предметы из кремня

Два орудия могут быть определены как комбинированные (скребок-скобель) (рис. 11: 17; рис. 16: 8). Одно изготовлено из плоского отщепя подтреугольной формы. Ретушью сформованы два рабочих края: на концевой части – скребок, на боковом ребре – скобель. Другое орудие выполнено из плоского отщепя подчетырёхугольной формы со следами ретуши по трем сторонам. Два рабочих края сформованы на противоположных краях. Спинка и брюшко без обработки.

Еще одно комбинированное орудие из аморфного отщепя может быть определено как скребок-скобель-резец (рис. 16: 16). Рабочие поверхности оформлены тщательной ретушью: дугообразный рабочий край скребка переходит в острие резца и далее в вогнутое лезвие скобеля. Спинка и брюшко без обработки.

В коллекции кремневых орудий есть три обломка наконечников (рис. 16: 2, 3, 5) и, видимо, заготовка наконечника копья в виде осколка неправильной подромбической формы со следами грубой обивки (рис. 14: 6). Наконечники стрел представлены довольно мелкими фрагментами: в двух случаях – фрагменты кончиков острия, в одном – фрагмент пера вытянутой листовидной формы. По-видимому, предметы были ретушированы по всей поверхности.

Интерес представляет небольшой, обработанный по всей поверхности ретушью нож, с выгнутым заостренным рабочим краем и черешком, выделенным двумя противоположащими выемками (рис. 16: 1).

Отметим также обломок ножа (рис. 16: 4) из плоского несколько удлиненного отщепя, фрагментарно обработанного мелкой ретушью по двум противоположащим краям.

Среди обнаруженных кремневых предметов также представлены 18 отщепов или осколков со следами использования в качестве скребущего или (реже) режущего орудия (рис. 11: 18; 14: 5, 7; 16: 18, 20, 21). Причем только в трех случаях отщепы были фрагментарно обработаны мелкой ретушью. В остальных они использовались без какой-либо предварительной обработки.

Еще 11 предметов представляют собой отщепы и осколки со следами незначительной обработки, как правило, мелкой ретуши, нанесенной фрагментарно по одному, реже двум-трем ребрам. При этом следы использования данных предметов визуально не прослеживаются.

В целом коллекция кремневых изделий относительно многочисленна, но маловыразительна. Среди орудий почти отсутствуют экземпляры, которые бы отличало высокое качество технического исполнения. Орудия небольшого размера, как правило, обрабатывается только рабочая грань или ребро. Довольно много отщепов и осколков, которые использовались в качестве скребущих или режущих орудий вообще без предварительной обработки. Чувствуется дефицит кремня как сырья

для производства орудий. Об этом свидетельствуют малые размеры орудий, относительно высокая степень утилизации, наличие изделий, выполненных из некачественного материала (с галечной коркой, трещинами и т. п.). Кремневая индустрия поселения не производит впечатления развитой.

Находки из лидита немногочисленны и представлены 21 осколком и отщепом, 1 нуклеусом, 4 осколками без обработки, но со следами использования в качестве скребущего или режущего орудия, 5 осколками со следами мелкой ретуши по отдельным ребрам, но без следов использования, 3 орудиями и 1 заготовкой орудия. Среди орудий концевой скребок (рис. 11: 14) из отщепа неправильной подтреугольной формы, с обработанным ретушью рабочим краем, который составляет около половины периметра орудия. Спинка и брюшко орудия без обработки. Скобель (рис. 11: 15) из крупного несколько удлинённого отщепа неправильной подчетырёхугольной формы и лезвием, сформованным грубой ретушью по боковому краю. Наконечник стрелы (рис. 11: 16) из трёхгранного удлинённого отщепа листовидной формы, подтреугольного поперечного сечения. Острие сформовано ретушью, следы односторонней ретуши и мелких сколов также имеются на гранях. В коллекцию входит заготовка, видимо, рубящего орудия из массивной удлинённой гальки, со следами обивки поверхности и намеченной грубыми сколами лезвийной частью.

Таблица 1. Количество и состав находок поселения Вожмариха 19

Виды изделий	Сланец	Кварц	Кремень	Лидит	Кварцит
Долото	1	–	–	–	–
Обломки рубящих орудий	5	–	–	–	–
Скребки	1	6	12	1	–
Долотовидные орудия	–	4	–	–	–
Скребла	1	1	–	–	–
Скобели	–	–	1	1	–
Комбинированное орудие (скребок-скобель)	–	–	3	–	–
Ножи	1	–	1	–	–
Резцы	–	2	–	–	1
Наконечники	4	–	4	–	–
Проколка	1	–	–	–	–
Абразивы	1	–	–	–	–
Обломки орудий со шлифовкой	8	–	–	–	–
Заготовки орудий	5	–	1	1	–
Осколки и отщепы со следами работы или обработки	1	41	29	9	8
Нуклеусы	–	–	–	1	1
Отщепы и осколки	1022	116	81	21	112

Таблица 2. Количество отходов производства каменных орудий и мелкой керамики поселения Вожмариха 19

	Мелкая керамика	Отщепы				
		сланец	кварц	кварцит	кремень	лидит
Дерн, подзол	1	7	4	1	2	—
1 гор.	72	174	42	35	31	3
2 гор.	90	352	23	31	17	10
3 гор.	136	270	29	21	18	5
4 гор.	98	178	15	19	10	3
5 гор.	10	17	—	3	1	—
В ямах	16	24	3	2	2	—
Всего	423	1022	116	112	81	21

Предметы из кварцита представлены резцом (рис. 14: 3) в виде крупного несильно удлинённого граненого осколка. Острие со следами сработанности грубо сформовано пятью сколами на одном из концов. Также найдено девять отщепов со следами использования в качестве скребущих орудий, один нуклеус и 112 осколков без следов обработки и использования.

Таким образом, состав инвентарного комплекса позволяет интерпретировать памятник в хронологическом отношении. По преобладанию в керамическом материале сосудов типа Оровнаволок 16 можно датировать памятник временем около 2300–2000 гг. до н. э. Состав каменного инвентаря, в частности находки характерных сланцевых наконечников стрел и когтевидного долота, также свидетельствует в пользу такой интерпретации. Прочий каменный материал в целом не противоречит данному определению.

Вожмариха 19, видимо, является примером «летнего» вида поселения⁸, так как на памятнике отсутствуют следы стационарных полужемляночных жилищ, которые типичны для «зимних» поселений с асбестовой керамикой⁹, и есть достаточно мощный, насыщенный находками культурный слой. Интересно, что еще одно поселение с асбестовой керамикой на территории Вожмарихинского комплекса – Вожмариха 18 – располагается примерно в 200 м к северу, в глубине залива, на более высоком над уровнем озера участке – 5,6 м и на большей удаленности от берега озера – около 150 м. В ходе разведочного обследования на этом памятнике были зафиксированы две большие (около 20 м протяженностью) впадины, которые, очевидно, являются остатками полужемляночных жилищ. Таким образом, поселение Вожмариха 18, скорее всего, относится к числу «зимних» поселений. Возможно, что эти две стоянки окажутся синхронными и тогда их местонахождение будет свидетельствовать о топографических особенностях расположения поселений энеолита с асбестовой керамикой в теплое и холодное время года.

⁸ Жульников А. М. Энеолит Карелии... С. 29–30.

⁹ Там же.

К. Э. Герман

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОСТРОВА КИЖИ

В статье представлены материалы двух мезолитических поселений – Вожмариха 8 и Вожмариха 22, исследованных автором в 2004–2005 гг. Данные памятники входят в состав Вожмарихинского археологического комплекса, расположенного в 2,5–3 км юго-западнее о. Кижы и насчитывающего 27 поселений эпохи каменного века – раннего металла¹. Поселения располагаются в центральной и южной частях комплекса, занимают древние береговые террасы 9,04 и 8,92 м над современным уровнем Онежского озера. Существовали в разные периоды времени. Поселение Вожмариха 8 функционировало в тот момент, когда древний залив Вожмариха был отделен от Онежского озера и можно было жить только в южной части комплекса. Наоборот, поселение Вожмариха 22 существовало в момент, когда древний залив был соединен с открытым озером небольшим проливом².

Поселение Вожмариха 8

Располагается 1,8 км юго-западнее д. Жарниково, в южной части Вожмарихинского археологического комплекса, в 200 м южнее поселения Вожмариха 7, в 300 м от залива Вожмариха на древней береговой террасе Онежского озера высотой 9–9,1 м над его уровнем. Открыто в 1996 г. И. В. Мельниковым. Тогда же в центральной части памятника был заложён шурф размерами 2×2 м, в котором было найдено сланцевое долото и отходы производства каменных орудий³. Территория поселения поросла сосново-лиственным лесом и составляет 95×60 м (5700 кв. м). В районе памятника визуально прослеживаются пять впадин, которые располагаются в одну линию. Четыре из них имеют форму, близкую к

¹ См. рис. 1 в ст. И. В. Мельникова.

² Демидов И. Н., Лаврова Н. Б., Колканен А. М. и др. Палеоэкологические условия голоцена и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 233.

³ Мельников И. В. Новые археологические памятники южного Заонежья // Там же. С. 210–212.

кругу (диаметр 5–6 м), одна – к овалу (размер 5×7 м). Глубина впадин составляет до 0,5 м.

В 2005 г. К. Э. Германом на памятнике было вскрыто 64 кв. м. Культурный слой залегал под горизонтом дерна и подзола толщиной 0,06–0,08 м и представлял собой оранжевый песок мощностью 0,15–0,3 м.

В восточной части раскопа были выявлены пятна красно-оранжевого песка с отдельно лежащими камнями – остатки разрушенных кладок. Их размеры составляли 1×1×0,15–0,2 м и 0,8×0,5×0,15–0,2 м. Первая кладка включала в себя 6 сланцевых галек, вторая – 5. Размеры камней варьировали от 7×6×3 см до 12×10×7 см. После снятия камней из разрушенных кладок под ними оказались две неглубокие ямы.

Яма № 1 размерами 55×50×20 см, подокруглой формы, котловидного профиля, была заполнена светло-оранжевым песком и содержала обломок лезвийной части сланцевого топора и обломок со следами шлифования.

Яма № 2 размерами 75×30×20 см, овальной формы, котловидного профиля, была заполнена светло-оранжевым песком и не содержала находок.

Каменный инвентарь, найденный в раскопе и шурфе, немногочислен, но интересен. Он составляет, без сомнения, единый комплекс и имеет определенные особенности по отношению к другим мезолитическим памятникам (см. табл.).

Сланцевые артефакты. В первую очередь надо отметить отсутствие заготовок и их обломков. Представлены лишь готовые изделия, куски и обломки со следами пиления и шлифования (рис. 1: 6, 7, 8, 11), а также обломки обушных частей орудий (рис. 1: 9, 10).

Из орудий выделяется лезвийная часть сланцевого топора размерами 5×5×2 см, заточенная и полностью шлифованная с обеих сторон (рис. 1: 1). Сланцевые тесла и долото, подчетыреугольные в поперечном сечении, прямообушные, шлифованные по дугообразной подточенной лезвийной части (рис. 1: 2, 4, 5). Стамеска подчетыреугольная в поперечном сечении, прямообушная, шлифованная по лезвийной части (рис. 1: 3).

Изделия из кремня. В раскопе найден только один скребок подчетыреугольной формы, уплощенный, размерами 2,3×1,7×0,4 см, изготовленный на отщепе с мелкой ретушью на одной стороне.

Абразивы. Обнаружены две шлифовальные плиты, первая размерами 4,5×3×1,2 см из сланца, а вторая – 16×9×2,3 см из кварцита. Они составляют 1,3% от всех артефактов.

Соотношение отходов производства каменных орудий следующее: сланец – 89,9%, кварц – 6,4, кварцит – 2,8 и кремень – 0,9%.

Соотношение орудий к отходам производства – 6,4 к 80,8%.

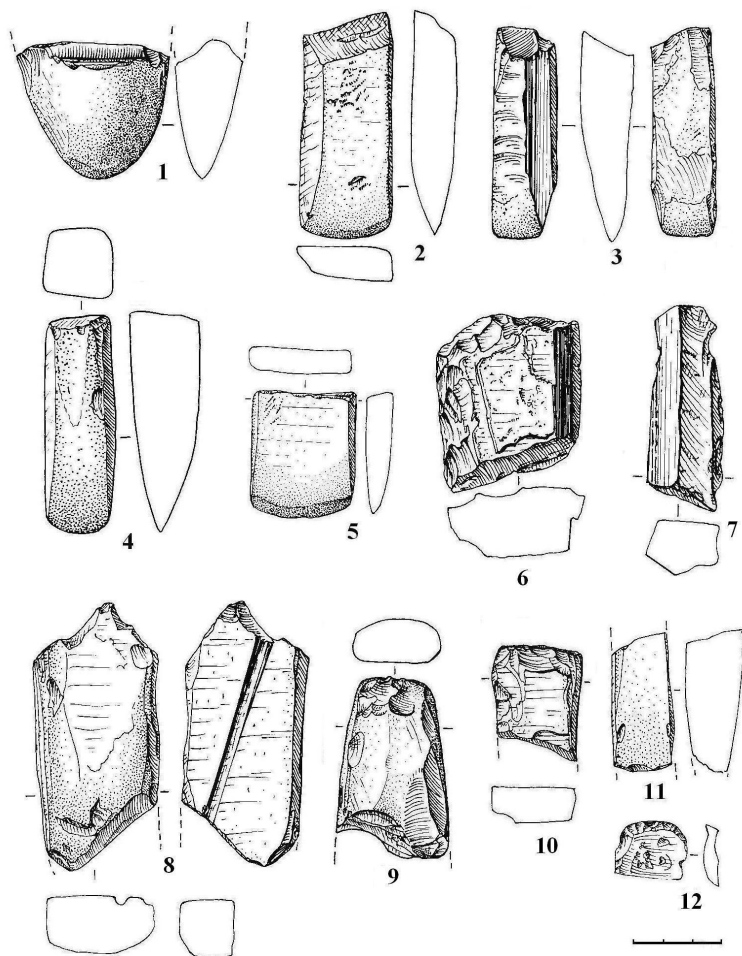

Рис. 1. Вожмариха 8

1 – лезвийная часть топора; 2, 5 – тесла; 3 – стрелка; 4 – долото; 6–8 – обломки со следами пиления; 9–10 – обломки обувной части; 11 – обломок со следами шлифования; 12 – скребок (1–11 – сланец; 12 – кремль)

Поселение Вожмариха 22

Поселение Вожмариха 22 располагается в 2 км западнее д. Жарниково, 2 км северо-западнее д. Телятниково, в северной части Вожмарихинского археологического комплекса, в 50 м юго-восточнее поселения

Вожмариха 3, на древней береговой террасе Онежского озера высотой 3,5–4,2 м над уровнем болота Вожмариха. Открыто в 2000 г. К. Э. Германом. Тогда же в центральной части памятника были заложены шурфы размерами 2×4 м и 2×6 м соответственно, в которых были найдены сланцевые топор и тесло, а также отходы производства каменных орудий. Территория поселения поросла сосново-лиственным лесом и составляет 100×20 м (2000м²). В 2004 г. для выяснения характера памятника в центральной и южной части было заложено два раскопа площадями соответственно 60 и 88 м². Таким образом, вскрытая площадь составила 156 м².

Раскоп I располагается в южной части памятника, в 20 м южнее раскопа II. Культурный слой залегал под горизонтом дерна и подзола толщиной 0,08–0,14 м и представлял собой оранжево-белый песок мощностью 0,16–0,19 м.

В раскопе была выявлена каменная кладка, состоящая из 33 камней, уложенных в один ярус без признаков углей размерами 1,0×0,65×0,15 м. Большая часть находок концентрировалась именно у этой разрушенной кладки.

Каменный инвентарь маловыразителен и представлен в основном отходами каменного производства (см. табл.).

Сланцевые артефакты. В первую очередь надо отметить единственное готовое орудие – тесло размерами 9×2×1 см, подтрапещевидное, в поперечном сечении узкообушное, на отщепе пришлифованное только в лезвийной части. Интересны клиновидное (?) орудие размерами 8×3×0,9 см на плитке подтреугольной формы, подшлифованное с двух боковых граней у острия (рис. 3: 6), а также обломок заготовки киркообразного орудия на сланцевой гальке, обработанной боковыми сколами (рис. 2: 7), и обушная часть орудия, подтреугольная в сечении и частично шлифованная по трем сторонам (рис. 2: 8).

Изделия из кварца. Все орудия на отщепах небольших размеров. В раскопе найдены четыре скребка подокруглой (рис. 4: 15, 18), подпрямоугольной (рис. 4: 19) и неправильной (рис. 4: 20) формы размерами от 2×1,5×0,5 до 3×2×1 см. Ретушь пологая, нанесена с одной стороны, фасетки средних размеров. Долотовидное орудие подпрямоугольной формы со следами забитости с одной узкой стороны размерами 1,5×0,7×0,7 см (рис. 4: 16), проколка (сверло?) подпрямоугольной формы размерами 1,8×0,9×0,5 см (рис. 4: 14) и резец на подпрямоугольном отщепе размерами 1,7×1,7×0,8 см (рис. 4: 21).

Изделия из лидита. Готовых орудий не представлено, но найдены три нуклеидных куска и два отщепа со следами ретуши (рис. 4: 8, 10).

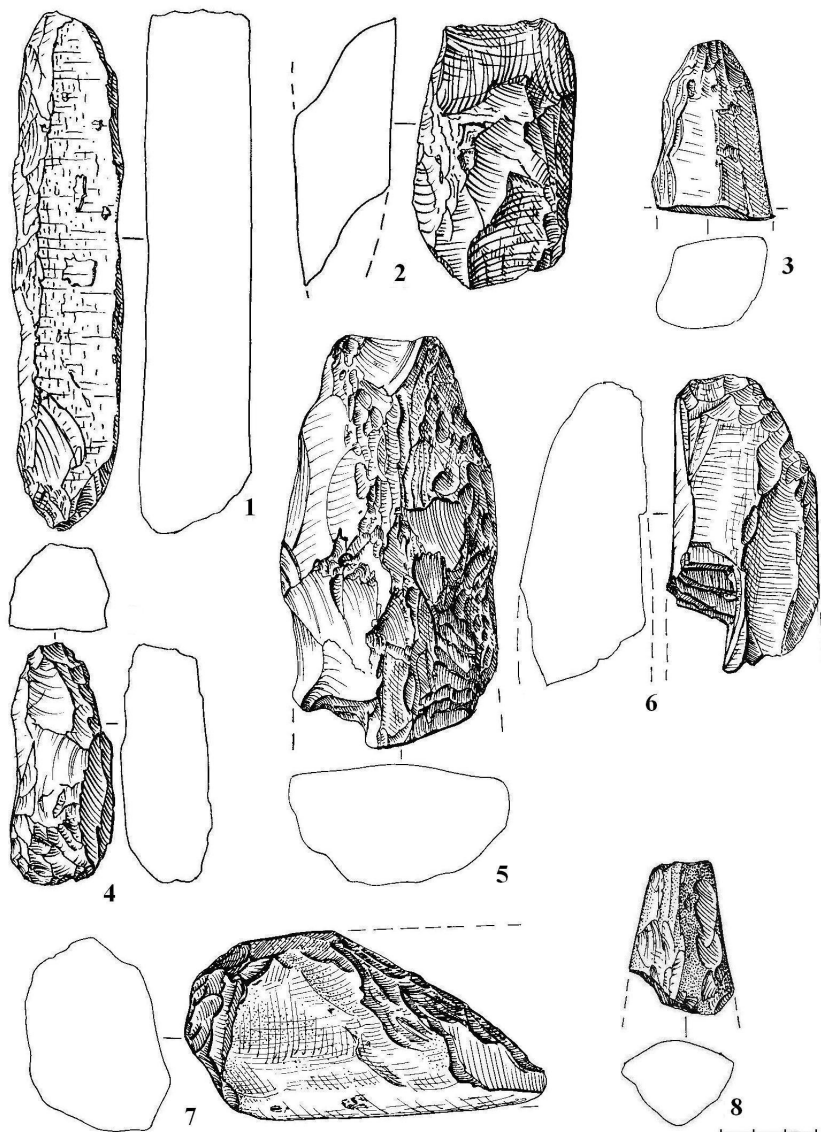

Рис. 2. Вожмариха 22

Раскоп II: 1, 2, 4, 5 – заготовки орудия, сланец; 3, 6 – обломки заготовки орудия, сланец. Раскоп I: 7 – обломок заготовки киркообразного орудия, сланец; 8 – обломок заготовки орудия, сланец

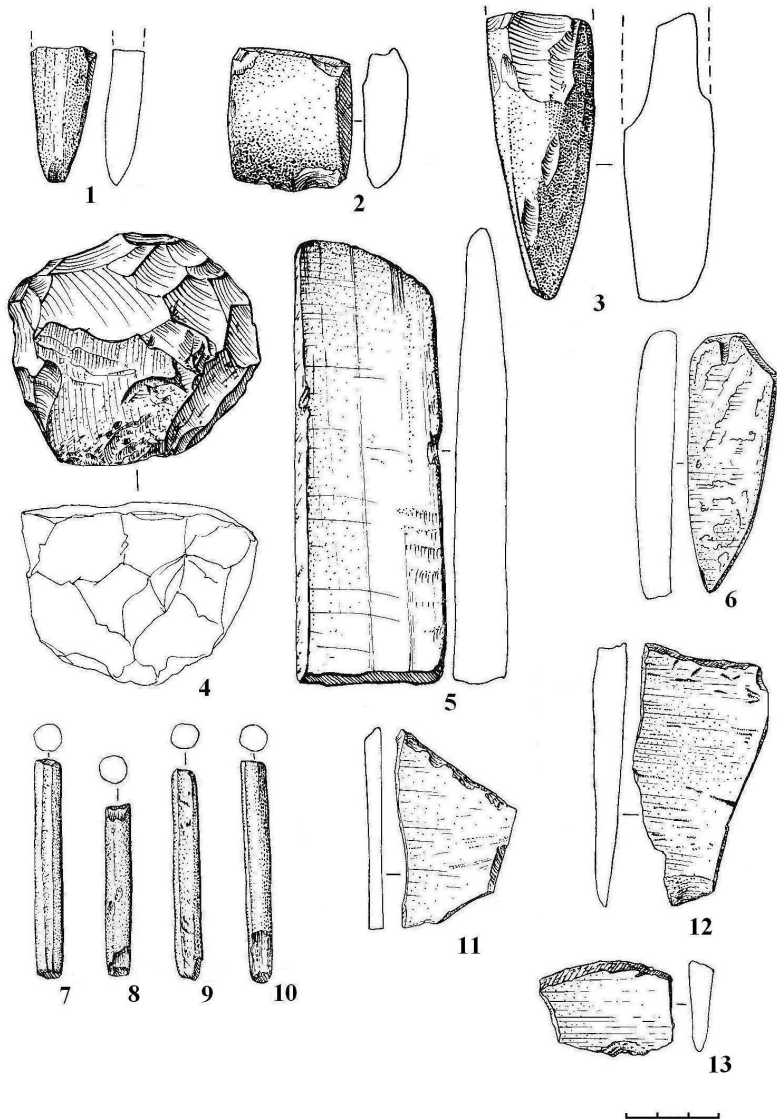

Рис. 3. Вожмариха 22

Раскоп II: 1 – желобчатое долото, сланец; 2 – долото, сланец; 3 – клиновидное орудие, сланец; 4 – нуклеус, кварцит; 5 – шлифовальный брусок, сланец; 7–10 – стержни, сланец. Раскоп I: 6 – клиновидное орудие, сланец; 11–13 – обломки шлифовальной плиты, кварцит

Абразивы. Представлены пятью кварцитовыми шлифовальными плитками размерами от 8×4,5×1 до 9×6×1 см (рис. 3: 11–13). Они составляют 1,6% от всех артефактов.

Соотношение отходов производства каменных орудий следующее: сланец – 80%, кварц – 12, лидит – 4,4, кварцит – 3,4 и кремний – 0,2%. Соотношение орудий к отходам производства 8,7 к 91,3%.

Раскоп II располагается в центральной части памятника, в 20 м севернее раскопа I. Он включил в себя разведочный шурф 2000 г. (12 кв. м). Культурный слой залегал под горизонтом дерна и подзола толщиной 0,12–0,17 м и представлял собой оранжевый песок мощностью 0,2–0,24 м. Каменный инвентарь маловыразителен и представлен, как и в раскопе I, отходами каменного производства (см. табл.).

Сланцевые артефакты. Найдено шесть заготовок и обломков заготовок орудий различных размеров и исходных форм. Использовались три вида основ для заготовок: гальки (2: 1, 5) и отщепы средних и крупных размеров (рис. 2: 2, 3, 4, 6): Обработка состояла в грубой оббивке и снятии длинных и коротких сколов.

Среди орудий выделяется топор размерами 15×5×2 см, подпрямоугольный в поперечном сечении, прямообушный, шлифованный по спинке, боковым граням и лезвийной части. Рядом с топором было найдено тесло размерами 6,5×3×0,8 см, подпрямоугольное в поперечном сечении, прямообушное, шлифованное по всей поверхности и лезвийной части. Долот найдено два (рис. 3: 1, 2), одно из которых желобчатое. Оно небольшое, размерами 4,5×1,5×0,7 см, подтреугольное в поперечном сечении, прямообушное, с небольшой выемкой на лезвийной части (рис. 3: 1). Второе долото размерами 3,5×4,5×0,7 см, подквадратное в поперечном сечении, шлифованное по брюшку и спинке, с частично обломанной лезвийной части (рис. 3: 2).

Клиновидное (?) орудие размерами 9×3,5×3 см на гальке подтреугольной формы, подшлифованное с двух боковых граней у острия с притупленным концом (рис. 3: 3).

Наибольший интерес представляют четыре сланцевых шлифованных стерженька длиной от 5,5 до 7 см, диаметром 0,8 см, неизвестного назначения (рис. 3: 7–10).

Нуклеусы. Найдены два нуклеуса: кварцевый (рис. 4: 26) и кварцитовый (рис. 3: 4), а также три нуклевидных куска из местного кижского кремня или окремненного сланца.

Изделия из кремня. В раскопе обнаружены три скребка подчетырёхугольной формы, слегка уплощенные, размерами от 2,5×2,5×0,7 до 2,8×2,6×1,4 см, изготовленные на отщепах со среднефасеточной ретушью по одной стороне (рис. 4: 1–3), а также два отщепа с ретушью (рис. 4: 4, 5).

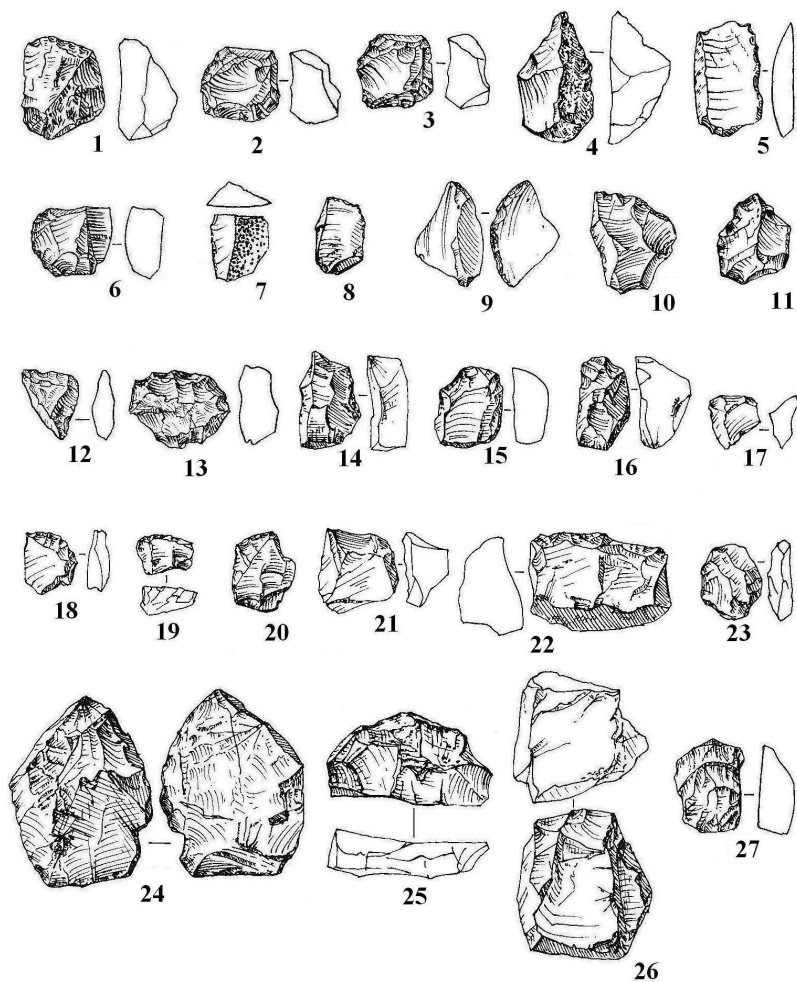

Рис. 4. Вожмариха 22

1–3 – скребки, кремь; 4, 5 – отщепы с ретушью, кремь; 6, 9 – скребки, лидит; 7 – пластинчатый отщеп, лидит; 8, 10 – отщепы с ретушью, лидит; 11–13, 15, 18–20, 22, 23, 25 – скребки, кварц; 14 – проколка (сверло); 16, 24 – долотовидные орудия, кварц; 17, 27 – отщепы со следами обработки, кварц; 21 – резец, кварц; 26 – нуклеус, кварц; 1–7, 9, 11–13, 17, 22–27 – раскоп II; 8, 10, 14–16, 18–21 – раскоп I; 1–5 – кремь; 6–10 – лидит; 11–27 – кварц

Инвентарь мезолитических поселений Вожмариха 8, 22 (раскоп 1–2)

Инвентарь	Вожмариха 8	Вожмариха 22, раскоп 1	Вожмариха 22, раскоп 2	Итого
Топор, обломок топора, сланец	1	–	1	2
Долото, желобчатое долото сланец	1	–	2	3
Тесло, сланец	2	1	1	4
Стамеска, сланец	1	–	–	1
Стержень, сланец	–	–	4	4
Клиновидное орудие, сланец	–	1	1	2
Скребок:	1	4	11	18
кремень	1	–	3	4
кварц	–	4	6	10
лидит	–	–	2	2
Долотовидное орудие, кварц	–	1	1	2
Проколка (сверло), кварц	–	1	–	1
Резец, кварц	–	1	–	1
Галька со следами обработки, сланец	–	1	–	1
Галька со следами обработки, кварц	–	–	1	1
Обушная часть орудия, обломок обушной части, сланец	2	1	1	4
Заготовка орудия, обломок заготовки орудия, сланец	–	–	6	6
Заготовка киркообразного орудия, сланец	–	1	–	1
Нуклеус, нуклевидный кусок:	–	3	5	8
кварц	–	–	1	1
кварцит	–	–	1	1
кремень	–	–	3	3
лидит	–	3	–	3
Шлифовальные плиты, обломки шлифовальных плит:	2	5	3	10
сланец	1	–	–	1
кварцит	1	5	3	9
Точильный брусок, сланец	–	–	1	1
Обломок со следами пиления, сланец	3	–	–	3
Обломок со следами шлифования, сланец	1	2	–	3
Отщепы со следами обработки или ретуши:	–	2	5	7
кварца	–	–	2	2
лидита	–	2	1	3
кремня	–	–	2	2
Отщепы:	142	291	477	910
сланца	126	234	155	515
кварца	11	32	209	252
лидита	–	13	59	72
кварцита	4	10	52	66
кремня	1	2	2	5
Фрагмент ямочно-гребенчатой керамики	–	–	1	1
Всего	156	315	521	992

Изделия из лидита. Найдено два скребка подпрямоугольной (рис. 4: 6) и подтреугольной формы (рис. 4: 9), изготовленные на отщепах, обработанные мелкой и средней ретушью по одному краю и пластинчатый отщеп (рис. 4: 7).

Изделия из кварца. Все орудия на отщепах, различных размеров. В раскопе найдены шесть скребков подокруглой (рис. 4: 13, 23), подтреугольной (рис. 4: 12), подпрямоугольной (рис. 4: 22) и неправильной формы (рис. 4: 11, 25) размерами от $2 \times 2 \times 0,5$ до $4 \times 2,5 \times 1$ см. Ретушь пологая и крутая, нанесена с одной стороны, фасетки средних размеров. Долотовидное орудие неправильной формы со следами забитости с одной узкой стороны, размерами $6 \times 4,5 \times 1$ см (рис. 4: 24). Найдены два отщепа со следами обработки (рис. 4: 17, 27).

Абразивы. Представлены тремя кварцитовыми шлифовальными плитами размерами $6 \times 3,5 \times 0,4$, $8 \times 4 \times 0,7$ и $4 \times 3 \times 0,8$ см, а также сланцевым шлифовальным бруском размером $13 \times 4 \times 1$ см (рис. 3: 5). Они составляют 0,8% от всех артефактов.

Также в коллекции находится фрагмент ямочно-гребенчатой керамики размерами $3 \times 1,5 \times 1$ см, светло-желтого цвета, хорошо обожженный.

Соотношение отходов производства каменных орудий следующее: кварц – 43,8%, сланец – 32,5, лидит – 12,4, кварцит – 10,9 и кремний – 0,4%. Соотношение орудий к отходам производства 8,6 к 91,4%.

Выводы

Описанные в статье материалы двух бескерамических памятников существенно различаются между собой по составу и формам каменного инвентаря, а также по технике изготовления сланцевых макроформ.

На поселении Вожмариха 8 представлены главным образом готовые изделия, а также обломки со следами пиления. Основными техниками изготовления орудий были пиление и шлифование, обивка и длинный скол. Аналогии данному материалу находит в коллекции поселения Вожмариха 3⁴. Это полностью сохранившийся сланцевый топор, а также обломки со следами пиления⁵. Отличие заключается в отсутствии ножевидных пластин и орудий на пластинах.

На поселении Вожмариха 22 представлены заготовки и обломки заготовок при небольшом количестве целых орудий. Основными техниками изготовления орудий были обивка, длинный скол и шлифование. Аналогии в бескерамических комплексах данному материалу найти сложно, так

⁴ Герман К. Э., Мельников И. В. Исследования мезолитических поселений в южном Заонежье // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 221–242.

⁵ Там же. С. 230. Рис. 5: 1. С. 231. Рис. 6: 3, 4.

как ряд изделий соотносится с поселениями культуры сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики⁶.

Со сперрингс сближает форма ряда орудий и кварцитовые нуклеусы с поселений Вожмариха 26 и Вертилово 3⁷. С поселениями культуры ямочно-гребенчатой посуды – наличие в раскопе II фрагмента ямочно-гребенчатой керамики, а также сланцевых стерженьков, которые можно интерпретировать как орнаменты.

Таким образом, два рассматриваемых памятника относятся к двум разным временным отрезкам. Поселение Вожмариха 8 характеризуется развитой техникой обработки камня, законченными изделиями и более высоким расположением над современным уровнем Онежского озера. К сожалению, радиоуглеродных определений по мезолитическим комплексам нет, поэтому на основании типологии каменного инвентаря можно отнести существование данного памятника к третьей стадии второго этапа Обонежской мезолитической культуры⁸.

Поселение Вожмариха 22 характеризуется определенным упадком техники обработки камня, что нашло свое отражение в отсутствии техники пиления и осколков со следами пиления, в грубой обработке заготовок, появлении орудий, изготовленных только подточкой или подшлифовкой лезвийной части. Часть типов и форм орудий находит аналогии в комплексах периода неолита с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой. Все это позволяет отнести время существования памятника к финальному этапу Обонежской мезолитической культуры⁹.

⁶ Герман К. Э. Поселения с керамикой сперрингс южного Заонежья // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 249–259.

⁷ Там же. С. 252. Рис. 2: 3. С. 258. Рис. 7 :1–3.

⁸ Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004. С. 117–118.

⁹ Там же. С. 119.

В. И. Хартанович, И. Г. Ширококов

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕРИИ ИЗ МОГИЛЬНИКА НА ОСТРОВЕ КИЖИ

Северо-Западное Обонежье¹ на протяжении длительного исторического периода являлось зоной активных контактов между группами населения разного этнического происхождения. Об этом свидетельствуют как данные исторических источников (основную часть которых составляют позднесредневековые переписные и писцовые книги), так и материалы по археологии, лингвистике и этнографии.

Территория, по мнению некоторых исследователей, еще в древности заселенная предками саамов и вепсов, длительное время находилась под влиянием ливвиковско-людиковской карельской колонизации, а затем и переселенцев из псковско-новгородских земель. Пик переселения русских пришелся на XIV в., и уже к XV–XVI вв. местное население было практически полностью ассимилировано². Ассимиляция, однако, не означала разрыва круга брачных связей между русским и финно-угорским населением, прекращения притоков новых переселенцев в регион. Сохранились письменные источники, свидетельствующие о спорадических притоках карельских групп в эти районы. Так, старостам и целовальникам Кижского погоста в 1599 г. предписывалось выселять «нетяглых корелян»-переселенцев обратно в Северо-Западное Приладожье – в Корельский уезд, откуда те бежали в результате шведской агрессии в конце XVI в.³ Небольшие группы карел переселялись сюда из Северо-Западного

¹ В настоящей статье под Северо-Западным Обонежьем понимается территория бассейна северной части Онежского озера, включающая в себя Клименецкий остров, Кижский архипелаг, Заонежский полуостров. Исторически это территория Кижского, Толвуйского и Шунгского погостов Обонежской пятины XV–XVI вв.

² *Логинов К. К.* Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // *Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны.* СПб., 2001. С. 365.

³ *Очерки истории Карелии.* Т. 1. Петрозаводск, 1957. С. 109.

Приладожья и Восточной Приботнии и после Столбовского мирного договора 1617 г. По свидетельству этнографов, кижские рыбаки, промышлявшие вдоль западного берега Онежского озера, еще в XX в. старались выбирать себе невест-карелок⁴.

Вопрос о роли дорусского субстрата в формировании облика современного населения Обонежья, и Русского Севера в целом, остается актуальным и сегодня. В середине XX в. для решения этой проблемы были впервые привлечены данные антропологии, и в первую очередь соматологии. Северное Обонежье входит в область распространения беломорского (по Н. Н. Чебоксарову) или ильменско-беломорского типа (по М. В. Витову). Его происхождение Н. Н. Чебоксаров связывал с дорусским чудским компонентом⁵. М. В. Витов полагал, что появление ильменско-беломорского типа на Русском Севере непосредственно связано с новгородской колонизацией, тогда как у карел, вепсов, коми этот тип почти не проявляется. В своем предположении исследователь опирается на более широкую базу данных по соматологии русских Северо-Западного региона, а также находит ему подтверждения в данных этнографии и лингвистики⁶.

Материалы по палеоантропологии древнего и современного населения Обонежья, и краниологии в частности, если не отсутствовали полностью, то были крайне малочисленны. Речь идет об кранио-остеологической серии из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера, датирующейся эпохой камня⁷. Могильник расположен на острове в северной части Онежского озера, близком к Заонежскому полуострову. Эти материалы, несмотря на их высокую научную значимость и всемирную известность, конечно, не могут осветить всю длительную историю формирования антропологического состава населения региона, хотя бы в силу их отдаленности от современности в несколько тысячелетий. Иные палеоантропологические материалы из Обонежья, как и восточной Карелии в целом, отсутствовали до последнего времени.

⁴ *Аганитов В. А., Логинов К. К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 71.

⁵ *Чебоксаров Н. Н.* Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2.

⁶ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962; *Он же.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997.

⁷ *Якимов В. П.* Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIX. М.; Л., 1960; *Хартанович В. И.* О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам могильников Большого Оленьего о-ва в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего о-ва Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.

В мае-июне 2006 г. на о. Кижь, на основании договора между ФГУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижь“» и Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН⁸, проводились охранно-строительные раскопки сотрудниками отдела антропологии МАЭ РАН⁹. Цель работ – получение первых кранио-остеологических материалов, характеризующих антропологический состав местного населения XVIII–XX вв.

Остров Кижь расположен в непосредственной близости от Заонежского полуострова. До организации там музея-заповедника, на протяжении длительного времени был центром одноименной административной единицы, объединяющей население окружающих остров населенных пунктов. Так например, еще в XV–XVI вв. в состав Заонежской половины Обонежской пятины Новгородских земель входил Кижский погост (в данном случае погост – административная единица), охватывающий территорию южной части Заонежского полуострова с прилегающими к нему островами¹⁰.

В основе статьи лежит исследование первой позднесредневековой краниологической серии, полученной при проведении охранных раскопок на о. Кижь. Кижский погост (кладбище) располагается в южной части о. Кижь, на территории архитектурно-музейного комплекса, в непосредственной близости от стен Преображенской и Покровской церквей.

Южная часть погоста, по визуальным наблюдениям, была определена как наиболее поздняя, имеющая статус действующего погребального объекта, с сохранившимися надмогильными сооружениями. В отличие от южной, в северной части погоста не сохранились внешние признаки погребений (надмогильные деревянные сооружения, провалы почвы или насыпные холмики). Раскопки производились на территории северной части – у северной и северо-восточной стен Преображенского собора.

Исследования выполнены на площади 14 кв. м в двух раскопах с прирезками. После научного описания и измерения на месте работ все антропологические материалы были перезахоронены в площади раскопа II, а сами раскопы с прирезками засыпаны под уровень «дневной» поверхности.

⁸ Дирекция МАЭ РАН, авторы работы выражают признательность дирекции ФГУК «Музей-заповедник „Кижь“», а также Спасо-Кижскому патриаршему подворью РПЦ за предоставленную возможность сбора научных материалов.

⁹ В исследованиях принимали участие: руководитель работ – завотделом антропологии к. и. н. В. И. Хартанович, главный специалист отдела антропологии к. и. н. В. И. Селезнева, к. и. н. Е. Н. Рябцева, лаборанты И. Г. Ширококов и Д. В. Малышенков.

¹⁰ *Спиридонов А. М.* Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху средневековья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России.

Удалось установить следующие элементы погребального обряда. Умершие были захоронены в деревянных гробах, с ориентировкой З – В. Положения костяков в ненарушенных погребениях везде вытянутое, на спине, со скрещенными в области тазовых костей руками, головой на запад.

Зафиксированы случаи перекрытия верхней крышки гроба берестой – поперечными кусками по всей площади крышки с загибами по бокам.

Выявлены следы неоднократных перекопов на площади всех раскопов. Четко фиксируется разрозненное, переотложенное положение отдельных костей скелетов, остатков погребальных конструкций и инвентаря на всей площади раскопов и на всю глубину слоя, следы перемещений костей и инвентаря в грунте после захоронения. Такая ситуация представляется как следствием нарушения ранних погребений более поздними, так и, возможно, результатом нарушения части погребений разновременными строительными перемещениями грунта.

Степень сохранности антропологических материалов *in situ* – удовлетворительная. Большая же часть обнаруженных при раскопках костных материалов находилась разрозненно в переотложенных слоях и в крайне плохом состоянии.

Обращает на себя внимание значительное количество фрагментов костей различных скелетов, найденных на относительно небольшой площади раскопов. Идентифицированы костные фрагменты, принадлежавшие по меньшей мере 40–50 индивидам. Так, в раскопе II (без прирезки) выявлены разрозненные останки 26 взрослых субъектов разного возраста на площади 2×2 м и глубине слоя 80–120 см. Аналогичная ситуация и в раскопе III (без прирезки) – площадь раскопа 2×2 м, глубина слоя 80–100 см, выявлены останки костяков 21 взрослого индивида разного возраста. Как представляется, в «нормальной» ситуации – при непотревоженном положении на одном уровне – на таких площадях (4 кв. м) может размещаться не более 2–4 погребений взрослых.

Полученные сведения позволяют предполагать длительный хронологический период функционирования данного погребального памятника (в случае если останки переотложенных костяков не были перемещены в массовом порядке в слои изученных раскопов с других территорий погоста при строительных работах). Достоверно определить конкретные временные рамки такого периода, его нижнюю хронологическую границу, на основании имеющихся данных не представляется возможным. Но несомненно, такой период должен быть достаточным для того, чтобы историческая традиция, этические и санитарные нормы местного населения позволяли проводить на участках погоста, уже занятых под более ранние погребения, неоднократные новые захоронения. Ранние погребения (костные останки из них и должны находиться в переотложенном и фраг-

ментированном состоянии) могут в хронологическом отношении достаточно далеко опускаться за рамки середины XIX – начала XX в. – времени бытования обнаруженных явных датированных предметов (монеты).

Из-за плохой сохранности численность пригодных для краниологического исследования материалов невелика. Всего было изучено 17 мужских и 5 женских черепов. Особенно плохой степенью сохранности отличались костяки в погребениях *in situ*. Отсюда происходит только 3 относительно целых черепа.

Мужские черепа (табл. 1) в целом грацильные, мышечный рельеф выражен очень умеренно. Характеризуются короткой, но достаточно широкой, мезобрахикранной формы черепной коробкой. Высота черепа небольшая и по абсолютному размеру, и по высотно-продольному и высотнo-поперечному указателям. Лоб скорее узкий, наклонный. Лицевой скелет средней высоты и по абсолютному размеру, и по верхнему лицевому, и по вертикальному фацио-церебральному указателям. Лицо скорее узкое по скуловому диаметру, ортогнатное по общему лицевому углу и мезогнатное – по указателю. Заметна некоторая уплощенность лицевого скелета на обоих уровнях – и на уровне точки назион, и на уровне точки субспинале. Орбиты узкие и низкие по абсолютным размерам, орбитный указатель относится к категории средних величин. Грушевидное отверстие низкое, но широкое, носовой указатель большой. Переносье и носовые кости в целом широкие, средней высоты, дакриальный и симотический указатели невелики. Угол выступания носовых костей к линии профиля относится к категории средних величин.

Средние характеристики женских черепов (табл. 1) несколько отличаются от основных параметров мужских черепов. Черепа средней длины и ширины, с мезобрахикранной черепной коробкой. Высота черепа имеет среднюю величину. Лицевой скелет скорее узкий, средней высоты, ортогнатный по общему лицевому углу. Величины назомаллярного и зигомаксиллярного углов меньше, чем в мужской части выборки, и свидетельствуют о резкой горизонтальной профилировке лицевого скелета у женщин. Орбиты, так же как и в серии мужских черепов, скорее узкие и низкие по абсолютным размерам, средней величины по указателю. Грушевидное отверстие характеризуют средние размеры. Переносье и носовые кости средней ширины, высокие, дакриальный и симотический указатели большие. Угол выступания носовых костей к линии профиля небольшой.

Таким образом, краниологическая серия из Кижского погоста в целом характеризуются общей грацильностью. Черепная коробка брахикранная, с небольшими продольными и значительными поперечными диаметрами, невысокая. Лицевой скелет неширокий, умеренной высоты, ортогнатный, с узкими орбитами, но широким грушевидным отверстием.

Таблица 1. Средние размеры и показатели краниологической серии из могильника о. Кизи

№ по Мартину и др.	Признаки	Мужские черепа			Женские черепа		
		n	X	sd	n	X	sd
1	Продольный диаметр	16	178,6	7,4	5	171,4	6,5
8	Поперечный диаметр	16	142,4	5,0	5	137,0	5,8
8 : 1	Черепной указатель	15	80,3	3,6	5	80,0	3,8
17	Высотный диаметр	15	133,3	8,5	5	129,8	5,9
17 : 1	Высотно-продольный указатель	14	75,6	4,0	5	75,9	5,8
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	15	93,6	6,2	5	95	7,4
9	Наименьшая ширина лба	16	95,8	5,4	4	92,0	5,7
45	Скуловой диаметр	7	132,9	4,5	3	122,7	2,3
48	Верхняя высота лица	7	71,3	5,8	5	66,8	3,6
55	Высота носа	9	50,8	5,8	5	48,6	4,0
54	Ширина носа	9	26,6	3,9	5	24,6	2,7
54 : 55	Носовой указатель	9	52,5	7,1	5	51,1	8,2
51	Ширина орбиты от mf	8	39,8	2,0	5	38,8	1,5
51a	Ширина орбиты от d	7	36,7	2,0	5	36,0	1,6
52	Высота орбиты	8	32,6	3,2	5	33,6	2,6
52 : 51	Орбитный указатель от mf	8	82,3	9,2	5	86,8	8,9
77	Назозаушной угол	9	142,8	3,4	4	138,3	3,9
zm'	Зигмаксиллярный угол	5	131,8	3,6	4	124,8	2,4
SC	Симотическая ширина	10	9,0	2,6	5	8,5	2,2
SS	Симотическая высота	10	3,8	1,2	5	3,7	0,8
SS : SC	Симотический указатель	10	43,2	9,3	5	45,6	15,0
DC	Дакриальная ширина	6	24,4	0,5	3	23,9	4,7
DS	Дакриальная высота	6	12,6	1,6	3	12,6	1,3
DS : DC	Дакриальный указатель	6	51,7	6,4	3	54,7	15,6
72	Общий лицевой угол	6	82,2	3,5	5	79,6	4,1
73	Средний лицевой угол	7	84,9	1,8	5	83	4,2
75 (1)	Угол выступания носа	5	27,0	7,2	4	22,5	3,3

Для межгруппового анализа изучаемых материалов в составе населения Северной и Восточной Европы применялся канонический анализ (программа Б. А. Козинцева).

По 10 признакам исследовались 63 краниологические серии русских, карел, ижоры, финнов, эстонцев, коми-зырян, коми-пермяков, саамов Кольского полуострова, эстонцев, латышей, шведов Финляндии и о. Рухну (Эстония), а также марийцев, мордвы и удмуртов (табл. 2). Нагрузки признаков в канонических переменных приведены в табл. 3. На рис. 1 показано положение рассматриваемых групп в пространстве I и II канонических векторов, отражающих в сумме 77,5% общей изменчивости.

Таблица 2. Список близких к современности краниологических серий с территории Восточной и Северной Европы, привлеченных для канонического анализа

№	Серия	Источник*	№	Серия	Источник
1	Кижь	Настоящее издание	МАРИЙЦЫ		
			33	Горные	Алексеев, 1969
РУССКИЕ			34	Луговые	Там же
2	Архангельская губ.	Алексеев, 1969	МОРДВА		
3	Олонекская губ.	Там же	35	Эрзя	Алексеев, 1969
4	Петербургская губ.	Там же	36	Терюхане	Там же
5	Новгородская губ.	Там же	37	Мокша	Там же
6	Псковская губ.	Там же	ЛАТВИИ		
7	Себеж	Там же	38	Дурбе	Алексеев, 1969
8	Вологодская губ.	Там же	39	Западные	Там же
9	Старая Ладога	Там же	40	Восточные	Там же
КАРЕЛЫ			41	Ратуланы	Зариня, 1990
10	Суйстамо I	Хартанович, 1986	42	Орманькалнс	Там же
11	Турха	Там же	43	Дудиняс	Денисова, 1977
12	Кондиевуара	Там же	44	Яункандава	Там же
13	Пеккавуара	Там же	45	Lts	Там же
14	Боконвуара	Там же	46	Леймани	Там же
15	Компаково	Там же	47	Пургайли	Там же
16	Чикша	Там же	ЭСТОНЦЫ		
17	Регъярви	Там же	48	Кабина	Марк, 1956
ФИННЫ			49	Кохтла-Ярве	Там же
18	Саво	Хартанович, 1995	50	Варбола	Там же
19	Хяме	Там же	51	Аймла	
20	Уусима	Там же	52	Ряпина	
21	Хельсинки	Там же	ИЖОРА		
22	Варсинайс-Суоми	Там же	53	Липпово	Хартанович, 2004б
23	Педерсере	Там же	КОМИ-ЗЫРЯНЕ		
24	Южная Похъянмаа	Там же	54	Подъельск	Хартанович, 1991
25	Северная Похъянмаа	Там же	55	Грива	Там же
26	Сатакунта	Там же	СААМЫ		
27	Ингерманландия	Алексеев, 1969	56	Северная Салма	Хартанович, 2004а
28	Суйстамо II	Хартанович, 1986	57	Чальмны-Варрэ	Хартанович, 1980
29	Куркиёки	Хартанович, 1990	58	Пулозеро	Там же
КОМИ-ПЕРМЯКИ			59	Варзино	Там же
30	Коми-пермяки	Алексеев, 1969	60	Иоканга	Там же
УДМУРТЫ			61	Финляндия	Алексеев, 1974
31	Северные	Алексеев, 1969	ШВЕДЫ		
32	Южные	Там же	62	Остров Рухну	Алексеев, 1974
			63	Финляндия	Там же

* Список источников, использовавшихся при составлении таблицы:

- Алексеев, 1969* – Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М., 1969.
- Алексеев, 1974* – Алексеев В.П. Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии (по материалам Г.Ф.Дебеца и автора) // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
- Денисова, 1977* – Денисова Р.Я. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига, 1977.
- Зариня, 1990* – Зариня Г.В. Антропологический состав населения Аугшземе // Балты, славяне, финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.
- Марк, 1956* – Марк К.Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956.
- Хартанович, 1980* – Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сб. МАЭ. 1980. Т. 36.
- Хартанович, 1986* – Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986.
- Хартанович, 1990* – Хартанович В. И. К краниологии населения северо-западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, финны.
- Хартанович, 1991* – Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сб. МАЭ. 1991. Т. XLIV.
- Хартанович, 1995* – Хартанович В. И. Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995.
- Хартанович, 2004a* – Хартанович В. И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез. Сборник к 75-летию И. И. Гохмана. СПб., 2004a.
- Хартанович, 2004b* – Хартанович В.И. Краниология ижор // Расы и народы. Вып. 30. М., 2004b.

Таблица 3. Значения канонических векторов для 63 близких к современности краниологических серий с территории Восточной Европы

№ по Мартину	Признаки	KB1	KB2	KB3
1	Поперечный диаметр	0,607	-0,219	0,593
8	Поперечный диаметр	-0,311	0,466	-0,082
17	Высотный диаметр	0,103	0,873	0,265
9	Наименьшая ширина лба	0,366	0,295	0,197
45	Скуловой диаметр	-0,151	0,347	0,571
48	Верхняя высота лица	0,482	0,438	-0,318
77	Назomалярный угол	-0,812	0,235	0,185
<zm'	Зигомаксиллярный угол	-0,398	-0,455	0,349
SS : SC	Симотический указатель	0,028	0,034	-0,033
75 (1)	Угол выступания носа	0,548	0,422	0,305
% общей изменчивости		55,119	22,412	12,742

Первый канонический вектор (55,1% изменчивости) определяет отрицательная связь между величиной поперечного диаметра, высотой лица и углом выступания носа, с одной стороны, и углами горизонтальной профилировки лицевого скелета, с другой. Таким образом, согласно нагрузкам признаков по первой канонической переменной, брахикранные черепа с низким лицевым скелетом и умеренно выступающим

носом отличаются более ослабленной профилировкой лицевого скелета. На графике отчетливо видно, что саамские и в меньшей степени удмуртские группы, самые грацильные из представленных серий, занимают область отрицательных значений. В противоположной части графика группы прибалтийского региона (латыши, эстонцы, некоторые группы финнов), а также шведы.

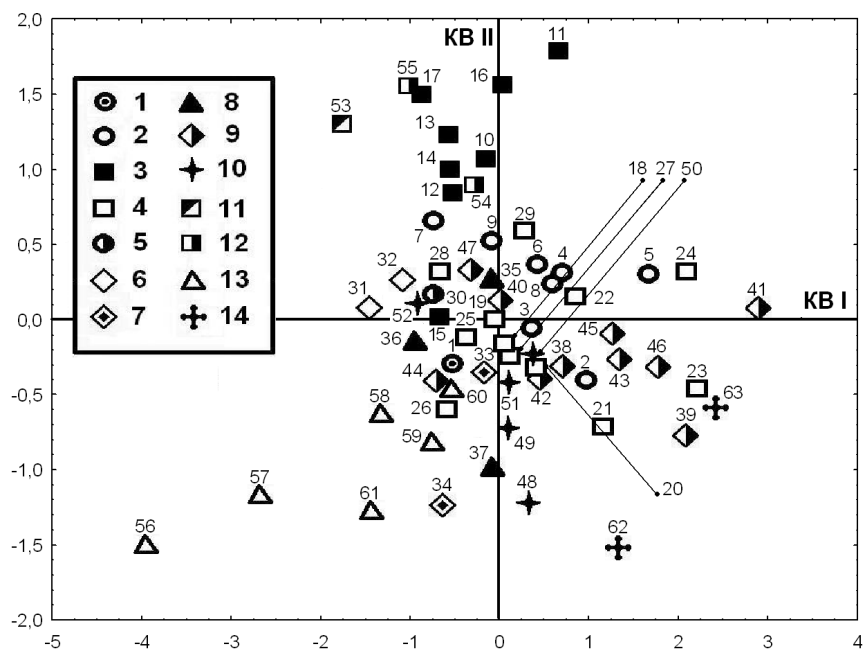

Рис. 1. Положение 63 близких к современности краниологических серий с территории Восточной Европы в пространстве I и II канонических векторов:

1 – серия с о. Кизи; 2 – русские; 3 – карелы; 4 – финны; 5 – коми-пермяки; 6 – удмурты; 7 – марийцы; 8 – мордва; 9 – латыши; 10 – эстонцы; 11 – ижора; 12 – коми-зыряне; 13 – саамы; 14 – шведы. Нумерация групп соответствует принятой в табл. 2

Серия черепов с Кижского погоста занимает центральное положение с некоторым смещением в область отрицательных значений, так же как и группы со сложной историей формирования антропологических комплексов: саамы Иоканга, финны Сатакунты и Северной Похъянмаа, карелы Компаково.

По нагрузкам признаков второго канонического вектора (22,4% общей изменчивости) наибольшее значение имеют величина высотного и поперечного диаметров, высота лица и угол выступания носа, а также отрицательная величина зигомаксиллярного угла. Вторая каноническая переменная свидетельствует о том, что при ослаблении профилировки лицевого скелета на нижнем уровне возрастает степень брахикрании, увеличиваются высотные размеры черепной коробки и лицевого скелета, угол выступания носа.

Второй вектор показывает обособленное положение карельских групп, а также серий коми и ижоры, для которых характерен специфический краниологический комплекс, в нем значительная величина высотного диаметра сочетается с некоторой уплощенностью лицевого скелета на верхнем уровне и сильно выступающими носовыми костями. В отрицательном поле значений вновь относительно обособленно располагаются саамские группы.

В пространстве обоих канонических переменных на графике заметно, что финские, эстонские, латышские серии, группы русских в целом не образуют сколько-нибудь компактных скоплений, а распределяются по различным областям общего поля. Краниологическая специфика, которая характеризует серию черепов из Кижского погоста, ближе всего к тем группам региона, история формирования морфологических комплексов которых имела сложный характер, в их составе принимали участие группы разного происхождения.

Обращает на себя внимание существенный размах вариации индивидуальных измерений ряда признаков в представленной серии. В таком значимом для этой территории показателе, как высотный диаметр черепной коробки¹¹, квадратическое отклонение на достоверном уровне ($p < 0,01$) превышает среднюю величину «стандартных» квадратических отклонений¹², даже несмотря на небольшую численность выборки. Представляется, что усредненная характеристика серии черепов из Кижского погоста не отражает в полной мере комплексы, на основе которых, скорее всего, складывался облик «кижан».

С целью предварительного (учитывая малочисленность выборки) выявления составляющих серию морфологических вариантов она была разделена на две группы в соответствии с величиной высотного

¹¹ Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986; *Он же*. О «лапоноидности» на Севере Европы...

¹² Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

диаметра черепа (табл. 4). При значительной разнице в высоте черепной коробки (отчетливо проявляющейся не только в абсолютной величине высотного диаметра, но и в относительных параметрах – высотного-продольного и высотного-поперечного указателях) группы заметно различаются по массивности черепа в целом, при сохранении сходных характеристик лицевого скелета. В качестве тенденции можно отметить более уплощенный лицевой скелет и умеренно выступающие носовые кости в группе «низкоголовых» кижан. В табл. 5 приведены вновь рассчитанные нагрузки на канонические переменные. Они практически не изменились, как и взаимоположение групп в пространстве канонических переменных (рис. 2).

Исключение составляет разделенная серия с о. Кижы. Первая кижская группа (высокоголовые черепа) занимает место среди карельских серий. Наиболее сходными с ней оказываются серии из населенных пунктов средней и южной Карелии – Кондиевуара, Пеккавуара, Бонквуара, Суйстамо I, географически близко расположенных к Северо-Западному Обонежью. Действительно, здесь вполне отчетливо выражены те основные особенности карельских серий черепов, которые определяют их специфику в составе остального населения Евразии. Это очень большая, близкая к моровому максимуму для современного населения высота черепной коробки, мезобрахикрания, сочетание некоторой уплощенности лицевого скелета на верхнем уровне с клиногнатностью – на среднем уровне, при достаточно сильном выступании носовых костей к линии профиля.

Сходство первой группы с карельскими сериями, по всей видимости, не случайно. Морфологическая близость подтверждается данными различных исторических дисциплин о присутствии в ныне полностью русскоязычном Заонежье групп карельского населения еще в недавнем прошлом¹³. Существенным представляется то обстоятельство, что в могильнике на о. Кижы проявляется наиболее специфичный для карельских серий черепов морфологический комплекс признаков, распространенный в более западных районах, в отличие от присутствующего в близком к расселению русскоязычного населения района Беломорска – могильника Компаково¹⁴.

¹³ *Агапитов В. А.* Прибалтийско-финская земледельческая колонизация в южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. Вып. 4. Петрозаводск, 1994; *Герд А. С.* Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-Запад России; *Логинов К. К.* Основные и «малые» этнографические зоны Заонежья XIX – начала XX в. // Там же; *Муллерен И.* Этнолингвистическая история Обонежья // Там же.

¹⁴ *Хартанович В. И.* Краниология карел.

Таблица 4. Средние размеры и указатели двух групп мужских черепов из могильника о. Кизи

№ по Мартину и др.	Признаки	I группа			II группа		
		n	X	sd	n	X	sd
1	Продольный диаметр	7	180,1	6,0	7	174,9	5,6
8	Поперечный диаметр	7	145,0	4,6	7	139,7	5,1
8 : 1	Черепной указатель	7	80,6	4,4	7	80,0	3,3
17	Высотный диаметр	7	141,0	4,5	7	127,4	3,0
17 : 1	Высотно-продольный указатель	7	78,3	3,0	7	72,9	3,1
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	7	97,4	6,2	7	91,3	3,2
9	Наименьшая ширина лба	7	98,3	6,2	7	92,4	3,0
45	Скуловой диаметр	3	134,3	2,5	4	131,8	5,6
48	Верхняя высота лица	4	72,3	7,9	3	70,0	1,7
55	Высота носа	5	51,0	7,4	4	50,5	4,1
54	Ширина носа	4	25,0	2,6	4	25,8	1,0
54 : 55	Носовой указатель	4	50,1	6,1	4	51,1	2,7
51	Ширина орбиты от mf	4	40,5	1,3	4	39,0	2,4
52	Высота орбиты	4	33,5	4,5	4	31,8	1,3
52 : 51	Орбитный указатель от mf	4	82,8	11,5	4	81,8	7,9
77	Назomalярный угол	5	142,6	4,2	4	143,0	2,8
zm'	Зигомаксиллярный угол	3	131,3	3,5	2	132,5	4,9
SC	Симотическая ширина	5	8,2	3,6	5	9,7	0,9
SS	Симотическая высота	5	3,8	1,8	5	3,7	0,4
SS : SC	Симотический указатель	5	47,8	11,2	5	38,5	3,8
DC	Дакриальная ширина	3	24,3	0,4	3	24,5	0,6
DS	Дакриальная высота	3	12,7	2,4	3	12,5	0,7
DS : DC	Дакриальный указатель	3	52,2	9,5	3	51,2	3,3
72	Общий лицевой угол	3	82,7	4,6	3	81,7	2,9
73	Средний лицевой угол	4	84,8	2,1	3	85,0	1,7
75	Угол наклона носовых костей	4	54,0	5,4	2	56,0	–
75 (1)	Угол выступания носа	3	27,3	10,2	2	26,5	–

Таблица 5. Значения канонических векторов для 63 близких к современности краниологических серий с территории Восточной Европы

№ по Мартину	Признаки	KB1	KB2	KB3
1	Поперечный диаметр	0,614	-0,163	0,605
8	Поперечный диаметр	-0,277	0,502	-0,055
17	Высотный диаметр	0,125	0,896	0,237
9	Наименьшая ширина лба	0,38	0,356	0,225
45	Скуловой диаметр	-0,139	0,368	0,565
48	Верхняя высота лица	0,476	0,448	-0,334
77	Назomalярный угол	-0,811	0,245	0,158
<zm'	Зигомаксиллярный угол	-0,415	-0,413	0,319
SS : SC	Симотический указатель	0,054	0,1	0,015
75 (1)	Угол выступания носа	0,559	0,385	0,297
% общей изменчивости		54,387	23,367	12,517

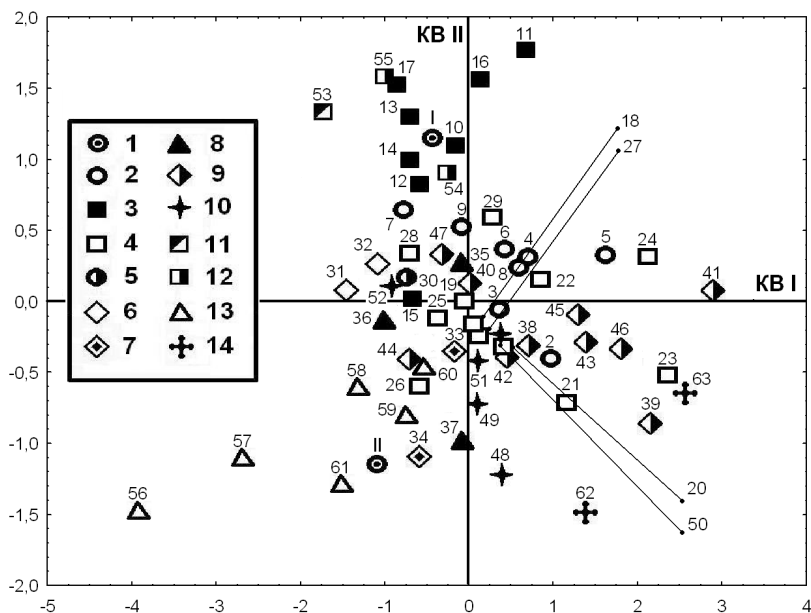

Рис. 2. Положение близких к современности краниологических серий с территории Восточной Европы в пространстве I и II канонических векторов:

I – «высокоголовая» серия с о. Кизи; II – «низкоголовая» серия с о. Кизи; 2 – русские; 3 – карелы; 4 – финны; 5 – коми-пермяки; 6 – удмурты; 7 – марийцы; 8 – мордва; 9 – латыши; 10 – эстонцы; 11 – ижора; 12 – коми-зыряне; 13 – саамы; 14 – шведы. Нумерация групп соответствует принятой в табл. 2

Вторая группа (низкоголовые черепа) занимает на первый взгляд несколько неожиданное положение – она сходна с саамами Финляндии и Кольского полуострова из прибрежных районов – Иоканга и Варзино, а также с некоторыми поволжскими финноязычными народами – луговыми марийцами, мордвой мокшей. В этой группе особенности черепов из Компаково, отличавшие их от остальных карельских, выражены ещё заметнее. Низкоголовые черепа из Кижей явно грацильнее черепов с очень высокой черепной коробкой, профилировка лицевого скелета ослаблена. Морфологические особенности, как и положение группы на графике, подтверждают сходство части черепов из Кижского погоста с черепами перечисленных групп населения. Следует отметить, что подобный комплекс признаков на краниологических материалах встречен впервые на территории Обонежья и Карелии в целом.

Саамы Финляндии и Кольского полуострова из прибрежных районов, поволжские финноязычные народы, хотя и расположены друг от друга на значительном географическом удалении, вместе с тем характеризуются общими основными элементами комплекса краниологических признаков. Весьма вероятно, что «низкоголовая» группа кижской серии черепов отражает реально существовавший в древности антропологический пласт населения Карелии (возможно, и гораздо более обширной территории), имеющий общее происхождение с предками современных саамов, волжских финноязычных народов. И в какой-то степени «закрывает», таким образом, северный территориальный разрыв между ареалами современного распространения грацильных, низкоголовых, с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица на обоих уровнях антропологических вариантов: Фенноскандия с одной стороны и Поволжье с другой.

Не исключено, что в «низкоголовой» группе кижских черепов проявляются и антропологические черты вепсского населения, присутствие которого в Обонежье, как уже отмечалось, фиксируется данными лингвистики и этнографии и которое, может быть, и служило своего рода мостом между западным и восточным ареалами. Так, некоторые исследователи выделяют специфические особенности вепсского языка, позволяющие видеть в вепсах «звено той цепи народов, которая соединяла прибалто-финнов с волжскими языковыми родственниками»¹⁵. Языковые особенности вепсов могли также являться следствием длительных волжско-финских (юго-восточных) импульсов в Обонежье¹⁶ или быть результатом древних контактов с вымершими субстратными языками Поволжья¹⁷. К сожалению, детально осветить на краниологических материалах антропологическую специфику вепсов в настоящее время не представляется возможным – представительные, близкие к современности серии черепов вепсов отсутствуют.

Таким образом, в краниологических материалах XVIII – начала XX в. с о. Кизи были выделены два морфологических компонента. Один из них обнаруживает ближайšie аналогии в сериях черепов карел и, по-видимому, в своем генезисе связан с древнейшим, мезолитическим, населением Восточно-Балтийского ареала¹⁸.

¹⁵ Häkkinen K. Suomalaiset esihistoria kielitieteen valossa. Helsinki, 1996 (цит. по: Муллонен И. Этнолингвистическая история Обонежья. С. 343).

¹⁶ Муллонен И. Этнолингвистическая история Обонежья.

¹⁷ Кожеватова О. А. Пути образования общего регионального лексического фонда на Европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1996.

¹⁸ Хартанович В. И. Краниология карел; Он же. Краниология ижор // Расы и народы. Вып. 30. М., 2004; Он же. О «лапоноидности» на Севере Европы...

Другой, фиксируемый на территории Карелии впервые, проявляет сходство с черепами части саамского населения Фенноскандии и Кольского полуострова, некоторых восточнофинских народов. Следует подчеркнуть, что такое антропологическое сходство, скорее всего, является следствием присутствия на территории Карелии древнего субстратного населения, вошедшего в результате длительного исторического развития лишь одним из компонентов в антропологический состав как собственно саамов, так и некоторых других финноязычных народов. Но его не следует напрямую интерпретировать как доказательство распространения на обширных территориях Восточной Европы населения, тождественного в языковом, этнокультурном, антропологическом отношении современным саамам севера Фенноскандии и Кольского полуострова. Современные саамы крайнего севера Европы имели свою собственную историю развития. И особенности отдельных серий черепов саамов, происходящих из центральных районов Кольского полуострова¹⁹, древние находки на Кольском полуострове²⁰ свидетельствуют о том, что в основе формирования их антропологического облика, скорее всего, лежал иной, нежели представленный в материалах с о. Кизи, антропологический пласт.

¹⁹ Хартанович В. И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез. Сборник к 75-летию И. И. Гохмана. СПб., 2004.

²⁰ Хартанович В. И. О «лапоноидности» на Севере Европы...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова Дарья Дмитриевна, старший научный сотрудник отдела фольклора музея-заповедника «Кижь»,

Воробьева Евгения Анатольевна, специалист по экспозиционно-выставочной работе музея-заповедника «Кижь»,

Воробьева Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, начальник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижь»,

Герасимова Елена Викторовна, специалист по фольклору музея-заповедника «Кижь»,

Герман Константин Энрикович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижь»,

Гущин Борис Александрович, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижь»,

Гущина Виола Анатольевна, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижь»,

Жульникова Светлана Николаевна, ведущий методист музея-заповедника «Кижь»,

Иванова Людмила Ивановна, младший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

Крохин Владимир Анатольевич, архитектор-реставратор, до выхода на пенсию сотрудник Карельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской,

Кузнецова Валентина Павловна, кандидат филологических наук, начальник отдела фольклора музея-заповедника «Кижь»,

Лебедева Ольга Владимировна, студентка Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова,

Лойтер Софья Михайловна, доктор филологических наук, профессор Карельского государственного педагогического университета,

Мельников Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе музея-заповедника «Кижь»,

Миронова Валентина Петровна, научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

Михайлов Евгений Петрович, этномузыковед, сотрудник Республиканского центра национальных культур,

Набокова Ирина Игоревна, старший научный сотрудник отдела фольклора музея-заповедника «Кижь»,

Нилова Ольга Константиновна, кандидат искусствоведения, доцент Карельского государственного педагогического университета,

Пигонин Александр Михайлович (1919–1973 гг.), выходец из заонежской деревни Лонгасы, участник Великой Отечественной войны, последние годы жизни работал в системе МВД,

Платонов Владимир Георгиевич, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Музея изобразительных искусств Республики Карелия,

Пуцко Василий Григорьевич, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Калужского областного художественного музея,

Савицкий Алексей Александрович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

Трифорова Людмила Викторовна, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижич»,

Урванцева Наталья Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Карельского государственного педагогического университета,

Хартанович Валерий Иванович, кандидат исторических наук, заведующий отделом антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,

Широбоков И. Г., лаборант отдела антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

- Б. А. Гущин.** Из опыта реконструкции интерьера крестьянских жилищ в музее «Кижы». Интерьер дома Бутина из деревни Пялозеро Пудожского района Республики Карелия 3
- Л. В. Трифонова.** Традиционный интерьер избы пряжинского карела-ливвика из окрестностей Ведлозера начала XX века 21
- А. М. Пигонин.** Воспоминания заонежанина (*Публикация подготовлена С. В. и Е. А. Воробьевыми*) 27
- С. Н. Жульникова.** Гендер в предметном коде культуры: символ и архетип (на материале славянских обрядов первого года жизни) 61
- Е. В. Герасимова.** Музыкальное образование в Олонецкой губернии в 1918–1920 гг. (по архивным документам) 80
- Е. П. Михайлов.** Традиционные музыкальные инструменты Онежско-Белозерского межозерья 91

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- И. И. Набокова.** Поэзия пестования Водлозерского края 116
- С. М. Лойтер.** Возвращаясь к деятельности учителя-краеведа Ф. И. Дозе... 130
- Д. Д. Абросимова.** Жатвенная обрядность и фольклор (на материале Заонежья и Пудожья конца XIX – первой трети XX века) 139
- В. П. Кузнецова.** Создание электронного научного фонда по фольклорному архиву Института ЯЛИ КарНЦ РАН 151
- Л. И. Иванова.** Из истории собирания карельской мифологической прозы 157
- В. П. Миронова.** К вопросу о собирании карельского фольклора в городской среде 162
- О. В. Лебедева.** Севернокарельские *piirileikkät* в экспедиционных записях конца XX – начала XXI столетия 168
- Н. Г. Урванцева.** Учебно-исследовательская лаборатория фольклора Карельского государственного педагогического университета 172
- А. А. Савицкий.** Устная история села Шелтозеро 175

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Г. Платонов. Местный ряд иконостаса часовни Успения Пресвятой Богородицы в деревне Васильево на острове Киж и некоторые вопросы развития иконописи Заонежья конца XVII – начала XVIII века	179
В. Г. Пуцко. Храмовая икона Преображенской церкви Кижского погоста	188
О. К. Нилова. Поэтика эсхатологической темы в древнерусской художественной традиции на Русском Севере	201
НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО	
В. А. Гущина. О колокольне Кижского архитектурного ансамбля (время создания и восприятие образа)	212
В. А. Крохин. Язычество, христианство и старообрядчество в древнерусском зодчестве	232

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

И. В. Мельников. Материалы раскопок энеолитического поселения Вожмариха 19 в южном Заонежье	276
К. Э. Герман. Новые исследования мезолитических поселений в окрестностях острова Киж	300
В. И. Хартанович, И. Г. Ширококов. Некоторые итоги изучения краниологической серии из могильника на острове Киж	311
Сведения об авторах	326

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 12

Обложка выполнена по образцу сборника «Кижский вестник № 5»
(издательство ПетрГУ, 2000 г.; оформление *Л. Л. Лангинен*,
фото *В. М. Парккинена*)

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Г. А. Тимонен*

Подписано в печать 26.06.2009 г. Формат 90×60^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 20,0. Усл. печ. л. 19,2. Тираж 300 экз. Изд. № 19. Заказ № 810.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
